

АЛЕКСЕЕВ
Михаил Васильевич
1857–1918

АЛЕКСЕЕВ

Алексей Шишов

ПОСЛЕДНИЙ СТРАТЕГ

РОМАН

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш 65

Оформление
В. И. Харламова

Шишов А. В.

Ш 65 Алексеев: Последний стратег: Роман / А. В. Шишов – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 525, [3] с.: ил. – (Белое движение).

ISBN 5-17-021767-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-07903-1 (ООО «Издательство Астрель»)

Новый роман известного писателя-историка Алексея Шишова посвящен выдающемуся полководцу Первой мировой войны, «зачинателю» Белого движения М. В. Алексееву (1857–1918).

Впервые на русском языке подробнейшим образом прослеживается весь жизненный путь генерала от инфантерии Алексеева. Убедительность и достоверность книге придают широко используемые документы: боевые приказы, донесения, выдержки из писем, дневников, газет и многие другие.

УДК 821.161.1-131.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 26.10.2003. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,28.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1736.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

ISBN 5-17-021767-6
(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-07903-1

(ООО «Издательство Астрель»)

© А.В. Шишов, 2004

© ООО «Издательство Астрель», 2004

ISBN 5-17-021767-6

9 785170 217670

ПРЕДИСЛОВИЕ

В более чем тысячелетней истории наше Отечество не раз оказывалось на перепутье, когда решалась в бескомпромиссных кровавых катаклизмах его судьба. Такими перепутьями в начале прошлого, XX столетия стали две войны: Первая мировая и последовавшая сразу за ней Гражданская.

Каждую из войн во многом определяли личности, будь то государственники или полководцы, рвавшиеся к власти и осуществлению своих идей революционеры или фигуры с темным прошлым, но оказавшиеся на гребне разбушевавшейся политической стихии.

Первая мировая война в истории старой России сыграла поистине трагедийную роль. Русскими историками и публицистами она называлась и Великой, и Отечественной, долгое время, три четверти века, оставаясь как бы в тени Гражданской войны, и вполне могла считаться «забытой» в памяти народной.

В несправедливом забвении находились и многие полководцы Первой мировой войны, за исключением разве что одного генерала от кавалерии А. А. Брусилова, перешедшего на службу в Красную армию и не ставшего жертвой так называемых «сталинских репрессий».

Среди таких забытых военных вождей старой России оказался прошедший тернистым путем четырех больших войн генерал от инфантерии М. В. Алексеев, сын простого николаевского солдата, командующий фронтами, начальник штаба Ставки императора Николая II, Верховный главнокомандующий в 1917 году. Бывший главнокоман-

дующий вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант А. И. Деникин так оценивал в своих мемуарах «Очерки русской смуты» роль Алексева:

«Когда говорят о русской стратегии в мировую войну, то надлежит помнить, что с августа 1915 года эта стратегия – исключительно личная Михаила Васильевича Алексева. Он один несет историческую ответственность за ее направления, успехи и неудачи. Никто не имел, кроме него, столь решающего влияния на стратегические решения».

Генерал Алексеев, пытаясь повернуть колесо истории вспять, стал «зачинателем» Белого дела в конце того же 1917 года, положив начало созданию Добровольческой армии. Родоначальницей ее стала подпольная Алексеевская военная организация.

Гражданская война в России считается величайшей исторической драмой нашего Отечества, подлинной его трагедией. Бывший царский генерал Алексеев и его сподвижники, встав на путь вооруженной борьбы с властью партии большевиков, свято верили в то, что они, жертвуя собой, спасают Российскую державу от хаоса и анархии, борются за ее великую государственность.

Белое движение в ходе Гражданской войны проиграло Красной армии и власти Советов. Сотни тысяч белогвардейцев оказались в эмиграции. Но имя «зачинателя» Белого дела осталось по сей день незапятнанным, тогда как имя и дела полководца и стратега Первой мировой войны оказались вымаранными из истории. Если о нем и говорилось, то только в самых темных тонах.

Настоящая книга посвящается генералу Михаилу Васильевичу Алексеву, человеку великой судьбы, жизненный путь которого закончился в кровавых терниях Гражданской войны. Человеку, который всегда помнил о своем воинском долге перед Отечеством.

Автор

Алексей Шишов

ПОСЛЕДНИЙ СТРАТЕГ

РОМАН

Часть первая НАЧАЛО ПУТИ

Глава первая УЧИЛИЩЕ. ПОЛК. АКАДЕМИЯ

ама судьба готовила Михаила Васильевича Алексеева к военному поприщу. Сын пошел по стопам отца, что было традицией для офицерских семей, давших Российской императорской армии и флоту немало известных военных династий.

Будущий генерал от инфантерии родился 3 ноября 1857 года на Смоленщине в городе Вязьме (или, по одной из версий, в одной из глухих деревень Тверской губернии). Таким образом, в Гражданскую войну, которая стала апогеем его жизненного пути, Алексеев вошел уже на закате зрелости.

Алексеев-старший мог послужить для живописца кисти и слова типичным нижним чином Русской армии эпохи императора Николая I. Начав службу солдатом-рекрутом из числа кантонистов, Алексеев стал сверхсрочнослужащим. После многих лет солдатской службы выбился в фельдфебели, а затем успешно сдал экзамен на первое офицерское звание, будучи произведен в прапорщики.

Думается, что его офицерская служба сложилась вполне удачно. Василий Алексеев оставил воинскую службу, выйдя в отставку с полной пенсией в чине штабс-капитана 64-го пехотного Казанского полка. Для человека, не получившего военного образования, не имевшего дворянской

родословной, такое завершение армейской службы неудачным назвать никак было нельзя. Подтверждением тому стало и несколько орденских наград.

Его жена Надежда Ивановна происходила из дворянского рода Галаховых, известного тем, что он дал немало людей образованных, знаменитых в интеллигентских кругах. Михаил получил хорошее домашнее воспитание и начальное обучение, что, несомненно, являлось прежде всего заслугой матери. Надежда Ивановна умерла, когда сыну исполнилось пятнадцать лет. Отец же был всецело поглощен полковой службой и много времени сыну уделить просто не мог.

Михаил Алексеев поступил в Тверскую классическую гимназию, однако учебу в ней он не закончил, решив «досрочно» связать свою судьбу с армейской службой. Недоучившийся гимназист в 1873 году поступает вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк московского гарнизона. Так делали многие дворянские дети, «спешившие» стать офицерами. Звание вольноопределяющегося давало им право в скором времени или сдать экзамены на первый офицерский чин, или поступить в военное училище. В последнем случае юные дворяне, прошедшие несколько лет полковой школы, имели известные преимущества перед недавними гимназистами.

К чести вольноопределяющегося Михаила Алексеева, он время даром не терял. Неся полковую службу, он «заочно» завершил курс классической гимназии. Поэтому, когда пришло время поступать в военное училище, полученные знания позволили гренадеру-ростовцу успешно преодолеть вступительный экзаменационный барьер.

В 1876 году Алексеев успешно завершил курс обучения в Московском пехотном юнкерском училище и был выпущен в 64-й пехотный Казанский полк, в котором его отец прошел многолетнюю службу. «Высокое» начальство в просьбе не отказало:

– Прапорщик Алексеев. Хочу заметить, что вы можете за успехи в учебе начать службу не в армейской пехоте, а в Гренадерском корпусе. Вы же служили в нем, как говорится в вашем формулярном списке?

– Точно так, ваше превосходительство. Служил вольноопределяющимся в Ростовском полку.

– Так почему бы вам не попроситься опять в этот прославленный полк? Служба в нем даст хорошую перспективу на будущее. Думаю, что вас там не успели забыть.

– Ваше превосходительство, я бы хотел начать в полку, в котором служил мой отец.

– Что это за полк?

– Шестьдесят четвертый пехотный Казанский полк.

– Хороший полк. Имеет боевую биографию. До какого чина дослужился в нем ваш отец?

– До чина штабс-капитана.

– Что ж, неплохо для армейского офицера. Ваш отец был дворянином по родословной или получил дворянство за офицерство?

– За офицерство. Он из сверхсрочнослужащих армии государя императора Николая I.

– Ваш батюшка, вероятно, в Крымской кампании участвовал. Казанский пехотный полк в ней своей чести не уронил.

– Участвовал, ваше превосходительство. Станислава и Анны с мечами удостоился.

– Тогда, господин прапорщик, желание послужить в отцовском полку, похвально. Ваша просьба будет уважена. Это я вам гарантирую.

– Премного благодарен, ваше превосходительство.

– Желаю вам, прапорщик, удачи в армейской службе...

Казанский полк в последующем входил в 16-ю пехотную дивизию, которая квартировала в городе Белостоке и его окрестностях на востоке Царства Польского. В состав дивизии входили 61-й пехотный Владимирский полк, 62-й пехотный Суздальский генералиссимуса князя Суворова полк и 63-й пехотный Углицкий генерал-фельдмаршала Апраксина полк.

Казанцы могли гордиться родословной своего полка. Он вел ее с 25 июня 1700 года, то есть со времени правления последнего русского царя и первого Всероссийского императора Петра Великого. Полк участвовал во многих воен-

ных кампаниях на протяжении двух столетий. Свой праздник войны-пехотинцы отмечали 15 августа.

Как начинающему офицеру Алексееву в известной степени повезло. В июне 1877 года 64-й пехотный Казанский полк в составе русской действующей армии оказался на берегах Дуная. А с началом войны с Турцией за освобождение Болгарии от векового османского ига прапорщик Михаил Алексеев прибыл на поле брани.

После форсирования Дуная у Зимницы пехотинцы-казанцы вошли в состав отряда легендарного генерала Скобелева. Полку довелось участвовать в боях за крепость Плевну, в которой укрылась турецкая армия. Алексееву пришлось одно время исполнять обязанности скобелевского адъютанта и выполнить немало опасных для жизни поручений «белого генерала».

Под Плевной Михаил Алексеев получил ранение в ногу, которое, к счастью, серьезным не оказалось. Офицер благодаря заботам медиков остался в строю.

Плевенские «дела» оставили свой след и в боевых наградах будущего полководца Первой мировой войны. Он их получил три за освободительный поход в Болгарию, в том числе ордена Святой Анны и Святого Станислава, данные «за храбрость».

Однако боевые награды и блестящая характеристика, данная генералом Скобелевым, не повлияли на служебную карьеру Алексеева. После войны он на протяжении десяти лет тянул ляжку строевого армейского офицера в родном ему отцовском Казанском полку. Получил чины подпоручика – в октябре 1878 года и поручика – через пять лет. Взлетом по служебной лестнице это назвать никак было нельзя.

В течение двух лет поручик Михаил Алексеев командовал пехотной ротой. Именно она стала стартовой ступенькой, которая позволяла ротному командиру отправить по команде прошение о разрешении поступать в военную академию.

В 1887 году штабс-капитан Алексеев после сдачи вступительных экзаменов становится слушателем Николаев-

ской академии Генерального штаба. Армейскому офицеру пришлось в ее стенах нелегко, но выручили природное трудолюбие и стремление познать академические науки. Уже тогда Алексеева среди других отличали вдумчивость и серьезность в отношении к служебным делам и глубина познаний тактических вопросов.

Николаевскую академию Генерального штаба капитан Михаил Алексеев закончил в 1890 году по 1-му разряду, став в своем выпуске первым по успеваемости. За отличия в учебе он удостоился почетной для слушателя академии Милютинской премии в одну тысячу рублей ассигнациями.

Восхождение Алексеева по служебной лестнице началось с причисления его в составе лучших выпускников академии к корпусу офицеров Генерального штаба. Капитан получил назначение старшим адъютантом в штаб 1-го Армейского корпуса, расквартированного в столичном военном округе. На этой должности Алексеев пробыл довольно долго: целых четыре года. Но за это время он основательно познал азы штабной и оперативной работы в армейских войсках, что потом сослужит ему хорошую службу, особенно в Русско-японской войне.

Капитану Алексееву пришлось некоторое время преподавать военную администрацию и руководить топосъемками в столичном Николаевском кавалерийском училище. Знавший его с той поры А. М. Драгомиров, будущий генерал и сподвижник по Белому движению, писал:

«Уже пожилой капитан Генерального штаба с суровым взглядом близоруких глаз, прикрытых очками, с резким голосом, он вначале на нас, юнкеров, навел страх своей требовательностью и порядочную скуку своим предметом, нагонявшим тоску. Но вскоре под его суровой внешностью мы нашли простое и отзывчивое сердце. Он искренне хотел и умел научить нас необходимой для военного человека науке...

Злейший враг лени и верхоглядства, он заставлял и нас тщательно исполнять заданные работы».

Познания Алексеева в академических науках, его перспективность как генштабиста не остались неостребован-

ными. В мае 1894 года он переводится на службу в канцелярию Военно-ученого комитета Главного штаба. Первая должность была невысокой – младший делопроизводитель.

Военно-ученый комитет, как структура Главного штаба, имел в мирное время особое предназначение. В нем составлялись планы войн с вероятными противниками и разрабатывались вопросы стратегического развертывания сухопутных сил России на случай войны на Западе, Востоке и Юге. В Военно-ученый комитет отбирались офицеры и генералы с хорошим тактическим мышлением, способные заниматься разработкой и стратегических задач. Попасты в ВУК случайный человек, пусть и с академическим образованием, просто не мог. Отбор был тщательным и пристрастным.

За Алексева говорило многое. И блестящее окончание Николаевской академии Генерального штаба, и большой опыт пехотной полковой службы, и боевые награды за Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, и «примерное» исполнение обязанностей офицера штаба 1-го Армейского корпуса столичного округа.

Для дальнейшего продвижения по службе не доставало одной строчки в послужном списке. Начальство пошло на помощь, и Алексеев проходит цензовое командование пехотным батальоном.

В 1895 году Михаил Васильевич женился. Его супругой стала Анна Николаевна Щербицкая. Вскоре она родила первенца – дочь Клавдию, в 1906 году родилась вторая дочь – Вера, а в 1908 году – сын Николай.

Семья офицера Генерального штаба жила дружно, довольно скромно, хотя и не бедно. Любя жену и детей, Михаил Васильевич все же целиком отдавался службе и дома бывал мало. Однако ни один человек, хорошо знавший Алексева, никогда не называл его карьеристом или служакой в плохом понимании этих слов.

Одновременно с работой в ВУК Алексеву доверили преподавание на кафедре русского военного искусства в Николаевской академии Генерального штаба. Преподаватель-

ской работой он занимался с большим удовольствием и не без успеха. В 1898 году он становится экстраординарным (то есть внештатным) профессором, а через три года – заслуженным ординарным (штатным) профессором академии, являвшейся высшим военным учебным заведением России.

К этому времени относятся первые научные публикации Михаила Васильевича, которые были посвящены боевым действиям Отдельного Кавказского корпуса в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов и осаде крепости Карс. Полковник Алексеев, который тогда находился на Балканском театре военных действий, проявил немалую заинтересованность при изучении войны в горах Закавказья.

Генерал-лейтенант А. П. Богаевский, один из предводителей Белого движения на Юге России, писал:

«...Спустя годы я снова встретился с Михаилом Васильевичем, теперь уже в Академии Генерального штаба, как со своим профессором по истории русского военного искусства. Он остался таким же кропотливым и усердным работником, прекрасно излагавшим свой далеко не легкий предмет. Он не был выдающимся талантом в этом отношении, но то, что нужно нам было знать, он давал в строго научной форме в сжатом образном изложении.

Мы знали, что все, что он говорит, – не фантазия, а действительно так и было, потому что каждый исторический факт он изучал и проверял по массе источников».

Вскоре стал проявляться немалый интерес Алексева к личности всероссийского монарха Николая II. Причина крылась даже не в том, что полковник корпуса офицеров Генерального штаба стал частым участником самых различных церемоний, на которых присутствовали государь и члены династического семейства Романовых. Алексеев видел в последнем русском царе человека, мало походившего на своего венценосного отца Александра III, умевшего твердо держать в своих руках бразды правления великой державы.

Для будущего полководца фигура полновластного монарха была интересна прежде всего с позиций его заботы

о военной силе России, способности обеспечивать безопасность огромного государства на востоке Европы и севере Азиатского континента. Михаил Васильевич, в силу определенного домашнего и военного воспитания, смотрел на все политические процессы, происходившие в стране, с позиций откровенного и убежденного «государственника».

Как-то в одной из дискуссий среди профессоров кафедры русского военного искусства Николаевской академии Генерального штаба был затронут вопрос о необходимости новой военной реформы. Причем спор повели люди, которые не только воочию видели ход милютинской военной реформы, законом о всеобщей воинской повинности изменившей лицо русской армии, но и занимались анализом результатов преобразований в военной области.

Алексеев, в силу своей природной сдержанности и некоторой молчаливости, сперва только слушал коллег по кафедре, обсуждавших недавнее событие, «прогремевшее» по всей Европе и ее дальним окраинам. Суть состояла в том, что российский император выступил в 1899 году с инициативой созыва первой в мировой истории конференции по разоружению. Николай II предлагал провести ее в голландской столице Гааге. По этому вопросу академическая кафедра разделилась на два лагеря:

– Мирная инициатива государя может изменить мир к лучшему, избавить его от большинства военных конфликтов. Прежде всего крупных, общеевропейских.

– Военных конфликтов избежать практически нельзя. Об этом свидетельствуют и мировая история и история России.

– Но ограничение вооружений и разоружение части военной силы государств сделает менее заманчивой ее применение при решении конфликтов.

– Государь и его министры не учли, что экономика Германии, Англии да и наша, российская, во многом преуспевает благодаря военным заказам. Это же известный факт.

– Военные заказы можно планомерно сокращать, доводя их до разумных пределов.

– Тогда любая армия, любое правительство лишается возможности должным образом подготовиться к вероятной или ожидаемой войне.

– Но и эти вопросы в сторону мира можно решить положительно на предлагаемой государем конференции в Гааге.

– Такой конференции однозначно не будет.

– Почему же не будет? Предложение сейчас изучается во всех европейских столицах. С ними знакомятся в Вашингтоне, Токио, даже в Стамбуле.

– Знакомство еще не означает приветствие. Пока только в шведской печати появились публикации, одобряющие инициативу нашего царя. Газеты остального мира, кроме социалистических антиправительственных изданий, про разоружение пока помалкивают.

– Время на осмысление предложения еще не прошло. Предложить Европе разоружиться – такого еще не было.

– Значит, есть поле для размышлений, для политического волеизъявления монархов и республиканских правительств.

– Но ни те, ни другие разоружаться не посмеют.

Полковник Алексеев, к числу старожиллов кафедры не относившийся, до того молчавший, позволил себе высказаться:

– Чтобы пойти на созыв конференции по разоружению, правителям надо иметь политические способности военных вождей.

– Вы хотите сказать, Михаил Васильевич, что наш государь таких способностей не имеет?

– Нет. Такой мысли я не утверждаю. Но каждый монарх во многом подвластен своему окружению. Вот о его политических способностях я и хочу сказать.

– Тогда ваше мнение: состоится ли в голландской Гааге конференция по разоружению или нет?

– Могу убежденно сказать, что такой конференции на уровне глав правительств в обозримом будущем не предвидится.

– Обоснуйте ваше утверждение.

— Разоружение возможно только при добровольном обоюдном согласии. Но пойдет ли на такой шаг османская Турция, которая цепляется за Балканы, Прусское королевство, превратившееся в Германскую империю, или Япония, которая размещает военные заказы где только можно? Вот в чем вопрос.

— Здесь спорить не приходится. В Стамбуле, Берлине и Токио никому из власть держащих разоружение даже не приснится.

— Тогда реальность созыва Гаагской конференции сводится практически к нулю. Значит, спорной проблемы просто нет.

— А как же тогда понимать инициативу России, которая разошлась по европейским столицам?

— Думаю, что она останется для истории только инициативой российской дипломатии.

— И это все?

— Конечно. Наши дипломаты, как порой кажется, лишены чувства реальности и потому демонстрируют европейским столицам отсутствие политических способностей.

— Резковато сказано, Михаил Васильевич. Но таковы наши сегодняшние реалии.

— Дай Бог, чтобы ими не обладали военные вожди России, за идеей разоружения не просмотрели вооружение соседей на континенте...

Алексеев до и после революционного потрясения 1917 года считал, что император Николай II обладал немалыми политическими способностями. Здесь он был противником тех, кто утверждал, что у последнего Романова «отсутствуют политические способности» управления Российским государством.

По умозаключениям Алексеева, государь свои политические решения принимал вовсе не под чьим-то влиянием. Николай II был человеком на российском престоле откровенно мягким, но не слабым. Непоколебимым он становился там, где ему не позволяли поступать иначе жизненные принципы. Хорошо известно, что в политике, при решении военных вопросов, как и в личной жизни, Николай II

руководствовался «чистой совестью». Но при управлении государством такой метод далеко не всегда приносил ожидаемые плоды.

Поэтому инициатива российского императора о созыве в 1899 году первой в мировой истории конференции по разоружению в Гааге, конечно же, была обречена на неуспех. Инициатива оказалась «гласом вопиющего в пустыне», под которой подразумевался мир на рубеже XX столетия. Мир, в котором назревала схватка за его передел.

Еще при службе в Генеральном штабе, при преподавании в Николаевской академии за Алексеевым сослуживцы замечали нерасположенность к Германии, к ее военной машине. Как-то раз Михаила Васильевича спросили:

— Почему у вас такая предвзятость в суждениях относительно Германии?

— Потому что она — наиболее вероятный противник России в Европе.

— Но ведь при определенной раскладке сил Берлин может стать военным союзником России.

— Вполне возможно. Но прочного российско-германского союза не случится.

— Наши дипломаты, вернее, часть их, считают такой союз вполне вероятным.

— Союзу России и Германии не бывать. Париж не позволит. И Лондон, хотя с Британией мы почти всегда были и есть в натянутых отношениях.

— Вы имеете в виду французские вклады в наши банки?

— Конечно, их. И то, что мы с Францией не имеем общей государственной границы.

— Но ведь Германия может пойти, как уже не раз было, на Запад. Под Парижем же пруссаки стояли.

— Верно, стояли. Только почему-то на французских и бельгийских землях в Берлине свободного жизненного пространства никто не видит. Эльзас и Лотарингия — это не степи Малороссии.

— Вы не германофил.

— Решительно нет. Да и к тому же в Европе никто так не готовится к войне, как германский кайзер...

Показательно, что когда полковник Алексеев читал академические лекции по истории русского искусства, то он особо упоминал отдельные страницы ратной летописи России. Это были Ледовое побоище – победное творение князя Александра Невского, Ливонские походы царя Ивана Грозного, Семилетняя война, в ходе которой русские войска овладели прусской столицей – городом Берлином. При этом Алексеев всегда напоминал слушателям:

– Победы в войнах – лучшая традиция Русской армии. Она будет продолжена и в наши с вами годы...

Служба шла привычным чередом, без каких-то всплесков в карьере офицера-генштабиста, осевшего на много лет в столице. В 1904 году последовало присвоение «по высочайшему соизволению» долгожданного чина генерал-майора.

Так будущий полководец императора Николая II, Временного правительства и Белого движения в 47 лет вошел в состав российского генералитета.

Вполне возможно, что на преподавательской работе профессор-генштабист мог достичь больших высот. По крайней мере, он имел немало задумок на новые военно-исторические труды. Михаил Васильевич даже заручился поддержкой на скорое будущее ряда издателей. Книги по истории Русской армии, особенно по Кавказской войне, пользовались спросом у читательской аудитории.

Но началась неожиданная для большинства сограждан война России с «неизвестной» Японией, и Алексеев, как когда-то в Русско-турецкую войну, отправляется на Дальний Восток по личному ходатайству.

30 октября его назначают генерал-квартирмейстером недавно сформированной 3-й Маньчжурской армии. Во главе ее встал командующий Одесским военным округом генерал Каульбарс, отправивший на Дальний Восток окружной VIII армейский корпус генерала Мылова.

Алексеев отправлялся на Дальний Восток среди тысяч и тысяч добровольцев из числа нижних чинов, офицеров и генералов, медицинских сестер и врачей. В 1904 году волна добровольческого порыва отправила на поля Маньчжу-

рии лучшую часть патриотически настроенных россиян, прежде всего военной молодежи.

Офицеры, и не только молодые, вольноопределяющиеся, другие военные, служители медицины писали в своих рапортах по команде такие слова:

«К чести Российского Отечества считаю, что мое армейское место сегодня на Дальнем Востоке...»

Глава вторая НА ПОЛЯХ МАНЬЧЖУРИИ

Михаил Васильевич Алексеев, попрощавшись с семьей, которая оставалась в столице, сел в поезд, следовавший до китайского Мукдена. Попутчиками были офицеры, почти все они были охотниками – то есть добровольцами.

Начиная от Омска вся железная дорога в восточном направлении была забита воинскими эшелонами. В Маньчжурию побатальонно перебрасывались полки и дивизии, батареи, различные воинские припасы, тылы. Навстречу двигались порожние железнодорожные составы и санитарные поезда с большими надписями и красными крестами на вагонах.

Алексеев до прибытия в действующую армию в числе большой группы офицеров Генерального штаба представился главнокомандующему, недавнему военному министру России. Настроение генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина было приподнятое, даже торжественное. На немой вопрос новоприбывших штабной офицер ответил:

– Его превосходительство только что вернулся со станции, вручал Георгиевские кресты тяжело раненым бойцам за бой под Сандепу. Он сильно растрогался, видя нестраченную бодрость духа русских солдат...

Куропаткин, одетый строго по форме, без «фронтальной вольности», с орденом Святого Георгия 4-й степени на груди, сразу узнал Алексеева, хорошо знакомого ему по войне на болгарской земле.

— Что, Алексеев, опять будем вместе? Как тогда в скобелевском отряде под Шлевой?

— Опять, Алексей Николаевич. На новой войне.

— В Маньчжурию, ты, генштабист, наверно сам напросился?

— Рапортом по команде. Начальник Генерального штаба не отказал с первой просьбы.

— Молодец! Очень рад тебя видеть вновь рядом. Дай я тебя поцелую. Ведь мы же с тобой скобелевцы.

Главнокомандующий на глазах у всех обнял прибывшего генерал-майора.

— Как время-то летит. С тобой я познакомился, когда ты был пехотным прапорщиком Казанского полка. А теперь ты уже в генеральском звании, да еще корпуса Генерального штаба.

— Но и вы на той войне у «белого генерала» штабом правили в чине полковника, ваше превосходительство.

— То была для России священная война. За веру православную, за свободу болгар. А здесь Восток. И подход к войне иной.

Куропаткин помолчал, потом принял представления других штаб-офицеров, прибывших из Санкт-Петербурга. На прощание сказал Михаилу Васильевичу:

— От нового генерал-квартирмейстера командующий 3-й Маньчжурской армией ждет многого. Барон Каульбарс прежде всего хочет видеть в вас надежного помощника. Толкового, тактически грамотного человека.

— Я постараюсь оправдать его надежды, ваше превосходительство.

— Что ж, такое заверение похвально. Телеграмма о вашем прибытии в штаб 3-й армии уже отправлена. Вопросы, просьбы ко мне есть?

— Никак нет. Вопросы могут быть только по службе.

— Хорошо. Тогда отправляйтесь на место. Заботьтесь прежде всего о духе солдата. Это определяет ход войны. И берегите людей, офицеров — с каждым боем потерь становится все больше.

С таким напутствием генерал-майор Алексеев прибыл в

армейский штаб генерала Каульбарса, где ему пришлось пробыть до самого окончания войны Российской империи со Страной восходящего солнца. Войны тактически и технически современной и поучительной.

Всю войну Михаил Васильевич прошел в должности генерал-квартирмейстера штаба 3-й Маньчжурской армии. Интересно то, что армейцы называли генералов из столицы «калошными». Но применительно к генштабисту Алексееву такое прозвище как-то не пристало.

Армией командовал генерал от кавалерии барон А. В. Каульбарс, до Маньчжурии успешно командовавший Одесским военным округом.

— Рад вас видеть, Михаил Васильевич. С прибытием на войну. Телеграмма о вашем назначении за подписью Алексея Николаевича Куропаткина мною получена сегодня утром. Как добрались?

— Вполне сносно. Если не считать того, что за Иркутском пришлось поезду катить по льду Байкала.

— Издержки Транссибирской железной дороги. Так и не построили обходную ветку южнее озера. Зато какое зрелище, этот Байкал! И зимой, и летом.

— Я обратил внимание, ваше превосходительство, как медленно поступают в Маньчжурию подкрепления. Не более полубатальона в сутки, по моим расчетам.

— Это действительно так. Японцам намного проще — войска на континент они перебрасывают морем. Без помех, заметьте.

— А что наша броненосная эскадра в Порт-Артуре? Ей же воевать в море.

— Артур в осаде. После гибели вице-адмирала Степана Осиповича Макарова и броненосца «Петропавловск» наши моряки словно забыли о войне в море. Там теперь ходят только броненосцы адмирала Того.

— А как дела в 3-й Маньчжурской армии? Вернее, в нашей 3-й армии?

— Как и в других. Стоим в бою стойко, но каждый раз главнокомандующий Куропаткин приказывает армиям отходить на новые позиции.

— Но ведь в России от армии ждут только победы. Настрой общества и государя однозначен.

— Такие ожидания приходят в Маньчжурские армии с каждым письмом из дома. А успехов больших все нет и нет. Впрочем, вы, Михаил Алексеевич, с этим скоро столкнетесь.

— С чего мне будет приказано начать исполнение обязанностей по службе, Александр Васильевич?

— Вам придется завтра с утра отправиться на станцию Суятунь и провести там рекогносцировку японской позиции. Есть надежда, что Куропаткин даст приказ ее атаковать.

— Приказание понятно. Какие будут к нему дополнения?

— Возьмите с собой двух-трех штабных офицеров. И обязательно десяток казаков из забайкальцев, на всякий случай...

Профессор Николаевской академии Генерального штаба сразу заставил говорить о себе в 3-й Маньчжурской армии, так как лично отправлялся на самые опасные рекогносцировки. Часто он проводил их, как это было у Суятуня, под пушечным и ружейным огнем японцев. Те сразу усматривали в небольшой кучке неприятельских конников важные персоны, поэтому не жалели снарядов и патронов.

Был случай, когда разорвавшийся неподалеку японский снаряд, начиненный «шимозой», поразил осколками коня генерала, а его самого взрывной волной выбросило из седла. Алексеев отделался тогда сильными ушибами или, как говорили, — «малой контузией». Сознание от удара о землю он все же на минуту-другую потерял.

Соскочивший на землю конвойный казак-забайкалец растормошил контуженного:

— Ваш бродь, вставай. Слышишь, третий снаряд япошки в нас посылают. Пристреливаются, значит.

— Слышу. Как мой конь?

— Наповал. Все осколки бедолага принял на себя.

— Еще кто-нибудь пострадал из людей?

— Нет, ваш бродь. Шимоза рванула перед вами. А вы были всех впереди. Только коней распугала по полю. Подика сдержки испугавшегося коня. Не удержишь.

— Ты какого полка будешь, казак?

— Четвертой сотни первого Аргунского полка Забайкальского войска. Приказной Христофор Алексеев.

— Тезка значит. Помоги-ка встать.

Казак помог генералу встать на ноги. Подвел ему своего коня и посадил в седло. К этому времени стали собираться другие участники рекогносцировки, испуганные взрывом снаряда кони которых понесли.

Оставшийся без лошади казак устроился за спиной одного из однопольчан. Японская батарея послала удалявшимся русским еще не один снаряд, но они падали то с недолетом, то с перелетом. Конники скакали молча. Только раз, повернувшись в седле, генерал-майор сказал приказному Алексееву:

— Что, тезка! Вижу, не страшна тебе японская шимоза.

— Пообвык, ваш бродь. На войне с первых ден.

— Награды есть?

— Нет еще.

— Значит, будет. За рекогносцировку и бесстрашие представлю тебя к медали «За храбрость». Георгиевский же крест заслужи в бою.

— Рад стараться.

— Смотри. В станицу с войны вернись кавалером Георгия. По виду ты из молодцов-забайкальцев...

Довольно скоро Михаил Васильевич понял, что многие неудачи русских войск в Маньчжурии напрямую связаны с личностью главнокомандующего. Куропаткин, боевой скобелевский начальник штаба, явно не годился для должности, которая требовала от него прежде всего самостоятельных, волевых решений. О наступательных действиях недавний военный министр России, похоже, даже и не помышлял.

Больше всего Алексева корбило в личности главнокомандующего то, что он «собственноручно» отдавал инициативу на войне противной стороне. Японцы умудрялись

браво наступать даже при меньших силах, постоянно грозя неприятелю обходными маневрами. Куропаткин же, обладая более многочисленной силой, даже не пытался охватить японские фланги. Речь шла о его тактической неподготовленности, он проигрывал маршалу Ивао Ояме во многом, и прежде всего в активности действий.

В «Аргентинском архиве» генерала Алексеева, который увидел свет в российском Отечестве в начале 90-х годов прошлого столетия благодаря заслугам его младшей дочери Веры Михайловны Алексеевой-Борель, хранится немало писем, которые Михаил Васильевич отправлял из Маньчжурии жене. В одном из них он пишет о том, как провел декабрьский день Рождественского сочельника:

«...За столом сказали, что 25-го к 10 часам утра начальник штаба Главнокомандующего приглашает в Чансамутунь на совещание. Изображая из себя начальника штаба 3-й армии (Алексеев в то время исполнял его обязанности. — А. Ш.), я ранее 9 часов вверзился на обозную телегу и отправился за 8 верст. В вагоне церкви звонили к обедне; не попасть туда!

Один из приглашенных опоздал, а с его прибытием сели за стол. В половине разговоров зашел сам Главнокомандующий, и дальнейшее совещание велось им, т. е. говорил, высказывая свои пожелания, неустановившиеся, без широты замысла, в которых за мелочами исчезла та общая идея, которая должна проникать всюду, не давая этим мелочам затемнять важное.

Пришли священники славословить, потом завтрак, но без участия самого Куропаткина.

Затем выяснение у генерала Сахарова (генерал от кавалерии, начальник полевого штаба главнокомандующего. — А. Ш.) второстепенных вопросов, и около 4 часов я снова на своей телеге затрясся по... пути в Ваньшитунь.

Порт-Артур... Это совещание. Нет, не весело, не бодро возвращался я домой. Если теплится вера, то в массу, а не в личность, которая руководит и правит... нашей армией».

Алексеев не мог забыть, каким был храбрецом Куропаткин под знаменами прославленного Скобелева, который однажды сказал начальнику штаба своего отряда:

— Алексей Николаевич. Ты хорош на штабных должностях. На них тебе цены нет. Но не дай Бог тебе оказаться на высокой самостоятельной должности...

Алексеев был наслышан об этих скобелевских словах. В Маньчжурии он понял, насколько прозорливо они были сказаны четверть века назад. Поэтому он и писал:

«...Если теплится вера, то в массу, а не в личность, которая руководит и правит... нашей армией».

Под массой Михаил Васильевич понимал нижних чинов, офицерство Русской армии в Маньчжурии. Под личностью — генерал-адъютанта Куропаткина, с годами растраившего немало лучших своих качеств, которыми блистал на болгарской земле.

Генерал-квартирмейстеру 3-й Маньчжурской армии не раз приходилось сталкиваться с главнокомандующим и в боевой обстановке. Показателен такой эпизод сражения у Сандепу в январе 1905 года, после которого русские войска отступили на север.

Алексеев находился в штабе армии. Около 12 часов дня ему позвонил начальник артиллерии куропаткинского штаба:

— Говорит начальник артиллерии штаба главнокомандующего. Кто на проводе?

— Генерал-квартирмейстер Алексеев.

— Возле вашего правого фланга изготовился для атаки 10-й корпус 2-й армии. Из его штаба мне только что доложили, что ваша армейская артиллерия до сих пор не начала огневой поддержки атаки корпуса. В чем дело?

— В штабе третьей армии нет приказа главнокомандующего о проведении огневой поддержки 10-го корпуса.

— Как нет! Об этом же говорилось на совещании у его превосходительства. Разве вы не присутствовали со своим командующим армией?

— Присутствовал. Но письменного приказа наш штаб так и не получил.

– Вы можете отдать приказ обстрелять армейской артиллерией японские позиции перед вашим соседом слева?

– Нет, не могу. У генерал-квартирмейстера, как вам известно, таких полномочий нет.

– Надо искать выход из положения. Полки 10-го корпуса уже вышли на исходные позиции для атаки. Что можно сделать?

– Выход, думаю, есть.

– Какой?

– На станции Суятунь стоит поезд главнокомандующего. Я скачу туда с просьбой отдать приказ об огневой поддержке атаки 10-го корпуса артиллерией нашей армии.

– Прекрасно. Только спешите. О решении главнокомандующего проинформируйте меня немедленно.

Куропаткин принял генерал-квартирмейстера в штабном вагоне, сидя за картой Южной Маньчжурии. На столе лежали телефонограммы и несколько неподписанных приказов.

– Ваше превосходительство. Начальник вашей артиллерии просит через меня отдать приказ о проведении огневой поддержки атаки соседнего 10-го корпуса. Цели нам известны.

Ответ главнокомандующего поразил спокойствием и благодушием:

– Огневая поддержка корпуса из армии генерала Гриппенберга от вас не потребуется.

– Позвольте спросить, почему?

– Я только что отправил приказ командующему 2-й армией ничего не предпринимать против японцев. Кроме атаки самого города Сандепу.

– Но в таком случае 10-й корпус пойдет без огневой поддержки.

– Корпус останется на позиции. Атаковать Сандепу будут полки другого армейского корпуса.

– ?!

– Я решил не рисковать под Сандепу. Лишние потери вдали от границ России не нужны.

– Но, ваше превосходительство, идет война. Как быть на ней без разумного риска?

– Войска надо беречь для решающего сражения. Я за них ответственен перед государем.

Михаил Васильевич писал о том случае из истории Русско-японской войны следующее:

«...С минуту на минуту можно было ожидать атаки 10-го корпуса, изолированной, неподдержанной. Полетели телеграммы, телефонограммы, и притом помимо прямого начальства. Куропаткин развенчал сразу свое звание Главнокомандующего и стал всем, – если бы можно, до ротного командира включительно.

Атаку успели приостановить. Разъяснение лежало на столе Куропаткина – позиция по 2-й армии. Когда она была получена и почему сразу не попала в руки по адресу – не знаю.

В ночь на 14-е получено категорическое сообщение Гриппенберга, что Сандепу взят, но с утра от многих офицеров, командированных в соседние корпуса, стали поступать сначала сбивчивые, а потом определенные сведения, что самая главная часть этого селения обращена в обширное укрепление, весьма сильное. Эта-то часть и не взята, а если не взята она – не сделано ничего.

И тут, по-видимому, сделано немало промахов в отношении подготовки артиллерией разведки раньше, чем лезть.

А в результате... и 15 января, когда я продолжаю, еще не окончено дело под Сандепу и вообще в западном районе. По-видимому, там понесены уже значительные потери, и как хотелось бы, чтобы они сплочены были успехом.

Но и теперь уже можно сказать, что нам недостает очень многого, кроме мною ранее высказанного: необходимость давать всякому действовать в пределах его обязанностей, самостоятельно, но под ответственностью...»

Все же начальный успех атаки японских позиций у Сандепу был несомненный. От главнокомандующего требовалось только наращивать усилия, оперировать огневыми налетами армейской артиллерии, приказывать распорядительно. Или иначе говоря – командовать атакующими войсками. В таких случаях генерал Алексеев говорил нижестоящим военачальникам:

— Мало у нас еще уменья вести бой. Много тратилось труда в мирное время на показную сторону армейской жизни...

— На войне надо воевать. Инициативно, тактически грамотно, стратегически верно...

— Нельзя атаку прерывать на полпути. Завершать только в случае явной неудачи, при несоразмерных боевых потерях или когда войска растеряют наступательный дух...

— Против австро-венгров и германцев надо воевать с учетом опыта войны в Маньчжурии. Опыт боев под Сандепу показывает, как не должно готовить наступление...

— Атака японских позиций у Сандепу была проиграна не полками, а армейским начальством. Которое не хотело побеждать...

Действительно, сражение за хорошо укрепленное китайское селение показало генерал-квартирмейстеру 3-й Маньчжурской армии, как нельзя воевать. Чем он, профессионал-оперативник, только ни занимался в дни проигранного русской армией сражения. Дни «пролетали» между телефонными разговорами, столом для служебных совещаний и беготней по штабу. Пришлось заниматься даже погрузкой батареи полевых пушек в железнодорожные вагоны, подменяя нижестоящего начальника.

Об оперативном же руководстве армейскими дивизиями, изготовившимися для атак, которые так и не состоялись, не было и речи. А ведь это было прямой служебной обязанностью генерал-квартирмейстера полевой армии. И никого другого, кроме командующего 3-й Маньчжурской армией генерала от кавалерии Каульбарса. У Алексева с ним состоялся непростой разговор:

— Александр Васильевич. Имею смелость заметить, что, в случае приказа главнокомандующего перейти в наступление, оперативное управление мы можем утратить.

— Откуда вы взяли, что Куропаткин прикажет нашей армии наступать?

— Соседняя армия, как явствует из полученных телефонограмм, уже имеет частные успехи.

— Ну и что из этого?

— В таком случае тактически верным будет приказ главнокомандующего о расширении фронта атаки за счет войск нашей армии.

— Такого приказа, Михаил Васильевич, мы не получим.

— Почему?

— Главнокомандующему известны не только частные успехи соседей, но и их частные неудачи. К тому же армия уважаемого мною Оскара-Фердинанда Гриппенберга несет большие потери. Даже при его шведской настойчивости успеха здесь не будет.

— Тогда как, по вашему мнению, поступит главнокомандующий? Будет он добиваться победы под Сандепу или прикажет атакующему корпусу вернуться на исходные позиции?

— Будьте уверены, Михаил Васильевич, в том, что войскам будет приказано отступить. Я жду телефонограммы с таким приказом с минуты на минуту.

— Но такое решение будет тактически неверно.

— Тактически неверно оно будет только в ваших устах. От своих штабистов Куропаткин таких слов не услышит. По крайней мере, пока он исполняет должность главнокомандующего.

— Но ведь должен же ему кто-то об этом сказать?

— Алексей Николаевич не любит, когда его поучает кто-то из подчиненных ему генералов. Пусть даже и тактически правильно. Учтите это на будущее. Вам, Алексеев, еще служить и служить...

Действительно, в тот день, 16 января, главнокомандующий Куропаткин отказался от дальнейшего достижения задуманной им цели. Ему вновь изменили решительность и последовательность в выполнении принятых и утвержденных операционных планов.

Повторялась ситуация предыдущих сражений. В куропаткинском штабе был отдан приказ войскам 3-й Маньчжурской армии отойти на позиции, занимаемые до 11 января:

«Атаку Сандепу прекратить. Полкам занять исходные позиции. Командирам обратить внимание на инженерное оборудование позиций батальонов и рот. Куропаткин».

В полках 10-корпуса не только офицеры, но и рядовые солдаты после неудачного сражения говорили друг другу:

– Сандепу едва не взяли, а теперь отступили назад...

– А для чего тогда столько людей потеряли? Чтобы японцы победу праздновали и себя славили...

– Для чего, скажите, братцы, мы атаковали эту Сандепу? Кому она была нужна?

– Почему порт-артурские стрелки сражаются, а мы только валенки протираем по китайским огородам...

Такие разговоры слышали и штабисты Каульбарса, и он сам. Старших начальников откровенно тревожило то, что подобные «упаднические» разговоры велись открыто. Если полковые и батальонные командиры в силу своего служебного положения еще «отмалчивались», то младшие офицеры, особенно те, кто прибыл в Маньчжурю добровольцами, не сдерживались.

Алексеев имел разговор с одним из таких «охотников». Поручика Евгения Ковалевского он знал по инспекции лейб-гвардии Финляндского полка. Тогда командир сумел представить инспектирующим генштабистам свою пехотную роту «сколоченным» боевым коллективом. Финляндцы радовали глаз выправкой, подтянутостью, знанием ружейных приемов и «примерной» стрельбой по мишеням на полковом стрельбище.

Ковалевский прибыл на войну после ряда рапортов на имя командующего Гвардией. В конце концов настойчивого ротного отпустили, и он стал командиром стрелковой роты сибиряков-второочередников из Енисейского края. О том, как воевал лейб-гвардеец, говорил орден Святой Анны с мечами.

– За что орден с мечами?

– За разведку боем у деревни Ляомынь у реки Ялу. Полк состоял в Восточном отряде генерала Засулича на Тюренченском участке.

– Похвально. Начало войны и уже орденская награда. На роту сколько главнокомандующий дал Георгиев?

– Наградил щедро, грех жаловаться. Четыре креста на роту пожаловал.

– А ротным офицерам?

– Золотое оружие «За храбрость» получил прапорщик Павел Дмитриев. Родом из томских староверов. Храбрец выше всяких похвал.

– Продвижение по службе Дмитриеву дано было?

– Нет. Саблей с Георгиевским темляком его наградили за доблесть и за тяжелое ранение. Когда брали японские окопы, первым ворвался. А в рукопашной попал под взрыв гранаты.

– И где он сейчас?

– Врачи-хирурги из полевого госпиталя вторую ногу ему спасли. Из армии отчислен по чистой инвалидности. Представление на чин подпоручика главнокомандующий подписал ему в день получения. Все дано по справедливости.

– При Сандепу где ваша рота находилась?

– В первой атакующей линии полка. Мои сибирские стрелки целый день промаялись, а в атаку так и не сходили. Хотя потери понесли.

– Это когда японские батареи обстреляли на передовой наши окопы?

– Точно так. Четверых осколками легко задело. Они и роту не оставляли для перевязки. Одного наповал, полковой батюшка уже под ночь отпел. Хороший боец был, взводный унтер-офицер. Георгия четвертой степени имел за Китайский поход.

– Настроение как у ваших солдат после отхода от Сандепу? Ропщут, как в других полках?

– Ропщут, но не столь слышно. Сибиряки – народ сдержанный от природы. Только приговаривают.

– Что приговаривают?

– Мол, на наш век в Маньчжурии боев хватит. Если не вчера, так завтра с японцами повоюем на штыках.

– А ты, поручик, что на сей счет думаешь? Если, разумеется, это не секрет.

– Секрета нет. Я из лейб-гвардии Финляндского полка перевелся в Сибирский стрелковый, чтобы повоевать за Отечество, а не в маневры играть с ретирадой каждый раз только назад.

— Ничего, не отчаивайся. Война только начинается. Будут у нас, поручик, еще победные дела.

— Дай Бог, чтобы они случились уже завтра...

В 1914 году, в самом начале Первой мировой войны Алексееву, генерал-лейтенанту и начальнику штаба Юго-Западного фронта, довелось еще раз услышать имя Павла Дмитриева, ротного командира лейб-гвардии Финляндского полка. Его пехотинцы штурмовали «пулеметную горку» германцев. Высоту взяли яростным приступом, но от роты осталось только две трети. Среди погибших оказался и Дмитриев.

Сведения о потерях финляндцев в тех атаках в штаб 1-й Гвардейской пехотной дивизии почему-то поступили с большим опозданием. Но донесение о взятии «пулеметной горки» пришло без промедления. Капитана Дмитриева представили к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени и внесли в списки на замещение освободившихся после первых боев должностей батальонных командиров.

Георгиевская дума Гвардейского корпуса, не откладывая дел на завтра, утвердила наградное представление. Оно было отправлено с фельдъегерем на высочайшее рассмотрение в Санкт-Петербург. Через день туда же поступили списки погибших в полках Гвардии в последних боях. В них значился и капитан Дмитриев. Поскольку в старой России тогда героев посмертно не награждали, то начальник императорской канцелярии собственноручно написал на представлении к ордену следующее:

«Представлено ошибочно по причине гибели отличившегося в боях капитана лейб-гвардии Финляндского полка Дмитриева. Сдать в архив».

Вспоминал офицера-финляндца Михаил Васильевич и тогда, когда ему пришлось, как начальнику штаба Киевского военного округа, знакомиться с материалами по истории Русско-японской войны 1904–1905 годов. Созданная при Генеральном штабе военно-историческая комиссия собрала обширнейшие материалы.

Среди прочего Алексеев особенно пристрасно изучал

материалы первых боев, в том числе и на реке Ялу (по-китайски, Ялуцзян). Поражало то, что Восточному отряду под командованием генерала М. И. Засулича, состоявшему на речном рубеже из отборных воинских частей, командование Маньчжурской армии приказало отступить, а не удерживать позиции. А сил у русских имелось здесь вполне достаточно: 3-я и 6-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии с их штатными артиллерийскими бригадами (20 батальонов пехоты и 64 полевых орудия), отдельная Забайкальская казачья бригада, Аргунский и Уссурийский казачьи полки (всего 24 казачьи сотни).

Поражало и другое в начавшейся войне: полная инженерная неподготовленность войск. Не случайно один из иностранных военных наблюдателей, состоявших при штабе 1-й японской армии генерала Темасады Куроки, английский капитан Р. А. Винсент так отзывался о русских полевых укреплениях на реке Ялу:

«Русские укрепления были самые первобытные. Расположение орудий на горах севернее Тюренчена было, можно сказать, совсем не прикрыто. Немного земли было насыпано около орудий, но не орудийных окопов, закрытия для прислуги не было вовсе».

«Пехотные окопы вдоль подошвы гор были просто брустверы из нарезанного здесь же дерна. Они были одеты ветками без всякой попытки к маскировке, не имели никаких искусственных препятствий впереди, не давали укрытия для голов и мало защищали от шрапнельного огня».

Тогда же генерал-лейтенант Алексеев приказал подготовить за своей подписью шифрованную телеграмму в штабы окружных штабов:

«Провести в полках и артиллерийских бригадах показательные учения по открытию окопов и сооружению батарейных позиций с учетом войны с Японией. Присутствие всех ротных и батарейных командиров на учениях обязательно. Об исполнении доложить в месячный срок. Начштаба округа генерал Алексеев».

Несколько позднее в штабе 3-й Маньчжурской армии стали известны все обстоятельства событий у Сандепу. Го-

ворили, что Куропаткин в душе был против, но уступил требовательным телеграммам российской столицы.

Наступление на Сандепу, как задумывалось в штабе главнокомандующего, началось ночью. Его предворяла артиллерийская подготовка из легких, скорострельных полевых орудий. Поэтому вражеские окопы оказались неповрежденными, а батареи японцев неподавленными. Две трети артиллерии наступавшей 2-й Маньчжурской армии (вновь!) оказались в резерве. 1-й Сибирский корпус генерала Г. К. Штакельберга быстрой атакой захватил всю линию реки Ханьхэ. Оборонявшиеся здесь японцы бежали.

К 22.00 следующего дня корпус выполнил поставленную перед ним задачу. Стрелки-сибиряки захватили укрепленные селения Сумапу и Хэгоутай, выбив из них японцев. Однако после ночного успеха наступление развивалось крайне медленно и застать в дальнейшем японское командование врасплох не удалось. Главнокомандующий Куропаткин даже не пытался ввести в дело готовые к атаке полки и дивизии 3-й Маньчжурской армии генерала Каульбарса.

Зато его соперник маршал Ивао Ояма немедленно стал усиливать свой левый фланг, подвергнувшийся сильной атаке. Чтобы парировать удар противника, он подтянул сюда значительную часть резервов. Значительно был усилен и без того немалый гарнизон большого китайского селения Сандепу, который с высоты господствовал над окружающей местностью. Его тактически выгодное положение стороны хорошо понимали.

Все утро следующего дня русская артиллерия бомбардировала Сандепу и прилегающие к нему позиции японцев, но без видимого успеха. Ровная местность, убранные поля гаоляна перед Сандепу были покрыты тонкой коркой льда. Сильный туман затруднял движение наступающих войск. Командиры батальонов и рот теряли ориентировку.

Из-за стелющегося по земле тумана часть атакующих полков перемешалась и вместо восточного направления взяла юго-восточное. В 600–800 шагах от ближайших гли-

нотных домов Сандепу наступавшие стрелки залегли. В течение шести часов, до самого сигнала к атаке, люди находились под ружейным огнем японцев, стрелявших из-за укрытий.

Командир 14-й дивизии, непосредственно наступавшей на Сандепу, генерал С. И. Русанов тщетно искал корпусного начальника, чтобы доложить ему обстановку. Не получив подкреплений и артиллерийской поддержки, дивизионный командир не осмелился начать общую атаку. Однако ночью два полка его дивизии ворвались в какую-то большую китайскую деревню, из которой после рукопашного боя бежала японская пехота.

Ночной успех дал повод генералу Русанову под утро отправить в штаб корпуса следующее боевое донесение:

«Дивизия поставленную задачу выполнила. Сандепу, вся разрушенная артогнем, в наших руках».

Через час об этом ночном успехе стало известно главнокомандующему. Генерал от инфантерии Куропаткин отдал следующий приказ командующему 2-й Маньчжурской армией Гриппенбергу:

«Воздержитесь от дальнейшей атаки, ограничиваясь удержанием Сандепу».

Куропаткин почему-то посчитал это укрепленное китайское селение «ключом» ко всей японской оборонительной позиции. В действительности Сандепу был только одним из ее узловых пунктов.

С рассветом, когда туман рассеялся, выяснилось, что 14-я дивизия с боем захватила не Сандепу, а находившуюся в 400 метрах севернее от нее деревню Баотайцзы, которая в течение двух дней подвергалась артиллерийскому обстрелу. А самое большое селение на высотах, то есть Сандепу, огонь батарей русской полевой артиллерии так и не затронул.

Дальнейшие попытки захватить Сандепу оказались бесплодными и успеха не имели. 14-я дивизия генерала Русанова, потеряв 1122 человека убитыми и замерзшими ночью в поле, отошла по приказу на исходные позиции. Туда, откуда она начинала ночную атаку.

Проигранная битва за Сандепу «призвала» Михаила Васильевича к безрадостным, но неизбежным раздумьям. В письме родным он говорил откровенно:

«Хуже то, что развитие дел наших медленное, тягучее, нерешительное, предоставляющее нашему противнику время выжидать подхода подкреплений и бесконечно укреплять свою позицию. Укрепления свои японцы устраивают мастерски, а мы, не производя достаточных разведок, бьем свои лбы. Что в нашем высшем командовании не все обстоит благополучно, указывает уход из армии Гриппенберга (генерала от инфантерии Оскара-Фердинанда Гриппенберга, члена Государственного совета, командующего 2-й Маньчжурской армией. — А. Ш.).

Пока еще не состоялось повеление о сдаче им должности, но отданный им приказ войскам армии звучит безвозвратным прощанием с ними. После боев под Сандепу он подал рапорт о болезни. В разговоре с нашим Командующим Куропаткин высказался в том смысле, что он не думал, чтобы человек в 67 лет успел так разрушиться, что он удивляется, зачем же Гриппенберг брался за должность, если здоровье его так расстроено.

Едва ли, однако, можно видеть в факте ухода «болезнь» главной причиной. Мой офицер, находящийся при штабе 2-й армии, даже в отрывочных телефонных и телеграфных сообщениях намекает на причины резкой разницы во взглядах на ведение войны Гриппенберга и Куропаткина.

Недостаточные средства, предоставляемые отдельным командующим армиями, и нагромождение резервов в собственных своих руках («мой стратегический резерв») — все это ведет к тому, что мы нигде не можем нанести удар широким, смелым размахом.

Стукаемся частями, теряем много, а успехи наши или скромны, или граничат с неудачами, но зато в утешение — наши стратегические резервы велики и нетронуты, конечно, до той минуты, пока и им не придет пора точно так же тыкаться в двери, за которыми прячется победа.

Очевидно, коренная разница во взглядах, малая самостоятельность, стремление к опеке заставили Гриппен-

берга сначала подать рапорт о болезни, а затем послать телеграмму Государю об отозвании.

Я не могу согласиться с этим решением Гриппенберга вполне оставить армию в критические минуты, но не могу не преклониться перед его шведской настойчивостью, перед ним самим, не остановившимся перед уходом, не пожелавшим стать игрушкой в чужих руках. У нашего (генерала Каульбарса. — А. Ш.) этого не будет, и он будет плясать под дудку, в которую ему будут дуть.

Все это, в общем, неладно. Все это затрудняет и отдаляет от нас желанную и нужную победу, вместе с тем и выход из того тяжелого положения, в котором находится Россия...»

...Русские войска медленно отступали на север, держась вдоль линии железной дороги, которая вела на Ляодун из Мукдена. Армейские контрразведчики из числа полевой жандармерии тревожили штаб армии своими донесениями о том, что в полках идет «ропот». Прямо называлась и причина: неудачная атака укрепленного японцами Сандепу и последующее отступление.

Вскоре командующий армией Каульбарс вызвал своего генерал-квартирмейстера и поставил перед ним задачу следующего характера:

— Михаил Васильевич. Получен приказ главнокомандующего об организации разведки сил противника. Вы ознакомились уже с ним?

— Да. Хочу заметить, что для истории Русской армии он весьма необычен.

— Чем же?

— В приказе главнокомандующего за каждого пленного японского солдата обещается платить взявшему в плен сто рублей. А за каждого плененного офицера — триста рублей.

— Но ведь до этого приказа число пленных японцев у нас было ничтожно. Все больше из числа случайных людей.

— Беда, Александр Васильевич, не в их числе. Мы и при большем числе пленных не выиграем.

— Почему не выиграем, если пленных японцев у нас станет больше? Особенно офицерского состава.

— Причина в том, что у нас в армии нет ни одного переводчика. А как без них вести допросы пленных?

— Но ведь было же приказание начальника полевого штаба главнокомандующего генерала Сахарова об использовании для этих целей переводчиков из числа местных торговцев-китайцев. Знающих русский и японский языки.

— У нас в штабе армии есть уже такие переводчики. Приказчики хабаровских и мукденских купцов. Согласились служить нам при одном условии.

— При каком же?

— Чтобы им платили жалованье серебром, а не ассигнациями.

— Вы ими довольны?

— Что вы, Александр Васильевич. Они и русский, и японский знают только разговорный, и то скверно. Но это еще полбеды. Беда с такими переводчиками в другом. Эти китайцы из купеческих приказчиков не умеют читать по-японски печатное. Поэтому мы ничего не можем почерпнуть из захваченных документов.

— И по этой причине вы все их отправляете в штаб главнокомандующего. Обидно за наше неустройство в разведке.

— Что делать. Отправляем не только солдатские и офицерские удостоверения, письма, какие-то свидетельства, но даже и топографические карты. А они же настоящий кладезь информации. Только умеи прочитать такую карту.

— Контрразведчики опекают ваших переводчиков?

— Опекают. С японской агентурой шутить не приходится. Где ее только нет. Что ни день, так наши патрули и боевые дозоры, особенно казаки, ловят всяких подозрительных лиц.

— Как из их числа вычисляют шпионов? Ведь здешние дороги полны торговцев, носильщиков и просто бродяг.

— Обыск дает порой удивительные находки. Наши позиции рисуются тушью на клочках шелка. На шелк наносится цифирь. Все это прячется китайцами в косах, бамбуковых палках, в швах халатов, в обуви. Только сумей найти.

— Что делаем с выявленными шпионами?

— Допросы мало дают. Пойманные почти все связники из числа нищих местных китайцев. За несколько серебряных монет они готовы на любую работу. Многие даже не понимают смысла шпионского дела. После допроса их передают в военно-полевой суд.

— Знаю. Читал уже не один приговор. Наши японских шпионов вешают, японцы нашим разведчикам из числа китайцев рубят головы самурайскими мечами.

— Что делать. Это проза войны.

— Давайте вернемся к приказу главнокомандующего о разведке. Надо его сегодня и завтра зачитать в ротах, казачьих сотнях и в батареях. Об исполнении доложить. Надеюсь, что пленных японцев станет больше.

— Слушаюсь, Александр Васильевич. Сейчас же прикажу приказ размножить и разослать в штабы...

В Маньчжурии генерал-квартирмейстеру Алексею довелось стать причастным к деятельности русского партизанского, а вернее — диверсионного отряда «Пинтуй», что в переводе с китайского означало «Все сбивающий перед собой». История этого «ответа» на создание японским командованием диверсионных отрядов из местных разбойников-хунхузов такова.

Хабаровский купец 1-й гильдии Тифонтай, китаец по национальности, решил из патриотических соображений помочь России в войне с нелюбимой им Японией. К своему «партизанскому делу» он привлек полковника войск одного из маньчжурских губернаторов Чжана Чжэнюаня. Купец желал «послужить на пользу русских» и воинский отряд создал на собственные деньги. А энергичный и опытный в военном деле «безработный» полковник, тоже не любивший японцев, безвозмездно руководил действиями «Пинтуя», наведя в его рядах железную дисциплину.

Целью созданного на деньги китайского купца с берегов Амура отряда было ведение разведки и партизанских действий в японском тылу. В состав «Пинтуя» вошли 500 человек, набранных из бывших китайских солдат, полицейских и хунхузов. Командирами стали бывшие офицеры

и унтер-офицеры регулярной императорской армии Китая. Вооружение состояло из русских 3-линейных винтовок кавалерийского образца.

При отряде находился русский офицер с десятью конными казаками и два фельдшера. «Пинтуй» действовал преимущественно на левом фланге позиции русской армии. Прочие партизанские отряды из китайцев и созданная российской военной администрацией полиция из местных жителей себя не оправдали. Грабежами и насилиями, творимыми в деревнях и базарах, «союзники» вынудили главнокомандующего Куропаткина и царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева принять меры к их разоружению и роспуску.

С отрядом «Пинтуй» генерал-квартирмейстер Алексеев познакомился так. Из штаба главнокомандующего прислали зашифрованную телефонограмму. В ней говорилось, что японцы, по данным засланной им в тыл агентуры, собираются отправить в рейд по тылам 3-й Маньчжурской армии большой отряд хунхузов предводителя Хандэнгю. Бывший «боксер» был серьезным противником. Под его знаменами ходило по центральной части Маньчжурии 10-тысячное войско хунхузов, почти беспрепятственно со стороны местных губернаторов занимавшееся поборами с населением.

Той же телефонограммой генерал-майор Алексеев вызвался в штаб главнокомандующего. Прибыв туда, он имел беседу с начальником куропаткинского полевого штаба В. В. Сахаровым, с которым был знаком еще по Санкт-Петербургу и по войне в Болгарии, когда тот служил в 12-м гусарском Ахтырском полку:

— Рад вас видеть, Михаил Васильевич.

— Я тоже, Владимир Викторович. Прибыл по шифровке.

— Сразу к делу. Японцы собираются заслать к нам в тыл большое число хунхузов известного вам разбойника Хандэнгю. Надо организовать им встречу и не дать пройти в тылы.

— Хорошо, будет исполнено. Можно прикрыться двумя-тремя полками забайкальских казаков, заамурской пограничной стражей, начальником штаба которой вы были.

— Такие заслоны хороши, но есть более удобный и надежный прием.

— Какой, позвольте спросить?

— В распоряжении штаба главнокомандующего находится китайский партизанский отряд «Пинтуй». У него свои задачи, но в данном случае его можно перебросить в японские тылы перед вашей армией. Они и встретят Хандэнгю.

— Но силы могут быть не равны.

— У «Пинтуя» есть большое преимущество перед хунхузскими бандами. Полковник Чжан навел в отряде железную дисциплину.

— Об этом полковнике наслышан. Удивительно, что пошел к нам служить без всякого денежного содержания. Неужели он так с купцом Тифонтаем ненавидит японцев?

— С Тифонтаем все ясно. У него в Хабаровске большое дело: торгует лесом и китайским шелком, промышляет амурским золотитшком. Во многих селах по Амуру содержит свои лавки.

— А чем живет полковник Чжан?

— Как чем? Военными трофеями. Он же нам в казну не сдает то, что отбивает у японцев и местных чиновников-мандаринов.

— Тогда все понятно. Чем армейский штаб может помочь Тифонтаю?

— Прежде всего информацией о расположении японских войск перед армией. Есть данные.

— Есть. Хотя далеко не полные.

— Остальное тифонтаевцы узнают сами. Нужно также передать им хунхузов, захваченных казачьими разъездами в последние дни. Полковник Чжан найдет с ними общий язык для проведения операции против разбойника Хандэнгю.

— Вы решили нейтрализовать его? Уничтожить?

— Зачем, Михаил Васильевич. Наша контрразведка в лице полковника Соковнина предлагает перекупить Хандэнгю у японцев. Разумеется, за хорошую сумму.

– А согласится ли?

– Соковнин утверждает, что Хандэнгю будет служить нам, но, конечно, не безвозмездно. У контрразведчиков такой опыт в маньчжурских делах уже есть...

Операция по нейтрализации 10-тысячного войска хунхузов прошла успешно. Бывший предводитель повстанцев-ихэтуаней на юге Маньчжурии Хандэнгю согласился с предложением «поработать» на Россию в ее войне с Японией. При этом он обязался, что его люди не будут оказывать содействие японцам и поступать к ним на полицейскую и иную службу. В дальнейшем от предводителя хунхузов в штаб русской армии поступало немало информации о силах и передвижениях неприятеля.

Вскоре в 3-й Маньчжурской армии произошла смена командующего. Генерал Каульбарс был назначен командующим 2-й армией, а его место занял барон А. А. Бильдерлинг, о котором Алексеев был наслышан по Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, где тот командовал 12-м драгунским Стародубовским полком, успешно действовавшим в составе Рущукского отряда.

Прощание Алексеева с Каульбарсом прошло в кабинете последнего, устроенного в китайской глинобитной фанзе. Вся мебель состояла из раскладных стола, двух стульев и железной кровати. На стене – большая карта Маньчжурии, испещренная условными значками, на столе – керосиновая лампа. В углу пылала жаром чугунная печка на подставке из кирпичей.

– Александр Владимирович, позвольте поздравить вас с новым назначением.

– С чем поздравлять, Михаил Васильевич? Поменял одну армию на другую – и всего-то делов. Теперь буду воевать не в центре нашего фронта, а на его правом фланге.

– На новом месте вам придется больше упражняться в тактических приемах. Маршал Ояма так и рвется к Мукдену своим левым крылом.

– Это понятно. По степи войска двигать легче, чем форсировать под огнем реки Шахэ и Хуньхэ.

– Из штаба армии пришла телеграмма. Бильдерлинг

прибудет к вечеру. Выслал ему на всякий случай конвойную сотню для встречи.

– Правильно поступили. Новый командующий должен быть встречен по всей форме. А почему сотню, а не казачий взвод?

– Хунхузы опять дают о себе знать в тылах. Вчера напали под вечер на полковой обоз. Потерь в людях нет, но успели угнать несколько пар быков, ранили китайца-погонщика.

– Банду накрыли?

– Да, нападавшие далеко не пошли, решили переночевать в одной из деревенок. Там их стражники-замурцы и перехватили. Пленных сдали местной полиции, а одного, с виду японца, передали в контрразведку.

– Как определили японца?

– Привычно. Старший из унтер-офицеров дернул каждого из пойманных китайцев за косу и у одного она отвалилась. Оказалась пришитой к шапочке. Ясно – шпион.

– Михаил Васильевич. Вчера у меня был телефонный разговор с Куропаткиным. Он опять намерен отходить на север.

– Где теперь нам занимать новую позицию?

– Армии становятся в прикрытие Мукдена. Город и его пригороды от берегов Хуньхэ будет защищать наша 3-я, вернее, Бильдерлинга и ваша 3-я.

– Значит, против нас опять будет действовать японская 4-я армия генерала Нодзу.

– Именно она, наша старая знакомая. Но не думаю, что японцы будут штурмовать Мукден в лоб. Они стараются избегать больших потерь в людях.

– Полностью согласен. Но обходной маневр они могут удачно совершить только на нашем правом фланге. Там, где стоит 2-я армия, ставшая теперь вашей, Александр Владимирович.

– Так и будет, вероятно. Михаил Васильевич, я просил сегодня главнокомандующего отпустить вас со мной, во вторую, на ту же должность.

– И что ответил его превосходительство?

— Отказал. Сказал, что генерал-квартирмейстера Алексева ему заменить некем.

— Жаль. Ведь мы с вами так ладно работали. О лучшем начальнике и мечтать не надо.

— И мне жаль. Но уже ничего не изменишь. Так что готовьте доклад новому командующему о состоянии армии. Не забудьте сказать, что обещанных резервов нет. Пускай он теперь их выколачивает из Куропаткинского штаба.

— Вряд ли удастся выбить. Даже маршевое пополнение в дивизии приходит в некомплекте.

— Понятно почему. Осмотрительный Куропаткин стал осторожным Куропаткиным. Печется о сильном резерве. Но в бою трогать его запрещает наистрожайше.

— А зря. Особенно когда просматривается успех. Ивао Ояма своими резервами оперирует как игрок на шахматной доске.

— Куропаткин не Скобелев. Он больше всего на свете боится ответа за поражение перед государем. Потому и не рискует. На что уповает в этой войне — сказать трудно.

— Может быть, наши дела выправятся под Мукденом. Сражение обещает быть обширным.

— Да, здесь затевается большое дело...

Самым крупным сражением в ходе Русско-японской войны, в котором довелось участвовать генерал-квартирмейстеру Алексееву, стало Мукденское. Бесславно проигранное главнокомандующим, генерал-адъютантом Куропаткиным.

Кульминацией битвы за Мукден стала утрата победного шанса новым командующим 2-й русской армией Каульбарсом, войска которого до того успешно отбивали натиск японской 3-й армии генерал-полковника Ноги.

План на Мукденское сражение маршала Ивао Оямы и его штаба мог рухнуть в одну ночь. Сводный корпус генерала Д. А. Топорнина успешно контратаковал неприятеля у селения Салинпу, оттянув на себя две вражеские пехотные дивизии, предназначавшиеся для нанесения удара в тыл русским. За ночь сибирские стрелки пробились с боем к окраинам укрепленной китайской деревни на расстояние

всего в 500–600 шагов. Их натиск японская пехота сдерживать не могла.

Под утро командующий 2-й армией получил донесение, что по Синминтинской дороге движется в направлении города Мукдена какая-то колонна силою до пехотной дивизии. Эта колонна, названная неприятельской, неизвестно откуда взявшаяся, оказалась в армейском тылу. На самом деле это были свои же русские войска, о перемещении которых штаб Каульбарса в известность оперативниками штаба главнокомандующего преступно поставлен не был.

Каульбарс, даже не проверив достоверность полученной информации, в растерянности приказал атакующим 25-й дивизии генерала В. И. Пневского и сводной дивизии генерала Н. А. Васильева прекратить борьбу за Салинпу (участь которого была уже предрешена) и отойти. То есть отступить под самый Мукден, к его пригородным селениям.

Победа в буквальном смысле этого слова «уплыла» из рук русского командования благодаря ложным сведениям, которые легли на стол командующего правофланговой армией. Теперь японский генерал Марисукэ Ноги мог начать охват противника, грозя отрезать ему пути отступления от Мукдена.

Главнокомандующий Куропаткин понял, что он окончательно лишился инициативы. Положение уже не спасали ни стойкость оборонявшихся русских войск, ни героизм нижних чинов и офицеров. Вина за поражение лежала на главнокомандующем: он не смог сосредоточить крупных сил для воспрепятствования обходным маневрам японцев...

Несколько лет спустя на одном из заседаний Военно-исторической комиссии Генерального штаба генерал-лейтенант Алексеев скажет в завязавшейся дискуссии о причинах поражения русских войск в сражении под Мукденом:

— Не надо было быть большим стратегом и тактиком, чтобы понять суть действий маршала Оямы в Маньчжурии. Обход, обход и еще раз обход противника.

– Но он же рисковал, поскольку силы сторон и по пехоте, и по артиллерии были примерно равными.

– Риск риску на войне – рознь. Японский главнокомандующий уповал на силу угрозы глубокого обхода русской позиции. И под Мукденом он в этом преуспел.

– Однако считается, что замысел Оямы был разгадан?

– Я вас поправлю. Был не разгадан, а просто очерчен предположениями. А его величество случай все испортил. Свел на нет атакующие усилия правофланговой 2-й Маньчжурской армии.

– Вы имеете в виду ложное донесение генералу Каульбарсу?

– Да, именно. Но случившегося могло и не быть, проверь только достоверность того донесения о появлении в армейском тылу колонны неизвестно чьих войск.

– Тогда почему, на ваш взгляд, Каульбарс не приказал проверить?

– В силу того, что оплошали штабисты главнокомандующего. И от того, что это привнесло в ход битвы растерянность в действия Каульбарса, уверенного в безопасности собственных тылов.

– Но тогда получается, что вина за поражение лежит именно на Каульбарсе.

– В войне в Маньчжурии Каульбарс показал себя не самым плохим армейским командующим. Вины с него не снимаю, но все важные решения принимал другой человек.

– Полководец Куропаткин?

– Да, он. Но не полководец. Полководцем можно стать только за одержанные победы. А их-то, больших, в Маньчжурии у нас не было. Мы ту войну проиграли и тактически, и стратегически.

– А где же, по-вашему, был опыт Русско-турецкой войны 1877–1878 годов?

– Опыт этой войны мы, начальники, знали прекрасно. Но он за полтора десятилетия устарел. А мы, к своему стыду, в этом не хотели себе признаться...

Алексеев переживал поражение в Русско-японской вой-

не, участником которой ему довелось стать. И не только он один. Его сподвижник по Белому движению на Юге России генерал-лейтенант А. И. Деникин с болью отзывался в своих мемуарах о проигранном Мукденском сражении. Причину очередного поражения русской армии на полях Маньчжурии он видел прежде всего в высшем генералитете и его откровенном непрофессионализме:

«Я не закрываю глаза на недочеты нашей тогдашней армии, в особенности на недостаточную подготовку командного состава и войск. Но, переживая в памяти эти страданные дни, я остаюсь в глубоком убеждении, что ни в организации, ни в обучении и воспитании наших войск, ни тем более в вооружении и снаряжении их не было таких глубоких органических изъянов, которыми можно было бы объяснить беспримерную в русской армии мукденскую катастрофу.»

Никогда еще судьба сражения не зависела в такой фатальной степени от причин не общих, органических, а частных. Я убежден, что стоило лишь заменить заранее нескольких лиц, стоявших на различных ступенях служебной лестницы, и вся операция приняла бы другой оборот, быть может, даже гибельный для зарвавшегося противника...»

Генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии не был в мукденской катастрофе одним из главных действующих лиц. Но он стал свидетелем ее.

Что чувствовал Михаил Васильевич в дни кровавой схватки за обладание столицей китайской Маньчжурии Мукденом? Прежде всего обиду за то, что при равенстве сил на поле брани главнокомандующий Куропаткин вновь оказался не на высоте. Так и не став для отечественной истории полководцем хотя бы с одной победой над японцами.

Очевидец боя под Юхуантунем так описывает события всего одного единственного дня Мукденского сражения:

«...От целого Юрьевского полка осталось в строю уже несколько сот нижних чинов при 2 офицерах, но эти жалкие остатки все еще дрались и удерживали теперь за собой только самую восточную окраину Юхуантуня.»

...В деревне шла усиленная перестрелка.

...Высоко в воздухе, перелетая через наши головы, зашипели шимозы и шрапнели, лопаясь где-то далеко сзади нас...

Поглядев в сторону Мукдена, я увидел, что на горизонте, растянувшись версты на две, редкой цепью наступает наш полк, держась своим центром направления на Юхуантунь...

По мере приближения первой цепи за ней обозначились еще две такие же.

Оказалось, что главнокомандующий, узнав о поражении юрьевцев, приказал взять Юхуантунь обратно. Это шли на него в атаку Лифляндский, Козловский и Севский полки.

Чем ближе подходил... шедший впереди полк, тем сильнее становился огонь японцев.

Вдруг передняя шеренга наша, разомкнутая шагов на 10 дистанции, залегла шагах в 200... и дала залп по фанзам.

...После первого же залпа наша цепь встала и побежала...

Первая шеренга... залегла. За нею надвигались новые. Шрапнели и шимозы лопались кругом, вырывая то тут, то там отдельных людей.

Там, где образовывались широкие промежутки в шеренгах, слышались крики: «Подравнивайся! Держи дистанцию!», и все несло вперед.

Вот за одной из шеренг идет патронная двуколка...

Треск взрыва, клуб дыма... Лошадь и ездовой падают, двуколка, накренившись набок, с перебитым колесом, остается на месте.

В это же время со мной равняется скачущий верхом санитар. Но вдруг как-то дико взмахивает руками и валится с лошади.

Последняя, почувствовав себя без седока, круто поворачивает назад и мчится карьером.

Я думал, что санитар убит на месте. Он лежал от меня всего шагах в пяти. Я подполз к нему и заглянул в глаза.

Голова повернулась ко мне, уставившись на меня удивленными глазами.

— Ты что, ранен? — спрашиваю его.

— Так точно, ваше благородие, по левому боку ударило, а куда — разобрать не могу, кажись, в плечо.

Он немножко приподнялся; из плеча действительно текла кровь.

Мы поползли назад за холмик.

В это время к нам подходил другой санитар, таща на себе мешок с перевязочными средствами...

Между тем цепи наши... быстро стали стягиваться из развернутого в сомкнутый строй и ринулись к трем фанзам.

Ружейные пачки (залпы. — А. Ш.) достигли наибольшей силы, посекудно вырывая у нас десятки людей.

Но было уже поздно. Японский окоп, наскоро вырытый ими перед фанзами, был уже в нескольких шагах.

...Тут я увидел, что некоторые из наших нижних чинов отмыкают и бросают прочь штыки. В первые минуты я не смог себе объяснить этого явления, но, заметив густо сидящие друг около друга японские головы за окопом, я понял и сразу объяснил себе этот прием, вызванный, очевидно, инстинктом самосохранения. Против каждого из наших солдат, подбежавших теперь к окопу противника, было три-четыре японца, а следовательно, на каждого из них приходилось по столько же штыков. Единственный способ бороться со столь многочисленным противником был размах прикладом. При работе этого рода штык является лишь помехой.

Стихийно накиннулись наши цепи и ворвались в японские окопы.

Все это делалось молча. Ни одного крика «ура», ни «банзай».

Глухо трещат ломающиеся кости, стучат приклады по человеческим черепам, снося с одного размаху по несколько, да шлепают падающие тела убитых. На несколько секунд все перемешалось.

Окоп и поле около него сплошь покрылись трупами, кровью, оружием и переворачивающимися ранеными.

Японцы легли все до одного, а остатки наших бросились в фанзы и за них.

В фанзах слышались выстрелы и та же глухая работа, а затем все стихло.

В тот момент, когда цепь наша подбегала к окопу, один японец привстал и замахнулся, чтобы бросить в нас ручную гранату, но задел ею за собственное ружье, и она, разорвавшись у него в руках, снесла ему голову, оторвала обе руки, приподняла кверху одежду и клочья ее перемешала с кровью. Теперь он лежал на левом фланге окопа.

Только что миновала наша цепь окоп... как некоторые из раненых стали приподниматься.

Вдруг выстрел из ружья, и только что бежавший впереди солдат схватился за икру левой ноги, а затем, вернувшись несколько назад, стал ковырять кого-то штыком.

– Что ты делаешь? – кричу я ему.

– Да как же, ваше благородие, нешто это порядок – лег раненый, так и лежи, а ен, анафема, лежит, а мне в ногу стрелил – икру пробил, ну вот и получай свое!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то с тылу послышалась орудийная пальба и шрапнели стали бить по нашим, завладевшим уже фанзами. Это стреляла наша батарея, неосведомленная еще о положении дела.

Измученные остатки геройского полка нашего, подвергаясь теперь одновременному орудийному огню от японцев и своих, не знали, что делать.

К счастью, ошибка нашей артиллерией была вскоре замечена, и огонь прекратился... »

Подобных случаев – солдатского героизма, бесстрашия бойцов и... отсутствия должной взаимосвязи между атакующей пехотой и поддерживающим огнем батарей генерал Алексеев в Маньчжурии насмотрелся много. Больше всего Михаила Васильевича поражало то, что Куропаткин и его штаб, отдавая боевые распоряжения, часто меняли их. Получалось, что исполнение приказа находилось еще только в начальной стадии, а уже приходило новое распоряжение, отменявшее только что поступившее. Порой повторное приказание приходило почти одновременно с первым.

Все это создавало известный хаос в управлении войсками. Такое «отсутствие стержня» в куропаткинском единоначалии обрекало командный состав полков, дивизий и даже корпусов на бездействие и утрату инициативы. И зачастую – полную.

Алексееву приходилось не раз сталкиваться с такими случаями:

– Михаил Васильевич. Мой полк не может выполнить приказ, переданный через вас из штаба армии.

– Почему не может? Это же прямой приказ самого Куропаткина.

– По приказу, поступившему на рассвете, мой полк атакует японцев в такой-то деревне.

– Так верните полк на исходные позиции.

– Как его вернуть, если он уже час как ведет ближний бой в деревне. Целые роты ходят в рукопашные...

Такая «управленческая суматоха» была едва ли не самой главной причиной того, что над русскими войсками под Мукденом нависла угроза «маньчжурского Седана». Чтобы избежать его, генерал Куропаткин приказал армиям начать общее отступление по направлению к Телину.

Алексеева в Мукденском сражении поразило и то, что русские солдаты не отходили перед японцами без приказа своих непосредственных начальников – ротных, батальонных, полковых. То есть речь шла о их стойкости и дисциплинированности в бою. Новое же отступление пошатнуло организованность войск. Недовольство своим главнокомандующим стало явным.

В своем отношении к Куропаткину Михаил Васильевич был далеко не одинок. В последних событиях на полях Маньчжурии он близко сошелся с таким же армейским генерал-квартирмейстером, генерал-майором В. Е. Флугом из 2-й Маньчжурской армии.

Этот генерал заслуживал уважения. Во время Китайского похода 1900–1901 годов на подавление Боксерского (ихэтуаней) восстания исполнял должность начальника штаба 3-й (Порт-Артурской) Восточно-Сибирской стрелковой бригады, с которой участвовал в атаке на Пекин. Золо-

тое оружие получил за взятие города-крепости Лутая. Будучи начальником штаба войск Квантунской области, занимался обустройством крепости Порт-Артур.

После одного из сумбурных совещаний в куропаткинском штабе два генерал-квартирмейстера не смогли сдержаться:

— Опять нашим армиям придется бегать по колено в грязи от речки к речке.

— Да ладно бы выбирать позицию для действительного сражения. Выкопают солдаты окопы в полный профиль, японцы начнут пристреливаться к ним, и тут приказ об отходе. Разве так можно сегодня воевать?

— Чему мы можем научить на маньчжурских полях наших офицеров? Только тому, как сегодня воевать нельзя.

— Но почему этого не понимает Куропаткин? Как вы думаете, Михаил Васильевич?

— Мне порой кажется, что здешние ветра совсем выдули из главнокомандующего скобелевский дух.

— А был ли он, этот дух?

— Безусловно, был в Болгарии. Но теперь не та война. И не та должность по Куропаткину. Не ему быть стратегом.

— А кому, на ваш взгляд?

— Только не адмиралу Алексееву. Да и война, думается, идет к концу. Похоже, Василий Егорович, что и японцы, и мы уже навоевались досыта.

— Вы правы. Скоро за нас будут воевать дипломаты во фраках...

Маршалу Ивао Ояме «маньчжурский Седан» только пригрезился. Противник вырвался из полукольца окружения и отошел на новые позиции у города Телина. Но японцам все же удалось отрезать часть обозов и арьергардных отрядов русских, которым пришлось принять неравный бой.

Одним из тех, кому на штыках пришлось вырываться из вражеского окружения, оказался 214-й пехотный Маршанский полк. Его бойцы десять дней и ночей прорывались к своим.

Под стенами Мукдена капельмейстер (начальник полко-

вого духового оркестра) пехотинцев-моршанцев И. А. Шатров написал слова и музыку популярнейшего в старой России вальса «На сопках Маньчжурии»:

Тихо вокруг,
Лишь ветер на сопках рыдает,
Порой выплывает луна из-за туч,
Могилы солдат озаряя...

Вальс «На сопках Маньчжурии» станет любимым для Михаила Алексеева до конца его жизни. Он слушал его и на фронтах Первой мировой войны, и на праздниках в могиловской ставке Верховного главнокомандующего, и в рядах белой Добровольческой армии.

Мукденское поражение пошатнуло стойкость воинов-маньчжурцев. Дело было даже не в людских и материальных потерях. О последних, то есть о взятых трофеях, о военной добыче маршал Ивао Ояма доносил в Токио победной телеграфной строкой:

«...Нами захвачено неисчислимо количество шанцевого инструмента, скота, телефонных столбов, бревен, железных кроватей, печей и так далее».

Мечты и планы японского главнокомандующего о «маньчжурском Седане» материализовались только в 34 трофейных пушках, большинство из которых оказались выведенными из строя. В отличие от маршала Оямы, прусский фельдмаршал Мольтке-старший был обладателем многих тысяч французских военнопленных и сотен неприятельских орудий. Сражение под стенами крепости Седан стало для Франции настоящей катастрофой.

Японцам же победа под Мукденом досталась дорогой ценой. Они лишились в сражении 2353 офицеров и 67 706 нижних чинов. Но у их противника потери тоже оказались огромны: убито и ранено десять генералов, 2410 офицеров и 58 052 нижних чина.

После поражения под Мукденом дисциплина в армейских рядах резко упала. Появилось такое не виданное ранее явление, как дезертирство. Командовавший в проиг-

ранном сражении 1-й Маньчжурской армией генерал Н. П. Линеви́ч докладывал императору Николаю II:

«...К крайнему прискорбию во время паники, происшедшей у Мукдена, потоком потекло из армии в тыл на север частью с обозами, а часто просто поодиночке и даже группами около шестидесяти тысяч нижних чинов, из числа которых множество было задержано в Телине и на других станциях. Но, несомненно, множество ушло еще дальше к Харбину...»

Уходящие из армии в тыл нижние чины говорят, что они уходят потому, что воевать не могут...»

С одним из таких дезертиров генерал-квартирмейстеру Алексееву довелось беседовать в Телине. Солдат-второочередник был задержан на местной станции унтер-офицером жандармской команды заведующего полицейским надзором Маньчжурской армии подполковника Шершова и доставлен в штаб-квартиру 3-й армии.

– В каком полку служишь?

– Еще не знаю, ваше благородие. К Мукдену нас отправили маршевой ротой.

– Кто командир маршевой роты? Фамилия офицера?

– Ротой командовал не офицер, ваше благородие.

– А кто же?

– Фельдфебель Неверов. Начальство обещало произвести его в зауряд-прапорщики из-за нехватки офицеров.

– Где винтовка?

– Бросил, когда патроны кончились. Когда от Мукдена бежали. Бросил уже после боя. Могу побожиться.

– С кем рота вела бой и где?

– Где – не знаю. У какой-то китайской деревни перед железнодорожной насыпью. Там показались конные с желтыми лампасами, лица нерусские. Потом оказалось, что это наши, забайкальские буряты из казаков.

– Где сейчас ротный начальник?

– После боя его вызвали в штаб и больше мы его не видели.

– Почему оставил роту и пытался сесть в поезд, уходящий в Россию? Это же воинское преступление.

– Мочи нет таскаться по здешней грязи. Столько убитых в землю зарыли. Семья дома бедствует. Был бы я холостой, другое дело. А у меня детишек трое.

– Присягу воинскую служить Богу, царю и Отечеству давал?

– Нет еще. В полку должны были присягать.

– На первый раз, солдат, прикажу отправить тебя в полк, куда шла твоя маршевая рота. В другой раз, если пойдешь от войны в бега, будешь отвечать перед военно-полевым судом. Понял?

– Понял, ваше благородие...

После Мукденского поражения император Николай II под давлением общественности пошел на смещение Куропаткина с поста главнокомандующего вооруженными силами России на Дальнем Востоке. Из Санкт-Петербурга пришел высочайший приказ, согласно которому он «поменялся» должностями с командующим 1-й Маньчжурской армией генералом от инфантерии Н. П. Линеви́чем. Новый главнокомандующий был уже почти семидесятилетним стариком с военным образованием, полученным им в пехотном училище еще до милютинской реформы в России в 1860-х годах.

Суждений о личности Куропаткина в ходе и после Русско-японской войны было много. Так, Б. А. Энгельгардт, много раз наблюдавший главнокомандующего в деле, писал о нем в своих мемуарах:

«Он (Куропаткин. – А. Ш.), может быть, умел многое обстоятельно рассчитать и подготовить, но за все время войны ни разу не проявил ни упорства, ни решительности, без которых невозможно довести дело до победы».

Военный историк Б. В. Геруа так характеризовал «полководчество» Куропаткина в Маньчжурии:

«Куропаткин, как и Мольтке (германский полководец Мольтке-старший. – А. Ш.), поклонялся расчету и материи, но, в то время как Мольтке понимал место того и другого и не мешал армии работать, Куропаткин походил на механика, боявшегося шума машины, им же самим пущенной в ход. Он косился на рычаги с надпися-

ми «стоп» и «задний ход» с занесенной над ними готовой рукой. Много зная, Куропаткин никогда не мог отличить важное от неважного, решающее от вспомогательного».

В феврале 1906 года Куропаткина окончательно удалили из рядов русской армии, воевавшей в Маньчжурии.

— Передать командование 1-й Маньчжурской армией своему заместителю. Выехать в Россию по железной дороге... с первым отходящим эшелоном.

Но этим высочайшее повеление опальному генералу не ограничивалось.

— Не останавливаться в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Проживать в своем имении, в Шешурино. Воздержаться от всяких интервью, от оправданий и высказываний в печати.

Официальная опала «главного виновника» поражения России в войне с Японией длилась до декабря 1906 года. Куропаткин затем получает через царского флигель-адъютанта князя А. П. Трубецкого разрешение проживать там, где пожелает. И одновременно получает от императора Николая II приглашение прибыть в столицу на прием в Зимний дворец.

В конце официальной аудиенции, длившейся больше часа, растроганный Куропаткин сказал:

— Я прошу ваше величество простить меня и Маньчжурскую армию за то, что мы не доставили России победы.

На что последний венценосный Романов примирительно ответил своему бывшему военному министру:

— Бог простит. Помните, что победители всегда возвращаются с венком лавровым. Побежденные же — с венком терновым. Несите его по жизни мужественно...

Когда русские войска в отступлении от Мукдена дошли до Сыпингая, они заняли там для обороны укрепленные позиции. По решению нового главнокомандующего Линевиича фронт заняли 1-я и 2-я Маньчжурские армии. 3-я армия оказалась в резерве. Но от этого служебных забот у генерал-квартирмейстера Алексеева не убавилось. Поскольку его прямой начальник приболел,

то Михаилу Васильевичу пришлось фактически исполнять его обязанности.

Вскоре он был вызван в штаб главнокомандующего по вопросу состояния армии и ее готовности к новым боевым операциям. Линевиич лично к Алексееву относился с немалой долей симпатии. Поэтому «разноса» не случилось:

— В каком состоянии на сегодняшний день находятся корпуса и дивизии 3-й армии?

— Ваше превосходительство, численность полков доведена до штатной. Вооружение и боеприпасы восполнены. Настроение офицеров и нижних чинов бодрое. Армия готова продолжать войну.

— Как у вас с автоматическим оружием? С пулеметами?

— Пулеметные команды теперь есть в каждом стрелковом полку. Нижние чины и командиры в них прошли строгий отбор.

— Это хорошо. Ведь войну с японцами Маньчжурская армия начинала всего с 36 пулеметами, а сейчас у нас их стало 374. Все благодаря заботе государя императора. А как с ручными гранатами обстоят дела?

— Грех жаловаться, ваше превосходительство. Прошлым летом ручными гранатами вооружались только разведчики и охотничьи команды. Японцы же имели их в каждой пехотной роте. Теперь в каждом полку создан достаточный гранатный запас.

— Похвально. А сибирские стрелки обучаются ведению гранатного боя?

— Точно так. По армии издан соответствующий приказ.

— Претензии к пополнению у командования армии, полкового начальства на сегодняшний день есть? Чтобы я мог доложить в Генеральный штаб.

— Нет, ваше превосходительство. Призывники, не державшие в руках винтовку, почти не встречаются среди маршевого пополнения. Приходят в своей массе из запаса срочнслужащие солдаты.

— Каков в полках армии процент необученных военному делу призывников? Есть такие цифры?

— Есть. Необученных призывников в полках не больше семнадцати процентов.

— Значит, каждого шестого солдата из призыва приходится обучать на месте?

— Точно так. Смее заверить, что в ротях унтер-офицеры и ротные с этой задачей справляются.

— Что сейчас вас больше всего беспокоит, как генерал-квартирмейстера?

— В армейском тылу, по данным контрразведчиков, скопилось большое число разных лиц, которые не могут доказать своей полезности действующим войскам или личной причастности к армии. Уже есть нежелательные эксцессы, о чем в штаб уже докладывалось мною лично.

— Что вы имеете в виду?

— Подрядчик Громов привез с собой в Маньчжурию большую партию нанятых им работников. Человек сто пятьдесят, преимущественно кавказцев. Они у него почти все сразу разбежались и стали снабжать войска самостоятельно.

— Это те кавказцы, которые причастны к грабегам в китайских деревнях, о чем мне теперь докладывают местные чиновники-мандарины?

— Точно так, ваше превосходительство. Бывшие кавказцы подрядчика Громова угрозой оружия или обманом забирают в селениях скот, арбы, лошадей и мулов.

— И что они с ними делают?

— Скот продается армейским подрядчикам на мясные порции военнослужащим, а то и прямо в полки — за деньги из полковой казны.

— А куда деваются арбы, лошади и мулы?

— Они доставляются в управление транспортом вашего штаба. И тоже продаются за наличные деньги.

— Последнего я просто не знал. Что вы, Михаил Васильевич, можете предложить на сей счет?

— Я считаю, что надо ввести регистрацию всех частных лиц, проживающих в районе расквартирования наших войск. Но не местных жителей, а людей, прибывших из России, и иностранцев. Последних, как ни странно, в ар-

мейских тылах появляется все больше и больше. Среди них появились люди, причастные к деятельности различных политических партий социалистического толка.

— Понятно. Что еще?

— Надо стеснить допуск причастных к армии лиц в места непосредственного расположения войск, не говоря уже о боевых позициях. Приезд в Маньчжурию надо разрешить только тем гражданским людям, коммерсантам, которые могли бы быть для действующей армии чем-нибудь полезны.

— Согласен с вами, Михаил Васильевич. Ваши тревоги — это наши беды. К сожалению, у нас есть немалые претензии к контрразведке, штат которой на удивление мал.

— Ваше превосходительство. Хочу сказать последнее. Лица, заподозренные в неблагонадежности или не исполняющие требований военно-полицейского начальства, должны немедленно удаляться из расположения армии.

— И с этим мы с вами полностью согласны. Сегодня же штабу армии будет дано указание разработать соответствующие документы и разослать их в войска.

— Мне, как генерал-квартирмейстеру, будут указания?

— Только исполнять дальше ваши обязанности по службе. А за обстоятельный доклад и высказанные предложения благодарю...

После Мукденского сражения боевые действия на полях Маньчжурии по сути дела прекратились. Русские укрепились на Сыпингайской позиции, раздвинув свой фронт до реки Сунгари. Из России по Транссибирской железнодорожной магистрали каждодневно прибывали подкрепления, различные припасы.

К весне 1905 года мукденские потери были с лихвой восполнены. Только в феврале прибыло свыше 40 тысяч запасников и выздоровевших воинов. В первой половине мая из России в Маньчжурию прибыло еще 40 тысяч человек. Это были добровольцы-«охотники» практически из всех полков Русской армии.

Вскоре войска генерала от инфантерии Н. П. Линевица достигли численности 788 тысяч человек (вместе с многочисленными тылами). Из этой огромной массы числен-

ность боевых штыков составляла только 446 с половиной тысяч. 150 тысяч человек находились под ружьем в Приамурском крае. Особенно силен был гарнизон Владивостокской крепости.

По предположениям русского командования численность пяти японских армий в Маньчжурии – генералов Ногги, Оку, Нодзу, Куроки и Кавамуры составляла 750 тысяч человек. Из них приблизительно 150 тысяч человек находились в армейских тылах и дислоцировались в Северной Корее, угрожая собственно российской территории – Уссурийскому краю и городу-крепости Владивостоку.

Такое соотношение сил было хорошо известно и в штабе теперь резервной 3-й Маньчжурской армии. Алексеев, как и многие его сослуживцы, находились в ожидании общего наступления от Сыпингай на юг, благо собранные силы позволяли проведение самой широкомасштабной операции с целью разгрома неприятеля.

Однако новый главнокомандующий Линевиц бездействовал, хотя он был едва ли не единственным человеком в высшем эшелоне армейского командования, который хорошо знал Дальний Восток и, естественно, Японию, ее военную силу. На сей счет имелось оправдание: из официального Санкт-Петербурга не требовали активности, наступательных операций.

Но в Санкт-Петербурге о войне помнили. Только теперь все надежды переломить ход событий связывались не с левой армией Линевица, а со 2-й Тихоокеанской эскадрой (порт-артурская броненосная эскадра теперь называлась 1-й Тихоокеанской). Экспедицией кораблей флота Балтийского моря начальствовал вице-адмирал З. П. Рождественский.

О том, как готовился этот кругосветный поход броненосной эскадры, Алексеев узнает только после войны. И больше всего – по материалам судебного следствия причин Цусимской трагедии. А пока Михаил Васильевич был знаком только с телеграммой, которую император Николай II напутственно послал флотоводцу Рождественскому в день отплытия эскадры:

«Вся Россия с верой и крепкой надеждой взирает на вас...»

Не знал Алексеев тогда и об интервью, которое было дано вице-адмиралом Рождественским перед отплытием эскадры из Ливавы. Ему был задан и такой вопрос:

– Какие у вас шансы на победу над флотом Японии, над адмиралом Хейхатино Того?

Командующий 2-й Тихоокеанской эскадрой, «надежда государя и всей России», без раздумий ответил:

– Какие у меня шансы! Разве что японцы попадут на камни: в Желтом море часто бывают туманы.

– А еще какие победные шансы вы видите?

– Это все. Других у меня нет...

Уже после пораженческого мира Михаил Васильевич из одной газетной статьи узнает и о другом поразительном своей печальной откровенностью интервью. На проводах эскадры в Кронштадтской морской крепости командир эскадренного броненосца «Император Александр III» капитан 1-го ранга Н. М. Бухвостов сказал:

– Победы нашей в море под Порт-Артуром или Владивостоком не будет.

– Почему такой пессимизм?

– Я боюсь, что мы растеряем половину эскадры на пути, а если этого не случится, то нас разобьют японцы.

– Но вы же будете драться. Ведь ваш броненосец идет на Восток под Андреевским флагом.

– Драться будем. За одно я ручаюсь: мы умрем в бою, но врагу не сдадимся...

Слова командира эскадренного броненосца капитана 1-го ранга Бухвостова оказались пророческими. Из 900 человек корабельной команды «Императора Александра III» в Цусимском морском сражении не спаслось ни одного человека.

Беспрецедентный в истории разгром русской броненосной эскадры при минимальных потерях японского Соединенного флота породил убеждение (и не только в России), что тут не обошлось без влияния сверхъестественных сил. По этому поводу в книге писателя И. Бунича «Князь Суворов» говорится:

«Начиная с 1898 г. в японском флоте велись сверхсекретные эксперименты под кодовым наименованием «цакуга – дзен» (способ стрельбы из лука, которым пользовались самураи Средних веков). Способ основывался на признании философии «дзен»... – если в твоих руках лук и стрела, не целясь, а воссоединись душой с одним из великих превращений Будды, и стрела попадет точно в цель. Результаты поражали своей эффективностью и поражают до сих пор...»

В 13.59 на мачте «Микаса» (флагманского эскадренного броненосца японского флотоводца Хейхатири Того в Цусимском морском сражении. – А. Ш.) подняли условный сигнал «цакуга – дзен»...

Что-то страшное, жуткое и необычное произошло на японских броненосцах, о чем никто впоследствии толком рассказать не мог. Души и помыслы всех людей слились в единую силу, энергия которой поступала из источника, чье название невозможно точно перевести на бедные философскими терминами европейские языки. Энергия эта шла из того невидимого мира, который с момента появления человека на земле окружает его своей таинственной силой, порождая религии и мифы, столь разные и столь удивительно общие для всего человечества. И эта энергия превратила броненосцы и людей в единое сверхъестественное существо, подобное легендарным драконам, покидающим в течение веков в трудный для народа Ямато час свои небесные дворцы и появляющимся на земле, чтобы своим страшным огнем испепелить полчища врагов...»

Причины Цусимской катастрофы на долгое время вытеснили многое в разговорах, которые велись среди нижних чинов и офицерства русских войск в Маньчжурии. Всех прежде всего потрясал размах трагедии: при Цусиме 2-я Тихоокеанская эскадра потеряла 8 эскадренных броненосцев, броненосный крейсер, броненосец береговой обороны, 4 крейсера, вспомогательный крейсер, другие суда.

Потрясало и другое: отряд контр-адмирала Небогатова в составе двух эскадренных броненосцев и двух броненос-

цев береговой обороны (пусть и устаревших) сдался японцам в плен. То есть спустил Андреевские стяги.

На эту тему в штабе 3-й Маньчжурской армии разгорелся спор. Большинство штабистов сходилось в том, что отряд Небогатова должен был вступить в огневой бой. И вести на морском поле брани себя так, как это сделали, например, героические экипажи эскадренных броненосцев «Князь Суворов», «Бородино» и «Император Александр III», броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков», эскадренный миноносец «Громкий»...

Алексеев, всегда уравновешенный, сдержанный, одержимый за обеденным столом, за которым опять заспорили «за Цусиму», встал и ушел в свой кабинет. Оттуда он вернулся, держа в руках «Морской устав» Петра Великого. Спросил сидевших за столом своих подчиненных:

– Есть у кого сомнения в том, должны ли были сражаться броненосцы контр-адмирала Небогатова?

– Есть, Михаил Васильевич. Если спор ведут сами моряки, то и мы не можем остаться в стороне.

– Тогда ответьте мне, в каком документе определена ответственность и мера наказания за сдачу корабля противнику?

– Только в Уставе Русского флота.

– Верно. Вот у меня в руках «Морской устав» государя Петра Великого. Вчера вечером я отыскал в нем специальную главу. Называется она артикул 68 главы девятой.

Алексеев развернул «Морской устав» на той странице, где им была сделана закладка:

– Кто хочет сдаться или иных к нему подговаривать. Такожде и те будут казнены смертию, которые похотят сдаться, или иных к нему подговаривать, или, зная оную измену, о том не возвестят».

Закрыв «Морской устав», Алексеев спросил:

– Должен ли быть отдан под военный суд за спуск Андреевского флага перед японцами контр-адмирал Небогатов или нет? Вопрос ко всем здесь присутствующим.

– Должен...

Такой суд действительно состоялся. Небогатова обвиняли в невыполнении статьи 354 действующего «Морского

устава» и в «преступности сдачи» броненосного отряда врагу. В соответствии с требованиями уставной статьи командир должен был продолжать бой до последней возможности.

Согласно статье 354 во избежание бесполезного кровопролития командиру разрешалось, не иначе как с согласия всех офицеров, сдать корабль, если нельзя одолеть течи и он начинает тонуть, если все средства для обороны истощены и потеря в людях столь значительна, что сопротивление совершенно невозможно, и, наконец, в случае пожара, которого нельзя погасить. При всем том сдача в таких обстоятельствах разрешалась только в том случае, если корабль нельзя истребить и искать спасения команды на берегу или в шлюпках.

Тем не менее на суде Небогатов посчитал свой поступок чуть ли не подвигом во имя спасения жизни подчиненных. Суд на заседании 11 декабря 1906 года признал виновными в преступной сдаче кораблей неприятелю и приговорил к смертной казни четырех должностных лиц: командира отряда контр-адмирала Н. И. Небогатова и трех командиров кораблей бывших капитанов 1-го ранга В. В. Смирнова с «Императора Николая I», С. П. Смирнова с «Адмирала Сенявина» и Н. Г. Лишина с «Генерал-адмирала Апраксина».

Одновременно суд ходатайствовал перед всероссийским монархом о замене смертной казни заключением в Петропавловскую крепость на 10 лет. Император Николай II, как и ожидалось, «высочайше» помиловал одних из главных виновников цусимского позора.

Между тем более чем полумиллионная русская армия с двумя тысячами артиллерийских орудий продолжала стоять в полной боевой готовности на Сыпингайских позициях. Стояла в почти полном бездействии, если не считать конного рейда генерала Мищенко во вражеский тыл, да действий команд охотников перед линией фронта. Бездействовали и японцы.

В такой обстановке состоялись переговоры в американском городе Портсмуте. Дипломатический торг продол-

жался две недели. Портсмутский мирный договор был подписан 23 августа 1905 года.

По нему Россия признавала за Японией преобладающие интересы в Корее, уступала ей права на аренду Квантунского полуострова с Порт-Артуром и портом Дальним, передавала без оплаты южную ветку Южно-Маньчжурской железной дороги со всем имуществом.

Эта статья Портсмутского мирного договора, как и предвиделось, вызвала бурю восторга на Японских островах:

— Мы вернули себе Квантун, который принадлежит нам по праву победителя в войне с Китаем!..

Российская империя уступала Стране восходящего солнца южную часть острова Сахалин (по-японски — Карафуто) до 50-й параллели, которая становилась линией государственной границы. Стороны обязывались взаимно не возводить на Сахалине никаких военных укреплений и обеспечивать безопасность морского плавания в проливах Лаперуза и Татарском. Стороны обменивались военнопленными.

Вопрос о выплате контрибуции российская делегация во главе с опытным дипломатом С. Ю. Витте решительно отвергла. Японской делегации, которой руководили министр иностранных дел Ютара Комара и кавалер Императорского ордена Священного Сокровища 1-й степени Тахакера Когоро, пришлось уступить. Первоначально японская сторона требовала выплаты контрибуции в размере 1200 миллионов иен, говоря о том, что война ей обошлась в два миллиарда иен.

Как отнеслись к Портсмутскому миру русские войска в Маньчжурии? Участник Русско-японской войны Алексей Любицкий в своих воспоминаниях о ее заключительном аккорде — вести о заключении мирного договора писал следующее:

«Не могу сказать, чтобы войска были ею особенно обрадованы: ни музыки, ни криков «ура» нигде не было слышно. Все чувствовали себя неудовлетворенными, всех угнетала мысль о бесплодных трудах и жертвах, доставивших нам вместо славы чуть ли не позор.»

...Мы имели полное право рассчитывать на успех. Обстоятельство это, очевидно, было принято во внимание и японцами, так как они иначе ни в коем случае не согласились бы заключить мира без получения контрибуции и со всеми другими поставленными нам условиями.

Как знать, чем бы закончилась война, если бы не было заключено Портсмутского договора?

Да и кончилась ли она. Не грозит ли она вспыхнуть снова в недалеком будущем?

Мысли эти невольно напрашиваются, вспоминая ту сдержанность японских армий и народное неудовольствие, с которыми встретила Япония условия мира...

После подписания Портсмутского мирного договора Русско-японская война официально прекратилась. Войска Маньчжурских армий стали возвращаться в Отечество...

Генерал-квартирмейстер 3-й Маньчжурской армии не мог пожаловаться на то, что его заслуги на Русско-японской войне не отмечались. Лучшим свидетельством тому стали ордена: Святого Станислава с мечами и Святой Анны. Скажем, что для рядового армейского генерала это были достаточно высокие отличия.

Получил он в награду и медаль «В память Русско-японской войны». Она изготавливалась из трех видов металла. На лицевой стороне ее помещалась дата «1904–1905» и изображение всевидящего ока. На обороте шла надпись – «Да вознесет нас Господь в свое время».

Война на полях Маньчжурии дала генерал-майору Алексееву не только боевые орденские награды. Он получил и почетное наградное Золотое оружие с надписью «За храбрость», особо ценимое в Русской армии. С этой саблей из знаменитой своей закалкой и рисунком златоустовской стали на боку, с Георгиевским темляком, Михаил Васильевич пройдет всю Первую мировую войну и почти всю войну Гражданскую.

С награждения Золотым оружием, собственно говоря, генерал Алексеев стал «знаком» императору Николаю II. Тот, ставя на представление свое «высочайшее» одобрение, спросил:

→ Генерал Алексеев. Это тот самый генерал, под которым во время рекогносцировки снарядом убило лошадь? Под Мукденом, не так ли?

– Совершенно верно, ваше величество.

– Кроме личной храбрости у представленного к награждению Золотым оружием, наверное, есть еще и другие генеральские достоинства?

– Есть, ваше величество. Несомненные. В войне с Японией генерал-майор Алексеев заявил о себе как о весьма перспективном старшем чине квартирмейстерской службы.

– Академику закончил.

– Да, ваше величество. Генерального штаба по первому разряду. Награжден был Милютинской премией.

– Похвально. Возьмите его на заметку и после войны представьте к выдвижению по штабной линии в округах. Или лучше для начала армейской жизни пусть послужит еще в Генеральном штабе, в его главном управлении.

– Будет исполнено, ваше величество...

Думается, что после этого случая генерал Алексеев оказался в поле зрения Николая II. Тот о русской армии, как и его предшественники на всероссийском престоле, пекся всегда. Перспективные же военачальники, да еще с боевым опытом, требовались для любой армии.

Из Маньчжурии генерал-квартирмейстер расформированной по случаю подписания мирного договора армии возвращался домой по железной дороге. Алексеев, да и не только он один, был поражен размахом революционных беспорядков, которые царили почти по всей линии Транссибирской железнодорожной магистрали.

Еще в ходе войны в одном из писем супруге он писал о своих чувствах после прочтения во фронтовом «Маньчжурском вестнике» сообщения о событиях 9 января 1905 года в российской столице. Речь шла о столкновении войск с «толпой» у Нарвских ворот и Александровского сада:

«Трудно судить по короткой телеграмме, но мне рисуется внутреннее наше положение опасным. Брожение ищет выхода. Этот выход может быть дан мерами пре-

дупредительными, но силы накопившиеся могут и не дож-
даться этих мер, и прервать все преграды, и вылиться в
форму, образец которой нам дает история. Для мирного
выхода опять же нужен человек и нужно не упустить вре-
мя. Но человека нет, а сколько пропущено времени.

Вразуми Бог тех, кому вверена судьба России, пошли
им умение вывести на глубокое место ее исторический ко-
рабль, носящийся ныне между опасных скал без руля, без
опытного капитана, без разумных, решительных и сме-
лых лейтенантов.

Я весь теперь двоюсь душой между нашими здесь не-
важными делами и событиями в России. Опасное, тревож-
ное время в Петербурге, мне страстно бы хотелось быть
с тобою и своими малышами (детей супругов Алексее-
вых звали Николай, Клавдия и Вера. — А. Ш.).

Нужно, однако, отбывать общую страдную русскую
пору так, как складывает это судьба. В общем, действи-
тельно тяжелая година, и переживать ее приходится ро-
дине без видных деятелей. Можно сказать, что здесь
власть и судьба в руках ходульных, мящих, но не твер-
дых, ну, а в Петербурге ты сама знаешь...»

То на одной, то на другой станции, на зданиях вокзалов
мелькали красные флаги. Эшелоны с демобилизованными
солдатами превращались в неуправляемые воинские ко-
манды на колесах. Среди солдат сновали агитаторы всевоз-
можных социалистических партий. Воинская дисциплина
пала в считанные дни, среди солдат было много пьяных.
Офицеры и младшие командиры растеряли большую часть
своей уставной власти.

На Транссибе, по которому из Маньчжурии в Россию
шли десятки и десятки воинских эшелонов, царил револю-
ционная анархия. Алексеев смотрел на все это «безобра-
зие» из окна вагона. В голове мелькала только назойливая
и тревожащая ум мысль:

— Смута. Русская смута. Как во время царей Шуйского
и Лжедмитрия...

— Что будет завтра с Россией? Погибнет или укрепится
после смуты?..

Михаил Васильевич и ехавшие с ним в одном вагоне
офицеры-фронтовики не расставались с личным оружием.
В вагон во время остановок не раз пытались вломиться
пьяные солдаты, за спинами которых мелькали возбуж-
денные лица людей штатских, оружия в руках не держав-
ших.

— Революция! Долой самодержавие! Власть народу!..

Но при виде рук, положенных на расстегнутые кобуры
ваганов, нижние чины как-то сразу трезвели и торопились
покинуть вагон. Пролить кровь никому не хотелось. На
железнодорожных станциях то там, то здесь звучали вин-
товочные выстрелы.

На одной из железнодорожных станций, в Самаре, в ва-
гон вбежал мальчишка — продавец газет. Он торопливо вы-
говаривал:

— Самарские ведомости. Поэт Соловьев пишет стихи о
войне с Японией. Читайте свежий номер!

— Сколько стоит?

— Пятак, господин генерал.

— Возьми монету.

Действительно, во всю первую полосу аршинными бук-
вами шла надпись «Поэт Соловьев пишет стихи о Япон-
ской войне». Ниже броские стихотворные строки:

О, Русь! Забудь былую славу —

Орел двуглавый побежден,

И желтым детям на забаву

Даны клочки твоих знамен...

Дальше читать стихотворение Михаил Васильевич не
стал, чтобы не окунуться в мир грустных воспоминаний.
Но ему подумалось: «Какие обидные для россиянина стро-
ки. И куда только цензура смотрит...»

С прибытием в Санкт-Петербург генерал-майор Алексе-
ев вернулся к исполнению обязанностей по прежней долж-
ности. Но не надолго. В конце сентября 1906 года Михаила
Васильевича, имевшего прекрасные аттестации за Русско-
японскую войну, ожидало большое повышение по службе.

Императорским указом он был назначен на должность 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

Глава третья МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Главное управление иначе называлось оперативным. Оно руководило военными учениями в округах, штабными играми, известными Царскосельскими маневрами под столицей, на которых в обязательном порядке присутствовал сам государь. Через Главное управление Генерального штаба проходила разработка совершенно секретных планов на случай возможных войн.

Михаил Васильевич оказался на новой должности, как на «своей». При разработке документов к его голосу прислушивались старшие начальники, которые прониклись к подчиненному генералу немалым доверием за широту его познаний, немалый военный и армейский опыт. За способность, наконец, мыслить стратегически. В Главном управлении говорили:

– Алексееву долго у нас не работать. Вырос из должности...

– Он же готовый начальник штаба военного округа у государственной границы...

– Теперь с оперативной работы его на профессорскую в Николаевскую академию никак не смазать...

Алексеев был последователен в признании вероятных союзников и противников России в будущей большой европейской войне. Он считался откровенным «противником» Германии, в которой видел главную военную опасность для Отечества. Не случайно Михаил Васильевич говорил сослуживцам:

– Германия в своей основе имеет Прусское королевство. А Пруссия еще с Семилетней войны стремилась к территориальным захватам. Историю, господа, забывать нельзя...

Но Алексеев не мог не знать о том, что официальный Берлин долгое время искал путей политического сближения с сильной Российской империей. За сближением на дипломатическом поприще должно было последовать сближение в военных вопросах.

Свидетельства таким «поискам» появились вскоре после завершения Русско-японской войны. Даже несмотря на то, что Берлин в той войне явно «маячил за спиной Страны восходящего солнца».

Берлин искал союзников. Не случайно в октябре 1907 года появился на свет секретный протокол между Россией и Германией по Балтийскому вопросу, подписанный в Санкт-Петербурге. От России – товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым. От Германии – статс-секретарем (министром) иностранных дел бароном фон Шеном.

Балтийский протокол практического значения не имел. Но когда впоследствии о нем стало известно, генерал Алексеев на одном из служебных совещаний заметил:

– Наша держава могла оказаться втянутой в неприятности на балтийских водах.

– Но протокол реализации не получил.

– Пусть так. Берлин пустых для себя договоров не заключает...

Любопытно, что пятидесятилетний генштабист уже тогда привлекал к себе внимание людей, которым было суждено стать его сподвижниками по Белому движению. Именно благодаря их воспоминаниям до нас дошли характеристики Михаила Васильевича Алексеева.

Крупнейший военный историк, теоретик русского Зарубежья, белоэмигрант Н. Н. Головин хорошо знал Алексеева лично. Их близкое знакомство состоялось тогда, когда Головин в годы Первой мировой войны длительное время исполнял должность генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. Он писал:

«...Генерал Алексеев являлся выдающимся представителем нашего Генерального штаба. Благодаря присущим ему глубокому уму, громадной трудоспособности и воен-

ным знаниям, приобретенным им самим в индивидуальном порядке, он был на голову выше остальных представителей русского Генерального штаба».

В этой оценке обращает на себя внимание то, что Головин подчеркивает: обширные, энциклопедические познания в военных науках Михаил Васильевич приобрел в «индивидуальном порядке». То есть он всю свою сознательную жизнь занимался самообразованием, познавая то, что не дала ему даже Николаевская академия Генерального штаба.

Генерал А. С. Лукомский, воевавший в годы Гражданской войны на Юге России, став белоэмигрантом, писал в своих мемуарах об Алексееве довольно много.

«Отличаясь громадной работоспособностью и пунктуальностью при выполнении работы, генерал Алексеев являлся образцом, по которому старались равняться и другие участники полевых (инспекторских. — А. Ш.) поездок. Играло здесь роль, конечно, и то, что, хотя во всех этих поездках генерал Алексеев являлся якобы равным со всеми другими участниками поездки, получая и выполняя одинаковые с другими задачи, он, будучи ближайшим помощником начальника Генерального штаба, являлся фактически лицом, которое влияло на аттестации участников поездки и от заключения которого могла зависеть дальнейшая служба и старших, и младших офицеров Генерального штаба...»

Хотя Алексеев покинул столицу, его профессорская деятельность не осталась не отмеченной. 16 декабря 1908 года он был избран почетным членом конференции Императорской военной академии.

Война в Маньчжурии порой напоминала о себе. Михаил Васильевич стал одним из деятельных добровольных помощников Комитета по сбору пожертвований на сооружение православного храма, который был бы памятником русским морякам, оставшимся в море без могил — храма «Спаса на водах».

В состав комитета вошли более пятидесяти человек. Среди них были вдова вице-адмирала С. О. Макарова, ро-

дители лейтенанта С. П. Огарева с броненосца «Наварин», брат и жена капитана 1-го ранга С. П. Шеина, командира крейсера «Светлана», сестра лейтенанта графа В. Н. Игнатьева с эскадренного броненосца «Император Александр III» и другие. В том числе морской министр и начальник Главного морского штаба.

Инициативу поддержал российский министр внутренних дел П. А. Столыпин, который направил государю соответствующий доклад. Император Николай II начертил на нем собственноручно:

«Согласен и всецело сочувствую мысли увековечить память моряков».

Комитет по сбору средств на сооружение православного храма «Спаса на водах» разослал по всей России «Воззвание», в котором говорилось следующее:

«...Над тысячами героев-мучеников сожмнулась безжалостная морская бездна, не осталось по ним следа, и негде над прахом их помолиться. Но не может с этим примириться сердце русского народа! Помянем же героев, принявших за Родину-мать мученический венец, сооружением в столице России в знак народной благодарности и в назидание потомству храма-памятника подвижникам, по морям разбросанным без могилы, без креста. В сей храм, с начертанными на стенах именами погибших моряков-братьев, на сияние Креста, на свет лампад, на призыв молитвенных поминовений слетятся чистые души непогребенных, и тут, в Святом Доме этом Божиим, обретут они себе усыпальницу вечную!..»

Святейший синод разрешил провести кружечный сбор по церквам Российского государства. Купеческий банк открыл специальный счет. В числе добровольных взносов был и взнос от имени офицеров и генералов Генерального штаба.

Строительство храма началось в 1910 году на берегу Невы, ближе к Финскому заливу, при впадении в Неву Ново-Адмиралтейского канала. Храм-памятник возводили художник-архитектор М. М. Перетяткович, инженер-строитель С. Н. Смирнов и прославленный скульптор Б. М. Ми-

кешин. Во время торжеств при закладке Спаса на Водах в его фундамент был замурован солдатский Георгиевский крест. Внутренняя отделка храма производилась по рисункам академика Н. А. Бруни.

Храм-памятник погибшим в Цусимском морском сражении русским морякам был торжественно открыт 31 июля 1911 года в присутствии императора Николая II и членов императорской фамилии, высших государственных и церковных лиц. В торжествах приняла участие делегация Генерального штаба, в том числе и генерал Алексеев.

Спас на Водах стал одним из самых почитаемых храмов российской столицы, особенно в среде военных моряков и участников Русско-японской войны. Однако историческая судьба православный храм не уберегла.

Цусимский храм Спас на Водах был уничтожен до фундамента в конце марта 1932 года при С. М. Кирове, фактическом главе города Ленинграда. Как православную церковь храм ликвидировали («национализировали») еще в 1918 году. Было запрещено в нем богослужение, а само здание отдано под «культурные нужды» близлежащего завода...

30 октября 1908 года Михаил Алексеев производится в чин генерал-лейтенанта. С его получением он теперь входит не только по служебному положению, но и по воинскому званию в ряды высшего генералитета Русской армии.

Одновременно с присвоением чина генерал-лейтенанта Алексеев назначается на новую должность. Она оказалась той, которую ему в ходе Русско-японской войны прочил император Николай II, — начальник штаба приграничного Киевского военного округа.

«Высочайшим приказом 30 августа 1908 года за отличие по службе произведен в генерал-лейтенанты с назначением начальником штаба Киевского военного округа».

Прощание с сослуживцами прошло в трогательной обстановке. Из оперативного отделения Генерального штаба уходил на повышение работник не просто опытный, а еще и авторитетный, деятельный и работоспособный. В про-

шальном «особом» приказе начальник Генштаба засвидетельствовал следующее:

«...Вся предшествующая служба Алексеева отмечена верным и настойчивым служением его интересам армии и, в частности, генеральному штабу на разнообразных должностях, которые он занимал... Он всегда брал на себя львиную долю работы и стремился быть незамеченным...»

Между тем в Европе назревала большая война. И то, что Российская империя в предстоящем конфликте не могла остаться нейтральной, было ясно всем.

В Генеральном штабе спешно, в режиме самой строгой секретности вносились коррективы в мобилизационные планы. Начальника штаба Киевского военного округа не раз вызывали в Санкт-Петербург для обсуждения вопросов развертывания Русской армии в преддверии войны и о ее начале. Мнения Михаила Васильевича становятся авторитетными: его соображения по вопросам стратегии теперь оспаривались в высшем эшелоне военной власти не часто.

В 1912 году в Первопрестольной состоялось секретное совещание руководителей Военного министерства, Генерального штаба, командующих военных округов и начальников их штабов. Они были собраны по императорскому указу для обсуждения и утверждения плана развертывания Русской армии в случае войны с Германией и ее союзницей Австро-Венгрией.

Генерал-лейтенант Алексеев оказался не просто участником того «высокого» заседания. Он приехал из Киева с твердым намерением защитить и обосновать свои стратегические воззрения на предстоящую войну. Свои мысли Михаил Васильевич изложил в докладной записке под названием «Общий план действий». Она носила откровенно критический характер плана мобилизации военной силы России, утвержденного императором Николаем II два года назад, в 1910 году.

Первым человеком, который ознакомился с докладной запиской, стал военный министр генерал от кавалерии В. А. Сухомлинов. Он хорошо знал Алексеева по работе в

Генеральном штабе. Поэтому руководитель московского совещания наложил на записке резолюцию:

— Только для служебного пользования. Ознакомить всех участников совещания.

Записка военному министру Сухомлинову пришлась не по душе. Он видел между ее строк свои недочеты. Предложения начальника Киевского окружного штаба пугали главу Военного ведомства категоричностью суждений в вопросах стратегии. Но оставить докладную «без законного хода» Сухомлинов не мог.

Алексеевская записка наделала среди участников совещания много шума. Ее автору пришлось услышать немало возражений. Причем возражало большинство участников московского совещания:

— Михаил Васильевич. Почему вы настаиваете на ведении в начальный период войны активной обороны?

— Причин здесь несколько. Главная заключается в том, что наши вероятные противники в лице Берлина и Вены сумеют мобилизовать свои армии раньше нас.

— Почему вы так считаете?

— У австрийцев и особенно германцев хорошо развита сеть железных дорог. И протяженность их далеко не та, что в России.

— Вы имеете в виду Восточную Пруссию?

— Не только ее. Германские дивизии могут прибыть из Баварии, например, к нашей границе раньше, чем дивизии сибирских стрелков на берега Немана или Вислы.

— Но сибирские корпуса могут быть отправлены в Царство Польское или Литву по «зеленой улице», без помех на Транссибе. Вы учитываете?

— Пропускная способность Транссиба мне известна еще с Русско-японской войны. Железнодорожники не смогут дать одновременно достаточное число эшелонов и паровозных бригад.

— Чем это грозит мобилизационному плану, утвержденному государем?

— Тем, что этот план в самом начале войны будет сорван сразу в трех восточных военных округах: Омском, Иркут-

ском и Приамурском. А ведь в них расквартированы пять стрелковых корпусов, одиннадцать сибирских стрелковых дивизий с частями боевого усиления.

— Хорошо. Если согласиться с вами, Михаил Васильевич, на предмет ведения активной обороны в начальный период войны, то тогда почему вы настаиваете на выборочном участии последующего стратегического наступления? А не на наступлении по всей линии фронта?

— Удар должен, на мой взгляд, наноситься на одном стратегическом направлении.

— В своей записке вы называете два направления?

— Точно так. Восточная Пруссия и австрийская Галиция.

— Почему именно они? А не в направлении Берлина? Ведь от Вислы до Одера, что говорится, рукой подать.

— Подать рукой можно только по карте. Если мы будем из Польши наносить удар по Берлину, то получим не менее сильный удар с севера, из Восточной Пруссии.

— Но с ее стороны мы можем прикрыться надежным заслоном. И к тому же там заканчивается возведение крепостей Ивангорода и Варшавской. Они современны и хорошо вооружены.

— Крепости могут не устоять. И к тому же, на мой взгляд, австрийцы обязательно помогут своим союзникам из района Кракова.

— Но наши войска могут отразить и этот удар.

— В начальный период войны силы Русской армии в Царстве Польском не могут быть распределены одновременно на трех стратегических направлениях. Мы можем, не прорвавшись к Берлину, оказаться в мешке. Если, разумеется, не заслонимся от неприятельских ударов из Восточной Пруссии и от Кракова.

— Михаил Васильевич. Нам кажется, что вы недооцениваете силу Варшавского военного округа. А это пять армейских корпусов в составе девяти дивизий пехоты, в том числе одной гвардейской, двух стрелковых бригад. Одной кавалерии в Варшавском округе сколько. Шесть кавалерийских дивизий, одна казачья, гвардейская кавалерийская бригада из Уланского Его Величества полка и Грод-

ненского гусарского. Такой ли конницей не наносить удар по германской столице?!

— Такой кавалерийский удар, на мой взгляд, проблематичен и опасен для нас.

— Чем же?

— Наша кавалерия не обучена действовать в больших массах. На военных маневрах после Русско-японской войны совместные действия нескольких дивизий конницы не отработывались. Это известный факт. Он не секрет и для генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии. Поэтому там многотысячного конного рейда с русской стороны могут не опасаться.

— Но мы можем успеть отработать на учениях такой кавалерийский удар.

— Согласен, можем. Но для начала надо внести соответствующие изменения в Кавалерийский устав, а только потом начать организацию взаимодействия кавалерийских и казачьих дивизий на маневрах.

— Отработать взаимодействие на уровне дивизий конницы можно. Это вполне реально.

— Но в случае прорыва на Берлин нам придется сводить кавалерию в корпуса. А здесь у нас, как в известной поговорке, конь не валялся.

— Хорошо, это вопрос спорный. Что вы понимаете под активной обороной? Есть ли у вас какие-нибудь тактические новшества?

— Я предлагаю в своей записке сразу же перейти пехотными группами и кавалерией границу в Восточной Пруссии. В первый же день войны. И навязывать германцам, которые выдвигаются к границе, встречные бои. Прежде всего легкой казачьей конницей.

— Но ведь на казаков можно возложить и другие боевые задачи.

— Казачьи сотни могут вести ближнюю разведку. Ведь есть же у Суворова в его «Науке побеждать» слова о том, что казаки везде пролезут.

— Значит, Михаил Васильевич, вы против одновременного наступления по всей линии фронта?

— Категорически против. Это противоречит реальным возможностям нашей армии, мобилизационной способности государства...

На московском совещании начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант Алексеев не получил одобрения своих предложений большинством военачальников, в том числе и военным министром Сухомлиновым.

В. А. Сухомлинов больше всего уповал на кавалерийский удар. Такое было вполне понятно: бывший блестящий эскадронный командир лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, получивший за доблесть в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов орден Святого Георгия 4-й степени, долгое время служил в гвардейской коннице. Одно время командовал 6-м лейб-драгунским Павлоградским полком и Офицерской кавалерийской школой, командовал кавалерийской дивизией.

Того, что армия технически преобразалась, военный министр Сухомлинов почти не замечал. К заботам и трудностям артиллерийского ведомства относился с прохладцей. Он жил воспоминаниями турецкой войны, которая прославила его имя. В Русско-японскую войну командовал Киевским военным округом и сражений на полях Маньчжурии не знал.

Спорить с ним генштабистам, занимавшимся вопросами стратегического развертывания Русской армии, не приходилось по одной веской причине. Он пользовался неизменным расположением императора Николая II и особенно императрицы Александры Федоровны. Последняя, как известно, свое влияние на решение военных вопросов в Российском государстве оказывала немалое.

Сухомлинов оставался на посту военного министра до июня 1915 года. За время своего пребывания на посту главы Военного ведомства он успел «повоевать» с Государственной думой, пользуясь неизменной поддержкой Николая II. Тот был в восторге от его докладов, всегда легких и оптимистических, и обычно не советовал выступать в Думе, особенно если на заседании присутствовали самые ярые противники военного министра М. В. Родзянко и А. И. Гучков:

— Что вам с ними спорить — вы же мой министр. И этим должно быть все сказано...

«Свалить» Сухомлинова с поста военного министра не смогли даже усилия великого князя Николая Николаевича-младшего и председателя Совета министров В. Н. Коковцева. Первый в начале Первой мировой войны являлся Верховным главнокомандующим России и предъявлял Военному ведомству самые серьезные претензии из-за недостатка артиллерийских снарядов и армейского имущества.

Сухомлинов сумел избежать и разбирательства «личных грехов». Так, дворянство Полтавской губернии через своего губернского предводителя сделало всеподданнейшее представление императору о неблагоприятных поступках военного министра в бракоразводном процессе его жены с полтавским дворянином Бутовичем. Подобное дело могло вполне «свалить» другого министра, но только не любимца царской четы.

И все же в 1915 году Сухомлинова освобождают от поста военного министра. Под давлением возмущенной военной неудачами общественности его привлекают к следствию по обвинению в «противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене».

Николаевскому любимцу пришлось посидеть и под домашним арестом, и в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, и в «Крестах». Следствие шло при Николае II и Временном правительстве. Хотя большинство обвинений не подтвердилось, в сентябре 1917 года Сухомлинова все же приговорили «за неподготовленность армии к войне» к бессрочной каторге, замененной тюремным заключением с лишением всех прав собственности.

Интересно, что соучастницей его государственных преступлений называлась жена. Но суд под председательством сенатора Н. Н. Таганцева ее оправдал, хотя уголовного осуждения бывшей полтавской помещицы требовали ни много ни мало два романовских министра юстиции — А. А. Хвостов и А. А. Макаров. В противном случае они грозили императору собственной отставкой.

При Советской власти заключенный в «Кресты» 70-летний царский генерал попал под амнистию. Летом 1918 года он покинул Россию и выехал в Финляндию, а оттуда в Берлин, где и умер, успев оставить после себя напумевшие в среде белой эмиграции «Воспоминания»...

Московское совещание утвердило Алексеева в правильности своих стратегических воззрений. Его не смутило даже то, что многие армейские военачальники так и не увидели в предложениях «разумного зерна». Да и сам император Николай II, и руководство российского Генерального штаба стояли тогда «на перепутье» при выборе стратегических решений относительно войны против Германии и Австро-Венгрии.

Возражения возражениями, но все же в ранее утвержденный план пришлось вносить серьезные коррективы. Большинство из них вносилось по предложению генерал-лейтенанта Алексеева. В итоге мобилизационный план 1910 года оказался пересмотренным.

С тяжелыми раздумьями возвращался Михаил Васильевич в Киев. Было ясно одно: Россия не успеет подготовиться к большой войне. Не успеет даже закончить те военные реформы, которые начались после поражения в Русско-японской войне.

Понимал он и другое. В случае военных неудач политическая ситуация в огромной державе могла накалиться и революционное брожение могло приобрести невиданный ранее размах. Баррикады на Пресне, «советы» в сибирских городах, разложение войск могли повториться. Такие разговоры не раз велись в кругу близких Михаилу Васильевичу людей:

- А что тогда будет?..
- Устоит ли 300-летняя романовская империя?..
- И кто может прийти ей на смену?..
- Какая государственная сила и власть?..
- В какой роли может оказаться Русская армия?..

Дел у начальника окружного штаба хватало. Его труды не остались незамеченными в Военном ведомстве. В Санкт-Петербурге решили, что генерал-лейтенанту

Алексееву пора дать самостоятельное командование, открыть перспективы для роста как генерала-единачальника.

В июле 1912 года Михаила Васильевича назначают командиром 13-го Армейского корпуса Московского военного округа, штаб которого располагался в городе Смоленске.

К тому времени было уже очевидно, что вопрос о большой европейской войне решен окончательно. Говорить приходилось только о том, когда она «вспыхнет» и в каком составе начнут вооруженную борьбу две коалиции: Антанта и Центральный блок. Больше всего прочили в союзники Германии и Австро-Венгрии султанскую Турцию. В Стамбуле просто не могли пропустить возможность еще раз повоювать с Россией за Кавказ и Крымское ханство.

Исходя из этого и строилась тактическая подготовка войск. Она велась по новым уставам, которые максимально учитывали опыт Русско-японской войны 1904–1905 годов. Уставы дополняли различные секретные распоряжения из Военного министерства и Генерального штаба. Командиру 13-го Армейского корпуса их поступало все больше и больше.

По наиболее серьезным из них генерал-лейтенант Алексеев собирал служебные совещания офицеров корпусного штаба с приглашением командиров дивизий, пехотных полков и одномерных с дивизиями артиллерийских бригад.

– Надо готовить офицеров батальонного и ротного звена действовать в поле грамотно и инициативно...

– Присутствовал на учениях 142-го пехотного Звенигородского полка из 36-й дивизии. Бодрым видом и полевой выучкой солдат доволен. Но где же взаимодействие полка в атаке с приданной ему артиллерийской батареей дивизионной бригады?..

– Задача полковому начальству: как можно быстрее поставить в строй прибывших на днях призывников...

– Отслуживших унтер-офицеров и фельдфебелей агити-

руйте оставаться на сверхсрочную службу. Армии нужны кадровые младшие командиры...

– В 141-м пехотном Можайском полку нет полковой истории. Такую памятку надо создать, чтобы нижние чины, да и офицеры знали боевой путь своей воинской части. Ведь годом основания Можайского полка является 1796 год. Эпоха Петра Великого, его Азовских походов...

– В Каширском полку лазарет содержится в непригодном для медицинских нужд строении. Полковому начальству приказываю подыскать под лазарет в городе Брянске более пригодное здание. Просить от моего имени содействия у градоначальника...

– Из Рязского уезда Рязанской губернии от родителей солдата 143-го пехотного Дорогобужского полка Леонида Докучаева на имя полкового командира пришло письмо. В нем жалоба на местные власти, которые отказали в малом солдатской семье. Отправить соответствующие письма старосте села Пронино и рязскому уездному начальству. Письма подписать лично командиру полка...

– Командирам полков и дежурным по полку служебной обязанностью считать снятие пробы с варки в солдатских котлах...

– В 13-м саперном батальоне, где солдаты маются животами, почистить завтра же колодцы питьевой воды...

Приказания корпусного командира, как правило, заканчивались следующим:

– Об исполнении доложить на мое имя к такому-то числу...

Алексеевские требования к подчиненным ему командирам были строги. Но и тактичны, давая начальству достаточно времени на исправление, устранение и недопущение впредь служебных ошибок.

«Уставной порядок», «организованность войск» для Михаила Васильевича не были какими-то догмами. Он видел еще со времени службы прапорщиком, а потом ротным командиром в 64-м пехотном Казанском полку в порядке и организованности то, что готовило войска к войне.

Алексеев часто вспоминал слова вице-адмирала С. О. Макарова, сказанные им еще до порт-артурской эпопеи:

— Помни войну!

Михаил Васильевич порой дополнял широко известное военному человеку макаровское изречение своими словами:

— Помни войну последнюю, Русско-японскую. Но готовься к войне иной и тактически, и технически...

Однажды в самом конце 1913 года Алексеев собрал корпусное начальство вплоть до батальонных командиров на служебное совещание. О его повестке он объявил в своем выступлении:

— Из Генерального штаба через окружной штаб пришел перевод добытой нашей агентурой «Секретной записки германского Большого генерального штаба». Она посвящена состоянию нынешней Русской армии. Мне приказано ознакомить вас с этим поучительным документом.

Увидев, что некоторые собравшиеся начали открывать чернильницы, Михаил Васильевич заметил:

— Записей прошу не делать. Содержание германской «секретной записки» должно войти в наше сознание...

Алексеев, прежде чем начать читать присланный документ, сказал:

— Примечательно то, что в немецком Большом генеральном штабе считают, что военное дело в России переживает подъем. Послушаем теперь, чем это германцы подтверждают.

Генерал-лейтенант вышел из-за стола на середину небольшого зала, в котором проводились служебные собрания.

— После войны в Маньчжурии в военном деле России наблюдается значительный подъем. В связи с быстрым хозяйственным ростом государства появилась возможность предоставить управлению армии средства, значительно превосходящие расходы всех других держав на оборону страны.

Здесь Михаил Васильевич добавил от себя:

— Германский Большой генеральный штаб скромничает. Военные расходы Германии в бюджете 1913 года значительны как никогда. Не только наша Россия ходит в лидерах.

После отступления генерал-лейтенант стал читать дальше:

— России таким образом удалось устранить не только проблемы материального оснащения, вызванные войной на Востоке, но и осуществить вооружение и снабжение армии современными военно-вспомогательными средствами и довести ее таким путем до уровня больших западноевропейских армий.

Вновь остановившись, Алексеев заметил:

— А вот качественных изменений в нашей полевой артиллерии германские генштабисты не заметили. Они отмечают только увеличение численности у нас тяжелой артиллерии и успехи в создании новых систем крепостных и осадных орудий. Так ли это? Давайте спросим командира нашего мортирного дивизиона полковника Русанова.

Полковник Русанов встал со своего места.

— Валерий Юрьевич. Что вы скажите о германских суждениях о состоянии тяжелой артиллерии русской армии?

— Думаю, что в немецком Большом генеральном штабе дана справедливая оценка.

— В чем вы видите ее правильность?

— Немецкая агентура схватила главное. Наши мортирные дивизионы вооружены теперь 48-линейными мортирами образца 1910 года. А более тяжелые орудия, 120-линейные гаубицы Круппа, немцы знают не хуже нас. Они хоть и образца 1904 года, но не устарели на сегодняшний день.

— Есть ли претензии к боеприпасам? В Русско-японскую войну нарекания имели место.

— Снаряды к нашим дивизионным мортирам поступают из Брянского артиллерийского арсенала. Качество хорошее. Другое дело, сколько боеприпасов будет получать артиллерия с началом войны.

— А что вы можете сказать о наших полевых пушках?

— Поступающие в войска трехдюймовки неплохи. Вот их германскому Генштабу следовало бы заметить в своей «секретной записке».

— Думается, что немцы их проглядели. Или почему-то хитрят.

Корпусной командир продолжил чтение:

— ...Путем увеличения окладов жалованья и пенсий было достигнуто омоложение и увеличение офицерского корпуса.

Михаил Васильевич обратился к слушателям:

— Как можно прокомментировать такое немецкое суждение?

Встал командир 142-го пехотного Звенигородского полка Сапожников:

— В Большом германском генеральном штабе замечают, что русское офицерство помолодело после войны с Японией. А что касается повышения денежного довольствия, то большим оно не стало. Известно, что гвардейский поручик получает намного меньше квалифицированного мастера с Невского или Обуховского заводов столицы.

Алексеев резюмировал:

— О жалованье говорить не будем. Не нам обсуждать правительственные решения на сей счет. Денежное довольствие армии и флота строится из финансовых возможностей государства. Слушаем дальше.

Михаил Васильевич взял новый лист машинописи и стал читать:

— Обильные прибавки и введение германских организационных принципов обеспечили возможность создания почти не существовавшего раньше унтер-офицерского корпуса из сверхсрочного. Как мы можем прокомментировать такое суждение?

Слова попросил подполковник Русанов:

— Хочу заметить, что после Крымской войны многие унтер-офицеры, служившие при государе императоре Николае I, остались на сверхсрочной. А сколько их сдали экзамены на первый офицерский чин прапорщика!

— Но все же проблема со сверхсрочнослужащими у нас есть.

— Есть только в пехотных полках. В артиллерии эта проблема решается.

— Чем вы это объясняете, Валерий Юрьевич?

— Тем, что вчерашним деревенским парням артиллерия дает технические знания. Да еще какого уровня. Тут и механика, и математика, другие научные познания.

Из зала кто-то заметил:

— К нам приходят призывники больше безграмотные или малограмотные. Солдат с образованием выше начальной церковно-приходской школы почти нет в последних призывах.

За подполковника Русанова ответил корпусной командир:

— Беда наша ясна. Грамотных и знающих азы математики действительно мало среди новобранцев. Такие у нас идут в артиллерию, а пехотные полки грамотных бойцов почти не получают.

Кто-то из командиров пехотных полков сказал:

— Надо изменить правила распределения новобранцев и лишить артиллеристов особых прав выбора людей. А то выхода пока не видно.

Корпусной командир словно ждал такой реплики:

— Выход здесь есть, и он ждет усилий наших офицеров, прежде всего имеющих училищное образование. Есть ли в корпусе полки, в которых нет вечерних школ для нижних чинов?

— Они есть и в артбригадах, и в мортирных дивизионах и даже в саперных батальонах дивизий.

— Вот это похвально. Через год-два наш солдат должен уметь читать, писать, знать арифметические правила. И... знать полковые исторические памятки. Солдат должен видеть себя причастным к полковой славе.

После перерыва Михаил Васильевич сказал:

— А теперь послушаем, как оценивают германские генштабисты русского солдата. В «секретной записке» есть специальный раздел под названием «Людские ресурсы Русской армии».

Он стал читать новый листок:

— Людской материал России надо считать хорошим. Русский солдат силен, непритязателен и храбр, но неповоротлив, несамостоятелен и негибок умственно. Он легко теряет свои качества при начальнике, который лично ему незнаком, и в соединениях, к которым он не привык. Поэтому хорошие качества русской пехоты при прежнем методе боя в сомкнутых соединениях могут проявиться лучше, чем теперь. Русский солдат мало восприимчив к внешним впечатлениям. Даже после неудач русские войска быстро оправятся и будут способны к упорной обороне.

Закончив читать, Алексеев спросил:

— Что можно сказать об оценке германским Большим генеральным штабом нашего солдата. Не правда ли, уж очень рационально она звучит?

— Более чем рационально, Михаил Васильевич. Слово из авторов этой записки никто не был наблюдателем в Маньчжурии и под Порт-Артуром.

— Почему не был. Германских советников в японской армии в 1904-м было предостаточно.

— Тогда они должны были видеть, насколько верен русский солдат воинской присяге.

— Да, немецкие генштабисты это выделили отдельным положением. Слушайте этот абзац внимательно. В нем говорится о политических настроениях в нашей армии.

Генерал-лейтенант Алексеев, видевший воочию революционный бунт на железнодорожных станциях Транссиба, прочитал:

— В последние годы в русской армии имели значительный успех революционные устремления, особенно в технических войсках. Но в общем русский солдат еще верен царю и надежен.

Один из командиров пехотных полков заметил:

— Довольно странная оценка. Русского солдата трудно обвинить в отсутствии патриотизма на войне.

— Они дают оценку в преддверии ожидаемой войны в Европе. Германцы же прагматики, реалисты. Немецкий Генштаб уже видит войну против России. Об этом в записке говорится не впрямую, но касательно.

— Зачитайте, пожалуйста, Михаил Васильевич.

— Хорошо, читаю. Оценка будущей войне дается в разделе о людском материале. Вот она: война против Германии и Австрии встретила бы популярность среди русского населения.

— Но должна же быть у германцев какая-нибудь оговорка про нашу слабость?

— Она есть. Дальше говорится следующее: живущие в России поляки должны быть признаны не совсем надежными.

— И это все. А про Кавказ, где война тлеет с прошлого столетия, ничего не говорится?

— Ничего. По-видимому, в немецком Генштабе считают там положение на сегодняшний день вполне стабильным.

— Если немцы так расписали достоинства и слабые стороны нижних чинов нашей армии, то они не могли не сказать о нашем офицерстве. Есть ли там что-нибудь о нас?

Собравшиеся оживились. Нечасто приходилось слышать «из первых уст» оценку самому себе.

Попросив соблюдать тишину, Алексеев начал читать:

— Офицеры и чиновники. Если хороший солдатский материал не удастся хорошо обучить, то в этом виноваты офицеры всех чинов. Недостатки русского народа проявляются среди них в особенно сильной степени. Офицеры обладают личной отвагой, но у них нет чувства долга и ответственности. Необходим постоянный контроль старших начальников всюду и во всем, чтобы не допустить всяческого рода служебных не порядков. Преимуществами русских офицеров являются хладнокровие и крепкие нервы, не сдающие даже в самых затруднительных положениях. Но русский офицер очень любит личные удобства, вял физически и умственно, несамостоятелен и беспомощен при внезапных событиях. Русский офицер готов пойти на предприятия, связанные с особыми трудами и опасностями, если он предполагает, что об этом станет всеобщее известно. Если этот импульс отсутствует, то часто даже в самом ответственном положении он найдет для себя удобный выход. Офицеры Генерального штаба много занимаются на-

учными работами, но предпочитают деятельность в канцеляриях практической работе в войсках.

Оглядев притихших командиров, Алексеев спросил:

– Как вам нравится такая оценка?

– Есть над чем поразмыслить, Михаил Васильевич. Но о том, что наши офицеры любят личные удобства – это уж слишком. Пусть германские генштабисты посмотрят, как живет наш ротный командир.

– Согласен, что авторы записки не все увидели. И о чувстве долга перед Отечеством мы с германским Большим генеральным штабом спорить даже не будем. Война покажет...

«Первый звонок» Великой войны пришел в Россию короткой телеграфной строкой из столицы Австро-Венгерской империи города Вены:

«28 июня около 11 часов дня в Сараеве сербским террористом убиты наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд и его жена Софья Гогенберг».

Европа тогда еще не подозревала, что несколько револьверных выстрелов, прозвучавшие в боснийской столице на набережной реки Миляцка, станут первыми выстрелами из многих миллионов Мировой войны, в пламени которой оказалась большая часть планеты Земля. И что супружеская чета австрийского престолонаследника станет первой жертвой опять же из числа многих и многих миллионов погибших людей.

Сербский террорист Гаврила Принцип тоже не подозревал, что его роковой выстрел станет обвинительным актом в нападении Австро-Венгрии на Сербское королевство, которое произойдет ровно месяц спустя после покушения. Первая мировая война официально начнется с первого залпа австрийских батарей по сербской столице Белграду.

Известный итальянский историк Луиджи Альбертини напишет о тех револьверных выстрелах на набережной Сараево:

«Сербский террорист стрелял не только в грудь австрийского принца, он метил в самое сердце Европы...»

Слова Альбертини, конечно, звучат преувеличением. Но в Вене с 28 июня 1914 года думали иначе. Созданная по указанию австрийского монарха специальная комиссия «свое дело знала». Неслучайно в состав комиссии входили на правах ее руководителей люди, «понимающие ситуацию»: министр по особым поручениям Понграц и начальник осведомительного отдела Генерального штаба Австро-Венгрии фельдмаршал-лейтенант Август Урбански фон Остримиец.

Правда, комиссия начала выдавать в газетных публикациях «свою продукцию» уже после начала Первой мировой войны. Но какова была эта «продукция»?

В декабре 1915 года венгерская газета «Пештер лloyd» опубликовала содержание «некоторых сербских трофейных документов». Заголовок газетной статьи звучал сенсационно: «Тридцать лет тайной дипломатии России на Балканах!»

Затем официальная правительственная газета «Нойе фрайе прессе» сообщила, что в руки вышеназванной комиссии попала «секретная переписка» российского императора Николая II с сербским королем Петром I, которая подтверждала прежние обвинения Вены против России и Сербии. И таких газетных «уток» из «трофейных сербских документов» читатели воюющей Европы узнали немало.

Россию обвинить в прямом участии в террористическом акте на сараевской набережной было просто невозможно. Но вот попытаться убедить мир, что «рука» из Санкт-Петербурга «подталкивала» к этому террористов, – такое делалось. И что в этом деле был замешан российский военный агент (военный атташе) полковник В. А. Артамонов. Но тот сумел доказать свое полное алиби.

Категорически отверг причастность к сараевскому убийству русского дипломата Артамонова и руководитель тайной сербской офицерской организации «Объединение или смерть», известной также как «Черная рука», полковник Димитрий Димитриевич по прозвищу Апис (что означает «священный бык»). На судебном процессе Димитрие-

вич категорически отверг все обвинения в адрес России. По приговору салоникского военного трибунала руководитель «Черной руки» и многие его соратники из числа сербских офицеров были расстреляны.

Новый судебный процесс по делу тайной офицерской организации «Объединение или смерть» состоялся в Югославии в 1953 году. Он посмертно реабилитировал полковника Димитрия Димитриевича и его товарищей, полностью сняв все «террористические» обвинения в адрес «Черной руки».

Убийца эрцгерцога Франца Фердинанда принадлежал к тайному обществу боснийской молодежи «Млада Босна» («Молодая Босния»). Оно было создано в 1910 году сразу же после аннексии Австро-Венгрией бывших турецких провинций Босния и Герцеговина. При этом австрийские власти «покорили огнем и мечом» сербские земли. Неслучайно Гаврила Принцип на суде заявил:

— Главным мотивом, который руководил мною, было стремление отомстить за сербский народ...

Перед прибытием эрцгерцога в Сараево, австрийские войска провели крупные маневры на границе с Сербией. В той напряженной обстановке на Балканах такие действия расценивались как откровенная провокация. «Млада Босна» стала готовить покушение на наследника австрийского престола.

Трудно назвать случайным совпадением то, что эрцгерцог Франц Фердинанд прибыл в Сараево после окончания военных маневров на боснийской земле рано утром 28 июня. Выбор дня прибытия в соседней Сербии могли принять за вызов: это был день национального праздника Святого Витта, годовщины исторической битвы на Косовом поле.

В 1389 году в ходе ожесточенного и кровопролитного сражения сербская армия была разбита превосходящими силами армии османского султана Мурада I. И православная славянская страна попала под вековое турецкое иго.

Однако Косово поле давало Сербии историческую надежду вновь обрести свободу. В ходе той битвы национальным героем стал воин Милош Обилич, сразивший турецко-

го султана. Обилич и стал тем образом, который вдохновил участников «Млада Босны» на покушение на австрийского престолонаследника.

В Сараево действовала целая группа террористов: шесть человек во главе с Д. Иличем и Г. Принципом. Они были вооружены револьверами и бомбами, полученными от тайной организации сербских офицеров «Объединение или смерть». Сценарий убийства эрцгерцога Фердинанда очень напоминал план покушения на российского императора Александра II.

Австрийский император Франц Иосиф перенес гибель престолонаследника «без особого страдания». Он даже, по свидетельству очевидцев, сказал:

— Для меня одной заботой стало меньше...

Однако официальная Вена, еще не дождавшись дня, когда тела супругов примет мавзолей дворца Амштеттен, обвинила Сербию в организации сараевского убийства. Под этим обвинением зримо «просматривалась» Россия, которая на Балканах покровительствовала Сербскому королевству и Черногории.

Судьба же Гаврилы Принципа была трагична. Всю Первую мировую войну он просидел в тюрьме в городе Терезиенштадте, где умер в апреле 1918 года. Его труп был тайно похоронен в тюремном дворе. В 1920 году состоялось перезахоронение останков Принципа в братской могиле с другими умершими участниками заговора младобоснийцев на кладбище в Сараево. На могиле была установлена мемориальная доска со стихами Принципа, которые он написал в тюрьме:

Наши дети будут ходить по Вене,

Бродить по (тюремному?) двору и пугать господ.

В российской столице в те дни мало кто всерьез отнесся к возможным последствиям убийства наследника австрийского престола в Сараево. Одной из причин такого благодушия стала депеша посла России в Вене Н. Н. Шебеко своему шефу, министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

«Трагическая кончина эрцгерцога Франца-Фердинанда мало отразилась на здешних финансовых кругах и на бирже – этом показателе настроения деловой части населения. Курс государственной ренты не поколебался, и это объясняется здесь видами на более спокойную и миролюбивую политику правительства в ближайшем будущем...»

Но в бывшей прусской, а ныне общегерманской столице Берлине с сараевским убийством связывали далеко идущие планы. Германский посол в Вене Г. Чиршки послал своему рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу телеграмму весьма воинственного содержания.

Рейхсканцлер, получив венскую телеграмму, поспешил с ней в приемную императора Вильгельма II.

– Телеграмма, надеюсь, из дружеской нам Вены?

– Точно так, ваше императорское величество.

– Что сообщает Чиршки? Читайте самое главное о венском шуме после Сараево. Остальное можно опустить.

– Посол сообщает: ...в Вене со стороны серьезных людей я неоднократно слышу пожелания, что нужно раз и навсегда свести счеты с сербами.

Император Вильгельм жестом руки остановил рейхсканцлера:

– Эти лица должны говорить тверже: не раз и навсегда, а – теперь или никогда. Читайте дальше.

– Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований и, если она их не примет, действовать энергично.

– Правильно мыслит наш венский посол.

– Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов.

Эта строка из телеграммы «взорвала» императора Вильгельма II:

– Кто его уполномочил на это? Очень глупо. Это его совершенно не касается, это исключительное дело Австрии думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!!! Пусть Чиршки соблаговолит оставить этот вздор. С сербами надо покончить именно сейчас.

– В Вену сегодня же будет послана депеша с разъяснениями. Что еще передать послу в депеше?

– Сообщите Чиршки, что я, как союзник Вены, буду тверд в отношении Сербии. Сербы – это банда грабителей, которых нужно прибрать к рукам за их преступления...

Обо всех перипетиях сараевского покушения Михаил Васильевич Алексеев узнает уже в ходе Первой мировой войны. Но в последний июньский день 1914 года, держа в руках свежий номер «Московских ведомостей» с сообщением об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда, он скажет сослуживцам:

– Похоже, что Австрия в самые ближайшие дни нападет на Сербию. И тогда России придется вступить.

– Но это же война?

– Не просто война, а большая европейская война Антанты против Австрийской империи и ее союзницы Германии.

– В таком случае, Михаил Васильевич, Россию ждет роль победителя. На ее стороне будут воевать Франция и англичане.

– О том, будет ли Россия победительницей, говорить, наверное, не стоит. Война пока никому не объявлена. Но мы с вами будем сражаться за Отечество как русские офицеры, верные своему долгу...

12 июля 1914 года Австро-Венгрия предъявила Сербии уничтожающий и унижающий ультиматум. Одновременно началась мобилизация одиннадцати армейских корпусов. Сербский престолонаследник Александр телеграфировал всероссийскому императору Николаю II о трагическом положении своего Отечества. Тот ответил:

– Россия никогда не останется равнодушной к судьбе Сербии...

Узнав о таком ответе государя России, старый сербский воевода Пашич воскликнул:

– Есть Бог на небе, а царь в России!..

Развитие событий на Балканах «подталкивались» из Берлина. Император Вильгельм II, прочитав телеграмму германского посла в Лондоне К.-М. Лихновского, резюмировал ее содержание следующим образом:

— Австрия должна получить на Балканах господствующее положение по отношению к другим меньшим странам за счет России. Иначе нам не будет покоя...

В Вене не стали ждать истечения срока ультиматума. 15 июля на улицах Белграда начали рваться снаряды с австрийских батарей, поставленных на противоположном берегу реки. Австро-Венгерская империя объявила войну Сербскому королевству.

На следующий день, то есть 16-го числа, начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич представил императору Николаю II на выбор и на подпись два высочайших указа. Первый — о всеобщей мобилизации в России. Второй — о частичной мобилизации четырех военных округов, которые предназначались для действий против Австро-Венгрии: Киевского, Одесского, Московского и Казанского.

Император Николай II желал миром потушить только-только разгоравшийся очаг войны на Балканах. Он послал срочную телеграмму в Берлин германскому императору, подписавшись под ней откровенно дружественно: «Ники»:

«...В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко».

Из Берлина в Санкт-Петербург ответная телеграмма пришла в тот же день. Казалось, что подпись германского императора («Твой искренний и преданный друг и кузен Вилли») «дышала» дружелюбием.

Но содержание телеграфного послания Вильгельма II не оставляло российскому государю никаких надежд на мирное разрешение возникшего на Балканах военного конфликта:

«В глубочайшем сожалении я узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии в продолжение многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собственного короля и его жены, все еще господствует в стране. Без сомнения, ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы всех монархов, требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это подлое убийство, понесли заслуженное наказание. В данном случае политика не играет никакой роли.

С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, издавна связывающую нас крепкими узами, я употребляю все свое влияние, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой. Я твердо надеюсь, что ты придеешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые могут еще возникнуть...»

Пока шла телеграфная переписка между «Ники» и «Вилли», российский Генеральный штаб уже понял, что европейской войны не избежать.

Начальник Генерального штаба Янушкевич 15 июля посылает секретную телеграмму за № 1785 такого содержания:

«Главкомандующему Войсками Гвардии и Петербургского военного округа Вел. Кн. Николаю Николаевичу, наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову, командующим войсками Московского, Варшавского, Казанского, Виленского, Киевского, Одесского и Иркутского округов — Плеве, Жилинскому, Зальцу, Ренненкампу, Иванову, Никитину и Эверту и наказному атаману Войска Донского Покотилло.

Сообщается для сведения: ...семнадцатого июля будет

объявлено первым днем нашей общей мобилизации. Объявление последует установленною телеграммой.

Генерал Янушкевич».

Из сербского города Ниш, куда перебралось из Белграда правительство страны, в Санкт-Петербург 17 июля приходит телеграмма наследного королевича Сербского Александра. В ней были и такие слова:

«...Тяжкие времена не могут не скреплять уз глубокой преданности, которыми связана Сербия со Святой Славянской Русью, и чувство вечной благодарности за помощь и защиту Вашего Величества будет свято храниться в душах всех сербов».

Днем 17 июля император Николай II подписал высочайший указ о частичной мобилизации по мобилизационному расписанию 1910 года войск Киевского, Одесского, Московского и Казанского военных округов. А также второчередных и третьечередных частей Оренбургского, Уральского и Астраханского казачьих войск и команд пополнения Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Оренбургского и Астраханского казачьих войск, входящих в состав мобилизуемых округов, Черноморского и Балтийского флотов.

Телеграмму о частичной мобилизации за военного министра подписали по высочайшему повелению начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич и начальник мобилизационного отдела генерал-майор Н. А. Добровольский.

А в 7 часов вечера 17 июля 1914 года последовал императорский указ о всеобщей мобилизации.

18-го числа Берлин потребовал в ультимативной форме от России отменить мобилизацию в 24-часовой срок. Сам же объявил в Германии полную мобилизацию.

Получив такой ультиматум, император Николай II предложил императору Вильгельму II передать возникший конфликт на рассмотрение третейского суда в голландской столице Гааге. Ответом стало объявление Германией войны России 19 июля в 7 часов вечера.

В российской столице, других городах состоялись пат-

риотические манифестации. Отвечая на требования общенности, монарх повелел переименовать Санкт-Петербург (хотя назван он был основателем не на немецкий лад, а на голландский) в Петроград. То есть град Святого Петра в город Петра Великого...

В воинских частях, по всей России читался Высочайший Манифест об объявлении состояния войны России с Германией:

«Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным.

Немного дней тому назад Манифестом Нашим оповестили Мы русский народ о войне, объявленной Нам Германией.

Ныне Австро-Венгрия, первая зачинщица мировой смуты, обнажившая посреди глубокого мира меч против слабой Сербии, сбросила с себя личину и объявила войну не раз спасавшей ее России.

Силы неприятеля умножаются: против России и всего славянства ополчились обе могущественные немецкие державы. Но с удвоенной силою растет навстречу им справедливый гнев мирных народов, и с несокрушимую твердостью встает перед врагом вызванная на брань Россия, верная славным преданиям своего прошлого.

Видит Господь, что не ради воинственных замыслов или суетной мирской славы подняли Мы оружие, но, ограждая достоинство и безопасность Богом хранимой Нашей Империи, боремся за правое дело. В предстоящей войне народов Мы не одни: вместе с Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибегнуть к силе оружия, дабы устранить, наконец, вечную угрозу германских держав общему миру и спокойствию. Да благословит Господь Вседержитель Наше и союзное Нам оружие, и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с жезлом в руках, с крестом в сердце.

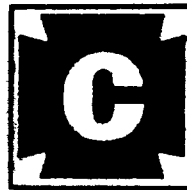
Дан в Санкт-Петербурге, в 26-й день июля, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот четырнадцатое, Царствования же Нашего в двадцатое.

*На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:
НИКОЛАЙ»*

Часть вторая РОССИЙСКИЙ СТРАТЕГ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава четвертая НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

началом Первой мировой войны на Восточном, или, как его чаще называли, — Русском фронте, было создано два фронта. Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта был назначен генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский, который одновременно сохранял за собой пост Варшавского генерал-губернатора. Через два месяца Жилинского сменил генерал от инфантерии Н. В. Рузский. Главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта стал генерал от артиллерии Н. И. Иванов, который до этого командовал войсками Киевского военного округа.

Верховным главнокомандующим император Николай II назначил одного из Романовых — генерала от кавалерии великого князя Николая Николаевича-младшего. В Русской армии это был человек с большим личным авторитетом. Он был внуком императора Николая I, женат на великой княгине Анастасии Николаевне, урожденной Стане, дочери короля Черногории Николая I, сестры королей Италии и Сербии. Образование получил в Николаевском инженерном училище. Затем закончил с малой серебряной медалью Николаевскую академию Генерального штаба.

Николай Николаевич-младший участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Состоял офицером для особых поручений при своем отце, главнокомандующем генерал-фельдмаршале великом князе Николае Николаевиче-старшем. За участие в форсировании реки Дунай в составе авангардной пехотной дивизии генерала М. И. Драгомирова был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. За воинские отличия под Шипкой получил Золотое оружие и в 22 года чин полковника.

После войны великий князь долгое время служил в гвардейской кавалерии. В 1900 году получил чин генерала от кавалерии. В 1905 году Николай Николаевич-младший назначается председателем Совета Государственной обороны, созданного по его же инициативе. Затем добивается выделения Генерального штаба из состава Военного министерства и из-под контроля военного министра. Под руководством великого князя было пересмотрено Положение о полевом управлении войсками.

С того же 1905 года и до начала Первой мировой войны Николай Николаевич-младший являлся главнокомандующим войсками Гвардии и Петербургского военного округа, то есть был одной из ключевых фигур в генералитете России.

Начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего стал генерал-лейтенант, затем генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич, до того возглавлявший Генеральный штаб. Он был доверенным лицом великого князя Николая Николаевича-младшего, и потому к нему военный министр Сухоминов относился неприязненно. Он говорил о Янушкевиче:

— Наш начальник Генерального штаба еще совсем дитя. Ему ли начальствовать над штабами...

Именно Янушкевич сыграл решающую роль в начале фронтовой судьбы Михаила Васильевича Алексеева. Кандидатура на должность начальника штаба Юго-Западного фронта обсуждалась между ним, Ивановым и Верховным главнокомандующим:

— Николай Николаевич. Ваша кандидатура на должность начальника штаба фронта?

— Она уже прошла обсуждение в Генеральном штабе. Рекомендую генерал-лейтенанта Алексеева Михаила Васильевича. Хотя я просил его на должность генерал-квартирмейстера Ставки, но государь мне в том отказал.

— Командира смоленского 13-го армейского корпуса?

— Да, ваше высочество. Опытный работник-оперативник еще с Русско-японской войны. Исполнял должность генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба и начальника штаба Киевского военного округа.

— Что скажет по поводу кандидатуры Алексеева главнокомандующий армиями фронта?

— Ваше высочество. Даю способностям бывшего начальника штаба Киевского военного округа самую высокую оценку. Алексеева я знаю лично. Вне всякого сомнения мы с ним сработаемся.

— Значит, решено. Начальником штаба Юго-Западного фронта назначается генерал Алексейев. Государь император, думаю, поддержит наше предложение...

Высочайший указ о назначении бывшего корпусного начальника генерал-лейтенанта Алексеева начальником штаба армий Юго-Западного фронта был подписан 19 июля 1914 года.

Прибыв в город Ровно, где в то время располагался фронтовой штаб, Михаил Васильевич был тепло встречен генералом Ивановым, своим прежним начальником, с которым они душа в душу несколько лет служили в Киеве.

Иванов позволил начальнику штаба выбрать себе помощника по оперативной части, тогда называвшегося генерал-квартирмейстером. Выбор Алексеева пал на генерал-майора М. С. Пустовойтенко. Человеком он был скромным, работником самостоятельно мыслящим, вдумчивым и исполнительным. Такой оперативник мог быть надежным помощником для начальника штаба любого ранга.

С началом войны в состав фронта вошло шесть армий: 3-я генерала от инфантерии болгарина Р. Д. Радко-Дмитриева, 4-я генерала от инфантерии барона А. Е. Зальца, 5-я ге-

нерала от кавалерии П. А. Плеве, 7-я генерала от артиллерии В. Н. Никитина, 8-я генерала от кавалерии А. А. Брусилова. В последующем состав фронта по числу армий, корпусов и дивизий многократно менялся.

Русская армия начала боевые действия с Восточно-Прусской операции. Необходимость ее проведения мотивировалась стремлением «поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев». После победного для русского оружия сражения под Гумбинненом и Гольдапом последовал разгром наступающей 2-й армии генерала от кавалерии А. В. Самсонова, которая оказалась окруженной в районе Комусинского леса. Всего германцы взяли в кольцо около 30 тысяч русских войск при 200 орудиях. Это были 13-й и 20-й армейские корпуса и 2-я пехотная дивизия 23-го корпуса.

Русские полки дрались отчаянно. Известен подвиг 143-го пехотного Дорогобужского полка, который в боях на улицах восточно-прусского города Алленштейна погиб почти весь, но не уступил атакующему неприятельскому корпусу.

Сменивший Самсонова генерал-лейтенант Н. А. Клюев смалодушничал и отдал приказ по окруженным войскам о сдаче в плен. Пробриться с боем из окружения удалось немногим полкам и батальонам, командиры которых отказались выполнить полученный приказ сложить оружие и сдаться врагу в плен.

Сам командующий 2-й армией, окончательно потерявший нити управления корпусами и дивизиями, понял, что положение его безвыходное. Последними словами Самсонова, обращенными к офицерам армейского штаба, были следующие:

– Император верил мне. Как же я могу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?

Посеревший от несчастья командующий армией, жестоко страдавший от душившей его астмы, отошел от офицеров в гущу деревьев. Оттуда через несколько минут раздался револьверный выстрел. Случилось это у фермы Каролингенгоф близ Виленберга.

Историк-белоземigrant А. А. Керсновский в своей «Истории Русской армии» так писал о поступке командующего 2-й армией:

«Генерал Самсонов был главным виновником позора русского оружия. Современники пытались изобразить его «жертвой». Исследователь позднейшей эпохи не может с этим согласиться...»

Он, кроме того, и сам преступник перед Русской армией. Никогда еще русские войска не велись так плохо, как несчастная 2-я армия в августе 1914 года! Она была брошена на произвол судьбы в самую трагическую минуту своей борьбы...»

И затем, видя, что все пропало – и притом по его вине, он не сумел найти единственный почетный выход из этого положения, не сумел пасть смертью храбрых во главе первого же встретившегося батальона, а предпочел умереть жалкой смертью малодушных...»

Так одна из русских армий, вернее, часть ее, была принесена по сути дела в жертву союзническим обязательствам России перед Антантой. Французский историк Бернар Лавернь писал по этому поводу следующее:

«Если бы более 12 германских дивизий не были задержаны вдали от нашего фронта смелым наступлением русских, битва на Марне, которая сохраняла Францию от краха, была бы поражением...»

Один из полководцев Первой мировой войны А. А. Брусилов в своих мемуарах «Мои воспоминания» так писал о задачах Русской армии в начале войны:

«С начала войны, чтобы спасти Францию, Николай Николаевич (Верховный главнокомандующий. – А. Ш.) совершенно правильно решил нарушить выработанный раньше план войны и быстро перейти в наступление, не ожидая окончания сосредоточения и развертывания армий. Потом это ставилось ему в вину, но в действительности это было единственно верное решение. Немцы, действуя по внутренним операционным линиям, естественно, должны были стараться бить врагов поочередно, пользуясь своей развитой сетью железных дорог. Мы же с союзни-

ками, действуя по внешним линиям, должны были навалиться на врага сразу со всех сторон, чтобы не дать немцам возможности уничтожить противников поочередно и перекидывать свои войска по собственному произволу...

Францию же необходимо было спасти, иначе и мы, с выбитием ее из строя, сразу проиграли бы войну».

Однако одна наступательная Восточно-Прусская операция силами двух армий Северо-Западного фронта не спасала союзную Францию от натиска германских войск на берегах реки Марна. 1 августа начальник штаба Ставки генерал Янушкевич провел телеграфный разговор с главнокомандующим Юго-Западным фронтом и начальником его штаба:

– На проводе генерал Янушкевич. Кто у аппарата?

– У аппарата генералы Иванов, Алексеев.

– Перехожу сразу к делу. Париж просит поддержать его в битве на Марне ударом не только Северо-Западного, но и Юго-Западного фронта. Ваше мнение?

– Армии фронта еще не закончили полного сосредоточения и развертывания. Полной готовности к наступлению нет.

– Верховный приказывает начать наступление против австро-венгров в Галиции, не дожидаясь полного сосредоточения войск и их развертывания.

– Приказ понят. Задача фронта по плану Ставки?

– Атаковать неприятеля в Галиции, нанести ему поражение и воспрепятствовать отходу на юг к Днестру и на запад к Кракову.

– Какие еще будут приказания?

– Пусть штаб фронта оперативно разработает план наступательной операции. Алексееву доложить план в Ставку через двое суток. Одновременно готовить фронтовые войска к атаке. Все.

– Вас понял. Будет исполнено.

Двое суток, с короткими перерывами на чай и сон, оперативники фронтового штаба разрабатывали план наступательной операции знаменитой в истории Первой мировой войны Галицийской битвы. На исходе вторых суток

Алексеев, с потемневшим от бессонницы лицом, докладывал план атаки:

– Николай Иудович, разрешите доложить план наступления фронта.

– Докладывайте, Михаил Васильевич.

Алексеев раздвинул шторку из сукна защитного цвета на карте Галиции, висевшей на стене в его кабинете. Взял в руки указку и начал свой доклад главнокомандующему в присутствии офицеров квартирмейстерской службы штаба:

– Фронт наносит два сходящихся удара. 4-я и 5-я армии наступают из района Люблина и Холма на Перемышль и Львов. 3-я и 8-я армии – из района Ровно и Проскурова на Львов и Галич.

– Какая задача ставится Днестровскому отряду?

– Обеспечивать левый фланг фронта, действуя в между-речье Днестра и Прута.

– Прикажите Днестровскому отряду не нарушать государственную границу с Румынией. Пусть не увлекаются в наступлении.

– Будет исполнено.

– Как я понял, главный удар возлагается на 5-ю и 3-ю армии. Так?

– Да, так. 4-я и 8-я армии обеспечивают действия главной группировки сил фронта. В ходе наступления в план будут вноситься необходимые поправки.

– Какие силы австро-венгерцев, по вашим данным, на сегодняшний день противостоят нашему фронту?

– 1-я армия генерала кавалерии Данкля и 4-я армия генерала кавалерии Терстянского фон Надаса, фланговые группы генералов Кумера и Кевеса.

– Возможно ли появление против нашего фронта германских войск?

– Вполне реально, Николай Иудович. Но только, на мой взгляд, в одном случае.

– В каком, Михаил Васильевич?

– Если наступление Юго-Западного фронта будет развиваться успешно. Тогда Германия вынужденно придет на помощь своему союзнику.

— Хорошо. С предложениями штаба я, как главнокомандующий армиями фронта, согласен.

— Тогда разрешите докладывать шифровкой план операции в Ставку?

— Докладывайте. За моей и вашей подписью...

Галицийская битва в полководческой биографии Михаила Васильевича Алексеева стала тем «точильным камнем», на котором он «сотворил» себе имя как военного вождя, наделенного даром стратегического мышления. Последующие события в Галиции, разыгравшиеся с 6 августа по 13 сентября 1914 года, подтвердили это.

Однако наступательную операцию в Галиции планировало не только русское командование. Этим был озабочен и начальник Полевого Генерального штаба при Верховном главнокомандующем Австро-Венгрии эрцгерцоге Фридрихе фельдмаршал граф Конрад фон Гетцендорф. Один из главных инициаторов использования убийства наследника эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево в качестве предлога для начала войны против Сербии, он был сторонником активных действий.

Фельдмаршал по своему служебному положению и «всеступу» при Венском дворе фактически командовал австро-венгерской армией. Однако к союзникам-германцам он питал «злое чувство». Готовя крупномасштабное наступление в Галиции, начальник австрийского Генерального штаба мирного времени сказал:

— Русских надо разбить до того, как придет их стрелковая пехота из Сибири. Пока железные дороги России своей протяженностью играют нам на руку...

— Одержав победу в Галиции, мы напомним самодовольному Берлину о том, что нельзя так долго топтаться на берегах Марны...

Воюющие стороны перешли в наступление почти одновременно. 1-я австро-венгерская армия генерала кавалерии Данкля фон Красника в составе трех корпусов, двух кавалерийских дивизий при 450 орудиях, развернувшись на рубеже реки Сан, двинулась вперед. Данкль торопился преодолеть тянувшийся вдоль правого берега реки Танев-

ский лесной массив и выйти на прямое направление для атаки русских войск в районе города Люблина. Австрийцы могли рассчитывать на внезапность удара.

Однако этого не случилось. Передовые казачьи разъезды донцов уже несколько суток «присматривали» за Таневскими лесами. Когда оттуда появились первые кавалерийские разъезды венгерских гусар, штаб фронта получил своевременное известие о движении неприятеля от берегов реки Сан.

Алексеев сверил полученную информацию с данными воздушной разведки. Экипаж аэроплана в составе летчика поручика Колунтаева и летчика-наблюдателя унтер-офицера Мозалева при плохой видимости в пасмурный день смог заметить выдвижение колонны из Таневских лесов. Аэроплан был обстрелян из пулеметов и ручного оружия, однако с поврежденным двигателем все же дотянул до окраин Люблина. Там находился полевой аэродром 3-й авиационной (киевской) роты. На земле в корпусе летательного аппарата насчитали больше десятка пулевых пробоин.

Сопоставив данные воздушной разведки со сведениями казачьей разведки, Алексеев понял, что неприятель готовится нанести удар большими силами по Люблину. Начальник штаба поспешил к главнокомандующему:

— Разрешите доложить, Николай Иудович. Неприятель крупными силами начал движение на Люблин с рубежа реки Сан.

— Чем подтверждается такое заключение?

— Почти одновременно получена разведывательная информация от передовых казачьих разъездов и экипажа аэроплана поручика Колунтаева, летавшего на разведку к Таневским лесам.

— Эти данные совпадают?

— Точно так. Казаками обнаружено появление у выходов из лесного массива до двух полков венгерской кавалерии. С воздуха обнаружена колонна пехоты силой до пехотной бригады с артиллерией. Я приказал киевской авиационной роте выслать на доразведку еще несколько аэропланов.

– Правильное решение. Прикажите представить к ордену Святой Анны с мечами 3-й степени поручика, а его летчика-наблюдателя к чину прапорщика. Старших казачьих разъездов – к Георгиевским крестам.

– Будет исполнено, Николай Иудович.

– Значит, вы считаете, что австро-венгры начали встречное наступление?

– Вне всякого сомнения. По движению пехотной колонны и кавалерийских полков удар нацелен на Люблин. Три железнодорожные ветки – на Вислу, Ивангород и Холм значат сейчас много.

– Ваши предложения?

– Думаю, что навстречу противнику лучше всего выдвигнуть к юго-западу от Люблина 4-ю армию генерала Зальца.

– Какую боевую задачу вы предлагаете поставить этой армии?

– Разбить обнаруженного противника пока еще не установленной численности на участке Закликов, Янов, Фрамполь.

– А дальше что предлагается Зальцу? Разумеется, в случае успеха.

– Наступать на крепость Перемышль.

– А будет ли она по зубам одной армии, Михаил Васильевич? Ведь вы знаете, как сильно укреплен Перемышль. Это же бастион на границе. Не слабее нашего Ивангорода у Варшавы.

– Да, знаю достоверно, Николай Иудович. Но Перемышльскую крепость русским войскам все равно брать придется. Лучше раньше, чем поздно.

– Надо передать командующим армиям, чтобы они активнее использовали свою кавалерию. Пока пехота с батареями подтянется, конники, глядишь, и добьются какой-нибудь победы. Самое главное – первой...

Действительно, именно на Юго-Восточном фронте произошло самое крупное кавалерийское сражение в истории Первой мировой войны. Героем стал генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер и его 10-я кавалерийская дивизия в составе четырех полков: 1-го Оренбургского казачьего, 10-го

драгунского Новгородского, 10-го гусарского Ингерманландского и 10-го уланского Одесского.

Дивизия графа Келлера столкнулась 8 августа у Ярославцы с 4-й австро-венгерской кавалерийской дивизией. Знаменитый бой начался с того, что полк оренбургских казаков врубился в колонну вражеской пехоты. Почти одновременно новгородские драгуны и одесские уланы завязали фронтальную схватку с неприятельской кавалерией в числе восьми эскадронов. Участь конного боя висела на волоске. В такой ситуации графу Келлеру пришлось бросить в дело дивизионный штаб и личный конвой, то есть все, что еще оставалось у него под рукой.

Алексеев, поздравляя дивизионного начальника с победой, скажет ему при встрече:

– Федор Артурович. Вам за Ярославлицу могли бы позавидовать и светлейший князь Меншиков, и атаман Платов из 12-го года...

Бой конницы под Ярославлицей победно решился для русских только после удара двух эскадронов ингерманландских гусар во главе с ротмистром Барбовичем во фланг австрийским «белым драгунам» и захвата всей артиллерии дивизии противника в числе восьми конных пушек. После этого началось преследование вконец расстроенного врага. Победители потеряли убитыми и ранеными 115 человек, австрийцы – в три раза больше и еще 400 человек попали в плен.

Герой того боя ротмистр И. Г. Барбович будет награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. В наградном листе сказано:

«...Атаковал и изрубил две роты австрийцев, занимавших выгодную позицию».

Первую мировую войну он закончил полковником и командиром родного гусарского полка. После демобилизации проживал в городе Харькове, который оказался под немецкой оккупацией. Сформировав и возглавив в октябре 1918 года конный отряд из 74 гусар и офицеров, вышел на соединение с Добровольческой армией. Гражданскую войну генерал-лейтенант Барбович закончил командующим

сводным кавалерийским корпусом в Русской армии генерала П. Н. Врангеля...

...Первое встречное сражение состоялось южнее маленького галицийского городка Красника. Утром 10 августа австро-венгры значительными силами атаковали выдвигавшийся 14-й русский корпус. Целый день прошел в ожесточенных схватках, но к вечеру стало сказываться численное превосходство австрийцев. Генерал от инфантерии барон А. Е. Зальц ввел в сражение полки Гренадерского корпуса, только что прибывшего из Москвы и Твери.

Корпусной командир артиллерийский генерал Мрозовский стал наращивать атакующие усилия, стремясь сбить неприятельскую пехоту с занимаемой позиции. В атаку попеременно поднимались то лейб-гренадерский Екатеринбургский, то гренадерские Перновский, Ростовский, Таврический, Московский, Несвижский, Киевский и Самогитский полки. Артиллерийские бригады двух гренадерских дивизий за два дня ожесточенных боев расстреляли почти весь возимый боезапас. С тылов снарядов не подвозили.

Генерал Зальц приказал армейским корпусам отойти на дальние подступы к Люблину. Неприятель, ободренный первым успехом, решил наращивать атакующие усилия именно в направлении на город Люблин. Фельдмаршал фон Конрад издал своим 1-й и 4-й армиям соответствующую директиву:

«Наступать в северном направлении. Нанести полное поражение силам противника, находящимся между рекой Вислой и городом Холмом. Не дать русским возможности оторваться от наших атакующих войск...»

Когда в штабе Юго-Западного фронта стало известно о том, что армия генерала Зальца отошла от Красника к Люблину, Алексеев позвонил в Ставку Янушкевичу. Но перед этим начальник фронтового штаба уже имел уточненные данные о развертывании неприятельских армий. Они были получены от воздушной разведки, а также от высланных на поиск «языков» казачьих разъездов и из показаний пленных.

– Докладывает начштаба фронта генерал Алексеев. Кто у аппарата?

– Генерал Янушкевич.

– Неприятель потеснил от Красника армию генерала Зальца. Она отошла к Люблину.

– Где 4-я армия на сегодняшний день занимает позицию?

– Корпусами в 20–45 километрах от города.

– Что показывает анализ действия неприятеля?

– По всей вероятности, он готовит главный удар на Люблин вдоль правого берега Вислы и, возможно, на Холм.

– Где сейчас находится соседняя с Зальцем 5-я армия?

– Она наступает западнее Владимира-Волынского.

– Ставка приняла решение усилить правое крыло вашего фронта своими резервами. Они уже выдвигаются.

– Что идет в подкрепление фронту?

– 18-й армейский, Гвардейский и 3-й Кавказский корпус. Верховный сегодня утром решил добавить к ним три второочередные дивизии – пехотные 80-ю, 82-ю и 83-ю. Решаются вопросы тылового обеспечения.

– У штаба фронта просьба к Ставке.

– Какая?

– Надо обеспечить боевую устойчивость 4-й армии.

– Что для этого требуется?

– Сменить командующего армией. Генералу Зальцу оперативно управлять войсками не позволяет его преклонный возраст. Ему уже за семьдесят.

– Согласен. Кого вы предлагаете на его место?

– Генерала Эверта. Знаем его как командующего войсками Иркутского военного округа и наказного атамана Забайкальского казачьего войска.

– Ставка не против кандидатуры Эверта, но он только что назначен командующим формируемой 10-й армией.

– Мы с главнокомандующим фронтом настаиваем на кандидатуре Эверта вместо Зальца.

– Хорошо. Ваша просьба Ставкой будет удовлетворена.

– Спасибо.

– Последнее. Информировуйте Ставку о всех изменениях на линии фронта не только в ходе наступления.

— Будет исполнено. Мною создана оперативная группа для анализа поступающей информации с места боев. На группу возложена обязанность отправлять доклады в Ставку не менее трех раз в сутки.

— Такие доклады нами получаются. Верховный просил напомнить, что посол Франции из Петрограда телеграфом запрашивает о ходе вашей операции каждое утро.

— Успокойте посла. Юго-Западный фронт окажет помощь французской армии в Галиции.

— Просьбы фронта к Ставке есть?

— Одна. Тылы не обеспечивают 4-ю армию снарядами. Возимый артиллерийский боезапас она уже исчерпала.

— Вас понял. Будут приняты самые срочные меры по тылам.

— Заранее благодарны.

Еще раз проанализировав оперативную обстановку, Алексеев предложил главнокомандующему фронтом отдать директиву. В ней требовалось от командующего 5-й армией генерала Плеве оказать помощь соседней 4-й армии, действуя против неприятельских войск, наступавших на люблинском направлении. Иванов согласился с таким предложением.

За одни сутки Алексеев разрабатывает новый план фронтовой наступательной операции, поскольку прежний «приказал долго жить». Так появилась на свет директива за № 480 от 12 августа. 4-й армии предписывалось перейти к обороне, 5-й армии нанести удар во фланг и тыл австро-венгерским войскам, атакующим армию генерала Плеве. 3-й армии приказывалось наступать на Жолкиев, а 8-й брусиловской выйти на рубеж Львов, Николаев.

С 13 августа на огромном пространстве по дуге от берегов Вислы западнее Красника и до берегов Днестра южнее Бучача завязались ожесточенные сражения. Такого накала боев Русский фронт еще не знал.

На правом крыле Юго-Западного фронта продолжалась Люблин-Холмская операция. 1-й австро-венгерской армии так и не удалось сбить с занимаемых позиций 4-ю русскую армию, добившись только частных успехов у Красностава.

Между русской 5-й армией и 4-й австро-венгерской армией произошло столкновение, известное в истории как Томашевское сражение. Неприятельский командующий генерал пехоты барон Ауффенберг, имевший четыре армейских корпуса, две кавалерийские дивизии и 436 орудий, планировал «быстрым и решительным» наступлением разбить у города Холма армию генерала Плеве, которая только начинала собираться воедино. Момент для разгрома русских под Холмом виделся удобным.

План Ауффенберга основывался на двойном охвате с флангов русской 5-й армии. С 12 по 15 августа корпуса противников яростно атаковали друг друга, но без особого успеха. В конце концов усиленной группе эрцгерцога Иосифа Фердинанда удалось потеснить один из русских корпусов. Но начальнику другой ударной группы эрцгерцогу Петру Фердинанду пришлось отойти к Замостью.

Армия генерала Плеве оказалась в трудном положении. Он неоднократно обращался за помощью к командующим соседних 4-й и 3-й армий. Но Эверт каждый раз ссылался на собственные трудности: его корпуса действительно вели тяжелые бои. Генерал Рузский же намеревался наступать главными силами 3-й армии на город Львов. Тогда Плеве обратился за помощью в штаб фронта, хотя знал, что фронтовые резервы были на исходе.

Алексеев, внимательно следивший за развитием битвы на полях Галиции, понял, что 5-я армия может, если ей не помочь, «сорваться с места». Помощь могла оказать в данный момент только наступающая армия Рузского, против которой неприятель сильных заслонов пока по пути к Львову не выставил. Между штабами фронта и 3-й армии состоялся телеграфный разговор:

— У аппарата генерал Рузский.

— Николай Владимирович. Как идет ваше наступление на Львов?

— Пока успешно. Противнику не удастся зацепиться за местности и остановить армию.

— Вы знаете о положении армии генерала Плеве?

– Да. Оно мне известно из переговоров с ее командующим.

– Он просил вас оказать ему помощь?

– Просил. Но мои армейские резервы исчерпаны. Кроме того, ослабление наступающей армии может помешать овладению городом Львовом.

– Мы с главнокомандующим верим в ваш успех. Но категорически приказываем оказать помощь Плевне. В противном случае вам грозит фланговый удар.

– У меня нет незадействованных войск.

– Вы можете послать Плевне часть 21-го корпуса. Дела у него под Каменкой-Струмиловой идут хорошо. Противника здесь явно мало.

– Но я возлагаю на действия 21-го корпуса особые надежды.

– Николай Владимирович. Повторяю вам приказ главнокомандующего: передать часть сил в помощь 5-й армии.

– Хорошо, приказ исполню немедленно. Куда направить поддержку?

– В район Мосты-Вельки. Что выделяете Плевне?

– 69-ю пехотную и 11-ю кавалерийскую дивизии из Дубно с приданной им артиллерией – артбригадой и двумя конными батареями. Больше дать не могу.

– Дивизии в штатном составе?

– Да. Только из 12-го Донского казачьего полка взято две сотни для прикрытия железной дороги от конных разъездов противника.

– Хорошо. Эти сотни пусть решают поставленную задачу. Желаю вам удачи и взятия Львова.

– Благодарю за доброе пожелание, Михаил Васильевич.

Пока на северном участке Юго-Западного фронта – у Люблина и Холма – бои шли с переменным успехом, фланговые русские армии – 3-я генерала Рузского и 8-я генерала Брусилова стали выходить в оперативную зону 1-й и 4-й австро-венгерских армий. Начальник австрийского главного штаба Конрад фон Гетцендорф забеспокоился. Он приказал ускорить переброску войск из Сербии в Галицию. Однако русские продолжали приближаться к Львову.

Фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф утром 18 августа дал генералу Ауффенбергу директиву следующего содержания:

«...Создалось положение, которое ставит действиям 4-й армии тесные границы и требует от нее решительного успеха 31 августа или 1 сентября. Если к этому времени не будет достигнуто решительного успеха, 4-я армия может стать под угрозу с юго-востока, так что дальнейшее удержание правого крыла армии, то есть группы Иосифа Фердинанда, в районе, ныне занимаемом, будет невозможным».

Можно считать, что фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф в данном случае разгадал планы начальника штаба русского фронта. Алексеев действительно стремился помочь выйти 8-й брусиловской армии во фланг 4-й австро-венгерской армии.

Австрийский полководец приказал усилить воздушную разведку. Теперь ее вели не только аэропланы-разведчики, а чуть ли не вся авиация, имевшаяся у австро-венгров в Галиции. И результаты такого массированного «осмотра» местности не заставили себя долго ждать. С воздуха было установлено, что сильная колонна русской пехоты и кавалерии с артиллерией выдвигается из Мостов-Вельки прямо на тылы армии генерала Ауффенберга. Это были части 21-го корпуса армии генерала Рузского.

Получив такое донесение, фельдмаршал забил тревогу. Генералу Ауффенбергу посылается новая директива, но уже с самыми категоричными требованиями:

«Если вы не достигнете теперь же решительного успеха, следует отступить восточным крылом армии на Рава-Русскую, чтобы избежать поражения от противника, идущего через Мосты-Вельки».

Однако в штабе 4-й австро-венгерской армии все ожидали самой скорой победы. Начальник армейского штаба генерал Соос днем 18 августа докладывал верховному командованию:

«Если мы до конца доведем этот удар, то мы вовремя сбросим со своей шеи противника, по крайней мере, на не-

сколько недель. Я придерживаюсь того мнения, чтобы нам оставили время до вечера следующего дня и чтобы потом 4-я армия не начинала отход, но преследовала противника необходимыми силами до окончательного разгрома, отбросив его на линию Крылов – Грубешев. К активной обороне против неприятеля, угрожающего нам с юга, можно будет приступить 2-го и 3-го».

Разъяренный таким телеграфным докладом начальника штаба 4-й армии фельдмаршал Конрад ответил ему как можно кратко:

– Повторяю. Колонна русских войск силой до корпуса заходит в ваши тылы. Доложите, поняли ли вы меня?

Ответ из штаба 4-й австро-венгерской армии в Полевой Генеральный штаб не заставил себя ждать:

– Для армии, одержавшей победу, появление противника на тылах не составляет большой опасности.

Фельдмаршала Конрада не зря пугало предчувствие катастрофы. Она началась с сообщений уже на следующий день, днем 19 августа.

Сперва пришло донесение о том, что правый фланг русского 19-го корпуса обойти не удалось, хотя успех здесь намечался. Наступление ударной группы эрцгерцога Петра Фердинанда в составе двух пехотных дивизий было неожиданно встречено сосредоточенным огнем русских батарей. Передовые атакующие батальоны накатились на позицию русских и попали под кинжальный огонь хорошо замаскированных пулеметов. Когда эрцгерцогу доложили о понесенных потерях, то он счел за лучшее побыстрее отступить.

Однако на этом беды Петра Фердинанда не кончились. Русская пехота провела несколько впечатляющих контратак на неприятеля, который не только не успел, но даже и не думал окапываться.

В довершение всего командующий русской 5-й армией генерал Плеве послал во фланг австро-венграм имевшиеся у него две дивизии донских казаков – 1-ю и 5-ю с конными казачьими батареями. Все это так подействовало на эрцгерцога Петра Фердинанда, что он приказал своей группе

отойти назад на 20 километров к Замостью, опасаясь охватывающих действий казачьей конницы.

Австро-венгры попытались обойти и левый фланг 5-й армии, чтобы взять ее в клещи и «сделать русским Канни». Но это было только благим пожеланием фельдмаршала Конрада фон Гетцендорфа.

Обеспокоенный накалом боев на позициях 5-й армии, начальник армейского штаба Алексеев связался по телефону с генералом от кавалерии Плеве:

– Павел Адамович, каково на сегодня положение вашей армии?

– Без позиционных изменений. Австрийцы атаковали нас по всему фронту, но вчера под вечер отошли к Замостью. Верст на двадцать.

– По данным разведывательного отделения, вас обходила с правого фланга группа эрцгерцога Петра Фердинанда. Где она сейчас?

– По опросам пленных, эрцгерцог отошел к Замостью. Пока затишье, но думается, что неприятель поджидает кавалерийский резерв, чтобы возобновить обходное движение.

– А как дела на левом фланге?

– Его тоже двое суток пытались обойти. Но я ввел в бой Сводную и 5-ю кавалерийские дивизии, и положение на сегодняшний час стабилизировалось.

– Каковы ваши потери?

– Пока штабом армии они не подсчитаны. Но в пехотных дивизиях убыль людей из строя равняется примерно трети. В полках стали беречь патроны, батареи ведут огонь только по выявленным целям и при отражении атак. На огневую подготовку своих контратак снарядных запасов у меня уже больше нет.

– Павел Адамович, штаб фронта с согласия главнокомандующего предлагает вам медленно отойти на линию Красностав – Владимир-Волынский.

– Почему я должен отступать, Михаил Васильевич? Армия держится на позиции, ее фланги прикрыты.

– Мы это знаем. Но вы увлечете за собой неприятеля, и

он откроет свои неприкрытые фланги вашим наступающим соседям. Ясно?

— Вас понял. Приказ об отходе будет отдан сегодня вечером. А пока отправляю к Владимиру-Волыньскому свои тылы и санитарные поезда.

— Трудности с отходом есть?

— Есть, Михаил Васильевич. За линией армии скопилось большое число беженцев. Их повозками забиты все дороги и железнодорожные станции. Помочь им почти ничем не могу.

— Схожее положение по всему фронту. Помните, что главная для вас забота об армии. О сохранности войск надо заботиться...

В ночь на 21 августа последние батальоны прикрытия отхода русской 5-й армии оторвались от неприятеля. Перед рассветом Петр Фердинанд приказал своим пехотным дивизиям после короткой артиллерийской подготовки вновь атаковать позиции русских — линию неглубоких окопов по неубранным пшеничным полям, на опушках небольших лесков и по окраинам полусожженных селений.

Эрцгерцог с биноклем в руках стоял на наблюдательной вышке, устроенной саперами на одном из раскидистых дубов, возвышавшемся на пригорке. Он решил лично наблюдать за ходом атаки. У ног эрцгерцога, на дощатом помосте, пристроился унтер-офицер из штабных телефонистов.

Не прошло и пяти минут после окончания огневого налета на русские позиции, как телефонный аппарат напомнил о себе короткими гудками. Телефонист передал трубку генералу. Докладывал командир одного из полков:

— Ваше высочество. Докладывает полковник фон Кауфман. Мой первый батальон занял русские окопы у селения Ольшанцы.

— Поздравляю, полковник, с успехом. О вас сегодня же будет доложено фельдмаршалу Конраду.

— Но окопы пусты. Мне доложили из батальона, что они, по всей видимости, оставлены еще ночью. Пенел в кострищах сырой.

— Допросили жителей деревни о том, куда ушли русские? В каком направлении?

— Селение пусто, ваше высочество. Крестьяне с семьями в панике покинули его с началом боев.

— Полковник Кауфман. Приказываю полком занять позиции русских. Сейчас посылаю вам гусарский эскадрон для разведки. Будьте в готовности наступать дальше.

— Приказ понял, ваше высочество. Выполняю...

В своей штаб-квартире фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф был мрачнее ночи. Он почти не отходил от огромной карты Галиции, испещренной флажками там, где в эти дни проходила наступательная операция двух армий империи. Начальник Полевого Генерального штаба австро-венгерской монархии в эти дни забывал даже про традиционную чашечку бразильского кофе. Штабные офицеры тихо переговаривались между собой:

— Что передают из наступающих армий?

— Иссак атакующий дух. Потери большие. Русские отступили на новые позиции.

— Но ведь это же успех?

— Успех мал. Наш фельдмаршал задумывал прорвать русский фронт у Люблина и Холма, а получилось, что он потеснил противника. И все. Начальник штаба русского фронта его переиграл на карте. Разгадал задуманное и с боями отошел.

— Начальник русского штаба генерал Алексеев? Так его сегодня утром на оперативке назвал фельдмаршал.

— Алексеев из хороших генштабистов. Фон Конрад его хвалит, но сдержанно.

— Был бы этот Алексеев из союзников-германцев, тогда бы наш фельдмаршал отмечал его чаще.

— Господа. Мы начинаем обсуждать действия начальников. Это уже неприлично...

Люблин-Холмская операция в ходе Галицийской битвы закончилась хотя и тактическим успехом австро-венгров, но без эффектного финала. Командующий 4-й армией барон фон Ауффенберг все же сумел «докладить» фельдмаршалу Конраду и в Вену о значимости достигнутых успехов. Но в

октябре генералу пехоты, в 62 года, пришлось уйти в отставку. Причина крылась в том, что при дворе императора Франца-Иосифа I (в ноябре 1916 года его сменит внучатый племянник, ставший императором Австрии и Апостольским королем Венгрии (под именем Карла V) Карл-Франц-Иосиф-Людвиг-Губерт-Георг-Отто-Мария Габсбург, или просто – Карл I Габсбург) ждали гораздо большего военного успеха.

Но все же о бароне фон Ауффенберге при Венском дворе не забыли. Австро-Венгрия терпела в Первой мировой войне одно сокрушительное поражение за другим, и императорской армии «нужны» были герои для поднятия боевого духа. На эту тему между монархом Францем-Иосифом I и министром двора состоялся разговор:

– Чем занимается наш отставной генерал пехоты – барон фон Ауффенберг?

– Живет в своем дунайском поместье и пишет мемуары, которые не показывает даже своей супруге.

– Весьма любопытно. Что говорят о бароне в армии? Особенно в генералитете?

– Авторитет генерала пехоты Морица фон Ауффенберга в императорской армии высок по сей день. За него говорит разгром 5-й армии русских в Галиции.

– Это достоверная информация, граф, или ваше личное мнение об отставном бароне?

– Ваше императорское величество. Это мнение генералитета. И мнение Берлина.

– Тогда барона Ауффенберга надо награждать. И поскорее, чтобы время не ушло.

– Какой награды вы его решили удостоить, смею спросить?

– Я решил дополнить его баронский титул приставкой «фон Комаров». Так назывался город в Галиции, откуда его армия выбила в августе прошлого года русские войска?

– У вас удивительная память, ваше величество. Действительно так.

– Тогда готовьте императорский указ.

– Когда его представить вашему величеству на подпись?

– Сегодня же, граф...

Так в австрийской аристократической семье появился человек с новым титулом. Барон фон Комаров оставил после себя след в истории Первой мировой войны не только командованием одной из австро-венгерских армий в Галицийской битве. Он стал автором мемуаров, которые были изданы на немецком языке в 1920–1921 годах: «Австро-венгерское участие в мировой войне», «Взлет и падение Австро-Венгрии» и «Кампания 4-й армии в начале мировой войны».

Эти мемуары примечательны тем, что Ауффенберг фон Комаров, говоря о действиях русского Юго-Западного фронта, о стратегическом даровании генерала Алексеева упоминает во всех своих работах, хотя и вскользь, но весьма одобрительно. Это делает честь историку-мемуаристу, воевавшему против России, который умел ценить достоинства своего соперника.

К слову сказать, не только бывший австро-венгерский министр давал в послевоенных трудах высокую оценку оперативным трудам начальника штаба Юго-Восточного фронта. Один из крупнейших отечественных военных историков, белоэмигрант Н. Н. Головин, генерал-лейтенант старой Русской армии, бывший начальником штаба Румынского фронта, так отзывался в своей известной работе «Галицийская битва» о М. В. Алексееве:

«Оценивая этот план, нельзя не увидеть, что автор его оказался на высоте, требуемой для руководства группой армий. Несмотря на серьезный кризис, переживаемый 4-й (русской. – А. Ш.) армией, генерал Алексеев сумел устоять от соблазна частных поддержек в виде передачи корпусов из одной армии в другую, на что всегда склонны недорешительные начальники.

Умение генерала Алексеева видеть армейские операции во всем их целом позволило ему не уступить сразу же после первой неудачи почин действий противнику, а продолжать бороться за этот почин...»

В последних числах августа картина на полях Галицийской битвы резко изменилась. Потеряв свой наступатель-

ный пыл, австро-венгерские войска почти всюду оказались на положении обороняющихся. Особенно опасной для неприятеля стала ситуация на правом фланге 1-й армии генерала кавалерии Виктора фон Данкля, будущего барона «фон Красника».

Этой армии приходилось с трудом отражать натиск четырех «элитных» русских корпусов – Гвардейского, Гренадерского и двух армейских – 25-го и 3-го Кавказского. Армия генерала Рузского продолжала продвигаться вперед, нацелившись на город Львов.

Алексеев в те жаркие дни несколько раз телеграфировал Рузскому:

- Основной удар наносите по Львову...
- Львов надо взять во что бы то ни стало...
- Взятие Львова будет не только стратегическим нашим успехом, но и нравственным...
- Ваша победа поднимает дух бойцов фронта...

Именно в те августовские дни командующего 3-й армией стали обвинять в «эгоизме». В Галицийской битве войска Рузского наступали на Львовском направлении по фронту Куликов – Николаев. Николай Владимирович пошел даже на то, что сократил фронт наступления своей армии со 120 километров до 75. Это имело для крупнейшего сражения первой кампании Мировой войны на Восточном фронте два следствия.

Во-первых, с соседями наступающей 3-й армии образовался опасный разрыв, плохо прикрытый. Это было отрицательным следствием.

Во-вторых, из-за сужения фронта наступления плотность войск увеличилась, что привело к созданию действительно сильной ударной группировки. Это было положительным следствием, результатом которого стало успешное взятие города Львова, столицы австрийской Галиции и крупного железнодорожного узла.

К чести начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Алексеева состав 3-й армии до конца Галицийской битвы почти не менялся. У армии были «отняты» только одна пехотная и одна кавалерийская дивизии. Все

остальные войска оставались под начальством опытного, решительного, пусть и эгоистичного генерала от инфантерии Рузского. Но он промедлил с выдвиганием 21-го армейского корпуса.

По этому поводу советский военный историк Коленковский, исследовавший маневренный период Первой мировой войны, вполне справедливо замечал:

«Если бы Рузский произвел этот маневр раньше, скажем, на два дня, а не привязался к Львовскому направлению, то 5-й армии не пришлось бы отходить, и вся Люблин-Жолмская операция приняла бы другой оборот».

Войск Рузский имел для реализации наступления на львовском направлении действительно немало. В состав армии входили корпуса генералов В. В. Сахарова, Я. Ф. Шкинского, Д. Г. Щербачева и Ф. В. Сиверса, три кавалерийские и Кавказская казачья дивизии. В армии насчитывалось 685 орудий. К этим силам следует «добавить» опыт начальника армейского штаба генерала В. М. Драгомира.

Во фронтовом штабе ясно видели, как по ходу Галицийской битвы 3-я армия действительно превращается в ударную силу. Алексеев связался по телеграфу с Рузским:

– На проводе начштаба фронта. Прошу к аппарату командармии.

– Рузский у аппарата.

– Николай Владимирович. Как идут дела?

– Продвижение корпусов продолжается. Перешел на лобовой удар по неприятелю. Он отступает повсюду.

– Почему сократили фронт атаки?

– Чтобы массировать атакующий удар пехотой и кавалерией.

– Вас понял. Но все же прикройте кавалерией свои фланги. Особенно на стыке с армией генерала Плеве.

– Будет исполнено. Для развития открывающегося удара на Львов прошу усилить армию.

– Такое решение с согласия Ставки уже принято. К вам на подходе находятся 3-й Кавказский корпус генерала Ирвана и 8-я кавалерийская дивизия.

— Сколько у Ирмана пехоты? Какую ему планировать боевую задачу?

— Две дивизии. 21-я и 52-я пехотные. При них штатные артиллерийские бригады. Кавказцы обеспечены полным возимым патронным и снарядным запасом.

— Очень признателен за усиление армии.

— Тогда желаю удачи и взятия Львова. Не забывайте о своевременности боевых донесений в штаб фронта. И срочно о любых ситуационных изменениях...

Когда на правом, северном фланге Юго-Западного фронта события развивались таким образом, левофланговые 3-я и особенно 8-я брусилловская армии наступали гораздо более успешно. Неприятельских сил здесь имелось пока немного, и они, слабо сопротивляясь, все время отходили. Поэтому русские войска за первые шесть дней продвинулись вперед на 90–100 километров. Но в штабе фронта прекрасно понимали, что так продолжаться долго не может.

Генерал от кавалерии А. А. Брусиллов с началом мобилизации с должности корпусного начальника был назначен командиром Проскуровской группы, которая была вскоре преобразована в 8-ю армию. Его ближайшим помощником стал начальник штаба генерал П. Н. Ломновский. Новая армия заняла место на крайнем, южном крыле Юго-Западного фронта.

По своему составу брусилловская армия отличалась от других фронтовых объединений разве что наличием сильной конницы. Армейских корпусов было четыре: 7-й генерала Э. В. Экка, 8-й генерала Р. Д. Радко-Дмитриева, 12-й генерала Л. В. Леша и 24-й генерала А. А. Цурикова. Зато конницы имелось пять дивизий: 12-я кавалерийская, 2-я Сводно-казачья, 1-я и 2-я Кубанские и Терская казачьи. Армейская артиллерия насчитывала 472 орудия.

Армия генерала Брусиллова развивала совместно с 3-й армией наступление на Львовском направлении, но только с юго-востока. Когда войска 8 августа форсировали реку Збруч, из состава армии пришлось выделить Заднепровский отряд в составе Терской казачьей дивизии с бригадой пехоты, смененной затем пехотной дивизией.

Австро-венгры на первых порах в серьезные бои не ввязывались. 10 августа войска Брусиллова вступили в город Тернополь, один из крупнейших в восточной части Галиции. Затем начались «настоящие» бои, проходившие с успехом, если не считать поражения Заднепровского отряда у селения Раранчи. Особенно упорно неприятель сражался на реке Коропец.

Фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф в Галицийской битве откровенно недооценил стратегическое мышление своего соперника-генштабиста в лице М. В. Алексева. В австрийском Полевом Генеральном штабе первоначально даже не предполагали, что противная сторона сможет в самые короткие сроки сосредоточить сильную группировку войск на самой южной оконечности фронта. Фельдмаршал Конрад и его штаб считали, что для надежной обороны Восточной Галиции вполне достаточно 3-й армии генерала кавалерии Рудольфа фон Брудермана. Его войска были развернуты между городами Львов и Самбор.

Силы были значительные: два армейских корпуса и шесть отдельных дивизий: пехотная, ландверная, гонведская (венгерская) и три кавалерийских при 288 артиллерийских орудиях. Поэтому начальник Полевого Генерального штаба забрал у Брудермана войсковую группу эрцгерцога Иосифа Фердинанда и перебросил ее севернее на усиление 4-й армии генерала фон Ауффенберга.

Неприятель сам давал картбланш командующему русской 8-й армией генералу Брусиллову. Просчет оперативников фельдмаршала Конрада был раскрыт во фронтовом штабе благодаря аналитическим способностям Алексева, который постоянно изучал разведывательные донесения, ложившиеся на его стол.

В самом начале фронтовой операции в плен попал некий подполковник Чеславик, чех по национальности. На удивление допрашивающих его в штабе одной из пехотных дивизий 5-й армии, он сразу же назвал свою должность — офицер связи Полевого Генерального штаба Австро-Венгрии. Когда об этом доложили Алексееву, тот затребовал пленного к себе. Чеславика в штаб фронта доставили на аэроплане.

Чеха допрашивал начальник разведывательного отдела фронтового штаба полковник гвардии Морозов. Алексеев сидел в углу небольшого кабинета и в разговор сперва не «входил». Допрос велся без переводчика, поскольку пленный довольно сносно изъяснялся на русском языке:

- Ваше имя, звание и должность?
- Чеславик Иржи. Подполковник. Офицер связи Полевого Генерального штаба.
- Где вы родились и почему изучили русский язык?
- Я чех, родился в городе Градец-Карлови. Работал в фирме своего отца, которая вела торговые операции в России. Поэтому изучил русский язык. Когда учился в Пражском университете, тоже занимался его изучением.
- Ваше военное образование?
- Перед самой войной закончил Терезианскую военную академию.
- Как вы, чех по национальности, могли попасть в нее? Ведь выпускники в своей массе немецкоязычные австрийцы. А прием в нее словенца, серба, хорвата, словака, чеха – дело, как нам известно, не частое.
- Действительно, среди выпускников Терезианской академии славян почти не встретишь. Я поступал не без помощи отцовских связей в Вене.
- Тогда понятно. Как оказались в Полевом Генеральном штабе? Тоже по отцовской протекции?
- Нет. После служебной командировки в Италию на меня обратили внимание помощники фельдмаршала Конрада, тогда военного министра императора. И назначение состоялось.
- С какой целью вас послали в армию генерала Ауффенберга?
- Я доставлял секретную почту.
- Содержание документов вам известно?
- Нет, в руках я их не держал. Знаю, что это были директивные указания на продолжение наступления. И больше ничего конкретного, что могло бы вас заинтересовать.

Только после этого молчаливо сидевший Алексеев начал «свою» часть допроса. Но сначала он представился пленному чеху:

- Генерал Алексеев. Вам известна моя должность?
- Точно так. Вы начальник главного штаба русского фронта.
- Мне бы хотелось у вас узнать некоторые сведения о планах фельдмаршала Конрада, вашего начальника.
- Готов ответить, ваше превосходительство. Но только я рядовой офицер связи и к оперативным планам не был допущен.
- Об оперативных планах фельдмаршала Конрада представление мы имеем. Меня интересует другое. Как в штабе фельдмаршала представляют группировки войск противостоящего русского фронта?
- Мне достоверно известно со служебных совещаний, что ваш фронт, называемый Юго-Западным и которым командует генерал артиллерии Иванов, состоит из трех армий – 3-й, 4-й и 5-й и отдельного отряда силой больше армейского корпуса на берегах Днестра, у румынской границы.
- Когда проходило совещание, где вам доводился состав русского фронта?
- На пятый или шестой день после начала наступления армии генерала Ауффенберга.
- Были ли подобные совещания после?
- Да. Они проводились ежедневно начальником службы связи Полевого штаба с постановкой задач офицерам.
- И на них вас информировали о ходе боевых действий?
- Точно так. Все делалось по инструкции фельдмаршала Конрада. Он требовал информировать офицеров своего штаба о всех важнейших событиях военного характера.
- Других армий в составе русского фронта, кроме 3-й, 4-й и 5-й, вам не называли?
- Нет, ваше превосходительство.
- Тогда, господин подполковник, у меня к вам вопросов больше нет. Теперь вы военнопленный русской армии, и на вас распространяются все статьи международного кодекса

об отношении к взятым в плен военнослужащим. Можете идти.

Когда дежурный офицер с конвойным солдатом вывели чеха из кабинета, Алексеев обратился к полковнику гвардии Морозову:

– Мирослав Эдуардович. Ты уловил, почему против Брусилова австро-венгры по сей день не выставили значительных сил?

– Уловил, Михаил Васильевич. Они еще не знают, что Днестровский отряд преобразован в 8-ю армию.

– Точно. И в этом серьезнейший просчет фельдмаршала Конрада. Он на день пленения этого Чеславика реально не оценивает угрозу со стороны бывшего Днестровского отряда.

– Бой у реки Коропец почему-то не насторожил австрийцев. Странно?

– Почему странно. Они же выиграли другой бой – у селения Раранчи. Победа легла на неудачу, и тревоги за южный участок в штабе фон Конрада угасли. По крайней мере, на какое-то время.

– А если на этот день неприятель уже знает о существовании 8-й армии? Что тогда нам следует ожидать?

– Армию Брудермана, по крайней мере всю, развернуть против Брусилова фельдмаршал не успеет. И не только усилить ее, но и собрать в единый кулак.

– Значит, у разведотдела фронта есть новая задача?

– Есть, Мирослав Эдуардович. Проследи повнимательнее за перемещениями неприятельских сил в районе Львова и Самбора.

– Будет исполнено, Михаил Васильевич. Только у меня будет одна настоящая просьба.

– Я уже понял. Авиационным отрядам армий будет поставлена задача на воздушную разведку в интересующем нас районе. Разведотдел штаба фронта готов к такому повороту дела.

– Готов. Мои офицеры уже у воздухоплателей. Из Киева и Одессы доставлены фотографические камеры.

– Специалисты для обучения летчиков-наблюдателей у вас есть?

– Есть, Михаил Васильевич. Отобраны из последних маршевых пополнений. Профессионалы.

– Тогда, Мирослав Эдуардович, как говорится, с Богом...

Этот разговор и допрос пленного подполковника Чеславика в штабе фронта состоялся в тот день, когда фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф «прозрел». Полевой Генеральный штаб получил с полей боев в Южной Галиции уточненные данные о составе неприятельских сил. Только тогда стало ясно, что в составе русского фронта появилась новая армия. Она вместе с 3-й армией противника наступала на Львовском и Галицском направлениях.

Генералу Брудерману и его 3-й армии директивно ставятся новые задачи. Продолжая прикрывать с востока наступающие 1-ю и 4-ю армии, требовалось в срочном порядке развернуть войска для прикрытия города Львова. На это Брудерману давались всего одни сутки – день 12 августа. Его армейские силы на другой день уже должны были контратаковать и разгромить русских, подошедших со стороны Броды и Тарнополя.

Прочитав вслух перед своими ближайшими помощниками телеграмму за подписью фельдмаршала Конрада, генерал кавалерии Рудольф фон Брудерман пришел в ярость:

– Откуда у русских появилась новая армия? Свежая, отоборуживанная? А разве не мы докладывали в Полевой Генеральной штаб о том, что у противника на Днестре появились тысячи и тысячи кавказских казаков? Почему тогда не забили тревогу?

Последний вопрос предназначался для начальника разведывательного отделения армейского штаба.

– Донесение о появлении казаков с Кавказа, ваше превосходительство, нами было продублировано в Полевой штаб дважды.

– И какова была реакция оперативников фельдмаршала?

– Оба раза они попросили проверить такую информацию.

— И вы проверили?

— Такой возможности у нас не было. Русские наступают от Днестра так быстро, что лишают наши разведки возможности действовать эффективно.

— Но пленные же были.

— Точно так. Но не из кавказских казаков. Тот разъезд, который попал под нашу пулеметную засаду у Тарнополя, был весь уничтожен.

— Ну и что из этого?

— У убитых никаких документов не оказалось. Даже семейных писем с адресом.

— Почему казачий разъезд оказался без документов, удостоверяющих личность военнослужащих?

— Предполагаем, что казаки были отправлены не головным дозором, а в разведку. Документы и личная переписка у них были отобраны на крайний случай.

— Вы расследовали эти обстоятельства?

— Так точно. Ясно одно: русские тоже, ваше превосходительство, пекутся о своих секретах на войне...

Конрад фон Гетцендорф в крайне неблагоприятной для него ситуации все же сумел продемонстрировать свое оперативное искусство. Первое, что сделал начальник австро-венгерского Полевого Генерального штаба, он «раскассировал» войсковую группу генерала пехоты Германа Кевесса фон Кевессгаза. Часть войск группы была передана армии Брудермана, а часть перешла в подчинение командующего 2-й армией генерала кавалерии Эдуарда Бем-Эрмоли.

В штабе русского фронта своевременно узнали о том, что в Галицию с берегов рек Сава и Дунай прибывает новая неприятельская армия, 2-я. Она первоначально предназначалась для действий против Сербского королевства, но в боях против отчаянно сражавшейся и отступающей сербской армии ей участвовать не пришлось.

В последних числах августа эшелоны армии Бем-Эрмоли начали выгружаться на железнодорожных станциях Стрый и Станислав, неподалеку от Львова. Однако по силам новая армия Австро-Венгрии немногим превосходила

полоса армейского корпуса: в ее составе имелось всего две с половиной дивизии пехоты и две кавалерийские дивизии. Пополнить ее до самого окончания Галицийской битвы так и не удалось.

Расчеты, проведенные в штабе Юго-Западного фронта, показали, что австро-венгерской армии генерала Бем-Эрмоли, оборонявшейся на фронте в 70 километров, не устоять. На этой полосе наступало десять пехотных и две с половиной кавалерийских дивизий. По решению Иванова и Алексеяева сюда перебрасывалось еще 6 пехотных дивизий.

Не менее трагичной для неприятеля складывалась ситуация у самого Львова. Здесь против 7 с половиной австро-венгерских дивизий наступало 10 русских. Главный удар войск Юго-Западного фронта наносился из района Злочева вдоль железной дороги Львов — Броды.

Однако фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф все еще надеялся переломить ход Галицийской битвы в свою пользу. Он не пасовал перед все нарастающим наступлением русского фронта. 13–15 августа на берегах реки с красивым названием Золотая Липа произошло встречное сражение двух армий — 3-й австро-венгерской и тоже 3-й генерала Рузского.

Русские войска сперва отразили сильный контратакующий удар, затем заставили австро-венгров закопаться поспешно для обороны, а потом прорвали ее и повели преследование. В движение пришел фронт в 60 километров от Каменки-Струмиловой до Дунаюва. Отступавшие в беспорядке неприятельские войска несли огромные потери.

В такой обстановке отчаявшийся генерал Брудерман решил отвести свою армию на рубеж реки Гнилая Липа и там встретить наступающих русских. Вена и фельдмаршал Конрад одобрили такое решение. К тому времени трехдневное сражение на Золотой Липе уже завершилось.

Теперь многое решалось от правильности выбора удача успешно действовавшей 3-й армии. Штаб фронта «вызвал к аппарату» генерала Рузского. Разговор с ним вели командующий фронтом Иванов и начальник штаба Алексеев:

– Николай Владимирович. Верховный главнокомандующий просит нас передать вам благодарность за одержанные победы.

– Сердечно признателен за оценку трудов бойцов и офицеров нашей армии.

– В штабе фронта проанализировано состояние дел на сегодняшний день. Настоятельно требуем от вас совершить теперь же перемещение армии вправо.

– Из чего исходит такое требование?

– Этого требует положение дел в четвертой и пятой армиях.

– У меня есть к командованию фронтом настоятельная просьба.

– Какая?

– Прошу разрешение приостановить наступление армии с завтрашнего дня на двое или трое суток.

– Чем вы мотивируете свою просьбу?

– Мне необходимо упорядочить армейский тыл, подтянуть к себе отставшие обозы и организовать разведку обороны Львова. Она мне видится довольно сильной.

– Хорошо, просьба удовлетворена. Но свободные дни вам приказывается использовать для перегруппировки войск севернее.

– Согласен. Приступаю к выполнению приказа.

Однако когда Иванов и Алексеев доложили в Ставку о принятом решении приостановить на два дня наступление 3-й армии, великий князь Николай Николаевич-младший возмутился. Его поддержал начальник штаба Янушкевич. Они признали остановку 3-й армии совершенно недопустимой и самым категорическим образом потребовали продолжить наступление на город Львов. Командованию Юго-Западным фронтом пришлось подчиниться.

Из Ставки действительно «оказалось виднее». Русский продолжил наступление на Львов. Теперь с ним в скорости передвижения соревновался командующий 8-й армией генерал Брусилов. Он прикрывался от неприятеля одним корпусом у города Галича, а остальные три двинул на Львов.

За сутки было пройдено более 50 километров. С ног валились не только люди, но и кони.

На реке Гнилая Липа разыгралось трехдневное сражение. Австро-венгры попытались было контратаковать противника у Галича, но безуспешно. Брусилов доносил в штаб фронта:

«Трехдневное сражение отличалось крайним упорством, позиция австрийцев, чрезвычайно сильная по природе, заблаговременно укрепленная двумя ярусами (окопов. – А. Ш.), считавшаяся по показаниям пленных офицеров, неприступною, взята доблестью войск...»

Противник, пытавшийся нас удержать с фронта и атаковать во фланг со стороны Галича, отброшен с большими для него потерями...»

Сложилась ситуация, когда австро-венгерскому командованию стало ясно, что галицийскую столицу ему не удержать. Генерал Брудерман отдал приказ войскам своей армии оставить город и отступить к предгорьям Карпат, прикрывая горные перевалы и выходы на Венгерскую равнину.

Генерал Брусилов 21 августа доносил в штаб фронта:

– Сегодня в 11 часов утра разъезды 12 кавалерийской дивизии вошли в оставленный неприятелем город Львов.

В тот же день, но уже под вечер в старинный город на галицийской земле вступили главные силы 3-й армии генерала Рузского. Тот был в немалой обиде на Брусилова, перехватившего «пальму первенства».

В ночь на 23 августа русские войска захватили после артиллерийского обстрела город Миколаев. После этого австро-венгерские войска стали поспешно создавать линию обороны по западному берегу реки Верещицы.

Фронтальная операция по захвату стратегически важных городов Львова и Галича завершилась. Алексеев доложил начальнику штаба Ставки Янушкевичу следующее:

– Фронт победно закончил Галич-Львовскую операцию.

– Ваши потери и трофеи известны?

– Штаб фронта сейчас занимается сбором донесений.

Когда будет составлена общая сводка, немедленно доложу.

– Как ведет себя неприятель?

– Он усиленно закрепляется на правом берегу реки Верещицы. Проводится разведка его новых позиций.

– Михаил Васильевич. Доложите Иванову, что Ставка ставит перед вами задачу проведения новой наступательной операции.

– Могу я узнать главную ее цель?

– Да. Вашему фронту предстоит отбросить австрийцев к рекам Висла и Сан. Детали задачи будут вам сегодня отпущены шифрованной директивой.

– Имеет ли штаб фронта право вносить в нее коррективы по местности?

– Да, такое право вам будет дано. Приступайте к разработке плана новой операции. Направление удара вам уже известно. Верховный просил лично доложить ему план.

– Будет исполнено...

Директива о новом фронтовом наступлении была отдана генералом Ивановым уже 21 августа. К тому времени в составе Юго-Западного фронта была создана решением Ставки новая армия – 9-я под командованием генерала от инфантерии П. А. Лечицкого. Для ее формирования из 3-й армии были взяты два корпуса.

Наступление началось с успеха. Был совершенно разбит 10-й корпус 1-й австро-венгерской армии генерал-полковника Виктора фон Данкля. Одновременно тяжелое поражение понесла армейская группа генерала кавалерии барона Генриха Куммера фон Фалькенфельда. Она попала под атакующий удар русской 4-й армии.

...За ходом Галицийской битвы внимательно следили не только в русской и австро-венгерской Ставках, но и в Берлине. В середине августа там поняли, что союзников надо поддержать. Принимается решение послать на усиление левого фланга 1-й австро-венгерской армии ландверный корпус генерала пехоты и будущего генерал-фельдмаршала Ремуса фон Войрша.

Корпус Войрша, состоящий из двух хорошо обученных ландверных дивизий при 72 орудиях, находился в оперативном подчинении германской 8-й армии генерала М. Притвица унд Гаффона и оперировал в междуречье Вис-

лы Западного Буга. Это были войска, которые должны были, согласно союзному соглашению между Берлином и Веной, наносить в ходе Галицийской битвы встречный удар по городу Седлецу.

Германцы взятых на себя союзных обязательств в августе 1914 года не выполнили. Вена была в обиде. Номинальный главнокомандующий фельдмаршал эрцгерцог Фридрих, он же граф Тешен и двоюродный брат императора Франца-Иосифа I, писал германскому императору Вильгельму II:

«Честно выполняя наши союзнические обязательства, мы, жертвуя Восточной Галицией и руководствуясь, следовательно, лишь оперативными соображениями, развили наступление в заранее обусловленном направлении между Бугом и Вислой и тем самым притянули на себя преобладающие силы России...»

Мы тяжело расплатились за то, что с германской стороны не было развито обещанное наступление против нижнего течения реки Нарева в направлении на Седлец. Если мы хотим достигнуть великой цели – подавления России, то я считаю решающим и крайне необходимым для этого германское наступление, энергично проводимое крупными силами в направлении на Седлец...»

В Берлине состоялся разговор двух Вильгельмов – отца императора и его старшего сына кронпринца, наследника престола, командующего 5-й армией на Западном фронте:

– Что может сказать наследник германской короны по поводу прочитанного?

– Я знаю Фридриха. Он привык пасовать перед трудностями. Пора бы понять, что Россия – не Сербия.

– Но австрийцы обвиняют нас в несоблюдении союзных обязательств.

– Им легко это говорить, поскольку Сербский фронт – не Западный, где германскому солдату приходится воевать французами и бельгийцами. Да еще ожидается прибытие на континент англичан.

– Думаю, что в Вене это поймут. Мы уже послали на поддержку корпус генерала Войрша. Но чувствую, что он отступит к северу от Львова и не поправит.

– Австрийцы настаивают на сильном ударе по Польше из Восточной Пруссии. Они словно забывают, что на пути немецких дивизий встанут русские крепости. Например, Ивангородская.

– Можно пойти по другому пути. Влить в состав австрийских армий наши войска.

– А где их взять? В самой Германии подготовленные и мобилизованные резервы сегодня на исходе. Снимать с Западного фронта, где с таким напряжением идут бои?

– Другого выхода у нас нет.

– Тогда надо подтолкнуть Вену, чтобы она взяла с Балкан еще дивизии.

– Союзники взяли отсюда на Русский фронт все допустимо возможное.

– Значит, обескровить Западный фронт.

– Да, только так. Если мы не поддержим австрийцев в Галиции, то можем остаться в войне один на один с Антантой...

Пока в Берлине решался вопрос о возможной помощи Австро-Венгрии, ее полководец фельдмаршал Конрад попытался перехватить у русских инициативу. Он решил контрударом в районе Львова разбить противника. Поздно вечером 19 августа начальник Полевого Генерального штаба подписал соответствующую директиву.

Севернее и западнее Львова начались тяжелые затяжные бои. Их пик пришелся на 9 сентября, когда полки Гвардейского и Гренадерского корпусов 4-й армии сломили сопротивление австрийцев на своем участке фронта.

Под удар элитных войск Российской императорской армии попал и германский ландверный корпус генерала Войрша. При поспешном отступлении одна из его дивизий оставила на поле боя всю артиллерию. Четыре тысячи немецких солдат и офицеров попали в плен.

Корпус генерала Войрша и австро-венгерский 10-й корпус были разбиты под Тарнавкой в боях 26–27 августа. Главный удар наносила 1-я бригада 2-й Гвардейской пехотной дивизии генерал-майора А. К. Киселевского в составе полков лейб-гвардии Московского и Гренадерского.

Их атаку поддержал Дагестанский пехотный полк. В тех боях отличился и лейб-гвардии 2-й Царскосельский стрелковый полк.

Разгром германцев и австрийцев был полный: неприятель потерял около 14 тысяч человек, не считая пяти тысяч пленных.

Но потери полков российской лейб-гвардии тоже оказались огромны. Московский полк лишился за два дня кровопролитных боев более половины своего состава: 63 офицера и 3200 нижних чинов. Гренадерский – 50 офицеров и 2500 нижних чинов. Под Тарнавкой гвардейцы-москвичи захватили 42 трофейных орудия. На второй день Тарнавских боев неприятель бросил еще 9 немецких гаубиц.

Вечером того же дня, 9 сентября, начальник штаба фронта Алексеев уведомил командующего 8-й армией генерала Брусилова об успехах на северном участке Галицийской битвы. К сказанному в телеграмме он добавил:

«...Великой заслугой перед Родиной будет удержание вашей армией занимаемого положения. Плоды этих героических усилий будут пожаты на всем протяжении армий фронта».

Атакующие усилия австро-венгров у города Рава-Русская результатов не дали. В их Полевом Генеральном штабе лихорадочно искали пути победного выхода из боев на полях Галиции, которые все ближе перемещались к Карпатским горам. Фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф все свои надежды связывал с концентрическим наступлением на Львов. Но и в штабе русского Юго-Западного фронта тоже не дремали.

Фронтальной штаб работал днем и ночью. О полноценном сне никто не думал. В одну из последних августовских ночей между командующим фронтом и начальником его штаба состоялся такой разговор:

– Николай Иудович, уже вторые сутки анализ боевых донесений показывает, что австрийцы опять теряют из поля зрения нашу левофланговую армию.

– На чем основано такое заключение?

— Опросы пленных показали, что неприятель все свои резервы бросает севернее Львова. Особенно после разгрома германского ландверного корпуса. Они боятся, что там образуется дыра. Вот и затыкают ее чем можно.

— У вас, Михаил Васильевич, разговор на эту тему с генералом Брусиловым был?

— Днем был. Алексей Алексеевич высказался за новый удар силами своей армии. Он считает войска готовыми наступать.

— Значит, как я понимаю, речь идет об атаке Городокских позиций австрийцев с фронта?

— Да, речь именно об этом.

— А вражеские позиции на правом берегу реки Верещицы достаточно разведаны?

— Удалось провести воздушную фотосъемку. Она выявила полосу укреплений. Прорвать ее можно в ближайшие дни. Но... Потери в людях ожидаются большие.

— Тогда переговорите еще раз с Брусиловым. Может быть, у него насчет атаки Городокских позиций есть свои соображения.

— Будет исполнено.

— Когда утрясете с генералом Брусиловым план удара, я буду готов подписать директиву на наступление 8-й армии...

Разговор Алексея с Брусиловым был предельно краток. Командующий 8-й армией понимал, что шагнуть через реку Верещицу придется именно его полкам, поэтому лично участвовал в проведении рекогносцировки неприятельских позиций. Они смотрелись достаточно сильными. Австро-венгры в фортификационных работах в поле рук не жалели. Впечатляла та полоса полевых укреплений, которая прикрывала сам Городок: окопы полного профиля, блиндажи, пулеметные гнезда, закрытые артиллерийские позиции, а в ряде мест — колючая проволока на рогульках.

К слову сказать, в непростых ситуациях Алексей и Брусилов всегда находили должное взаимопонимание. Так было и на этот раз:

— Алексей Алексеевич. Главнокомандующий дал согласие на проведение вашей армией Городокской операции. Схватка в лице генерала Янушкевича не возражает.

— Вчера я со своими оперативниками провел рекогносцировку на Верещице. Подтверждается то, что ее прорыв дастся нам дорогой ценой. Снарядных запасов для сильной артиллерии у меня на сегодняшний день нет.

— Тогда ваши предложения на операцию?

— Предлагаю, Михаил Васильевич, атаковать не по фронту, а обойти австрийские позиции с левого фланга.

— Хорошо, предложение принимается. Сегодня же вам будет отправлена директива главнокомандующего...

С утра 26 августа на Городокском направлении завязались ожесточенные бои, которые шли четыре дня. О том, как оборонялась австро-венгерская пехота, свидетельствуют хотя бы такой факт: русские полки атаковали врага с рассвета, а в полдень первого дня боев за городок они уже сбивали неприятельские контратаки. Генерал Брусилов писал о тех схватках:

«Надо отдать справедливость, нашими врагами было проявлено крайнее напряжение, чтобы задачу эту выполнить».

Когда накал боев достиг своего апогея, командующий армией вознамерился отвести войска на исходные позиции. Однако сделать это Брусилов не мог без разрешения штаба фронта.

— Михаил Алексеевич. На сегодняшнее утро мои потери очень велики, что в отдельных полках уже некого послать в атаку. Есть батальоны числом меньше роты.

— Штабу подобные донесения пришли из других армий. На подходе маршевое пополнение из Москвы и Брянска. Часть второочередников будет ваша. Прибывает досрочный выпуск Александровского военного училища, Сергеевского артиллерийского из Одессы. Восполним убыль ваших ротных офицеров. Что еще беспокоит?

— То, что армия на позиции держится весь день из последних сил.

— Но по нашим разведывательным данным, и у неприятеля такая же картина. Надо держаться. И атаковать врага.

– Держаться трудно. Вчера я приказал спешить драгунский Стародубовский и уланский Белгородский полки из 12-й кавалерийской дивизии. Превратил их в ездящую пехоту.

– Одобряю такое решение. Мера вынужденная и, надеюсь, временная.

– Михаил Васильевич, я со своим начальником штаба буду просить разрешения об отходе на исходные позиции перед боями за Городок.

– Ни в коем случае. Держаться стойко. У противника силы на исходе. Если не сегодня, то завтра он начнет отступать.

– Тогда что мне делать без резервов?

– Держаться на месте. И не упустить час, когда австрийцы побегут в сторону Карпатских гор. Тогда вся забота будет в организации преследования отступающих...

На рассвете 30 августа неприятель стал отходить перед линией фронта брусиловской армии. И сразу же в преследование пошла русская кавалерия, которая старалась отрезать арьергардные части.

Но как ни тормозили своими требованиями о настойчивости преследования Иванов и Алексеев подчиненных им генералов, проку от этого было мало. Приказы о неотрывном от врага движении вперед, даваемые в самой категорической форме, уже не выполнялись.

Сапоги расползались, лошади выдохлись, люди мечтали о том дне, когда их поведут в баню. Целые полки питались одними сухарями да яблоками в садах брошенных жителями селений.

В один из последних августовских дней Алексеева пригласил к себе главнокомандующий фронтом. Иванов читал телеграмму, полученную из Ставки, за подписью великого князя Николая Николаевича-младшего:

– Михаил Васильевич. Ваш коллега из штаба Северо-Западного фронта подтвердил нашу информацию о том, что в составе войск противника появились военнослужащие-поляки.

– Польский легион Йозефа Пилсудского австрийскими властями официально создан еще 16 числа этого месяца.

– Кто руководит легионом?

– Формально высший национальный польский комитет, который заседает в Кракове. Но без разрешения Вены он работать, как сами понимаете, не может.

– Значит, поляки, проживающие в Австро-Венгрии и Германии, теперь воюют против России и российских полков.

– Получается так. Пилсудский призывает своих легионеров к походу на Варшаву, столицу Царства Польского. А оно находится в составе Российской империи.

– Пилсудскому в истории хочется занять место наполеоновского маршала Понятовского.

– Ясно, как Божий день. Вы меня, Николай Иудович, зачем-то вызывали?

– Да, Михаил Васильевич. Из Ставки получена телеграмма за подписью Верховного. Нам предписывается заняться необычным для военных людей делом.

– Каким, позвольте спросить?

– Наши армии вступили на территории австрийской Галиции. Правительством издана прокламация для местного населения.

– Ее суть?

– Галичанам в случае победы обещается защита от посягательств католической Польши. Они, как малороссы, являются частью одного славянского народа, и для них существует только одна родина – Россия.

– Идея такой прокламации важна. Ведь мы воюем на земле Галиции. Нам нужна поддержка местных жителей.

– Вот в ставке и правительстве этим делом и озаботились. Глава министерства иностранных дел Сазонов у нас большой государственный.

– Можно взглянуть на прокламацию?

– Пожалуйста.

Алексеев взял присланный документ, стал бегом читать лист серой газетной бумаги:

«...Нет сил, которые могут остановить русский народ в его стремлении к единству.

...Жители Галиции, вы наследники святого равноапостольного великого князя Владимира, земли Ярослава Мудрого, князей Данилы и Романа.

...Надо отбросить иноземное владычество австрийцев и поднять знамя единения великого и неделимого Российского государства, завершить дело великого князя Ивана Калиты...»

– Что ж, написано достаточно убедительно и призывно.

– Думаете, Михаил Васильевич, отдача будет?

– Будет, вне всякого сомнения. Уже сейчас в наших полках появились первые добровольцы из местных жителей. Завтра их будет больше.

– Тогда давайте команду отправлять прокламации по корпусным штабам. Пусть распространяют в занятых сельских уездах и городах.

– Будет исполнено. Если не хватит тиража, допечатаем во львовской типографии...

К середине сентября разбитые четыре австро-венгерские армии и отдельные армейские группы отошли на рубеж рек Дунаец и Бяла, чтобы «зацепиться» за них. Галицийская битва завершилась победой русского оружия, победой Юго-Западного фронта.

Размах сражения на полях Галиции в августе и сентябре 1914 года оказался схож с понесенными сторонами потерями. Русские потеряли 230 тысяч человек убитыми, ранеными, без вести пропавшими и пленными. Австро-Венгрия лишилась около 400 тысяч людей, в том числе 100 тысяч пленных. Обученные резервы венского командования «растаяли» на Восточном фронте.

Часть плененных в Галиции солдат и офицеров пошла в конце войны на формирование добровольческого Чехословацкого корпуса. Дислоцированный в тылу Юго-Западного фронта, он к концу 1917 года состоял из двух пехотных дивизий и запасной пехотной бригады. Общая численность корпуса доходила до 30 тысяч человек. Командовал им генерал-лейтенант В. Н. Шокоров, начальником штаба был генерал-лейтенант М. К. Дитерихс.

Алексеев был среди той части русского генералитета,

которая поддерживала идею создания в рядах Российской Императорской армии добровольческих частей из лиц славянской национальности. Михаил Васильевич, когда обсуждался этот вопрос, высказался следующим образом:

– Думается, что идея славянского братства поможет нам выиграть эту войну. Чехи и словаки сражаются за Австрию с большой неохотой. А вот за возможное создание собственного государства они будут биться примерно...

В августе 1914 года чехи, проживавшие колониями в Петрограде, Москве и Киеве, обратились к императору Николаю II с предложением о создании Чехословацкого легиона в составе Русской армии. В письме говорилось:

«Чехи, дети общей славянской матери, удивительным образом выжившие как часовые на Западе, обращаются к тебе, Великий Суверен, с горячей надеждой и требованием восстановления независимого чешского королевства, чтобы дать возможность славе короны Святого Вацлава сиять в лучах великой и могущественной династии Романовых.»

Воинские части из добровольцев чехов и словаков были вскоре созданы. Позднее их пополнили военнопленными из австро-венгерской армии. Так в составе вооруженных сил России появился Чехословацкий корпус, которому Гражданская война уготовила историческую судьбу.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов обещал на встрече с делегацией чехов, проживавших в России:

– Если Бог даст победу русскому оружию, то восстановление полностью независимого Чешского королевства будет совпадать с намерениями русского правительства...

Но чехословацкому корпусу не удалось проявить себя на Русском фронте. В январе 1918 года, в связи с отдельными мирными переговорами в Брест-Литовске он был объявлен автономной частью французской армии. В августе Советское правительство заявило о готовности эвакуировать личный состав корпуса из России через Владивосток.

К концу мая 63 эшелона с чехословаками общим числом более 40 тысяч человек растянулись по железнодорожной линии от станции Ртищево близ Пензы до Владивостока. То есть на расстояние в 7 тысяч километров.

Однако попытки советской власти использовать чехословаков в боевых действиях против германцев и войск Украинской народной республики, стремление разоружить корпусные части, задержки движения эшелонов и изменение их маршрутов привели к восстанию чехословаков.

Совещание представителей корпуса в Челябинске постановило: оружие не сдавать и продолжать движение к Владивостоку. Во главе корпуса встал военный совет из трех человек: подполковника С. Войцеховского, капитанов Р. Гайды и С. Чечека.

25 мая в городе Мариинске произошло первое вооруженное столкновение чехословаков с отрядами местного Совета. В тот же день был перехвачен приказ Л. Д. Троцкого о расстреле на месте всякого вооруженного чехословака и о заключении в лагеря военнопленных всего состава данного эшелона.

Так началось восстание Чехословацкого добровольческого корпуса против советской России. В феврале 1919 года корпус был переименован в Чехословацкую армию.

Белые чехи и словаки воевали в годы Гражданской войны на Восточном фронте, поддерживали армии Верховного главнокомандующего Российской армией адмирала Колчака, сражались на Дальнем Востоке в войсках Антанты. Последний транспорт с чехословацкими солдатами покинул порт Владивосток 2 сентября 1920 года...

Но не только чехи и словаки вставали под российские знамена с началом Первой мировой войны. Бельгийцы, проживавшие в Петрограде, в ответ на то, что Германия начала оккупацию их родной Бельгии, создали отдельную добровольческую часть. Смешанный Русско-Бельгийский броневой автомобильный дивизион достойно сражался на Юго-Западном фронте...

За Галицийскую битву М. В. Алексеев удостоился воен-

ного императорского ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени. Так в рядах русского генералитета появился еще один георгиевский кавалер. С белым эмалевым крестом, в розетке которого красовался Георгий Победоносец, Алексеев предстает перед потомками почти на всех своих фотографиях времен Первой мировой войны и войны Гражданской.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Н. И. Иванов был награжден уже полководческой Георгиевской наградой – военным орденом Святого Георгия сразу 2-й степени.

Георгиями в старой России гордились все: от нижних чинов до генералиссимуса князя Италийского графа Александра Васильевича Суворова-Рымнического.

Орденская награда за победу в Галицийской битве только дополняла другую. Алексеев награждается еще и чином полного генерала. Генерал от инфантерии будет его последним воинским званием на четыре года оставшейся жизни.

Каких только высоких оценок не давалось Михаилу Васильевичу за его галицийские труды. Так, бывший генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего Ю. Н. Данилов писал в своем труде «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.», вышедшем в 1924 году в Париже:

«Руководящая роль принадлежала начальнику штаба этого фронта генералу Алексееву – человеку больших военных знаний, опыта и настойчивости. Несомненно, что наши первые успехи в Галичине должны быть крепко связаны с именем этого крупного военного деятеля пережитой эпохи.»

Есть любопытное заключение об умелом стратегическом маневрировании русского фронта в Галицийской битве немецкого военного исследователя. В «Истории войны» Г. Штегеман писал:

«Австрийская победа у Замостья была парализована русской победой у Перемышля, так как поворот фронта 4-й армии (генерала А. Е. Эверта. – А. Ш.) для второй бит-

вы у Львова спас жизненные пункты северного Русского фронта...»

Можно констатировать бесспорный факт: после Галицийской битвы к Алексееву пришло признание его полководческого таланта и стратегических воззрений. Ему теперь прочили удачную карьеру на более высоких постах. Сам же он отзовется о первой военной кампании в одном из разговоров так:

— Наше мышление еще только переходило с мирного на военное положение. Битва в Галиции научила прежде всего тому, как надо воевать. Научила многих, в том числе и меня.

Война на Русском фронте, как известно, Галицийской битвой не закончилась. Она только начиналась для Европы и остального мира.

Михаилу Васильевичу Алексееву здесь предстояло сыграть одну из заглавных ролей. А пока он продолжал добросовестно исполнять должность начальника фронтального штаба.

После победного завершения боев в Галиции штаб Юго-Западного фронта стал разрабатывать, пользуясь затишьем, план новой стратегической операции. Иванов и Алексеев предлагали, переправив через реку Сан главные силы фронта, начать наступление в северо-западном направлении и переместиться на левобережье Вислы. После этого, утвердившись на рубеже реки Нида, действовать по обстановке.

Перед тем как предложить Ставке собственный план продолжения войны, между главнокомандующим фронтом и начальником его штаба состоялся разговор:

— Михаил Васильевич, как вы думаете, великий князь и Ставка одобряют нашу стратегическую задумку?

— Надеюсь, что да.

— Почему вы так уверены?

— Ставка сама вынашивает идею последующего после Галиции вторжения в земли Верхней Силезии. А это уже германская территория.

— У вас на сей счет разговор уже был со Ставкой?

— Да. Такими мыслями со мной делился генерал Янушевич. А он, как вам известно, выражает прежде всего мысли Николая Николаевича-младшего.

— Чем может Верховного привлечь наш план выдвижения на рубеж реки Нида?

— В первую очередь тем, что с этого рубежа наш фронт может оперировать сразу по двум направлениям.

— Вы говорите о возможности нанесения ударов на Краков или Бреславль?

— Да, Николай Иудович. На австрийский Краков и немецкий Бреславль.

— Думаю, что Ставка поддержит такую идею. Но здесь одно «но».

— Какое?

— Предлагаемый нами план надо согласовать с действиями соседа, Северо-Западного фронта. У его штаба ведь тоже есть свои задумки и проблемы.

— Согласование необходимо. Но это уже компетенция Ставки...

Новый главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Рузский, сменивший на этом посту генерала Жилинского, действительно находился под прессом собственных «проблем». Его фронт не мог обеспечить действия южного соседа при выдвижении последнего на рубеж реки Нида. Рузский предлагал Ставке отвести свою 2-ю армию с берегов реки Нижний Нарев на Бельск, чтобы перегруппировать войска фронта.

В начале сентября начальник штаба Ставки в письме сообщил Иванову и Алексееву о намерениях главнокомандующего соседнего фронта:

«Хотя этим движением открываются пути на Варшаву и Новогеоргиевск, но наличие на фронте Гродно — Белосток — Бельск двух армий общей численностью до 8 полковых корпусов, не считая прибывающего 2-го Сибирского корпуса, могущих действовать во взаимной связи, едва ли позволит немцам, при наличных у них силах, развить широко к югу их наступательные действия».

Иванов и Алексеев поняли, что при таких перемещени-

ях войск северного соседа будет положен предел их наступательным возможностям. Фронт идти вперед с открытым флангом, а потом и тылом не может.

Решение вопроса было отдано Верховному главнокомандующему. Пока шло согласование возможных наступательных операций, положение на Восточном фронте стало быстро меняться не в пользу русских.

В Берлине поняли, что противник на востоке будет намереваться захватить западную часть Галиции, Краков и Верхнюю Силезию. Последняя была важным для войны промышленным районом. Командующий 8-й германской армией, прикрывавшей Восточную Пруссию, генерал пехоты Пауль фон Бекендорф унд фон Гинденбург (будущий президент Германии, передавший в 1933 году правительственную власть Адольфу Гитлеру и его национал-социалистической рабочей партии) доносил в главную квартиру следующее:

«Наступление на Нарев в решающем направлении возможно через 10 дней. Австрия же из-за Румынии просит непосредственной поддержки путем переброски армии к Кракову и в Верхнюю Силезию. Для этого имеется четыре армейских корпуса и одна кавалерийская дивизия. Переброска по железной дороге займет 20 дней. Большие переходы к левому австрийскому флангу. Помощь туда опоздает. Прошу решения».

Новый начальник германского Полевого Генерального штаба генерал пехоты Эрих фон Фалькенгайн, только-только сменивший на этом посту явного неудачника генерал-полковника фон Мольтке-младшего, сразу понял озабоченность опытного Гинденбурга. Фалькенгайна принял Верховный главнокомандующий император Вильгельм II:

— Ваше величество. Я имел честь вчера вечером передать вашему адъютанту письмо от генерала фон Гинденбурга.

— Я уже ознакомился с ним. Ваши предложения, как начальника моего Полевого Генерального штаба.

— Я полностью согласен с ним о необходимости поддер-

жать австрийцев. На Русском фронте надо провести совместную стратегическую операцию. И как можно скорее. Чтобы упредить русских.

— Какими силами это можно сделать?

— Предлагается сформировать новую германскую армию на Востоке. Она будет нашей 9-й по счету.

— Ее состав и откуда брать войска?

— Можно взять часть сил восточно-прусской 8-й армии и большую часть подготовленных резервов империи, которые сейчас расквартированы в Верхней Силезии.

— Перечислите состав новой армии.

— Пополненный уже ландверный корпус генерала Войрша, Сводный корпус генерала Фроммеля, гвардейский резервный, 11-й, 17-й и 20-й армейские корпуса.

— Как будут обстоить дела с артиллерией?

— Артиллерией она будет обеспечена по штатам. Недостатка в снарядах для орудий всех калибров армия иметь не будет. Снарядные запасы уже на складах.

— Где вы намечаете сосредоточить новую армию?

— В районе городов Краков, Ченстохов, Калиш.

— Направление планируемой вами наступательной операции против русских?

— Наступление будет вестись на Средней Висле. Удар наноситься по Варшаве и крепости Ивангород.

— Какие перемещения предлагаете в командовании?

— Во главе новой 9-й армии поставить генерала Гинденбурга, в его командных качествах вы, ваше величество, убедились после боев в Восточной Пруссии.

— Полностью согласен. А на кого оставить 8-ю армию?

— На генерала Рихарда фон Шуберта, командира 27-го корпуса во Фландрии. У него прекрасные рекомендации после боев в бельгийских горах Вогезах и против французов.

— Я утверждаю его кандидатуру. Но кто-то на Востоке должен быть главнокомандующим. Кто?

— Только фон Гинденбург. Армия в него верит. Он будет стоять одновременно во главе новой 9-й армии и руководить боевыми действиями на Востоке против России.

— Одобряю. Другой кандидатуры и у меня нет. Готовьте приказ...

Берлин и Вена быстро договорились о предстоящем совместном наступлении на русские войска, находившиеся в Царстве Польском. Южнее германцев между реками Вислой и Саном развернулась 1-я австро-венгерская армия. Ее командующий генерал-полковник Виктор фон Данкль имел три армейских корпуса.

Гинденбург получил все права главы вооруженных сил Германии на Русском фронте. Начальник Полевого Генерального штаба генерал Фалькенгайн писал ему:

«Я поручаю Вам общее руководство операциями на Востоке. 8 ю армию генерала Шуберта тоже подчиняю Вам. Директивы для совместных действий с австрийцами и для операции в Пруссии будут исходить от меня...»

Думается, что Эрих фон Фалькенгайн излишне высокомерно ставил себя над Гинденбургом, в недалеком будущем военным вождем императорской Германии до самого завершения Первой мировой войны. Поручал «общее руководство операциями на Востоке» Гинденбургу все же не генерал пехоты Фалькенгайн, а император Германский и король Прусский Вильгельм II Гогенцоллерн.

Русская сторона в лице Ставки Верховного главнокомандующего и фронтовых штабов, само собой разумеется, не могла не знать о подготовке какой-то крупной наступательной операции Берлина и Вены. Такие широкомасштабные приготовления трудно удержать в секрете. Поэтому случайностью назвать просьбу от начальника разведывательного отдела штаба Юго-Западного фронта полковника Морозова было нельзя. По пустому делу на прием к Алексееву в час ночи не просились.

— Мирослав Эдуардович, мне давно не приводилось видеть вас таким озабоченным. Назревает что-то по ту сторону?

— Да, Михаил Васильевич. По всем признакам неприятель готовится к большой наступательной операции. И ждать нам придется недолго.

— Информация разведотделом получена достоверная?

— Вполне.

— Что именно?

— В Восточной Пруссии произошла смена командующего 8-й армией. Вместо Гинденбурга назначен генерал Шуберт. Информация получена из штаба соседей.

— Знаю. А куда ушел Гинденбург?

— Он теперь командует всеми немецкими войсками, действующими против России на Востоке.

— Неожиданности в этом, Мирослав Эдуардович, нет. Для способного Гинденбурга засиживаться на армии было бы грехом. В Берлине это видели. Откуда получено известие о новом назначении Гинденбурга?

— Охотниками из 9-го гренадерского Самогитского полка, ходившими в поиск по ту сторону, была захвачена почта одного из ландверных полков. В ней и оказался приказ по провиантской части с указанием новой должности Гинденбурга.

— По этому случаю вы связывались с разведотделом штаба соседей? Что говорят они?

— По странному совпадению они получили схожую информацию в тот же день. Так что факт нового назначения Гинденбурга подтверждается. Генерал-квартирмейстер Бонч-Бруевич разговаривал по телеграфу со мной лично.

— Хорошо. Что еще из разряда серьезного?

— Немцами формируется новая армия на северном участке нашего фронта.

— Где формируется?

— В Верхней Силезии. По крайней мере, именно там замечена концентрация немецких полевых войск.

— Откуда они перебрасываются? Есть сведения?

— В состав новой армии вошел полностью пополненный ландверный корпус генерала Войрша, нашего старого знакомого. Армейские войска с тылами перебрасываются из Восточной Пруссии. Из-под Берлина прибыл гвардейский резервный корпус. Выгрузка его, по всем сведениям, завершилась.

— Как был установлен факт концентрации немецких войск в Восточной Пруссии?

— По данным агентурной разведки. Были замечены усиленные переброски войск по железной дороге Познань—Освенцим. Затем появились новые данные. Часть проверялась. Теперь все сомнения у разведотдела фронта отпали.

— Известно, кто командующий новой немецкой армии?

— Все тот же генерал Гинденбург.

— Любопытное совмещение двух должностей. Значит, удар готовится германцами по нам в районе Средней Вислы? Так, Мирослав Эдуардович?

— Точно так, Михаил Васильевич.

— Что говорят местные жители поляки?

— Поляки из прифронтовой полосы, перебежчики из их числа, свидетельствуют, что немцы появились в Верхней Силезии, чтобы оказать поддержку австрийцам.

— Германцам давно пора было это сделать. Тогда бы нам трудно было разбить противника в Галиции. Донесение для Ставки готово?

— Да, Михаил Васильевич. Прошу разрешения на отправку.

— Отправляйте без задержки. Штаб соседнего фронта о ваших тревогах проинформирован?

— Точно так. С генералом Бонч-Бруевичем час назад я разговаривал по телеграфу лично.

— Хорошо, Мирослав Эдуардович. Прикажите штабам северного участка фронта усилить разведку с незамедлительными докладами о результатах.

— Такое приказание мною уже отправлено.

— Тогда за работу. Нам важно предупредить действия противника. А для этого надо знать его намерения...

Озабоченная Ставка Верховного главнокомандующего решила прикрыть район Средней Вислы перегруппировкой войск. Генералу Иванову ставится задача переместить три корпуса к Ивангороду. Туда была перебросена 4-я армия генерала Эверта с приданной ей Уральской казачьей дивизией.

Генерал Янушкевич от имени великого князя Николая Николаевича-младшего запросил командующих

фронтов и их штабы о предложениях относительно прикрытия на Средней Висле польской столицы Варшавы и возможности наступательной операции на Берлин. При этом в телеграмме Иванову говорилось, что армии его фронта нацелены для нанесения удара по австрийцам на правом берегу Вислы, но те имеют полную возможность уйти от него.

Иванов и Алексеев, взвесив все за и против, предложили Ставке свой план перегруппировки фронтовых сил. Он заключался в том, чтобы отвести войска за рубеж реки Сан, выделив достаточно сил для защиты Львова. По этому поводу состоялся разговор со Ставкой:

— Почему фронт предлагает отвести войска за Сан?

— Это будет лучшей позицией для дальнейшего наступления по обеим берегам Вислы на Краков или по только левому берегу на Бреславль.

— Как вы предлагаете распределить войска по линии фронта?

— Восемь корпусов оставить на линии Карпаты—Краков. Десять иметь в направлении на Ивангород—Бреславль.

— Что это даст в случае наступления на запад совместно с соседним фронтом генерала Рузского?

— Мы можем совместно угрожать Берлину силами семнадцати корпусов.

— Вы считаете, что для решения стратегической цели этих сил будет достаточно?

— Думаем, что да. Штабные расчеты подтверждают реальность проведения Берлинской наступательной операции.

— Ваше предложение в штабе Ставки будет рассмотрено...

Поскольку мнения главнокомандующих фронтов — Юго-Восточного и Северо-Восточного и их штабов в продолжение войны расходились, великий князь Николай Николаевич-младший отправился к Иванову. Это была одна из инспекционных поездок Верховного на передовую линию.

— Как нам известно, Николай Иудович и Михаил Васильевич, значительные силы австрийцев и прежде всего германцев появились на левом берегу Вислы.

— Точно так. Эти данные полностью подтверждаются фронтовой разведкой.

— Чтобы противостоять им, нам следует принять срочные меры. Поэтому приказываю вам передвинуть с возможной энергией и быстротой на участок между Ивангородской крепостью и устьем реки Сан не менее двух армий.

— Армии, ваше высочество, уже готовятся для такого маневра.

— Тогда им надо отдать еще и приказ находиться в полной готовности к форсированию Вислы и атаки неприятеля на ее левобережье.

— Будет исполнено.

— Относительно Львова, Ярослава и Перемышля. Этот район удерживать, а также обеспечить себя от удара со стороны Венгрии.

— Прикрытие Карпат фронтом уже завершено.

— Хорошо. О плане предстоящего наступления вам будет сообщено от моего имени в директиве Ставки...

Названная директива (позднее уточненная) пришла в штаб Юго-Западного фронта 15 сентября. В ней говорилось следующее:

«Общей задачей армий обоих фронтов Верховный главнокомандующий ставит деятельно готовиться к переходу в наступление возможно большими силами от Средней Вислы в направлении к Верхнему Одеру для глубокого вторжения в Германию».

Началась перегруппировка огромного количества войск двух фронтов: многих сотен тысяч человек, тысяч орудий, массы конницы, тылов. Была продолжена блокада крепости Перемышль с ее австрийским гарнизоном. Фронтным штабом разрабатывались маршруты движений и отдавались соответствующие приказы. Опасность крылась в том, что во время походного марша русских войск германцы могли нанести опережающий удар.

Алексеев связался с командующим 4-й армией Эвертом, которая составляла правый, северный фланг фронта:

— Алексей Ермолаевич, замечены ли вашей разведкой угрожающие действия со стороны немцев?

— Пока нет, Михаил Васильевич. Штаб фронта чем-то озабочен?

— Да. Передвижение эшелонов по железной дороге вышло из графика. Реальные сроки передислокации войск удлинились. Германская разведка об этом, вероятно, знает, и может последовать атака по авангарду вашей армии.

— Пока армейской разведкой ничего не замечено.

— В любом случае приказываю наблюдение за противной стороной усилить разведывательными сотнями уральских казаков. Такую же задачу поставьте коннице отряда генерала Ольховского.

— В каком направлении усилить разведку?

— В западном и перед городом Радом. Основной целью считать своевременное обнаружение движения неприятеля к Висле...

Однако не дремал и главнокомандующий войсками Германии на Востоке генерал Гинденбург. Подчиненная лично ему новая 9-я армия 20 сентября подошла к Висле. Русские стали срочно усиливать оборону Варшавы, поскольку их авангардные войска были вытеснены на правый берег Вислы, переходить которую немцы не стали.

Одновременно начали наступление и австро-венгры. Они вышли на рубеж реки Сан. Но их попытка переправиться была успешно отбита.

В итоге действия воюющих сторон вылились во встречные бои. Особенно сильными они оказались на Средней Висле. Положение русских войск здесь спасло мужество сибирских стрелков, которые порой сразу же после выгрузки из эшелонов шли в штыковые атаки без артиллерийской поддержки.

В битве под Варшавой покрыли себя славой 1-й и 2-й Сибирские стрелковые корпуса генерала от кавалерии М. М. Плешкова и генерала от инфантерии А. В. Сычевского. Первый из корпусов прибыл на польскую землю из

Приамурского военного округа, где его полки размещались в Никольск-Уссурийске, Шкотово, Раздольной, Новокиевске, Барабаше. Второй корпус до войны входил в состав Иркутского военного округа. Его полки начали свой далекий путь на войну с забайкальских железнодорожных станций Читы, Березовки, Песчанки, Сретенска, Даурии.

Фронтной штаб работал днем и ночью. Позже главнокомандующий армиями Юго-Восточного фронта генерал Иванов так отзовется о своем начальнике штаба:

«Алексеев, безусловно, работоспособный человек, очень трудолюбивый и знающий, но, как всякий человек, имеет свои недостатки. Главный – это скрытность. Сколько времени он был у меня, и ни разу мне не удалось с ним поговорить, обменяться мнением. Он никогда не выскажет свое мнение прямо, а всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается. При этих условиях работать с ним очень было трудно. Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик».

С Ивановым трудно согласиться. Вполне возможно, что он ревниво относился к успехам начальника штаба своего фронта, который меньше чем через год станет таким же, как и генерал от артиллерии Иванов, главнокомандующим армиями фронта. И более того, шагнет еще выше, став фактически «стратегическим главой» Ставки.

Между тем события на Средней Висле разворачивались. Генералу Эверту в ночь на 27 сентября удалось переправить свою 4-ю армию на противоположный берег реки, с тем чтобы помочь гарнизону Ивангородской крепости. Но, как оказалось, германцы подтянули сюда многочисленную артиллерию, в том числе и батареи тяжелых орудий. На русских обрушился шквал огня. Спустя сутки Эверт отвел свои два авангардных корпуса – Гренадерский и 16-й армейский – на правый берег реки.

Раздосадованный генерал Иванов категорически потребовал от великого князя Николая Николаевича-младшего и начальника штаба Ставки немедленно заменить двух

подчиненных ему генералов. Он желал заменить начальника фронтного штаба Алексеева на генерала Данилова, а командующего 2-й армией Шейдемана на генерала Сиверса. Тогда Янушкевич позвонил Иванову:

– Всякую перетасовку в командном составе я и Верховный считаем вредной. Особенно касательно генерала Алексеева.

– Но я, как главнокомандующий армиями фронта, настаиваю.

– Мы с великим князем свое мнение вам высказали.

– Что мне тогда остается делать?

– Подчиниться мнению Ставки...

В окружении Верховного главнокомандующего уже давно видели то, что Иванов «определенно не справлялся с возложенной на него задачей по руководству столь огромной массой войск, сосредоточенных на Средней Висле». К такому выводу, например, пришел один из крупнейших отечественных историков Первой мировой войны И. И. Ростунов.

Можно добавить, что начавшаяся конфликтная ситуация не разрядилась благодаря «миротворческой» позиции Ставки. Отношения между Ивановым и Алексеевым так и остались неприязненными...

Варшавско-Ивангородская операция в истории Первой мировой войны стала одной из крупнейших прежде всего по числу задействованных в ней сил и по широте стратегического замысла. В середине сентября под Ивангородом войска Юго-Западного фронта завязали ожесточенные бои. 1-я австро-венгерская армия Данкля была разгромлена и отступила в южном направлении.

Начальник штаба германского главнокомандующего на Востоке генерал Эрих Людендорф следующим образом оценил сложившуюся обстановку:

«27 (октября. – А. Ш.) был отдан приказ об отступлении, которое, можно сказать, уже висело в воздухе. Положение было исключительно критическое...»

Теперь, казалось, должно произойти то, чему мешало в конце сентября наше развертывание в Верхней Силезии и

последовавшее за ним наступление: вторжение превосходящих сил русских в Познань, Силезию и Моравию».

Слова генерала Людендорфа, сподвижника Гинденбурга до самого окончания Первой мировой войны, можно расценить так. И в штабе главнокомандующего германскими армиями на Востоке, и в Берлине опасались, что в случае полного успеха русского оружия под Варшавой и Ивангородом противник мог появиться на территории современных Польши (в ее бывшей германской части) и Чехии (ее восточной части).

Однако в Ставке уже сами великий князь Николай Николаевич-младший и начальник его штаба Янушкевич не справились с управлением наступательными действиями двух огромных фронтов, координацией их атакующих усилий, своевременной поддержкой резервами и огневыми припасами. Самое главное заключалось в том, что время для последующего атакующего удара оказалось безвозвратно упущенным.

Этим и воспользовался опытный генерал Людендорф. Он сумел хорошо скоординировать действия германских войск с австрийскими в Лодзинской операции, которая началась в последних числах октября и закончилась 6 декабря первого года Первой мировой войны.

Главную ударную роль в наступлении на польский город Лодзь играла немецкая 9-я армия. Ее атаку обеспечивали четыре корпуса, которые Берлин так и не успел до конца сформировать — «Грауденц», «Познань», «Бреславль» и «Торн». Немцы имели в Лодзинской операции 279 тысяч штыков и сабель, 1440 орудий и 700 пулеметов. Три русские армии — 1-я, 2-я и 5-я — обладали силой в 367 тысяч штыков и сабель, 1305 орудий и 740 пулеметов.

Русские почти в два раза превосходили неприятеля в кавалерии, но ее активно использовать так и не удалось. И заметно уступали в числе тяжелых артиллерийских орудий, хорошо обеспеченных снарядными запасами. Эти два обстоятельства заметно повлияли на ход сражения вокруг города Лодзь.

Разведывательная информация о перегруппировке германских войск у Торна и Познани была получена поздно, только 30 сентября. Ставка отдала соответствующую директиву фронтам, но она исходила из неправильной оценки сил германцев.

К тому времени русские войска уже нуждались буквально во всем: боеприпасах, прежде всего снарядах, провианте, фураже и обмундировании, которое основательно изнашивалось за погода войны. Немцы при отступлении разрушали железные и шоссейные дороги, мосты. Их восстановление в русском тылу шло крайне неудовлетворительно.

Заметно усугубляло для русских ситуацию то обстоятельство, что германцы регулярно перехватывали их радиопереговоры. Это позволяло Гинденбургу и его штабу хорошо знать оперативную обстановку, точное расположение войск противника и их предполагаемые действия, наличие резервов, жизнь фронтового тыла, командный состав противной стороны.

Показательно мнение о радиоперехвате разговоров русских генерала Эриха фон Фалькенгайна в его мемуарах «Верховное командование 1915–1916 гг. в его важнейших решениях»:

«Это главным образом и придавало войне здесь (на Русском фронте. — А. Ш.) совсем иной характер и делало ее для нас совершенно иной, гораздо более простой, чем на Западе».

Немцы успешно вели радиоперехват на Восточном фронте с первых дней войны до середины 1915 года. Это было прежде всего «результатом» несоблюдения мер скрытого управления войсками со стороны русского командования всех звеньев. Только с середины второго военного года стала применяться обязательная шифровка радиодонесений.

Лодзинская операция началась вечером 29 октября атакой германцев сторожевого охранения 5-го Сибирского корпуса у городка Влоцлавска. Однако окружить и уничтожить корпус сибирских стрелков не удалось. Генерал

Л. Л. Сидорин умело вывел свои дивизии из-под угрозы окружения и отступил на полтора суточных перехода.

Когда стороны попытались ввести в дело кавалерию: немцы – кавалерийский корпус генерала Фроммеля, русские – Сводную казачью и Кавказскую кавалерийскую (четыре драгунских полка) дивизии под общим начальством генерала Казнакова, проку от этого получилось мало. На действиях конницы стало сказываться то, что неприкрытых пушками и пулеметами фронтовых километров уже почти не было.

Лодзинская операция закончилась для сторон «ничейным» результатом. Людендорф в своих воспоминаниях писал:

«Крупная оперативная цель – уничтожить русских в излучине Вислы – не была достигнута...»

Однако и стратегическая задумка русской Ставки – осуществить глубокое вторжение в Германию – не была осуществлена. А такая цель наступления армий России на Берлин исходила из общего плана Антанты на начало войны.

Наступившая зима заметно «охладила» наступательный порыв противоборствующих сторон. И те, и другие стали «зарываться» в землю, строя полевые фортификационные линии на многие сотни километров. Война на Русском фронте, правда, намного позже, чем на Западном, превращалась из маневренной в позиционную.

К началу весны в высшем военном командовании России произошли кадровые перестановки. Они были вызваны прежде всего неудачами в ходе кампании 1914 года. Генерал от инфантерии Н. В. Рузский, который в бытность своего командования армией за успешное проведение операции по овладению городом Львовом был награжден сразу орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степени (он был первым кавалером императорского Военного ордена в Первой мировой войне), неожиданно для многих «заболел».

Император Николай II и великий князь Николай Николаевич-младший не стали, вполне разумно, винить во всех

грехах неудачливого командующего Северо-Западным фронтом. Рузский стал за 1914 год человеком весьма популярным в армейских рядах. И с этим Ставке и официально Петрограду приходилось считаться.

13 марта «заболевший» Рузский с почестями покинул свою фронтовую штаб-квартиру. Он был назначен членом Государственного и Военного советов Российской империи.

Пройдет немного времени, и он вернется на фронт. «Выздоровевший» полководец получит в командование сперва армию и затем Северный фронт (осенью 1915 года), прикрывавшего направление на столицу. Он не забудет личную обиду, нанесенную ему императором, и будет одним из главных действующих лиц принуждения Николая II к отречению от престола.

В апреле 1917 года главнокомандующий Северным фронтом, когда начался «распад» Русской армии, покинул свой пост и уехал лечиться в Кисловодск «на воды». В сентябре 1918 года генерал Рузский «был взят в плен» Кавказской Красной армией.

После мятежа против большевиков главнокомандующего советскими войсками на Северном Кавказе И. Л. Соколина взятые в курортном Кисловодске и других городах Кавказских Минеральных Вод «в плен» генералы старого режима были расстреляны. Они виделись, несмотря на свой преклонный возраст, как потенциальные противники страны Советов.

Среди них оказались Рузский и болгарский генерал, принявший с началом Первой мировой войны русское подданство, Радко Дмитриевич Радко-Дмитриев (настоящее имя – Радко Русков Дмитриев). Расстрел состоялся в городе Пятигорске. Перед смертью Рузский сам вырыл себе могилу, не растеряв в последние минуты жизни мужества и присутствия духа...

Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта высочайшим указом 17 марта 1915 года был назначен генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

Последним «успехом» его на посту начальника штаба Юго-Западного фронта стало участие в большой победе: 9 марта пала осажденная австрийская крепость Перемышль. В плен сдался 120-тысячный гарнизон. Перед капитуляцией неприятель взорвал большинство крепостных укреплений. В итоге этой большой победы у русских ожидалась 11-я армия.

К одержанной «Перемышльской виктории» Михаил Васильевич оказался «лично причастен». Что, собственно, и помогло ему в служебной карьере подняться еще на одну ступень выше, то есть стать фронтовым главнокомандующим.

Глава пятая ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Алексеев возглавил огромный фронт, который противостоял войскам Германии, в тяжелое для России время.

Сказывалось одно обстоятельство. Серьезно готовясь к большой войне в Европе, государства Антанты и Центрального блока планировали победно закончить ее в течение одной военной кампании. То есть победно отвоеваться в 1914 году. Но все складывалось совсем иначе: война катастрофически затягивалась.

Стратеги из Генеральных штабов воюющих сторон рассчитывали завершить войну за счет созданных мобилизационных запасов. Однако, к примеру, запасы артиллерийских снарядов стали заканчиваться уже в начале осени первого года войны. Достаточно сказать, что в начале 1915 года в английской армии на одно орудие в сутки приходилось всего от 4 до 10 снарядов, что было в 6–7 раз меньше предварительных расчетных норм.

Или другой пример. Германия и Австро-Венгрия в то же время испытывали большую нехватку винтовок. Тогда в Берлине и Вене приняли такое решение: оружие тыловых частей передать на фронт, а взамен отечественного стрел-

ного оружия выдать тыловикам русские и французские трофейные винтовки.

Едва ли не в самом трудном положении в начале 1915 года оказалась Россия. Историк А. А. Маниковский в своей работе «Боевое снабжение русской армии в мировую войну» приводит следующие факты. В начале 1915 года необходимо было выпускать в месяц 200 тысяч винтовок, две тысячи пулеметов, 400 орудий разных калибров, 200 миллионов патронов и полтора миллиона артиллерийских снарядов.

Российская военно-техническая база на то время удовлетворяла нужды действующих войск всего на 15–30 процентов. То есть в месяц производилось 30–32 тысячи винтовок, 216 пулеметов, 115–120 артиллерийских орудий, всего 50 миллионов патронов и 403 тысячи снарядов.

Однако уже в августе 1915 года российская промышленность «наверстала упущенное». Сормовский машиностроительный завод начал в самом спешном порядке выпуск артиллерийских орудий. Коломенский и Брянский металлургические заводы – снарядов. Иваново-Вознесенская и Никольская Саввы Морозова хлопчатобумажные фабрики начали производить обточку снарядов и изготавливать ручные гранаты. Строились новые оружейные, пороховой и патронный казенные заводы.

На Русском фронте исчез «снарядный голод». Появилась так называемая «траншейная артиллерия» в виде 37-мм пушек, бомбометов и минометов. Потребность в таких орудиях с началом позиционной войны оказалась огромной. В пехотных полках стали формироваться бомбометные и минометные команды.

Противоборствующие коалиции за зиму составили новые стратегические планы на вторую военную кампанию. Париж и Лондон потребовали от России новых наступательных действий. России приходилось считаться с настоятельными просьбами своих союзников. Впоследствии Дэвид Ллойд Джордж, британский премьер-министр, признался:

– Мы в 1915 году предоставили Россию ее судьбе...

Первоначальный проект новой кампании составил генерал-квартирмейстер Ставки генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов. Он предлагал оборону на южном крыле Русского фронта и наступление в сторону Восточной Пруссии с последующим перенесением атакующего удара на Берлин.

Против такого стратегического плана выступили главнокомандующие обоих фронтов. Они считали, что первоочередной задачей должен быть не удар по германской армии, а разгром союзника Берлина Австро-Венгрии и вывод ее из войны.

У нового главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта по вопросу стратегического планирования состоялся следующий разговор с начальником штаба Ставки генералом Янушкевичем. Тот относился к Алексееву с известной долей личной симпатии, отмечая его большое дарование в штабной работе:

— Николай Николаевич. Я ознакомился с последними документами моего предшественника генерала Рузского. Хочу доложить свое мнение относительно предлагаемого фронтам плана Данилова: я решительно против.

— Михаил Васильевич, план новой кампании только рассматривается. Почему вы так резко против него?

— Оборона на юге может привести к восстановлению сил Австро-Венгрии. Наступление же на севере не решит исход войны. Вот такие мои главные мысли.

— Тогда что вы предлагаете?

— Считаю, что самой главной задачей Русской армии в новой кампании является выведение из войны австрийцев.

— Но это придется делать Юго-Западному фронту. Какую стратегическую задачу видите вы в таком случае для своего фронта?

— Ведение активной обороны. Ее цель — не дать германским войскам прийти на помощь разбиваемым австрийцам.

— А помощь союзникам по Антанте?

— Мы оттянем с Западного фронта часть немецких сил. Тогда французы в очередной раз будут обезопасены от сильного удара.

Нока Ставка решала проблему стратегического планирования, главнокомандующий германскими войсками на Востоке генерал Гинденбург провел Горлицкую операцию против русской 3-й армии Юго-Западного фронта. Успех был достигнут немцами и австрийцами благодаря массивным атакам в районе прикарпатского города Горлицы и сосредоточения там большого числа орудий тяжелого калибра.

Под Горлицей на 4 (!) русские пушки большого калибра немцы применили аж 334 (!). Такого шквала тяжелых снарядов, обрушившихся на участок прорыва у польского городка в Прикарпатье, не знал даже Западный фронт в самых ожесточенных сражениях.

Горлицкая операция длилась 52 дня. В итоге русским войскам пришлось оставить австрийскую Галицию, но неприятель прорвать Восточный фронт так и не смог. Зато он его успешно «продавил». Людендорф писал в своих воспоминаниях о результатах того наступления:

«Фронтальное отступление русских в Галиции, как бы оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны...»

«К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными».

Известный военный историк-белоэмигрант профессор генерал-лейтенант Н. Н. Головин в своем фундаментальном труде «Военные усилия России в мировой войне» пишет:

«Германский прорыв в Галиции вызывает в русских войсках, терпящих в это время острый недостаток в огнестрельных припасах, большие потери; численность действующей армии опять падает, и к 15 мая 1915 г. она равняется 3 900 000».

Тот же Головин пишет об отступлении Русской армии:
«Выход из создавшегося положения был только один: отвод всех армий в глубь страны, для того чтобы спасти их от окончательного разгрома и для того, чтобы было с чем после восстановления снабжения продолжать войну. Но русская Ставка три месяца не может на это решить».

ся. Только в первых числах августа начался грандиозный отход армий Северо-Западного фронта, проведенный с большим умением генералом Алексеевым.

Много трагических переживаний выпадет на долю высшего русского командования за время этого отступления: сдаются крепости Новогеоргиевск и Ковно, очищаются крепости Ивангород, Гродно и Брест-Литовск, в тылу царит паника. Несколько раз германские клещи готовы были окончательно захватить отходящие русские армии, но в итоге к октябрю месяцу русские армии выходят из грозящего окружения и останавливаются на новой линии, протягивающейся от Риги на Двинск, озеро Нарочь и далее на юг на Каменецк-Подольский».

Когда закончится Великое отступление 1915 года, многие российские газеты назовут главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала Михаила Васильевича Алексеева «спасителем Русской армии в Мировой, Отечественной войне».

Один из ближайших помощников и советников Алексеева в кампании второго года войны, генерал Борисов, вспоминал:

«Во время борьбы в Польском мешке в первый раз у меня возник сильный спор с Алексеевым. Я, исходя из опыта бельгийских крепостей и зная крепостное дело из прежней своей службы в Ивангородской крепости, в Генеральном штабе, настаивал на очищении нами не только Ивангорода, Варшавы, но и Новогеоргиевска. Но Алексеев ответил:

— Я не могу взять на себя ответственность бросить крепость, над которой в мирное время так много работали.

Последствия известны. Новогеоргиевск оборонялся не год, не полгода, а всего лишь 4 дня по открытии огня немцами, или 10 дней со дня обложения. 27 июля 1915 г. обложен, а 6 августа пал. Это произвело на Алексеева очень сильное впечатление. Мы были уже в Волковыске. Алексеев вошел в мою комнату, бросил телеграмму на стол, опустился в кресло со словами:

— Новогеоргиевск сдался.

Несколько мгновений мы молча смотрели друг на друга, потом я сказал:

— Больно и обидно, но ничего на театре не изменяет. Алексеев ответил:

— Очень больно для Государя и Народа».

Генерал Алексеев тяжело переживал Горлицкую катастрофу, тем более, что оборонявшиеся здесь русские полки проявили «примерную» стойкость и воинскую доблесть. Это признавал и неприятель, которому каждый шаг во время Горлицкого прорыва давался дорогой ценой. Михаил Васильевич потом скажет:

— Мужество русских бойцов под Горлицей оказалось сломлено не в штыковой атаке, а силой взрывов снарядов тяжелых крупнокалиберных пушек...

Генерал от инфантерии Ф. Ф. Палицын, после Русско-японской войны бывший начальником Генерального штаба, а с 1915 года — представителем России в союзном военном совете в Париже, писал в своих мемуарах:

«Алексеев чувствует и, скажу, видит, насколько положение наше при отсутствии средств к борьбе хрупко, он видит и необходимый в наших условиях исход. Гуляя вечером между хлебами, мы в разговоре часто к нему подходим и скоро от него отходим, мы как-то боимся своих мыслей...

Вопросы эти требуют заблаговременного решения, они сложны, и последствия этого решения чрезвычайно важны. И дело не в Варшаве и Висле, даже не в Польше, а в армии. Противник знает: у нас нет патронов и снарядов, а мы должны знать, что не скоро их получим, а потому, чтобы сохранить России армию, должны ее вывести отсюда.

...Надежда удержаться нас не оставляет, но пассивное удержание нашего положения само по себе есть одно горе при отсутствии боевого снабжения».

Эта дневниковая запись появилась после беседы генералов Палицына и Алексеева на окраине одного из прифронтовых галицийских селений, оставленного жителями.

— Михаил Васильевич, как на ваш взгляд, Гинденбург сможет переломить ход событий на Востоке?

– Не сможет, Федор Федорович.

– Почему? Ведь под Горлицей немцы с австрийцами имели над армией генерала Радко-Дмитриева полный успех.

– Еще бы. Засыпать тяжелыми снарядами несколько верст наших позиций и не прорваться сквозь них? Это было бы нелогичной случайностью на войне.

– Однако германская армия и ее союзник наступают.

– Главное для нас под Горлицей было то, что русский фронт был не прорван, а продавлен. Силовое давление и заставило наши войска отступить.

– Союзники называют наше положение под Горлицей катастрофой.

– Катастрофа одной армии в данном случае не стала катастрофой всего фронта. Так что в Париже зря бьют по России в колокола.

– Дай Бог, чтобы хуже не было нам после такого продавливания. А то оперативная карта фронта наводит меня на грустные размышления.

– Федор Федорович. Вы, конечно, оценили направление неприятельского удара от Кракова?

– Еще бы. Идут восточнее Варшавы тараном.

– Таран для нас – это еще полбеды. Если одновременно нанесут сильный удар из Восточной Пруссии, то весь вражеский замысел будет изображен на карте как гигантская клешня.

– Вы, Михаил Васильевич, считаете такое реальностью?

– Вполне.

– Но ведь до этого наши армии вполне достойно отражали такие удары на Варшавском направлении.

– Отбиваться можно с успехом раз за разом. Но может случиться, что какой-то удар мы не парируем. Особенно сейчас, когда не только «снарядный голод», но и нехватка винтовочных патронов дает о себе знать. Для противника это не секрет.

– А почему германцы не могут устроить Горлицу на Западном фронте?

– У нас много мест, которые манят неприятеля своей слабостью. Всегда есть надежда нанести удар посильней, да еще внезапно, и праздный успех прорыва.

– А на Западном?

– Там линия фронта иного начертания. Да и фланги таковы, что их не обойдешь. На севере море и Английский канал. На юге Швейцария, через которую немцы прорываться не будут.

– Значит, в Париже, куда я убываю на днях через Архангельск, можно сказать, что за Русский фронт союзники в этом году могут не беспокоиться.

– Пускай не волнуются. Хотя делают они это, как мне видится, больше на словах. И с первого месяца все требуют от нас жертв во имя долга перед Антантой.

– Накипело, Михаил Васильевич?

– Еще как! Сами второй год копят силы и боезапас, а наши «малопатронники» спасают Верден на Востоке в гибельных атаках. А что такое сегодня атака пехоты, если у ней нет пушечной поддержки?

– Знакомо мне все это. В столице и Ставке посланцы союзных держав не дают покоя просьбами ни Верховному, ни государю.

– Поэтому, дорогой Федор Федорович, напомните в Париже о том, что и у них есть союзнический долг перед Россией.

– Напомнить-то я обязательно напомню. Только их интересы, что говорится, не про нашу честь...

...Алексеев, возглавив Северо-Западный фронт, стал «военным вождем» огромного числа войск. Фронт имел к середине июня в своем составе восемь армий (начиная по расположению от берегов Балтики – 5-я, 10-я, 12-я, 1-я, 2-я, 4-я, 3-я и 13-я). Последнюю армию из-за ее «несчастливой» номера император Николай II в скором времени приказал назвать Особой армией, без номера.

Для сравнения: соседний Юго-Западный фронт имел всего три армии (8-ю, 11-ю и 9-ю). Граница между фронтами проходила в районе города Сандомира.

Историк-белоэмигрант Ю. Н. Данилов, оценивая новое назначение Алексея, писал следующее:

«По числу дивизий, свыше двух третей всех сил перешло в подчинение генералу Алексееву, на которого таким образом выпала роль не только непосредственно руководить большей частью наших вооруженных сил, но и выполнять наиболее ответственную часть общей работы...»

Государства Центрального блока на Русском фронте теперь имели тоже два фронта. Германский Восточный фронт имел в своем составе пять армий (Неманскую, 10-ю, 8-ю, 12-ю и 9-ю) и армейскую группу Войрша. Фронтом руководили главнокомандующий Гинденбург с начальником штаба Людендорфом.

Вена создала против России Галицийский фронт в составе шести армий (1-й, 4-й, 11-й, 2-й, Южной и 7-й). Командовали фронтом (номинально) эрцгерцог Фридрих и (фактически) фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф. Разграничительной линией между фронтами союзников служила река Пилица.

Берлин и Вена при стратегическом планировании кампании 1915 года на Востоке исходили прежде всего из картины, которую давала даже школьная географическая карта. Граница линии фронта на ней имела форму дуги, обращенной своей выпуклой стороной на запад. Именно здесь, на территории Царства Польского, сосредоточилась главная группировка русских.

То есть географическая карта подталкивала генерала Гинденбурга и фельдмаршала Конрада к мысли взять русских в клещи. Два умудренных полководца ухватились за эту идею, и она стала главной во всех их делах во второй кампании Мировой войны.

К такой идее их подтолкнул полковник Сект, начальник штаба германской 11-й армии. Во время проведения Горлицкой наступательной операции он 25 мая «пробил-ся» на прием с докладом к главнокомандующему.

Сделав привычный доклад о делах 11-й армии под Горлицей, многообещающий начальник ее штаба неожиданно для Гинденбурга сказал:

— Ваше превосходительство, прошу разрешения доло-

жить собственные предложения о действиях германских сил на Востоке после Горлицкой победы.

Такая просьба не удивила Гинденбурга. В отличие от сторонников «классической прусской военной школы», он умел ценить в подчиненных разумную инициативу. Поэтому немецкий главнокомандующий сказал коротко и просто:

— Докладывайте, полковник.

Сект подошел к огромной карте театра военных действий, решительно раздвинул плотную занавеску и взял в руки указку:

— Ваше превосходительство, наша победа у Горлицы поставит русских в еще более невыгодное стратегическое положение. Дуга на фронте примет более изогнутый характер.

— Ну и что из этого?

— Разбив русских у Горлицы, мы сможем отсюда быстро перенацелить главные силы германских войск в северном направлении.

— Чего мы можем добиться в таком случае?

— В случае несомненного, на мой взгляд, успеха русские армии в центре польских земель могут оказаться в мешке. Германская армия возьмет противника в железные клещи.

— Похвально, полковник Сект. Это полностью совпадает с моими предположениями.

— В таком случае, ваше превосходительство, позвольте представить вам составленный моей рукой план будущего германского наступления. Естественно, вариант.

— Не скромничайте, полковник. Ваша идея хоть и не нова, но вполне осуществима. Она заслуживает моего одобрения...

К тому времени официальный Берлин давал главнокомандующему на Востоке все больше прав на инициативу в стратегических операциях.

Начальник германского Полевого Генерального штаба генерал Фалькенгайн как-то в порыве откровенности сказал германскому императору Вильгельму II:

— Ваше величество, Германии в этой Мировой войне грозит серьезная опасность. Военные действия и на Востоке, и на Западе могут затянуться до бесконечности.

— Что вас заставило сделать такой тревожащий вывод, генерал?

— Германская военная сила все никак не может взломать на западе фронт французов и англичан, чтобы ринуться на Париж.

— А на востоке?

— Территория России пугает своими просторами. Германские и австрийские армии могут на них просто затеяться.

— Тогда надо спешить. Как начальнику моего штаба приказываю вам: развяжите на востоке руки генералу Гинденбургу. Пусть он получит право на проведение любых своих операций.

— Приказ понят, ваше величество. Сегодня же у меня будет разговор с Гинденбургом.

Так генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург смог отстоять свою идею нанесения двух ударов силами Неманской армии генерала пехоты Фрица фон Белова и армии генерала от артиллерии Макса Карла Вильгельма фон Гальвица. Все остальные германские войска, и союзники австро-венгры в том числе, должны были обеспечивать успех этих двух ударных армий.

Надо сразу сказать: стратегическая задумка германского полководца Пауля фон Гинденбурга на кампанию 1915 года имела успех. Не признать победы немецкого оружия на северном участке Восточного фронта просто невозможно.

Реализация плана окружения русской группировки в Польше началась летом. Одновременно проводилось три наступательные операции. Это был прежде всего удар группы армий Августа фон Макензена (в группу входила германская 11-я армия и австро-венгерская 4-я). Двумя другими ударами были тщательно спланированные штабом генерала Людендорфа Риго-Шавельская и Наревская операции.

Генерал-фельдмаршал Макензен прославил себя Горлицким прорывом, имея под своим командованием наиболее боеспособные корпуса, специально переброшенные

на Восточный фронт с Западного. Тогда из его 11-й армии была создана действительно мощная ударная группировка: Сводный, Гвардейский, 41-й резервный и 10-й армейские корпуса, австрийские 6-й корпус и кавалерийская дивизия. Всего около 357 тысяч человек, 1606 орудий, 756 минометов. Державшая здесь оборону русская 3-я армия генерала Радко-Дмитриева хотя и сопротивлялась, но была вынуждена с огромными потерями отступить.

Но это были еще не все боевые заслуги генерал-фельдмаршала фон Макензена перед германским императором. Его армия вернула обратно австрийскую крепость Перемышль, хотя и разрушенную, с боями взяла назад Львов, который союзники уступили практически без боя.

Галицийская катастрофа Юго-Восточного фронта заставила армию соседнего Северо-Восточного фронта с боями оставить большую часть территорий Польши и Литвы. В противном случае армии Алексеева могли оказаться в «мешке».

Умело организованный отход сорвал все планы высшего командования Германии окружить русские армии в Царстве Польском. Заслуга в этом Михаила Васильевича Алексеева, успешно разрешившего столь сложную задачу.

К чести полководцев династии Гогенцоллернов, они признавали талант русского главнокомандующего. Об этом, в частности, свидетельствует в своих мемуарах Эрих фон Людендорф:

«Как я и ожидал, продвижение союзных армий в Польше и к востоку от Вислы выражалось во фронтальном преследовании с непрерывными боями. И здесь все предпринимались безрезультатные попытки окружить русских, а русская армия сравнительно благополучно уходила под нашим натиском, часто переходя в ожесточенные контратаки и постоянно пользуясь болотами и речками, чтобы, произведя перегруппировку, оказывать долгое и упорное сопротивление».

Людендорф не называет здесь имя главнокомандующего Северо-Западным фронтом русских. Но речь идет об

алексеевских армиях, которые сводили на нет все попытки германцев их окружить и «сравнительно благополучно» отходили на новые рубежи.

...Наступление группы генерал-фельдмаршала Макензена в составе все тех же двух армий – 11-й германской и 4-й австро-венгерской началось 13 июня. Удар наносился в полосе между реками Вислой и Западном Бугом. Однако сопротивление здесь армий Юго-Западного фронта преодолевалось атакующими с большим трудом и ценой немалых потерь. В итоге войска Макензена дальше рубежа городов Люблина, Холма не прошли.

Не имела ожидаемого пространственного успеха и тщательно продуманная операция 12-й немецкой армии генерала Гальвица. Германскому командованию удалось создать довольно ощутимый перевес против занимавших здесь позицию 1-й русской армии генерала от кавалерии А. И. Литвинова и 4-го Сибирского стрелкового корпуса из состава левофланговой 12-й армии.

Русские в полосе наступления германцев имели 107 тысяч человек и всего 377 орудий. Под командованием Гальвица сосредоточилось 177 тысяч человек, натиск которых обеспечивали 1255 орудий, в том числе и тяжелых. Преимущество в мощи артиллерийского огня у атакующих над обороняющимися было в четыре раза!

Перед началом боев на этом рубеже у главнокомандующего Северо-Западным фронтом состоялся разговор с генералом Литвиновым. Алексева беспокоило то обстоятельство, что на стол начальнику разведотдела фронта стали каждодневно ложиться донесения о необычной оживленности неприятеля на полосе фронта от реки Розоги в районе Мышинец до реки Вислы у города Плоцка. То есть на линии примерно в 140 километров.

– Александр Иванович, что сегодня наблюдается на той стороне?

– С передовой доносят: и днем и ночью прослушивается стук топоров. Вчера было дано приказание командирам дивизий усилить разведку.

– Результаты есть?

– Есть, Михаил Васильевич. В двух местах на той стороне обнаружено сооружение новых батарейных позиций. Одна вооружена мортирами крупного калибра. Вторая достраивалась.

– Ваш вывод?

– По всей видимости, немцы или усиливают систему своей обороны, опасаясь нашего наступления. Или...

– Или намерены наступать сами. Так?

– Выходит так, Михаил Васильевич.

– Состояние вашей армейской позиции на сегодняшний день? Доложите.

– Позиция состоит из двух линий обороны. Расстояние одной от другой 5–6 километров. Линия оборудована в инженерном плане только первая. И то только относительно. Времени у нас было маловато.

– Сооружение тылового оборонительного завершено?

– Так точно. От второй оборонительной линии он отстоит на 15–16 километров и занят войсками.

– Первая линия надежна?

– Окопы вырыты полного профиля. Для людей отстроены убежища, но огня тяжелой артиллерии они, конечно, не выдержат. Перед позициями установлены проволочные заграждения, хотя с колючкой у нас большая проблема.

– Колючей проволоки не хватает и в других армиях. Ускорьте рытье окопов и ходов сообщений в полный рост человека. Создавайте, по возможности, искусственные препятствия, различные ловушки.

– Михаил Васильевич, все это делается с восхода и до захода солнца. Но много болотистых мест или почва песчаная в сосняках.

– Тут уж изворачивайтесь. Проблемы со снабжением боезапасами есть?

– Есть. Винтовочных патронов в полках совсем мало. Несколько тысяч солдат из последних маршевых пополнений прибыли в армию без винтовок. Где их брать?

– Александр Иванович, сегодня же я поставлю задачу фронтовому тылу. Пусть добывают хоть берданки.

— Берданки, Михаил Васильевич, сами знаете, в ближнем бою — не трехлинейка. Дальнобойность не та и скорострельность тоже.

— Снаряды как?

— Со снарядами ситуация складывается хуже всего. Начальник артиллерии армии представил мне рапорт с предложением установить дневную норму расхода снарядов по пять штук на один артиллерийский ствол.

— Вы утвердили такую норму?

— Утвердил. В случае атак немцев где-либо по фронту армии к обеду можно будет удовать только на штыки и солдатскую стойкость. Батареи замолчат после первых залпов. Поэтому, Михаил Васильевич, прошу подбросить армии боеприпасов.

— Обещанный тылом Ставки эшелон со снарядами Брянского завода уже на подходе. Ваша просьба будет обязательно удовлетворена, но пока только частично.

— На том спасибо.

— Александр Иванович. Еще раз прошу усилить разведку приготовлений в армии Гальвица.

— С наступлением темноты полковые команды разведчиков начинают искать пути прохода через вражескую позицию.

— Пусть не занимаются взрывами, ночными диверсиями и прочими лихими налетами. Надо брать языков и доставлять их на свою сторону.

— Такие наставления полковые охотники получают каждый раз. Но с партизанщиной трудно бороться.

— Одно дело заниматься партизанщиной, если фронт стоит, другое — когда на той стороне что-то готовится...

Генерал Гальвиц тоже пользовался данными своей разведки. Да еще информацией, полученной благодаря перехвату радиодонесений русских. Его план наступательной операции, утвержденный главнокомандующим Гинденбургом, состоял в следующем. Наблюдая за действиями гарнизона Новогеоргиевска, который мог совершить сильную вылазку, удар нанести на участке шириной всего в 35 километров на Прасныш. Это при учете то-

го, что немецкая армия занимала линию фронта в 140 километров.

На участок прорыва Гальвиц стянул до семи пехотных дивизий и 860 орудий. На каждый орудийный ствол было припасено от 600 до 1000 выстрелов. Такие запасы снарядов для русских виделись несбыточной мечтой. Поэтому штабисты Гальвица могли в своих расчетах гарантированно считать контрбатарейную борьбу выигранной еще до начала наступления на Прасныш.

На намеченном участке прорыва позицию держали всего две дивизии сибирских стрелков. Армейский резерв составляла 1-я Сибирская стрелковая дивизия, которая стояла в суточном переходе. Так что германцы в начале Наревской операции имели подавляющее превосходство и в живой, и в огневой силе.

Наступление началось в 5 часов 30 минут 30 июня, на рассвете летнего дня. Шквал артиллерийского огня методично разрушал первую линию русских окопов в течение четырех-пяти часов. Артподготовка завершилась минометными залпами. После этого семь дивизий немецкой пехоты (по одной на пять километров фронта!) пошли в первую атаку.

Сибирские стрелки, потерявшие от артиллерийского огня до трети своего состава, отбивались столь мужественно, что германцы смогли пробиться ко второй линии окопов только под самый вечер. То есть за световой день атакующие немецкие дивизии прошли вперед всего на пять-шесть километров, со «средней скоростью» по несколько сотен метров час, которые давались им с неимоверным трудом и большими потерями в людях.

Штаб Северо-Западного фронта был поднят на ноги после первого залпа, прозвучавшего под Праснышем. Алексеев сразу же связался с командующим 1-й армией:

— У аппарата генерал Литвинов. Прошу комфронта.

— Алексеев слушает. Докладывайте.

— Сегодня в 5.30 на позиции 2-й и 11-й Сибирских дивизий начался артналет. Не просто батарейная стрельба, а шквал огня. Стреляют орудия крупного калибра, которых до сих пор на этом участке замечено не было.

— Германцы начали атаку?

— Пока нет. Но с передовой докладывают, что их пехота начинает скапливаться в передовой траншее.

— Дивизионная артиллерия ведет ответный огонь на подавление вражеских батарей?

— Такой приказ мною отдан. Но у моих пушкарей снарядов только на час боя.

— А неприкосновенный армейский запас?

— Я приказал использовать его только для отражения атак по живой силе.

— Верно. Держитесь за каждую линию до последнего. Сибирские стрелки — бойцы надежные. Должны выстоять.

— Есть держаться, Михаил Васильевич...

Действительно, две дивизии сдерживали большую часть вражеской армии, перешедшей в наступление до полуночи. В ночь на 1 июля генерал Литвинов приказал сильно поредевшим полкам сибирских стрелков отойти на тыловой оборонительный рубеж и занять линии окопов. Там уже находилась поднятая по тревоге армейская резервная 1-я Сибирская стрелковая дивизия. В тот день германцы трофеев почти не захватили, если не считать подбитые пушки и брошенные полевые кухни.

Алексеев принимал все возможные меры, чтобы локализовать участок прорыва армии генерала Гальвица. Первое, что он сделал, это приказал соседям Литвинова — 2-й и 4-й армиям передать ему часть своих войск. Такой же приказ получил и начальник гарнизона Новогеоргиевской крепости. Оттуда была взята распоряжением главнокомандующего фронтом часть снарядных запасов к полевым орудиям.

Утром 1 июля у Алексеева состоялся очередной разговор с Литвиновым.

— Александр Иванович, полки соседних армий к вам прибыли?

— Еще не все, что было сказано в телефонограмме. Те батальоны, что подходят, сразу же размещаем на тыловой позиции.

— Часть гарнизонной пехоты Новогеоргиевска тоже направлена к вам. Оттуда в полдень должен прибыть обоз со

снарядами для полевых пушек. К вечеру подтянется еще один. Как ведут себя немцы?

— С рассвета начали атаки наших окопов. Атакуют только после артналета. Часть своих батарей генерал Гальвиц успел переместить через первые две наши линии траншей.

— Как ведут себя в бою сибирские стрелки?

— Выше всяких похвал, Михаил Васильевич. Немцы уже столько раз откатывались назад под их контратаками.

— Пусть полковые командиры не скупятся на наградные листы. Каждого бойца-героя этих дней представлять к Георгию, к медали.

— Спасибо. Ваша просьба будет доведена до всех начальников в дивизиях.

— Еще одно. В деревнях, в других населенных пунктах старайтесь превратить каждый дом, мельницу, амбар в стрелковую ячейку. Цепляйтесь в ближнем бою за каждое каменное строение. Пусть германцы берут его только штурмом.

— Такой приказ мною отдан.

— Последнее. Участите контратаки. Старайтесь погасить наступательный пыл германцев...

Атакующий порыв дивизий армии генерала Гальвица за двое суток боев действительно угас. Но командующий армией увеличил число пехотных дивизий до десяти. Теперь каждая из них шла вперед на участке всего в три с половиной километра. Германской артиллерии был дан приказ не жалеть снарядов для поддержки атак пехоты.

Усилия Алексеева дали свой результат: через два дня на участке прорыва оборону держало четыре с половиной дивизии. Но против них действовало уже десять неприятельских, отборных, доказавших в прежних боях свои бойцовские качества.

Литвинов выполнил приказ главнокомандующего о превращении населенных пунктов в районе Прасныша в узлы обороны. Небольшие городки Рожаны, Сероцк, Пултук стали для наступающих германцев неодолимыми препятствиями. Здесь каждый каменный дом был превращен в стрелковую ячейку, подходы к городкам и улицы хорошо

простреливались пулеметами. Да и снарядов у русских полевых батарей стало больше благодаря внушительным запасам еще довоенного времени крепости Новогеоргиевск.

Последним распоряжением генерала Гальвица стал приказ с ходу форсировать реку Нарев. Немцы заранее припасли немалое число лодок, собранных даже с морского балтийского побережья. Но все попытки форсировать водную преграду заканчивались безуспешно.

За шесть суток Наревской операции, известной в военной истории еще и как Праснышское сражение, наступавшей 12-й германской армии удалось ценой больших потерь отеснить русских к реке Нарев, продвинувшись вперед на 25–30 километров.

Успехи наступления армий Гальвица оказались столь скромны, что германское верховное командование на Востоке решило продолжить операцию. Новый удар немцев в ночь на 10 июля оказался внезапным.

Гинденбург многое рассчитал правильно. Связав главные силы обороняющихся русских боями за овладение Пултуском и Рожанами, германцы перешли Нарев. Теперь им открывался путь на важный перекресток нескольких дорог – город Седлец. Но на пути армии генерала Гальвица встали форты Новогеоргиевской и Осовецкой крепостей, которые прикрывали переправы через реку Неман. К тому же в междуречье Нарева и Западного Буга оказалось много болот. Наступление немцев было остановлено.

Наревская операция стала поучительной для обеих сторон. Поэтому не было случайным то, что главнокомандующий Алексеев в дни наступившего затишья собрал у себя на военный совет командующих армиями. Вопрос обсуждался один: как действовать при новых попытках германцев прорвать линию фронта. Доклад делал сам Михаил Васильевич:

– Как протекало само сражение, вы уже знаете. Подчеркиваю то, что с ходу перейти через Нарев армия Гальвица не смогла. Вопрос ко всем: что помешало неприятелю получить оперативную свободу действий после преодоления полосы нашей обороны?

– Крепости Новогеоргиевск и Осовец. Они прикрыли своими фортами фланги наших оборонявшихся войск.

– Но это еще не все причины. Есть еще одна немаловажная, о которой, как я вижу, готов доложить генерал Литвинов.

– Вторым залогом отражения вражеского наступления стало то, что в целях обороны задействовались случайные и малоподготовленные тыловые рубежи. Прежде всего села и города под Праснышем. Одно дело – бой в поле, другое – штурмовать каждый каменный дом во встреченной по пути деревне.

– Правильно, Александр Иванович. Значит, я не случайно вас представил к Георгиевскому ордену 3-й степени. Что еще было в армейской копилке в дни боев?

– Солдатская стойкость и смекалка, Инициатива ротных командиров, вчерашних досрочно выпущенных юнкеров и унтер-офицеров.

– То есть Александр Иванович хотел нам сказать, что Русская армия обладает прекрасным людским материалом. Только надо позаботиться о том, чтобы он до конца остался верен Отечеству и воинскому долгу перед ним.

– Почему вы так говорите, Михаил Васильевич?

– Контрразведка фронта стала докладывать о том, что в тыловые части армий начали проникать лица сугубо гражданские, агитирующие против правительства. И что самое преступное – против войны Отечественной.

– Тогда надо принимать какие-то действенные меры. Есть же у нас на фронте отдельные эскадроны жандармов из Вильно и Варшавы.

– В нашей армии военной полиции нет. Потому прикажите полковым священникам в проповедях лишний раз напоминать людям о своем долге перед Богом, царем и Отечеством. Офицеры должны быть во всем примером для нижних чинов. Провести беседы по полковым историческим летописям.

– Надо отдать приказ контрразведке, чтобы она поставила заслон перед печатными изданиями, которые тайно забрасываются в воинские части.

– Соответствующий приказ мною уже отдан. Армия должна воевать, а не прислушиваться к голосам агитаторов из гражданских лиц.

– Стоит ли, Михаил Васильевич, опасаться каких-то говорунов – недоучившихся студентов и беглых ссыльных. Не в них опасность, а в неприятеле.

– Германцы победу у нашей армии не вырвут. А вот когда взбунтуется фронтовой тыл, мы и можем потерять победу, добываемую ценой солдатской крови. Вот в чем опасность для России...

Генерал-фельдмаршал Гинденбург не мог расстаться с мыслью провести на северном участке Восточного фронта операцию на окружение. Вместе с начальником штаба Людендорфом он сутками «колдовал» над фронтовой картой, выискивая то место, где можно было с известной долей уверенности в успехе прорвать позицию противника. Прорвать, вклиниться и отрезать хотя бы несколько корпусов, а то и армию.

Гинденбург так высказал свою сокровенную мечту начальнику штаба:

– Мой Людендорф. Сейчас уже не то время, когда армиями могли маневрировать на поле битвы. Фронты зарылись в землю.

– Но, господин фельдмаршал, русский фронт – не французский. Здесь хороший выбор для атакующего кулака из прусской стали.

– Сталь из русского города Златоуста ни в чем не уступает крупновской. Поэтому все наши надежды на «польский мешок» исчезнут, когда противник любезно подарит нам город Варшаву и Привислье.

– На что тогда приходится нам надеяться?

– Только на то, что где-нибудь генералы русского царя зазеваются. И тогда мы сможем отсечь у них хоть корпус, хоть одну дивизию. И это будет наш оперативный успех...

В итоге родилась идея проведения Риги-Шавельской наступательной операции. Но и она носила только ограниченный характер, так и не став по исполнению страте-

гической, значимой для всего Восточного фронта. Размах операции, как показали бои, был далеко не тот.

Проведение операции возлагалось на Неманскую армию генерала Отто фон Белова. Он имел под своим командованием 17 боевых единиц: шесть пехотных и две кавалерийские дивизии, две пехотные и две кавалерийские бригады, два отдельных отряда. Всего до 120 тысяч человек при 600 орудиях.

Немцам на участке Рига-Шавли противостояла русская 5-я армия, которой командовал генерал от кавалерии П. А. Плеве. Силы ее были по числу людей примерно равными с неприятельской Неманской армией: 117 тысяч человек (включая 10 тысяч небооруженных). Плеве имел под своим командованием четыре пехотные и шесть кавалерийских дивизий, три пехотные и две кавалерийские дивизии. Но русские уступали, и существенно, противной стороне в артиллерии. 5-я армия имела всего 365 орудий.

Свое наступление Неманская армия начала в 8 часов утра с форсирования реки Виндавы. Немцы сразу же начали свой излюбленный маневр двойного охвата в соответствии с доктриной генерал-фельдмаршала Альфреда фон Шлиффена, известного военного теоретика. Генерал Плеве связался со штабом фронта:

– Докладываю, Михаил Васильевич. Немцы форсировали реку Виндаву на моем правом фланге. Бои идут с ожесточением.

– Противник пытается взять вас в кольцо?

– Вероятно, да. Он усилил давление на Шавли. В случае успеха дивизии армейского центра могут оказаться в мешке.

– Что вы решили предпринять?

– Я намерен отдать приказ об отступлении, чтобы вывести войска из-под двойного удара.

– Павел Адамович, вам известно требование Ставки «ни шагу назад»?

– Известно. Но расплачиваться за упорство судьбой нескольких дивизий я не намерен.

– Хорошо, я постараюсь поддержать вас перед Верховным. Но отход ведите только методом активной обороны.

Дивизии отводите от рубежа к рубежу. Постоянно контра-
такуйте немцев. Не позволяйте им обходить себя.

— Ваши приказания, Михаил Васильевич, я постараюсь
исполнить.

— Самая главная лично ваша задача — избежать шлиф-
фенского мешка...

С задачей избежать двойного охвата русская 5-я армия
справилась успешно. Но немцы в итоге овладели на литов-
ской земле городами Шавли и Поневежем. На этом
12-дневное сражение в Прибалтике завершилось.

Однако, захватив Поневеж, германские войска постави-
ли под удар стык двух русских армий — 5-й и 10-й. И в шта-
бе фронта, и в Ставке опасность поняли сразу. Алексеев до-
бивается у великого князя Николая Николаевича разре-
шения на передачу в состав 5-й армии резервных дивизий:
двух пехотных и одной кавалерийской. Одновременно на
защиту Риги перебрасывается 12-я армия генерала от ин-
фантерии А. Е. Чурина.

Последним успехом наступления Неманской армии
стал захват города Митава. Немцы быстро закрепились на
новых рубежах, успешно отражая контратаки русских при
помощи силы артиллерийского огня.

В городе Холме Верховный главнокомандующий Рос-
сии великий князь Николай Николаевич-младший провел
совещание высшего командного состава. На нем решался
един-единственный вопрос: как воевать дальше? Начать
подготовку новой широкой наступательной операции, что
желали в Париже и Лондоне, или перейти к стратегичес-
кой обороне.

На холмском совещании высшего русского генералитета
выступал и Алексеев, отстаивая интересы своего фронта:

— Я со своим штабом разделяю мысль Ставки о переходе
к стратегической обороне.

— Вы, Михаил Васильевич, согласны с идеей спрямить
Восточный фронт?

— Для нас это крайне важно. В противном случае мы бу-
дем постоянно находиться под угрозой сильных фланго-
вых ударов и возможных окружений.

Но окружить значительные наши силы ни Гинденбург,
ни Конраду пока не удавалось.

Действительно, не удавалось. Но при выходе наших
войск из-под угрозы окружения армии несли неоправдан-
ные потери. Гибли тысячи бойцов, утрачивались тылы, ар-
тиллерия.

— Вы согласны с предложением Ставки отвести ваши ар-
мии на основной оборонительный рубеж по рекам Неман,
Бобр, Нарев и Висла вплоть до Ивангородской крепости.

— Согласен, Николай Николаевич. Но при одном усло-
вии.

— Каком же?

— Главнокомандующий фронтом должен получить пра-
во на выпрямление выпуклости фронта.

— Согласен с вами. Такое право главнокомандующие
фронтами от Ставки получают директивно...

На новом совещании высшего военного руководства
России, проходившем в городе Седлеце, делается следую-
щий вывод: Мировая война приобретает затяжной харак-
тер.

Алексеев в Седлеце выступал с докладом в силу своего
служебного положения.

— Меня, как и всех, беспокоит вопрос о качестве люд-
ского материала. В полках пехоты почти не осталось кад-
ровых офицеров. Все выбиты за первый год войны.

— Разве пополнение, которое приходит в армии фронта
из школ прапорщиков, вас не удовлетворяет?

— Меня, как человека в генеральских погонах, не устра-
ивает качественный состав новопроизведенных в прапор-
щики.

— Почему? Объясните?

В школы прапорщиков идет набор не дворянских де-
тей, которые армейскую службу считают семейной
традицией. Берут всех, кто имеет хоть какое-то образо-
вание выше полного курса городской гимназии. Даже не
спрашивая, желает ли он послужить Отечеству в офицер-
ском чине или хочет вернуться домой после срочной
службы.

— Тогда что можно предложить Военному министерству по улучшению состава школ прапорщиков?

— Отбирать в них кандидатов преимущественно не в тыловых городах, а в рядах действующей армии. Даже не взирая на образовательный ценз.

— Но пускать в офицерский корпус людей без должного гимназического образования нельзя.

— Согласен. Но только не в военное время. В пехотных полках младшие офицеры должны быть бойцами, героями в первой же атаке. А не вчерашними гимназистами и семинаристами.

— Что конкретно предлагает главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта?

— Производить набор людей в школы прапорщиков прежде всего из числа отличившихся унтер-офицеров, умеющих командовать солдатами. И из наших Георгиевских кавалеров, не обращая внимания на их часто низкую грамотность.

— Значит, вы предлагаете раскрыть двери в армейское офицерство людям из крестьянства, мещан, купечества, интеллигенции.

— Выходцы из этих сословий уже давно есть в Русской армии. Просто их пока мало. А на сегодняшней войне должно быть больше. Ротой командовать должен способный к тому человек...

Восточный фронт в результате стратегического отхода русских армий потерял выпуклость и принял линейное направление. Спряmlенный Северо-Западный фронт «встал» на линии рек Бобр, Верхний Нарев, крепости Брест-Литовск и города Ковель.

Польская столица Варшава была сдана германцам без боя. Эвакуация войск с передовой была завершена всего за месяц, хотя железнодорожные пути были забиты, а эшелонов не хватало. Немецкий план создания польского «мешка» «по Шлиффену» так и не осуществился.

Оставление Варшавы стало поводом для большой критики в адрес Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича-младшего. Но не за «спря-

жение» Восточного фронта. Именно его слово оказалось последним в вопросе, что эвакуировать в первую очередь — Варшаву или крепость Новогеоргиевск?

Великий князь высказался за Варшаву. И из нее постарались вывезти в восточном направлении много ценных музейных вещей, сокровищ польской культуры: картин, гобеленов, скульптур, архивы Речи Посполитой. Военного же имущества в столице Царства Польского почти не хранилось.

Зато брошенной оказалась мощная Новогеоргиевская крепость с ее невзорванными фортами и несожженными огромными складами. Оставлялось врагу 1204 артиллерийских орудия преимущественно крепостных крупного калибра. Из этого числа полевых пушек было вывезено всего 108. Причем в своем большинстве оставленные орудия своими расчетами не были приведены в негодность.

Германской армии оставлялись огромнейшие запасы снарядов к ним — свыше одного миллиона штук. И это в тот военный год, когда русские армии испытывали «снарядный голод», а в пехотных ротах прапорщики и фельдфебеля вели самый строгий расход патронов к трехлинейным винтовкам.

Но более потрясающим воображение российской общественности оказалось другое. Огромный гарнизон Новогеоргиевской крепости в составе четырех пехотных дивизий (в том числе двух, сформированных из великовозрастных дружин Государственного ополчения) попал в немецкий плен. Комендант крепости генерал-лейтенант Бобырь сдал неприятелю крепость.

Новогеоргиевск мог сражаться против германцев долго. Крепость осаждала так называемая Осадная армия под командованием генерала фон Безелера, который благодаря усилиям немецкой разведки имел подробнейший план крепостных сооружений. Германцы при поддержке 400 орудий тяжелых калибров от 150 до 420 миллиметров смогли в ходе штурма овладеть только несколькими крепостными фортами. При этом система обороны Новогеор-

гиевска не нарушалась, поскольку форты могли автономно защищаться.

Судьбу Новогеоргиевской крепости решил комендант ее гарнизона. Генерал Бобырь, посчитав продолжение сопротивления бесполезным, перебежал к немцам и ночью, уже находясь в плену, отдал приказ о сдаче крепости «во избежание дальнейшего кровопролития».

В ходе штурма Новогеоргиевской крепости ее гарнизон потерял около 3000 человек убитыми. В плен же в силу предательства коменданта крепости попало 83 тысячи человек, в том числе 23 генерала и 2300 офицеров.

Германцы отправили трофейные русские орудия и снаряжный запас к ним на Западный фронт. Союзники России французы после победного окончания Первой мировой войны выставили эти уже дважды трофейные орудия в Париже, на Эспланаде инвалидов.

Историк-белоэмигрант А. А. Керсновский писал, что это было сделано французами «на поругание своих бывших братьев по оружию». Париж долго не мог простить России, теперь советской, ее сепаратный выход из войны. Для истории со «своей колокольни» Антанты была права.

Комендант-изменника Новогеоргиевской крепости не судили военно-полевым судом за содеянное преступление. Генерал-лейтенант Бобырь был просто отчислен из рядов армии «за нахождением в плену». В вину ему не ставилось единственное: знамена воинских частей Новогеоргиевска были благополучно доставлены к своим летчиками авиационного отряда крепости.

Полки германского IX корпуса вступили в оставленную русскими войсками Варшаву 23 июля. Немцы шли по ее улицам церемониальным маршем под бравурные звуки военных оркестров, исполнявших польский национальный гимн «Еще Польша не сгинела»...

Военный историк-белоэмигрант генерал-лейтенант Н. Н. Головин, начальник штаба 7-й армии и Румынского фронта, участник тех событий, в своей книге «Военные усилия России в мировой войне» с известной долей горечи писал:

«Трудно на словах передать всю драматичность положения. Только часть бойцов, находившихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изошрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы.

Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки. Предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии.

Фантастичность этого распоряжения, данного из глубокого тыла, была настолько очевидна, что мой командующий генерал Лечицкий, глубокий знаток солдата, запретил давать дальнейший ход этому распоряжению, считая, что оно лишь подорвет авторитет начальства. Я привожу эту почти анекдотичную попытку ввести «алембардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года...»

Думается, что Головин все же несколько сгущает краски вокруг летних событий второго года кампании Первой мировой войны. Трагедии из отступления армий России из австрийской Галиции не случилось. Лучше Головина это поняли в Берлине и Вене. Чему есть немало документальных свидетельств главных действующих лиц той исторической драмы, происшедшей на Восточном фронте.

Так, начальник германского Полевого Генерального штаба генерал пехоты Эрих фон Фалькенгайн дал следующую оценку итогам наступательных операций летней кампании 1915 года:

— Наши наступления успеха не имели. Русские сами оставили нам Варшаву, свои крепости и Польшу...

С Фалькенгайном был вполне солидарен и будущий глава Германского государства генерал-фельдмаршал Гинденбург.

— Операция на Востоке, несмотря на прекрасное прове-

дение Наревского удара, не привела к уничтожению противника...

– Русские, как и нужно было нам ожидать, вырвались из приготовленных для них немецких клещей...

– Российский Верховный и генерал Алексеев добились фронтального отступления в желательном для них направлении...

– Надо изучить их удачный опыт противодействия нашим замыслам. Война еще не закончена...

...В Берлине понимали, что спрямление Восточного фронта позволяет русским с гораздо меньшим напряжением произвести перегруппировку наличных сил. Для Германии и Австро-Венгрии одно это уже было большой опасностью. Начались оживленные переговоры относительно характера дальнейших действий против России.

Гинденбург высказал свое веское слово. Крупный стратег, он считал единственно возможным сильным ударом по русским только наступательную операцию со стороны города Ковно, современного Каунаса, где позиции противника смотрелись слабее. Генерал-фельдмаршал докладывал императору Вильгельму II:

«...Еще раз я настоятельно ходатайствую об усилении моего левого фланга, чтобы по обстоятельствам или действовать наступательно, или, по крайней мере, удерживать за собой до сих пор занятую территорию.

Я подчеркиваю еще раз, что в наступлении моего левого крыла против тыла и сообщений противника я вижу единственную возможность его уничтожения. Такое наступление, вероятно, еще и теперь является единственным средством избежать нового похода, если только это уже не поздно».

Начальник германского Полевого Генерального штаба Фалькенгайн был вынужден уступить настойчивым просьбам Гинденбурга. Ему было дано согласие Берлина провести наступательную операцию на реке Неман. При этом главнокомандующему Восточным фронтом давалось право самому определить, куда должен был упираться его левый фланг – у Либавы или у Рижского залива.

В русской Ставке тоже понимали, что обострение боевых действий в конце 1915 года произойдет именно на северном участке фронта. В начале августа Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич-младший провел в белорусском городе Волковыске совещание высших чинов Ставки с командованием Северо-Западного фронта. На нем обсуждался план завершения кампании 1915 года.

На волковыском совещании генерал Алексеев выступил с предложением реорганизовать фронтную систему.

– Ваше высочество, наш отход из Польши, отражение германских ударов показали, что фронтное управление не справляется со своими задачами. Прежде всего страдает оперативность руководства, способность маневра силами в зоне ответственности фронта.

– Михаил Васильевич. Вы даете довольно критическую оценку деятельности вашего штаба. Да и самому себе тоже.

– Сегодня я твердо убежден, что нашу фронтную систему надо изменить. Она уже не отвечает требованиям дня.

– Что конкретно вы желаете предложить Ставке и на рассмотрение государя?

– Я не буду говорить о разительной разнице числа армий в составе двух наших фронтов. Уже одно это плохо для стратегического управления. Поэтому предлагаю разделить вверенный мне фронт на два с конкретными зонами ответственности.

– По какому принципу вы предлагаете разделить армии Северо-Западного фронта?

– Единственно – по направлениям. На фронт Северный и фронт Западный. Северный фронт прикроет собой прибалтийскую Ригу и путь на Петроград. Западный – смоленскую дорогу на Москву.

– Считайте, что ваше предложение полностью совпадает с мнением Ставки.

Так вскоре на свет появилась директива Ставки Верховного главнокомандующего за № 3274 от 4 августа 1915 года. Согласно ей огромный Северо-Западный фронт делился на два – Северный и Западный.

Главкомандующим армиями Северного фронта назначался генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский. До этого он исполнял должность главы 6-й армии.

Западный фронт в составе четырех армий доверялся генералу от инфантерии Михаилу Васильевичу Алексеву. Как показали дальнейшие события, в должности главнокомандующего новообразованного фронта полководец пробыл ровно две недели.

За эти две недели германские войска нанесли поражение русской 3-й армии генерала Леша. Ее отступление повлекло за собой вынужденный отход соседних армий – 1-й генерала Литвинова и 2-й Смирнова, которые неожиданно для себя оказались с открытыми флангами.

Сдача германцам линии Неман – Западный Буг имела не только стратегические, но политические последствия. С трибуны Государственной думы посыпались обвинения в адрес великого князя Николая Николаевича-младшего. Верховному главнокомандующему в упрек ставилось буквально все.

Политические партии антиправительственного толка усилили агитацию. Общественность все громче требовала перестановок в высших эшелонах военной власти. Об этом широко писалось во всех российских газетах – от монархических до социал-демократических. Николаю II ясно давали понять, что от него ждут «жертву».

Положение дел на фронте действительно стало для России и ее граждан откровенно безрадостным. Все ожидали побед, больших и малых, а их оказалось совсем немного. Были потеряны Царство Польское, Литва, другие территории. На страницах газет людьми сугубо гражданскими и даже военными открыто критиковались действия высшего командования. Внутриполитическая обстановка в стране накалялась.

Общественность открыто ожидала каких-то неизвестных, но обязательно «хирургических» мер в высших эшелонах военной власти. Однако на такой шаг Николай II решился далеко не сразу. Даже в самой семье Романовых на

сей счет были самые противоречивые мнения. Но принимать ответственное решение было надо.

Судьба Верховного главнокомандующего Российской империи великого князя Николая Николаевича-младшего решалась не где-нибудь, а в царских покоях Зимнего дворца. И не только его, но и генерала Алексева. Военный министр А. А. Поливанов вспоминал о тех событиях:

«...После обычного доклада государь высказал мне, что намеревается вступить в верховное командование армиями. На возражения о трудностях, сопряженных с такими намерениями, император Николай II ответил:

– Я много размышлял по сему поводу, и принятое решение является вполне твердым. Вас прошу выехать в Ставку, а также в штаб Северо-Западного фронта, где ознакомиться с мнениями по этому вопросу...

В Ставке от начальника военных сообщений я узнал, что для переезда в Волковыск, где размещается штаб Северо-Западного фронта, мне удобнее воспользоваться автомобилем, ибо железнодорожный путь ввиду отхода армии занят непрерывно следующими воинскими поездами...

В Волковыск прибыли, когда начинало темнеть. Командующий занимал маленький домик в центре города. Я не видел генерала Алексева с мая. Озабоченный тяжелым положением своих войск, он был, однако, как всегда, спокоен и сосредоточен. Он выслушал от меня известие о предстоящей ему обязанности обратиться в начальника штаба при Верховном главнокомандующем – государе, промолвив:

– Придворным быть я, наверно, не сумею...

На штабной оперативной карте Алексей изложил мне современное стратегическое положение...

При столь критическом положении нашего фронта, требующем непрерывного к себе внимания, генерал Алексей признавал перемену высшего командования в данную минуту безусловно вредной.

После ужина у генерала Алексева я отправился на автомобиле тем же путем на станцию Барановичи. Во вторник 11 августа прибыл в Царское Село. Я был принят в тот же день в 3 часа и изложил подробно перегово-

ры с великим князем Николаем Николаевичем и генералом Алексеевым, получив указания для ответов на возбужденные ими вопросы. Государь изъявил согласие не торопиться с отъездом в армию и разрешил мне осведомить Совет министров о принятом им решении».

20 августа 1915 года состоялось экстренное заседание российского Совета министров. Председательствовал сам государь император.

— Господа министры, вы знаете, что положение дел на фронте желает быть много лучше. Мы и общественность государства встревожены обстоятельствами, которые не делают чести России перед союзниками по Антанте. Некоторым горячим головам кажется, что Русская армия разучилась воевать. Но это далеко не так, в чем Европа еще не раз убедится.

После такого вступления, император высказал главное, на что он решился после долгих раздумий и советов с супругой Александрой Федоровной:

— Я хочу объявить вам свое решение. Генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич-младший высочайшим указом от сего числа уходит в отставку с поста Верховного главнокомандующего.

В притихшем было зале начался приглушенный шум. Новость поразила всех. Что-то, а вопрос об отставке Николая Николаевича-младшего с поста военного вождя Российской империи в Совете министров до этого даже не дебатировался. Слишком велик был личный авторитет великого князя. Послышались возгласы:

— Ваше величество! Кто заменит великого князя на посту Верховного? Объявите нам!

Николай II, делая большие усилия, чтобы остаться невозмутимым и спокойным, произнес:

— Пост Верховного главнокомандующего мы, Николай II, возлагаем на себя. Я принял такое решение в трудный для России час и буду полностью ответственен за него перед Богом и Отечеством.

В зале наступила тишина. Потом со всех сторон послышались голоса:

— Ваше величество! Вам не следует это делать.

— Почему же, господа министры, я не могу пойти на такой шаг?

— Ваше величество. Вы должны в час тяжких испытаний стоять у руля государственного управления. Армией может командовать и другой великий князь из Романовых.

— Мы надеемся, что управление государством будет в ваших надежных руках. Мне же сама судьба повелела встать во главе российских войск. Сегодня там трудно как никогда. Надо вдохнуть в войска прежнюю бодрость и желание победить врага...

— Ваше величество. Не делайте такого скоропалительного шага. Еще есть время для размышлений.

— Этого времени у нас уже нет. Высочайший указ на сей счет мною уже подписан. В Могилев и на фронты послана соответствующая телеграмма...

В Совете министров сложилась непростая ситуация. Большинство членов правительства (восемь человек из тринадцати) выступили против решения государя принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего России. С такой дружной оппозицией в среде министров император Николай II за два десятилетия своего царствования еще не сталкивался.

На следующий день, 21 августа, просьбу монарху о коллективной отставке подписали государственный контролер П. А. Харитонов, главноуправляющий землеустройств и земледелия А. В. Кривошеин, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр финансов П. Л. Барк, министр внутренних дел князь Н. Б. Щербатов, обер-прокурор Священного Синода А. Д. Самарин, министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев, министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской.

Прошение на имя государя о коллективной отставке произвело в Петрограде эффект разорвавшей бомбы. Император Николай II благоразумно не принял отставки восьми членов кабинета министров. Скорее всего, он сделал это по совету императрицы Александры Федоровны.

Но монарх не забыл о неповиновении своей воле со стороны авторитетного министра иностранных дел Сазонова и его сторонников. Уже довольно скоро все лица, подписавшие коллективное прошение об отставке, были уволены с занимаемых постов в силу самых различных причин. Уволенные в отставку экс-министры свою вину перед государем знали и в излишние размышления о невесте откуда свалившейся на них беде не предавались.

Так Николай II подавил «возмущение» в российском правительстве. Он его обновил более чем наполовину, но без видимого шума, чем лишил политическую оппозицию повода обвинить правящие круги в новых «грехах» перед Россией и ее народом.

Разумно поступил монарх и в другом отношении. Он не стал «присваивать» самому себе высокие генеральские чины. Николай Романов до самого своего свержения с престола оставался Верховным главнокомандующим в чине... полковника. То есть в том звании, которое ему в молодости присвоил отец император Александр III. Тот имел похвальную склонность не раздаривать родне генеральские эполеты, причем не баловал и собственных детей.

Официальный указ о вступлении императора Николая II в должность Верховного главнокомандующего был подписан 23 августа 1915 года. Всероссийский самодержец сделал к нему собственноручную приписку:

«С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли Русской».

Перед отъездом из Царского Села в Могилев, уже стоя на перроне перед своим штабным вагоном, император спросил военного министра Поливанова:

— Алексей Андреевич, как тебе в последний раз показался генерал Алексеев? Ведь ты его хорошо знаешь.

— Ваше величество, он такой же, как и прежде. Все помыслы о фронте, а в голове — никакая политика.

— Но он же открыто сказал, что в сию минуту смена Верховного не есть лучшее благо для нашей отступающей армии.

...ваше величество, рано или поздно остановит линию фронта. Важна ее преданность императорской фамилии.

— Можно ли мне полностью положиться на генерала Алексеева?

— Вне всякого сомнения. Он не интриган, и при дворе о нем плохо не судят.

— Однако императрица Александра Федоровна и отец Григорий относятся к нему с недоверием. Хотя лично мне генерал Алексеев симпатичен.

— Еще бы, ваше величество. Он лучший у нас штабист. ~~И~~ армия в него верит. Особенно фронтовое офицерство.

— Значит, можно положиться на Алексеева полностью.

— Несомненно, ваше величество. Вся армия поддержит вас в таком решении. И на флотах...

На фронтах смещение великого князя Николая Николаевича-младшего с поста Верховного встретили довольно сдержанно. Он был человеком не без полководческого таланта, заботливым о войсках, не принимавшим скоропалительных решений. Поэтому его люди военные уважали.

Впрочем, отставка была не полной. Николай Николаевич-младший «перемещался» на пост главнокомандующего Отдельной Кавказской армией и убывал из Могилева в город Тифлис. Фактически же командовать этой армией пришлось ее командующему генералу от инфантерии Юденичу, тоже Николаю Николаевичу. При Временном правительстве Юденич станет во главе нового фронта — Кавказского.

Опальный Верховный получил в Тифлисе еще две высокие должности. Одновременно он исполнял обязанности заместника Его Величества на Кавказе и войскового наместника Кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского.

Высочайшее решение в штабе Северо-Западного фронта приняли сдержанно, без лишних разговоров. Когда в штаб фронта пришла телеграмма за подписью государя, Алексеев собрал подчиненных генералов и старших офицеров.

— Господа генералы, господа офицеры. Только что мною получена из Петрограда телеграмма. Великий князь Николай Николаевич-младший увольняется с поста Верховного и переводится на Кавказ, чтобы стать там новым наместником и возглавить Отдельную армию. Государь император изволил возложить на себя обязанности Верховного главнокомандующего России в идущей войне. Завтра он прибывает в Могилев для принятия дел в Ставке.

Помолчав, Михаил Васильевич спросил:

— Вопросы ко мне есть?

Ответом была тишина.

— Телеграмму продублировать в штабы армий, корпусов и дивизий. Объявить о смене Верховного главнокомандующего во всех ротах, эскадронах, казачьих сотнях, батареях и в частях тыла. В дополнение к этой телеграмме отправить вторую. Секретным порядком. Командирам всех степеней обеспечить среди подчиненных должный порядок при объявлении императорского указа. Не допустить в войсках никаких политических эксцессов. Особенно в тыловых частях. Гражданских лиц с агитаторскими целями из войск удалять...

Глава шестая НАЧАЛЬНИК ШТАБА СТАВКИ ПОЛКОВНИКА НИКОЛАЯ П

Всероссийский государь в погонах полковника гвардии менял не только Верховного главнокомандующего, самостоятельно заняв эту ответственнейшую должность. Немалые кадровые изменения претерпела и сама Ставка, которая теперь располагалась в прифронтовом городе Могилеве на востоке современной Белоруссии, важном перекрестке железных и шоссейных дорог.

Изменилась даже личная охрана Верховного. Теперь ею стал Собственный Его Императорского Величества конвой, состоявший из двух сотен кубанских и двух сотен терских казаков. К ним добавились еще солдаты Георги-

евского пехотного батальона, сформированного из нижних чинов, за подвиги на фронте награжденных Георгиевскими крестами.

Император Николай II, естественно, нуждался в новом начальнике штаба Ставки. Вне всякого сомнения, такой человек должен был обладать полководческим, стратегическим мышлением, быть авторитетным человеком в Русской армии и ее генералитете. И, наконец, преданным правящей династии Романовых.

Такой человек нашелся сразу. Думается, что государь уже давно «положил глаз» на генерала Алексева. Во всяком случае, известно, что серьезного обсуждения на должность начальника штаба Верховного главнокомандующего другие лица не проходили.

Мемуаристы, бывшие прямыми свидетелями перестановок в высшем эшелоне власти, не без веских на то оснований считают, что не последнюю роль в назначении Алексева сыграла его личная популярность в армии, а не только одни высокие организаторские способности и стратегическое мышление.

Генерал от кавалерии П. А. Плеве, прошедший путь от начальника штаба Донского казачьего войска до члена Государственного совета, дал такую оценку Алексева:

«В армии его популярность распространялась главным образом на офицерские круги. Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя, а армейские офицеры — своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам».

Такая оценка личности Алексева важна для исследователей еще одним. Именно эта популярность позволила ему в конце 1917 года поднять знамя Белого дела...

Смена высшего военного руководства имела для сражающейся Русской армии большое значение, поскольку с этим связывались надежды на победное завершение Первой мировой войны.

Сохранилось немало любопытных свидетельств о смене власти в Ставке. А. И. Деникин, оставивший после себя

интереснейшие мемуары писал, например, о своих впечатлениях:

«Этот значительный по существу факт не произвел в армии большого впечатления. Генералитет и офицерство отдавали себе ясный отчет в том, что личное участие государя в командовании будет лишь внешнее, и потому всех более интересовал вопрос:

– Кто будет начальником штаба?

Назначение генерала Алексеева успокоило офицерство...»

Далее Деникин подчеркивает:

«Фактически в командование вооруженными силами России вступил генерал Михаил Васильевич Алексеев... человек, вызвавший в истории различное отношение – и положительное, и отрицательное – к своей военной и политической деятельности, но никогда не давший повода сомневаться в том, что крестный путь его озарен кристальной честностью и горячей любовью к Родине – и великой, и растоптанной».

Бывший генерал-квартирмейстер штаба Ставки Ю. Н. Данилов, которому пришлось уйти с этой должности по желанию нового начальника штаба, имел все основания «таить» личную обиду на Алексеева. В начале 1918 года Данилов успел послужить в Красной армии, будучи руководителем группы военных экспертов при советской делегации на сепаратных мирных переговорах в Брест-Литовске. Гражданскую войну он закончил в рядах белогвардейской Добровольческой армии.

Данилов в эмиграции написал ряд интересных работ по истории Первой мировой войны: «Россия в мировой войне 1914–1915 гг.», «На пути к крушению» и ряд других. В них он неоднократно упоминает о личности генерала Алексеева, давая ему свою оценку:

«Генерал Алексеев – человек рассудительный, достаточно спокойный и вполне подготовленный... к широкой стратегической работе. Он пользовался в армии вполне заслуженной репутацией человека больших знаний и огромной личной трудоспособности. Происходя из скромной

трудовой семьи, Михаил Васильевич проложил себе дорогу на верхи армии необыкновенной добросовестностью и неутомимой энергией. Его уважали и любили за простоту обращения и общую благожелательность...

Участник трех кампаний – турецкой, японской и последней, долго служивший на специальных должностях Генерального штаба и прошедший через высокие командные должности, он, несомненно, был одним из наиболее подготовленных генералов для занятия исключительно ответственной должности начальника штаба Верховного.

Если нужно говорить непременно о недостатках, присущих всякой человеческой натуре, то в числе таковых я бы прежде всего отметил у генерала Алексеева недостаточное развитие волевых качеств...

Внешность его также мало соответствовала высокому положению. Сутуловатый, с косым взглядом из-под очков, вправленных в простую металлическую оправу, с несколько нервной речью, в которой нередко слышны повторяющиеся слова, он производил впечатление скорее профессора, чем крупного военного и государственного деятеля...

Его характеру не чужда была некоторая нетерпимость к чужим мнениям, недоверие к работе своих сотрудников и привычка окружать себя безмолвными помощниками. Наличие этих недостатков сказывалось у генерала Алексеева тем отчетливее, чем расширялась область его деятельности...»

Начальником штаба Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев был назначен высочайшим указом от 18 августа 1915 года. С этого дня он фактически возглавил руководство воюющей Русской армией.

Свой Западный фронт Алексеев сдал генералу А. Е. Эверту, как одному из наиболее способных командующих армиями.

Картина в высшем эшелоне военной власти России складывалась следующим образом. Если великий князь Николай Николаевич-младший не сумел обеспечить достаточно твердого руководства, то император Николай II вообще был неспособен осуществлять его. Поэтому почти все

бремя забот Верховного главнокомандующего легло на Алексеева.

Было еще одно обстоятельство, которое накладывало отпечаток на начало деятельности государя и генерала Алексеева на новых должностях. Николай II стал Верховным главнокомандующим, а Михаил Васильевич — начальником главного штаба многомиллионной отступающей армии.

С первых же дней своего главнокомандования император все вопросы стратегического руководства и планирования вверил начальнику штаба Ставки. А. И. Деникин так описывал служебные взаимоотношения между государем и Алексеевым:

«Он выслушивал его долгие... обстоятельные доклады. Выслушивал терпеливо и внимательно, хотя, по-видимому, эта область не захватывала его. Некоторое расхождение случалось лишь в вопросах второстепенных — о назначении приближенных, о создании им должностей. Полное безучастие государя в вопросах высшей стратегии определилось для меня совершенно ясно после прочтения одного важного акта — записи суждений военного совета, собранного в Ставке в конце 1916 года под председательством государя».

Вступление государя и Алексеева в должности совпало с новым поражением на фронте. Генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург умело воспользовался сменой руководства в русской Ставке. Он поспешил провести наступательную операцию в районе города Вильно, которая вошла в историю Первой мировой войны под названием «Свенцянского прорыва».

Хотя германским войскам и не удалось окружить русскую 10-ю армию, они добились территориального выигрыша. Противник отошел на линию реки Западная Двина, городов Двинск, Вилейка, Барановичи, Пинск. После этого Восточный фронт на своем северном участке стабилизировался.

На южном крыле почти одновременно австро-венгры провели наступательную операцию в направлении городов

Сарны и Луцк. Однако стратегических успехов они не добились, лишь потеснили русских на линию рек Стырь и Стрыпа. И здесь фронт затих. Стороны в который уже раз стали закапываться в землю, наблюдая друг за другом.

... Два года Первой мировой войны так и не выявили победителя. Вооруженное противостояние продолжалось, ни одна из сторон не собиралась ни складывать оружия, ни искать путей к примирению. Антанта и Центральные державы строили планы на новую военную кампанию 1916 года.

В начале декабря 1915 года межсоюзническая конференция в Шантильи, небольшом французском городке, обсудила единый план кампании против Германии и ее союзников. Этот план был представлен от имени Франции будущим маршалом Жозеф-Жак-Сезаром Жоффром, «Верховным управляющим французскими войсками на всех фронтах».

Страны Антанты на совещании представляли достаточно высокопоставленные лица: итальянский генерал К. Порро, английский фельдмаршал Д. Френч, французский генерал Ж. Жоффр, бельгийский генерал Вилеманс, сербский полковник Стефанович.

Российскую делегацию на конференции возглавлял генерал от кавалерии Я. Г. Жилинский. Перед убытием в Париж между ним и начальником штаба Ставки состоялся следующий разговор:

— Яков Григорьевич, наши союзники настаивают на том, чтобы в кампании 1916 года русская армия вместе с итальянской первой начала наступление. И срок называется — до 1 июля.

— Да, настаивают, Михаил Васильевич. Это стержневая мысль меморандума совещания в Шантильи.

— Значит, союзники без нас решили так. Россия наступает, оттягивая на себя резервы Берлина, часть германских войск с Западного фронта, а после этого французы и англичане добывают там победу. Так?

— Наступать с нашей армией одновременно должна и итальянская армия.

– От нее в войне проку мало, если вспомнить недавние бои на реке Изонце.

– Однако австрийцы держат в Альпах, в Каринтии и Тироле значительные силы.

– Когда австрийцы в очередной раз разобьют там итальянцев, Яков Григорьевич, часть их сил с Итальянского фронта окажется на Русском.

– То, что итальянцы будут разбиты, у наших главных союзников сомнений не вызывает.

– Значит, Россия опять главный удар Германии и Австро-Венгрии примет на себя. Во вторую уже кампанию. Отлично одно: наша готовность к большим операциям на сегодняшний день лучше, чем это было в прошлом году.

– Что мы будем предлагать в Шантильи от имени русской Ставки, Михаил Васильевич?

– Надо предлагать перенесение сроков наступления с лета на весну.

– Почему? Ведь наша армия весной может оказаться не полностью подготовленной.

– Я полагаю, что план наступления в июне останется неосуществимым. Ибо противник упредит нас сильной атакой.

– Вы, как мне видится, сомневаетесь в союзниках?

– Не скрываю, Яков Григорьевич. Сомневаюсь. О чем уже докладывал государю.

– Значит, обещание союзников немедленно поддержать Россию наступлением на французском фронте, в случае если Германия вновь нанесет главный удар на Востоке, у вас лично доверия не вызывает?

– Вспомните поговорку о том, что за одного ученого двух неученых дают. В прошлой кампании 1915 года Русская армия кровью истекала, а французы с англичанами накапливали силы и запасы, особо ничем не рискуя.

– Значит, будем предлагать перенесение сроков наступательной операции на весну?

– Скажите, что это мнение русской Ставки. С желанием России союзникам считаться надо больше...

Французская Ставка не приняла предложение Алексеева, его не поддержал и Верховный главнокомандующий.

Император не хотел осложнять отношения ни с Парижем, ни с Лондоном. Очередное совещание представителей Антанты в Шантильи приняло следующее решение стратегического характера: русский Юго-Западный фронт и итальянская армия в Ломбардии начинают наступление с 15 июня, французская и английская армии в районе реки Соммы – ровно через полмесяца.

Однако на войне часто случается, что противная сторона путает все планы другой стороны, какими бы хорошими они ни были. Так было и в кампании 1916 года Первой мировой войны. Германская армия перешла в наступление на Верденский крепостной район французов. С 8 часов 10 минут 21 февраля начались тяжелые бои, которые известны в военной истории как «Верденская мясорубка».

Артиллерийскую подготовку германцы вели на фронте в 40 километров. Перед атакой пехоты французские позиции обстреляли еще и из минометов. Впереди атакующих пехотных цепей шли гранатометчики и специальные команды, которые несли большие металлические баллоны, из которых вырывались струи горячей жидкости длиной в несколько десятков метров. Это было новое оружие войны – огнеметы.

Атакующим успех давался невероятными трудами и огромными людскими потерями. В первые дни они сумели вклиниться в оборону французов только на 5–6 километров. Взять Верден с ходу немцы не смогли.

Вскоре после начала Верденской операции начальник французской военной миссии дивизионный генерал Ж. По поручению своего главнокомандующего направил начальнику русской Ставки письмо с напоминанием о союзных обязательствах. Оно было подкреплено телеграммой из Парижа за подписью Жоффра:

«В предвидении развития, вполне в настоящее время вероятного, германских операций на нашем фронте и на основании постановлений совещания в Шантильи я прошу, чтобы Русская армия безотлагательно приступила к подготовке наступления, предусмотренного этим совещанием».

Телеграмма Жоффра была обсуждена Верховным с начальником его штаба в присутствии генерал-квартирмейстера Ставки генерала Бонч-Бруевича:

— Ваше величество, Париж настаивает, чтобы мы нанесли удар по германцам без должной на то подготовки.

— С союзниками, Михаил Васильевич, надо согласиться. Мы имеем обязательства перед Антантой.

— В таком случае позвольте мне задать вопрос генерал-квартирмейстеру Ставки. Чтобы уточнить наши реальные возможности.

— Пожалуйста.

— Михаил Дмитриевич. Где мы сейчас сможем начать наступательную операцию против германцев?

— На Нарочи с выходом к Вильно и Митаве. Удар будет наносить Северный фронт. Удар на Свенцяны нанесет Западный фронт. Он же нанесет и отвлекающие удары.

— Хорошо. Тогда готовьте с разрешения Верховного главнокомандующего и за его подписью соответствующую директиву генералам Рузскому и Эверту.

— Михаил Васильевич. Обязательно дайте телеграмму Жоффру. Чтобы в Париже не волновались.

— Будет исполнено сегодня же, ваше величество...

Германское командование готовилось к новому удару на Верденском участке. Но в это время телеграф принес неожиданную весть: русские войска перешли у озера Нарочь в наступление большими силами. Ударные корпуса 2-й армии начали атаку неприятельской позиции с упорством и стремительностью.

Однако Нарочская операция, начатая 5 марта, желаемого успеха не имела. Наступление повелось без должной подготовки, войска плохо управлялись, тяжелой артиллерии в районе удара почти не имелось, снарядов не хватало даже для огневой поддержки атак пехоты, не говоря уже о бомбардировке полевых позиций, батарей и ближнего тыла германцев.

В довершение всего наступила необычно сильная весенняя распутица. Она сделала дороги и местность, где шли бои, почти непроходимыми. Вскоре наступление у озера Нарочь вынужденно прекратилось.

Ожесточенные атаки русской пехоты упорно оборонявшиеся германцы выдерживали с трудом. Немецкая сторона понесла потери до 30 тысяч человек. Но русские не праздновали победы: они смогли продвинуться, прорывая одну укрепленную позицию неприятеля за другой, всего на 5–9 километров. И весь этот недолгий путь у озера Нарочь был обильно полит кровью солдат и офицеров.

В далеком от Нарочских лесов и болот Париже французский главнокомандующий Жоффр высоко оценил очередной жест жертвенности союзников на Востоке:

— Русское наступление притянуло к себе все немногие резервы немцев и даже целые дивизии с нашего фронта. Защитники Вердена теперь могут вздохнуть свободно...

А в Могилеве, когда начальнику штаба Ставки генерал Жилинский передал из Парижа слова Жоффра, Михаил Васильевич сказал на утреннем докладе Верховному:

— Нарочь притянула на себя свыше четырех германских дивизий. Хоть и наступали мы там неудачно.

— Значит, французы могут Россией быть довольны?

— Еще бы, ваше величество. Атаки немцев на Верден временно прекратились. Пока немцы разбирались с Нарочью, французы подтянули внушительные резервы. Теперь у них сил там стало больше, чем у противника.

— И что ждет союзников под Верденом в последующем?

— Верденская операция примет для сторон характер борьбы на истощение людских сил и вооружений.

— А кто из сторон выиграет от такой борьбы, Михаил Васильевич?

— В этом году никто. Результат даст только само окончание войны. Которого мы с вами, ваше величество, пока не видим.

— Согласен. Но конца войне не видят и наши союзники, и Берлин с Веной...

Нарочская операция стала прелюдией к большим событиям, которые развернулись на Русском фронте в 1916 году. К его началу Россия имела в Европе три фронта большой протяженностью. Северным (три армии) командовал небезызвестный А. Н. Куропаткин, который имел штаб в

городе Пскове. Западным фронтом (пять армий) – генерал А. Е. Эверт со штабом в Минске. Во главе Юго-Западного фронта (четыре армии) стоял генерал А. А. Брусилов, с штаб-квартирой в городе Бердичеве.

Алексеевым и его штабистами был подготовлен оперативный план действий на Восточном фронте весной и летом 1916 года. Картина получалась довольно обнадеживающей. Два фронта – Северный и Западный имели 1260 тысяч штыков и сабель, в то время как у противостоящих им немцев было всего 620 тысяч. Юго-Западному фронту (512 тысяч штыков и сабель) противостояли австро-венгры численностью в 671 тысячу штыков и сабель.

То есть Россия на Восточном фронте в марте 1916 года против неприятельских 1061 тысяч штыков и сабель имела 1732 тысячи своих. Перевес выражался в 671 тысячу. Алексеев сделал вывод, что самая благоприятная обстановка для проведения летней наступательной операции складывается севернее болот Полесья.

Штаб Ставки начал разработку весенне-летней кампании 1916 года с некоторым опозданием. Мешали постоянные контакты с союзниками, обмен мнениями с командующими фронтами, армиями и флотом и начальниками их штабов. И те, и другие, как говорится, «тащили одеяло на себя». Поэтому Алексеев довольно быстро приучился к принятию самостоятельно ответственных решений. Его предшественник, генерал Янушкевич, на такое не решался. Михаил Васильевич, уважительно относясь к нему, однако говорил:

– Николай Николаевич слишком долго пребывал на посту начальника Генерального штаба в роли военного министра без права голоса...

С другой стороны, обстановка для стратега Алексеева была такой, что лучше не пожелаешь. Верховный не вторгался в работу начальника штаба и не делал ему никаких наставлений и указаний. Поэтому Михаил Васильевич мог творить, совершенствовать полученные им на прежних должностях военные знания и навыки.

Правда, начальник штаба Ставки был ограничен в реализации своих планов. Причина крылась в том, что последнее слово в утверждении директивных документов оставалось за Верховным главнокомандующим, которого постоянно требовалось в чем-то убеждать.

Штаб Ставки предлагал нанести удар в направлении города Вильно (Вильнюса). Однако такое предложение вызвало у полковника Николая Романова некоторые сомнения:

– Михаил Васильевич. Наши союзники на совещании в Шантильи пожелали нам нанести удар более масштабный, чем вы предложили сейчас.

– Ваше величество. В наступление на Вильно пойдут сразу два фронта, Северный и Западный, по сходящимся направлениям.

– А что Австро-Венгрия? Мы будем против нее обороняться или наступать?

– Брусиловскому фронту штаб предлагает нанести отвлекающий атакующий удар.

– Вы предлагаете наступать на немцев не позднее 1 мая. Не будет ли это поспешностью с нашей стороны? В Шантильи генералу Жилинскому Жоффе и англичане называли более поздние сроки.

– Ваше величество, если наши фронты будут наступать на месяц-два позднее, то тогда неприятель может стать обладателем стратегической инициативы начинающейся кампании. Нам надо брать инициативу в свои руки, не отдавая ее ни Гинденбургу, ни Конраду.

– Но почему такая спешка в сроках начала наступления на Вильно, Михаил Васильевич?

– Немцы после неудачи под Верденом могут свои главные усилия перенести на Восточный фронт, чтобы совместно с австрийцами вывести Россию из войны. Поэтому Ставке надо определиться в главном решении на 1916 год. Или наступаем и берем стратегическую инициативу в свои руки, или готовимся к обороне, отдав инициативу действий неприятелю.

– Париж и Лондон требуют от нас только широких наступательных действий.

— В таком случае, ваше величество, нам обязательно надо упредить немцев. Германия при хорошо развитой сети железных дорог успеет перебросить с французского фронта свои войска на Восток раньше, чем мы подтянем резервы с Волги и Сибири.

— Значит, наступать?

— Точно так. Иначе Гинденбург и Конрад навяжут свою волю и заставят наши фронты обороняться...

22 марта генерал Алексеев, как начальник штаба Ставки, представил Верховному главнокомандующему Николаю II доклад об общем положении на театре войны (на Русском фронте):

«Весьма секретно.

Минувшая операция не внесла существенных изменений в наше стратегическое положение. Хотя и имеется сообщение ген. Жилинского, что намечена переброска с западного германского фронта на наш одного корпуса (22-го), но соотношение сил останется для нас благоприятным и не внушает опасений. (От)тепель и состояние путей положили естественный предел недели на четыре развитию широких операций, и мы имеем время для пополнения потерь, для боевой подготовки и для улучшения материального обеспечения по мере наших средств.

Менее утешительные выводы из минувшей операции в тактическом отношении для будущих наших действий. Намереваясь нанести противнику сильный удар, мы обеспечили себе существенный перевес сил, сосредоточили стратегически в точке удара пятерные силы (236 000 штыков против примерно 46 000 штыков) и не выполнили поставленной себе задачи, проявив малую тактическую подготовку и большую неосведомленность в действиях союзников на французском фронте и наших войск в декабре 1915 г. на Стрыпе. Как 9-я армия попала в клещи флангового огня, так и правый фланг 11-й армии и войска 5-й армии, особенно Двинской группы. Обе наши тактические операции отличались надеждой прорвать расположение противника налетом, отсутствием стремления к точной и ра-

зумной постановке артиллерии определенных целей, нужных для подготовки и успеха пехотной атаки.

Наша операция была приостановлена не столько полководцем и наступившей неблагоприятной погодой, сколько сознанием, что после уже понесенных частью корпусов потеря развить действия по ранее выработанному плану, но с прежними приемами выполнения, бесполезно.

Нам необходимо изучить наш дорогой опыт, использовать опыт наших союзников, чтобы в близком будущем подготовиться к более успешному выполнению тех задач, которые необходимо неотложно привести в жизнь, и создать из нашей армии боевой организм, способный не только отбивать немецкие удары, но и с полной уверенностью наносить их. Для выполнения этого, т. е. для всесторонней подготовки операции, остается немного времени, примерно около месяца — до конца апреля, когда в прошлом году немцами было начато вторжение в Риго-Шавельский район и последовали удары в Карпатах.

Срок нашей готовности определяется также и постановлением совещания союзных представителей при французской главной квартире (телеграмма ген. Жилинского от 28 февраля), что «общее наступление всех армий предполагено в мае, причем начать его должна Русская армия в начале нашего мая, а прочие должны начать его в половине.

Таким образом, к 1 мая наши армии должны быть вполне готовы (понимая ножицы, гранаты, сапоги и т. д.) во всех отношениях к наступлению...»

Император Николай II с алексеевским докладом познакомился самым тщательным образом, вчитываясь в него всю ночь в штабном вагоне. В докладе было немало неясного, особенно в стратегии новой кампании и тактических задачах фронтам и армиям на весну и лето 1916 года.

Поэтому Верховный главнокомандующий пригласил к себе утром начальника штаба для беседы. Она велась с глазу на глаз и отличалась полной откровенностью. Собственно говоря, скрывать что-то друг от друга двум людям, наделенным в воюющей России самой высшей военной властью, не приходилось. Оба были ответственны перед Отече-

ством, Русской армией и Антантой, наконец, перед собственной совестью за положение дел на фронтах. В дипломатию играть не требовалось.

— Михаил Васильевич, возможно ли для нас перенесение сроков наступления на более позднее время, скажем, на середину лета?

— Возможно, ваше величество.

— Чем мы можем объяснить перенос перед нашими союзниками?

— Тем, что Верденская операция на французском фронте еще не завершилась. И тем, что у нас только-только закончились свои наступательные операции.

— Значит, времени на подготовку к новой кампании у нас достаточно?

— Нет, ваше величество. Много времени у нас нет.

— Почему?

— Мы должны завершить свою подготовку по возможности ранее 1 мая. И никак не позже этого срока.

— Вы опасаетесь сильного контратакующего удара той стороны?

— Точно так. По данным разведки, немцы и австрийцы будут готовы пойти вперед на нашем фронте уже в конце апреля.

— Тогда что может в таком случае дать России Верденская операция? Ведь там все еще идут сильные бои, как сообщает из Парижа генерал Жилинский.

— Если Верден не даст успеха немцам, они не смогут сосредоточить на Восточном фронте столько сил, сколько было у них здесь в 1915 году.

— Это все?

— Нет, не все. За минувший год сильно изменились снабжение в наших армиях, их боевая сила и обеспеченность пополнения потерь.

— Значит, вы твердо убеждены, что мы начинаем приобретать перевес над германцами и их союзниками.

— Если Западный фронт пополнит свои 911 батальонов, Северный — 455 батальонов и Юго-Западный — 593 до полного штата штыков, то наш перевес увеличится.

— А сейчас каков наш перевес, Михаил Васильевич?

— По штабным расчетам, примерно в 500 тысяч штыков.

— Где штаб Ставки ожидает наступление неприятеля в эту кампанию?

— Самое вероятное — в полосе Юго-Западного фронта. Если германцы усилят австрийцев четырьмя своими корпусами, а это 84 тысячи штыков, то они могут надеяться на оперативный успех.

— А почему они не могут использовать эти корпуса на северном участке фронта?

— Севернее Полесья мы имеем сегодня над немцами почти двойное превосходство в силах. Эти четыре корпуса могут стать лишь частью сил для удара. Например, в районе Риги. И то при условии поддержки немецкого флота. Чего наш Балтийский сделать не позволит.

— Значит, надо ожидать вражеского наступления на юге. Можем ли мы его успешно парировать?

— Для этого нам надо иметь сильный резерв, находящийся в распоряжении Верховного главнокомандующего, чтобы можно было его в случае надобности перебросить на юг.

— Гвардейский отряд может выполнить роль такого резерва?

— Он громоздкий и перегружен тылами. И потому ему будет трудно, в случае необходимости, выполнить роль подвижного резерва для Юго-Западного фронта.

— Где же выход, Михаил Васильевич?

— Мера, ваше величество, против неприятельского удара на юге видится пока одна-единственная.

— Какая же?

— Готовить на севере стратегические резервы Ставки. И хорошо обдумать план действий Юго-Западного фронта.

— Тогда давайте поставим это главным вопросом на предстоящем совещании высшего командования.

— Ваше величество. Оперативному отделу Ставки такое указание мною уже дано...

Совещание по планированию новой военной кампании в Могилеве состоялось в первый день апреля. Собрался

практически весь высший военный состав России: главнокомандующие армиями фронтов и начальники их штабов, полевой генерал-инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, начальник морского штаба Верховного главнокомандующего адмирал А. И. Русин, новый военный министр России генерал от инфантерии Д. С. Шуваев. От Ставки присутствовали ее начальник штаба и генерал-квартирмейстер М. С. Пустовойтенко.

Председательствовал на совещании сам император Николай II. По этому поводу А. А. Брусилов вспоминал следующее:

«Он прениями не руководил, не высказывал никаких мнений, а по предложению Алексева своим авторитетом утверждал то, что решалось... а также выводы, которые делал Алексеев».

Начальник штаба Ставки, отстаивая свою точку зрения при планировании наступательной операции новой кампании, обратил внимание участников совещания на три момента.

Первый. Расчеты на успех атакующего удара следует основывать не на выборе участка, где слабее будто бы неприятельские укрепления, а на подготовке атаки артиллерии, согласованности ее действий с пехотой, на тщательном изучении всеми способами линии обороны неприятеля, на умелом использовании добытых разведывательных сведений:

Второй. Для главных ударов выбирать по возможности районы сухие, возвышенные, где в случае неполного успеха можно будет продолжать действия хотя бы в виде позиционной войны, продвигаясь вперед шаг за шагом, достигая успеха продолжительной, упорной работой;

И третий. Такая подготовка требует внимательной разработки всех вопросов, требует распределения и эшелонирования артиллерийских запасов. Нельзя забывать о демонстрационных атаках, вплоть до распространения ложных слухов о готовящемся большом наступлении.

Единая точка зрения на предстоящую весенне-летнюю кампанию была выработана после долгих споров. Однако

Верховный поддержал начальника штаба Ставки во всех его предложениях. Михаил Васильевич, удовлетворенный одержанной над главнокомандующими фронтами «победой», приступил к разработке стратегической операции. Речь шла о новом наступлении, которое предстояло осуществить армиями двух фронтов.

Замысел новой кампании состоял в следующем. После должной подготовки два русских фронта наносили сходившийся удар по городу Вильно. Армии Западного фронта наступали из района Молодечно, войска Северного — из района Двинска.

Разрабатывая операционный план, Алексеев одновременно думал и о материальном обеспечении наступления. Он напомнил государю о том, что промышленность страны не справляется с выполнением военных заказов:

— Ваше величество, прочли ли вы представленные материалы о выполняемости заказов фронта?

— Да, Михаил Васильевич. Картина, честно говоря, не самая приглядная.

— У меня такое ощущение, что кабинет министров не ответственен за поставки.

— В стране сегодня большие трудности. Особенно на железных дорогах.

— Однако, ваше величество, надо министерскому кабинету еще раз напомнить, что Россия воюет. Надо покончить с забастовками. Тыл сегодня угрожает фронту.

— Я это знаю. Поверьте, Михаил Васильевич, мне очень больно за сегодняшнюю Россию. Я ведь ее государь...

Российский стратегический план кампании 1916 года отличался немалой долей военного новаторства. Впервые в войнах на главном направлении наносился мощный удар смежными крыльями двух фронтов. Благодаря этому в направлении Вильно производилось массирование сил и средств. Юго-Западному фронту ставилась вспомогательная задача: нанести отвлекающий удар по городу Луцку.

Затем началось уточнение сроков начала операции с союзниками. Англичане заявили о готовности своей армии к

наступательным действиям только в июне месяце. Французы же все еще продолжали отбивать немецкие атаки под Верденом: их готовность наступать в начале мая была под большим вопросом. Алексеев доложил Верховному главнокомандующему:

— Ваше величество, из Лондона пришел ответ на наш запрос. Англичане не готовы раньше июня начать наступление.

— А французская армия?

— Как сообщает из Парижа генерал Жилинский, она завязла в боях на Верденском участке. Генерал Жоффр бросает туда все свои резервы.

— Немцы могут иметь успех под Верденом?

— Определенно нет.

— Тогда как нам быть с нашим планом на новую кампанию? Вы, Михаил Васильевич, докладывали о том, что его разработка завершена.

— Точно так, ваше величество. Идет уточнение деталей. У меня есть предложение, исходя из положения союзников на французском фронте, об изменении сроков начала операции.

— Что предлагается штабом?

— Операцию с первых дней мая отложить на конец месяца.

— Я согласен. Не одним нам следует переходить в наступление...

Привязанность действий России на Востоке к действиям ее союзников на Западе все время давала себя знать. Еще не закончилось оперативное планирование кампании, как главнокомандующий Франции Жоффр сообщил императору Николаю II, что наступление французской армии и англичан откладывается. Но при этом ничего не говорилось об изменениях сроков русского наступления.

Алексеев в ответ стал настаивать на том, чтобы наступление на Востоке, Западе и на итальянском фронте началось одновременно. Он указывал в ответном послании на то, что все эти три операции должна связать «общая мысль».

О принятом в русской Ставке решении отложить начало наступательной операции на Востоке генерал Алексеев проинформировал Париж.

«...Генерал Жилинский сообщил мне желание генерала Жоффра отложить начало наступления французской армии. Наша собственная подготовка требует отсрочки атаки до конца мая, так как в силу некоторых условий перегруппировка войск для ведения намеченной операции совершается медленно.

Кроме того, нужно хотя бы немного накопить мортирных и тяжелых снарядов, увеличить те бедные запасы, которыми мы ныне располагаем.

Желательно, когда обстоятельства позволят союзникам, окончательно решить вопрос о времени наступления, четко установить определенное согласование действий...

Необходимо, чтобы общая мысль связала операции на русском, французском и итальянском фронтах.

Генерал Алексеев».

...Относительно плана предстоящей кампании велись согласования с главнокомандующими армий фронтов. Генерал А. А. Брусиллов предлагал провести энергичное наступление силами 8-й армии, ближайшей к Западному фронту. Он хотел, чтобы его войска участвовали в подготавливаемой операции, а не просто отвлекали неприятеля всем фронтом от направления главной атаки.

Брусиллов был вызван в Ставку. Между ним и Алексеевым состоялся разговор относительно сделанного предложения.

— Михаил Васильевич. Вы сомневаетесь в реальности выполнения предложенного мною плана наступления?

— Меня, Алексей Алексеевич, смущает то, что вы хотите прорывать оборону австрийцев на широком фронте. И не одним ударом, а несколькими.

— Точно так. Нанесение нескольких одновременных ударов не позволит фельдмаршалу Конраду разумно использовать свои резервы. Противник будет в замешательстве, поскольку не сможет определить, где же наносится

главный удар, на каком операционном направлении. А это выигрыш во времени.

— Я бы хотел, что вы отказались от задуманного. И мог бы предложить другой способ прорыва неприятельского фронта.

— Какой же?

— Для атаки избрать только один участок фронта. И нанести по нему массированный удар артиллерией и полевыми войсками.

— У меня, как главнокомандующего фронтом, есть категорические возражения против такого предложения.

— Вы, Алексей Алексеевич, будете на том настаивать и перед Верховным?

— Да. Я верю в удачу своего предложения.

— Что ж, может быть, вы и правы. Бог с вами, делайте, как знаете.

— Значит, Михаил Васильевич, вы утверждаете предложенный фронтом план прорыва австрийского фронта одновременно в нескольких местах?

— Утверждаю.

— А если такой способ прорыва не удастся, что тогда?

— Тогда я буду нести личную ответственность перед государем и армией. Но я верю в успех моего фронта и всех его армий.

— Не вы один, Алексей Алексеевич, будете нести ответ за неудачу. И я в ответе буду. В случае же боевого успеха — все лавры, поверьте мне на слово, достанутся только вам.

— Почему вы так считаете?

— На фронте сражаются и умирают. Там герои и подвиги. В Ставке же только планируют. Поэтому в Могилеве награждать Георгиями просто некого...

Ставка утвердила участие 8-й армии брусилковского фронта в общем ударе. Как показали последующие события, именно наступление Юго-Западного фронта стало кульминацией кампании 1916 года.

Николай II подписал директиву, составленную в штабе Ставки. На фронтах началась усиленная подготовка к переходу в наступление. Велась она предельно кропотливо.

Так, батальоны, которым предстояло атаковать первыми, тренировались в преодолении всевозможных искусственных препятствий.

На ряде участков фронта русские приблизили свои окопы к неприятельским траншеям на расстояние всего в 200–300 шагов. Было перелопачено столько земли, что фронтовые инженеры терялись в собственных расчетах.

Русским предстояло прорывать хорошо укрепленную, ашелонированную оборону. Это были несколько линий окопов полного профиля с проволочными заграждениями, фугасами, с бетонированными бойницами, стальными щитами. И немцы, и австро-венгры имели в окопах большое число пулеметов, малокалиберных траншейных пушек, бомбометов и минометов. Не было у них недостатка и в ручных гранатах, патронах и снарядах.

Пленный в ходе боев первого дня Брусилковского наступления офицер 70-й австро-венгерской пехотной дивизии заявил на допросе следующее:

«Наши позиции неприступны и прорвать их невозможно. А если бы это вам удалось, тогда нам не остается ничего другого, как соорудить грандиозных размеров чугунную доску, водрузить ее на линии наших теперешних позиций и написать: эти позиции были взяты русскими, завещаем вам — никогда и никому с ними не воевать».

Заявление плененного австрийского офицера, на первый взгляд, кажется громким. Но, с другой стороны, оно служит свидетельством того, что противник действительно верил в непреодолимость своей обороны.

Русская армия еще не завершила подготовку к наступлению, а союзники вновь запросили о помощи. Главнокомандующий итальянской армией маршал граф Луиджи Кадорна просил генерала Алексеева:

«...Ускорить во имя общих интересов начало наступления русской армии».

Это было вызвано тем, что у Трентино австрийцы с рассветом второго весеннего майского дня успешно атаковали войска 1-й итальянской армии. Просьбу маршала Кадорны поддержала и главная штаб-квартира французской армии.

Наступать союзники просили именно Юго-Западный фронт, действовавший против Австро-Венгрии.

Король Италии Виктор Эммануил III обратился к императору Николаю II с просьбой помочь наступлением Юго-Западного фронта. В послании он «между прочим» жаловалось на жесткую позицию генерала Алексеева, как начальника штаба Ставки, не желавшего наступать без окончания подготовки. В телеграмме говорилось:

«Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников. Если энергичное наступление против нас австрийцев продолжится, то не только будет исключена всякая возможность наступления итальянцев на Изонцо, но в недалеком будущем предвидится необходимость для нас быть вынужденными оставить эту линию...»

Если Россия будет продолжать настаивать на том, что она в настоящее время не может перейти в решительное наступление, то необходимо, чтобы она по крайней мере теперь же произвела демонстративное наступление с целью удержать против себя силы австрийцев и оттянуть те силы, которые, вероятно, находятся в пути на итальянский фронт».

Генерал Алексеев ответил маршалу Кадорне следующим посланием:

«Втягивать нас без надлежащей подготовки в немедленную атаку – значит вносить в общий план союзников дальнейшее расстройство и обрекать наши действия на неудачу».

Между Алексеевым и Верховным главнокомандующим состоялся следующий разговор:

– Михаил Васильевич, французы ходатайствуют по просьбе итальянского короля Эммануила.

– Ваше величество. Ко мне вчера обращался глава итальянской миссии полковник Ромей. Положение итальянцев у Трентино действительно трагичное.

– Надо выполнить союзнический долг. Брусилову наступать со своим фронтом.

– По докладам, его войска не готовы наступать немедленно.

– Жаль. Но сроки наступления против Вены надо приблизить.

– Готовить Юго-Западному фронту директиву о наступлении?

– Да, Михаил Васильевич. Если итальянцев разгромят у Трентино, союзники в этом обвинят не победительницу Вену, а Россию.

– Вы правы, ваше величество. Позвольте в таком случае сейчас же связаться для разговора с генералом Брусиловым.

– Позволяю. Все оперативные вопросы решайте с Алексеем Алексеевичем напрямую...

В тот же день начальник штаба Ставки вызвал для прямого разговора по телеграфу главнокомандующего армией Юго-Западного фронта.

– Вам известно, что итальянцы терпят разгром под Трентино?

– Да, такая информация в штаб фронта поступила.

– Союзники настаивают на скорейшем наступлении против австрийцев именно вашего фронта.

– Мои армии еще не завершили подготовку к операции. Причин на то много.

– Ставка о них знает. Прошу вас спешно уведомить о том, когда могут быть закончены фронтом подготовительные работы.

– Вас понял. Буду готов доложить в ближайшие дни.

– Еще прошу сообщить, какое содействие необходимо получить фронту, дабы дать надлежащее развитие удару...

Брусилов не заставил Ставку ждать. Вечером того же дня он телеграфировал в Могилев на имя Верховного и Алексева, что войска его фронта будут готовы перейти в наступление к 20 мая. Многого от Ставки Брусилов не просил, зная, что подготовленных резервов и запасов не много.

Заручившись поддержкой августейшего полковника Романова, генерал Алексеев отдал директиву на переход в наступление брусиловского Юго-Западного фронта 22 мая. Западному фронту предписывалось нанести атакующий удар не позже 29 мая.

Для Российской империи 1916 год после чувствительных поражений предыдущего года значил много. Военная мощь державы, ее престиж в глазах Берлина и союзников заметно пошатнулись. Германцам вторая кампания на Востоке придала только самоуверенность в собственных силах и возможностях. Генерал Людендорф писал позже:

«Германский солдат полностью убедился в своем неоспоримом превосходстве над русскими...»

Его начальник генерал-фельдмаршал Гинденбург высказывался по поводу военных поражений России в 1915 году менее самонадеянно:

«Есть нечто неудовлетворительное в отношении окончательных результатов операций прошлого года. Русский медведь, нет сомнения, кровоточит от ран, но он избежал смертельных объятий...»

«Сможет ли он восстановить жизненные силы и осложнить для нас ситуацию снова?»

Наступление Юго-Западного фронта, больше известное в отечественной военной истории как Брусиловский прорыв, началось на рассвете 23 мая после хорошо организованной артиллерийской подготовки. Наибольший успех был сразу же достигнут на участке 8-й армии, которой командовал генерал от кавалерии А. М. Каледин, будущий атаман Войска Донского.

В полосе наступления калединской армии неприятельские позиции были одним атакующим ударом прорваны на фронте до 80 километров. Через два дня русские войска вступили в город Луцк. 4-я австро-венгерская армия эрцгерцога Иосифа Фердинанда оказалась разгромленной.

Всего в трехдневном Луцком сражении 8-я армия взяла пленными 922 офицера, 43 628 нижних чинов. Трофеями стали 66 орудий, 71 миномет, 180 пулеметов. Под Луцком австрийцы и германцы потеряли в общей слож-

ности свыше 82 тысяч человек. Но и русская армия понесла большие потери – около 33 тысяч человек убитыми и ранеными. Особенно велика оказалась убыль офицерского состава, прежде всего кадрового. Выпускники школ прапорщиков заменить кадровых командиров, естественно, не могли.

Генерал-квартирмейстер штаба 8-й армии генерал-майор Н. Н. Стогов писал о начале Брусиловского прорыва:

«...Разгром австрийцев на ковельском и владимир-волинском направлениях выявился во всей своей полноте. Массовые показания пленных рисуют безнадежную картину австрийского отступления: толпа безоружных австрийцев различных частей бежала в панике через Луцк, бросая все на своем пути. Многие пленные... показывали, что им приказано было для облегчения отступления бросать все, кроме оружия, но фактически они нередко бросали именно оружие раньше всего другого...»

Успешное продвижение вперед войск Юго-Западного фронта вызвало тревогу в Берлине. Союзница Германии терпела сильное поражение. Немецкие войска стали перебрасываться на помощь австро-венграм к городу Ковелю. Генерал-квартирмейстер Стогов писал далее:

«Ковельская дыра стала постепенно заполняться свежими германскими войсками, собранными чуть ли не по батальонно с разных мест русского фронта».

Штаб Ставки, пристально следивший за ходом развития фронтового наступления, вовремя «заметил» концентрацию немецкой ударной группы под начальством генерала Александра фон Линзингена. Контрудар австрийцев и немцев в направлении на город Луцк был успешно отражен.

В начале июля в могилевской Ставке состоялся разговор Верховного со своим начальником штаба:

– Михаил Васильевич, из вашего утреннего доклада становится ясным, что темпы наступления фронта генерала Брусилова с каждым днем замедляются.

– Да, ваше величество, это действительно так. Войска устали. Наступлению нужен новый импульс.

– В чем вы его видите?

– На мой взгляд, надо усилить натиск на Ковель с юга.

– Но ведь там уже ведут бои 3-я и 8-я армии.

– Этих сил, как показывают донесения, не хватает. Неприятель все время вводит в дело новые силы. Германцев на северном участке фронта Брусилова становится все больше и больше. Надо создать новую армию, 13-ю по счету. И поручить ей наносить удар на Ковель с юга.

– Согласен с вашим предложением. Но у меня к несчастливой цифре 13 свое отношение. Надо изменить номер новой армии. Назвать ее иначе.

– Но у нас традиционная порядковая нумерация полевых армий.

– Давайте назовем ее не 13-й, а Особой армией. Вы не против?

– Никак нет. Пусть у нас будет Особая армия.

– Вы уже определили ее состав?

– Да, ваше величество. Это будут войска гвардии – пока три пехотных полка, 1-й и 30-й армейские и 5-й Сибирский кавалерийский корпуса. Остальные части лейб-гвардии могут быть быстро переброшены к Луцку.

– Хорошо. Я одобряю такое предложение. Кого вы предлагаете на должность командующего Особой армией?

– Ваше величество, вы напоминали мне о выдвижении генерала от кавалерии Владимира Михайловича Безобразова. Согласны ли вы утвердить его кандидатуру?

– Разумеется, согласен. Где поведет свое наступление армия генерала Безобразова?

– Она ударит южнее Ковеля в полосе между 3-й и 8-й армиями. Думается, что для австрийцев и германцев это будет тактическим сюрпризом.

– На это надеюсь и я. У нас на фронте давно не было таких блистательных побед. Не считая, разумеется, побед кавказцев генерала Юденича на турецком фронте.

– Да, победы Отдельной Кавказской армии привели в немалое смущение наших британских союзников.

– Еще бы. Они терпят от турок в Арабистане одни неудачи. Но на сотрудничество с генералом Юденичем не идут.

– Англичане, ваше величество, не хотят видеть русских в Персии и в горах Курдистана, за которыми начинаются земли арабских народов.

– Без помощи нашего оружия трудно будет им переломить ход в войне с турками на Ближнем Востоке...

Получив высочайшее одобрение на создание новой, не номерной армии, Алексеев поставил задачу генералу В. М. Безобразову, срочно вызванному в Ставку:

– Владимир Михайлович, до вас доведен приказ Верховного о назначении вас командующим Особой армией.

– Точно так, Михаил Васильевич. Сегодня утром я на нем расписался.

– Армейский штаб в своей основе создан?

– Да. Из известных мне гвардейских офицеров. Генерал-квартирмейстер Пустовойтенко передал мне роту искровой связи для оперативного управления войсками армии.

– Ее состав вам известен полностью?

– Точно так. Я уже связался с командирами 1-го и 30-го армейских корпусов. Задачи на выдвижение им уже поставлены. Полки лейб-гвардии к атаке готовы. Кавалерия на подходе.

– Приказываю от имени Верховного сформировать армию в срок не более чем десять суток. В помощь вам будут выделены лучшие оперативники Ставки.

– Благодарю. Направление удара Особой армии я могу узнать?

– Конечно, Владимир Михайлович. Задача вам поставлена атаковать город Ковель в стыке между 3-й и 8-й армиями. Все оперативные детали – у Пустовойтенко.

– В чье распоряжение поступает моя армия?

– Генерала Брусилова. В его распоряжение вы поступаете с завтрашнего дня.

– Кто уточнит боевую задачу армии? Ставка или штаб Юго-Западного фронта?

– Лично Алексей Алексеевич...

Брусиловский прорыв завершился самой большой победой России на Восточном фронте в ходе Первой мировой

войны. Австро-Венгрия была разбита и не смогла восстановить свою прежнюю военную силу. В сражении на полях Галиции ее армии потеряли до полутора миллиона человек убитыми, ранеными и пленными, 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов.

Потери победителей тоже оказались огромными. Они составили около 500 тысяч человек. Но за это история ни императора Николая II, ни начальника штаба Ставки, ни главнокомандующего Юго-Западным фронтом тогда не судила. Величие Брусиловской виктории «перекрыло» собой горечь утрат.

Наступление Юго-Западного фронта при всей его масштабности так и не обрело стратегического успеха, как то задумывал Михаил Васильевич Алексеев. Хотя и были достигнуты серьезные тактические результаты. «Виновник» большой победы русского оружия, генерал Брусилов писал следующее:

«Произошло это оттого, что Верховного главнокомандующего у нас по сути дела не было, а его начальник штаба, невзирая на весь свой ум и знания, не был волевым человеком...»

Однако значение летней наступательной операции 1916 года было велико в другом. Это была первая и достаточно успешная попытка согласовать действия трех фронтов в одном наступлении. И заслуга генерала Алексеева здесь несомненна и бесспорна.

Император Николай II, получив немало приветственных телеграмм и писем от союзников, нашел способ отблагодарить своего начальника штаба. Во время одного из июльских совещаний в Ставке Верховный главнокомандующий, обычно молчаливо все слушавший, взял слово первым:

— Господа генералы, позвольте мне от вашего имени поздравить Михаила Васильевича с присвоением ему звания генерал-адъютанта свиты Его Императорского Величества...

Россия летом 1916 года своим наступлением против Австро-Венгрии оказала союзникам немалую услугу.

Германский и австрийский Полевые Генеральные штабы были вынуждены снять с Западного и Итальянского фронтов более 30,5 пехотных и 3,5 кавалерийские дивизии и направить их против наступающих русских войск. Французы вновь могли легко вздохнуть под Верденом. А в Италии австро-венгры прекратили свои атаки в области Трентино.

О Брусиловском наступлении писали много. Так, английский историк Б. Х. Лиддел Гарт дал следующую оценку наступлению русского Юго-Западного фронта:

«Россия пожертвовала собой ради своих союзников, и несправедливо забывать, что союзники являются за это неплатными должниками России».

...Когда император Николай II избрал местом своего постоянного, хотя с частыми отъездами, пребывания Могилевскую Ставку, управление государственными делами «разделилось». Гражданскими заботами занималась теперь Александра Федоровна, которая была кузиной германского императора.

Государственных дел супруга венценосного полковника Романова почти не касалась, за исключением того, что связывалось с именем Распутина. Тогда она «входила» и в дела войны, в жизнь Ставки. В письмах к мужу Александра Федоровна величала бывшего сибирского конокрада не иначе как «наш Друг».

Чета Романовых больше всего желала удержать власть в огромной державе, охваченной революционным брожением. Император видел в супруге верного соратника. Он писал Александре Федоровне из Могилева:

«Сама подумай, как можешь ты, моя жена, не прийти на помощь своему мужу, особенно теперь, когда он отсутствует...»

«Как жалко, что ты не взяла на себя это уже давно, по крайней мере с тех пор, как началась война...»

«Ты должна стать моими глазами и ушами в столице, пока я остаюсь здесь. На тебе лежит задача сохранять мирные отношения и равновесие в кабинете министров. Этим ты окажешь огромную услугу и мне, и нашей стране...»

Действительно, ты мне очень поможешь, если будешь проводить обсуждения с министрами и руководить ими...»

Довольно скоро после «утверждения» в Зимнем дворце Александры Федоровны старец Григорий стал «влиять» и на военные вопросы. Для начальника штаба Ставки генерала Алексеева не стало большим секретом то, что писала в ноябре 1915 года государыня мужу – Верховному главнокомандующему:

«Дорогой ангел, мне очень хочется узнать у тебя о твоих планах в отношении Румынии. Наш Друг очень обеспокоен...»

Николай II ответил тогда супруге уклончиво и неопределенно. У него действительно еще не было каких-то твердых планов в отношении Румынии. Александра Федоровна напомнила ему еще раз о «беспокойстве в военных делах» Григория Распутина:

«Наш Друг боится, что у нас недостаточно большая армия, чтобы пересечь всю Румынию. Мы можем попасть в «ловушку», которая захлопнется за нами...»

Алексеева, при всей его внешней невозмутимости, неприятно поражало то, что Распутин стал «заниматься» уже не только вопросами состояния армии и флота. Теперь старец Григорий перешел к конкретным указаниям времени и места наступательных операций русских войск. Императрице Александре Федоровне он говорил, что его советы исходят из «вещих сновидений». Государыня же верила ему буквально во всем.

О том, чего стоила или могла стоить «распутинщина» для Русской армии, свидетельствует, например, такое послание Александры Федоровны мужу, датированное ноябрем 1915 года:

«Теперь, пока я не забыла, я хочу передать тебе все то, что видел наш Друг ночью во сне. Он просит тебя приказать продвинуться нашим войскам вперед в районе Риги. Он сказал, что это необходимо, иначе немцы засядут там зимой столь основательно, что выгнать их оттуда будет стоить больших усилий и бесконечного кровопролития...»

Он говорит, что сейчас это самое важное, и настоятельно просит тебя отдать приказ о наступлении. Он говорит, что мы можем и должны это сделать, и я сочла необходимым сразу написать тебе».

Николай II имел по поводу этого письма с начальником штаба Ставки конфиденциальный разговор. Он состоялся после обычного утреннего доклада:

– Михаил Васильевич. В сегодняшнем докладе мы не услышали от вас ничего относительно наших планов под Ригой?

– Ваше величество. В планы Ставки на эту зиму не входит проведение каких-либо наступательных операций Северного фронта под Ригой.

– А какие операции вообще возможны там в ближайшие один-два месяца?

– Только частные наступления силами полков и дивизий для улучшения своего оборонительного положения. На большее рассчитывать нам под Ригой пока не приходится.

– Почему вы так считаете?

– Ставка планирует основные стратегические действия в кампании будущего года на Юго-Западном фронте. Нам, как было уже доложено, важно вывести из войны Австро-Венгрию, пока главные силы Германии находятся на Западном фронте.

– И район Риги штаб Ставки совсем не беспокоит?

– Пока нет. По данным разведывательного отдела штабов Северного и Западного фронтов, немцы в Прибалтике, и особенно в Курляндии концентрацию войск не производят.

– Что еще добыла фронтовая разведка?

– Немцы на этом участке фронта стали больше заниматься укреплением своих позиций. Они явно готовятся вимовать в теплых блиндажах, а не в сырых окопах.

– Тому у вас есть достоверные подтверждения?

– Да, есть. Прежде всего показания пленных из резервных ландверных дивизий, что держат фронт под Ригой. В достоверности их показаний сомневаться не приходится.

– Михаил Васильевич. Я хочу доверительно высказать вам свои сомнения относительно нашей рижской позиции. И не только свои личные.

– Слушаю, ваше величество.

– Мною на днях получено письмо от императрицы. Известный вам вещей старец Григорий обеспокоен положением наших дел под Ригой. И государыня интересуется судьбой войск под Ригой. Она меня спрашивает о том во всех последних письмах. Что мне ей посоветуете ответить?

Алексеев, и раньше открыто недоброжелательно относившийся к вниманию императрицы Александры Федоровны к делам армейским и планам Ставки, опустил голову. Николай II все же заметил грустную улыбку на лице человека, которому он доверил стратегическое управление всей военной силой Российской империи. Государь повторил свой вопрос:

– Как мне, Михаил Васильевич, ответить на письма императрицы?

– Ваше величество... Похвально то, что ваша супруга живет болью России. Но, как мне думается, у ней и так много гражданских забот там, в столице. А заботами армейскими пусть занимается Ставка Верховного главнокомандующего. Нашего наступления под Ригой пока не будет.

– Вы чем-то обеспокоены?

– Да, ваше величество. Я боюсь того, что наши планы на войну, которые становятся известны в Зимнем дворце, могут стать добычей германской агентуры.

– Вы кого-то подозреваете в этом?

– Наша контрразведка может пресечь утечку секретной информации из Ставки и фронтовых штабов. В столице ей такую работу проводить намного сложнее.

– Вы имеете в виду планы Ставки?

– Не только их. Но и информацию о состоянии армии и о ее снабжении, пополнении резервами.

– Так все же что мне ответить императрице?

– Думается, что государыню надо успокоить в ее тревогах. К нашему счастью, ваше величество, Распутин не входит в число начальствующего состава императорской армии.

– Почему к счастью, Михаил Васильевич? Ведь старец Григорий обладает несомненным даром предвидения бед. Больших и малых. В этом я и Александра Федоровна убеждались уже не раз. Помните тот случай в Зимнем дворце, когда рухнула одна из люстр.

– Да, тот случай относится к числу нашумевших. Но Распутин, ваше величество, человек сугубо не военный. Его сновидения могут расходиться с планами Ставки и германского Генштаба. Это наше счастье.

– Ведь старец Григорий сегодня весь в заботах о наших победах.

– Пусть он заботится о них вдалеке от фронта и Могилева. В противном случае, я в том убежден, в вопросах ведения войны у нас будет больше неразберихи.

– Государыня Александра Федоровна знает о вашем расположении к старцу Григорию.

– Мне об этом известно, ваше величество. Но я, как начальник штаба вашей Ставки, должен заниматься не разгадыванием снов, а более прозаическими делами. Войной и только войной, пока я пользуюсь вашим личным доверием.

– Михаил Васильевич. В моем доверии к вам можете не сомневаться.

– Благодарю, ваше величество...

Алексеев не питал доверия ни к императрице Александре Федоровне, интересы которой в делах военных давно перешагнули рамки разумного, ни к ее дворцовому окружению. Не вызвала доверия и личность Григория Распутина, невесть откуда появившегося в Зимнем дворце и стремительно «воцарившегося» на той дворцовой половине, где проживала императорская семья.

Поразительное влияние безграмотного и распутного старца Григория на дела в государстве беспокоило не только русский генералитет, но и «здравые» круги придворной аристократии. Последние в конечном счете и решили судьбу Распутина, сделавшего в российской истории головокружительную придворную карьеру. Против бывшего сибирского мужика-конокрада составил заговор и в декаб-

ре 1916 года его убили. Примечательно, что в рядах заговорщиков состояли и великие князья.

Во главе заговора стояли – князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, двоюродный брат императора великий князь Дмитрий Павлович и член Государственной думы В. М. Пуришкевич, богатый бессарабский помещик, действительный тайный советник, то есть имевший чин, равный в Табели о рангах чину генерала.

Пуришкевич взял на себя историческую миссию разоблачения «темных сил», которые окружали царскую семью. Известна его двухчасовая речь в Государственной думе:

– Достаточно всего лишь рекомендации Распутина для того, чтобы самый ничтожный гражданин поднялся к вершинам государства...

В том своем выступлении бессарабский помещик громко обратил к министрам:

– Если вы действительно уважаете закон, если слава России, ее могущество, неразрывно связанные с именем царствующего монарха, дороги вам, тогда вы должны податься во весь рост и сказать свое слово...

– Вы должны отправиться в Ставку и броситься к ногам царя. Имейте мужество сказать ему, что растет гнев народа. Нам угрожает революция...

– Темный человек не будет больше управлять Россией...

– Нам нужно спасти царство...

Пуришкевич был в Думе выразителем крайне правых взглядов. Блестящий оратор, он свято верил в неизбежность абсолютного самодержавия. Он часто ездил в Ставку, лично занимался безвозмездной помощью раненым и увечным воинам, «курировал» санитарные поезда, циркулировавшие между фронтом и Петроградом с его военными госпиталями. Но даже Пуришкевич не осознавал опасности, которую несла для сражающейся Русской армии распутинщина. Алексеев эту опасность в деятельности отца Григория видел.

Для Михаила Васильевича показателем роли императрицы Александры Федоровны и Распутина в «руководст-

ве» войной стал Брусиловский прорыв. Этот успех дался для России ценой крови нескольких сот тысяч человек. Но и то она и война, чтобы за победу расплачиваться прежде всего людскими жизнями.

Императрица и «Друг» семьи Романовых довольно странно отнеслись к успеху наступления Юго-Западного фронта. Так, Александра Федоровна писала мужу:

«Он находит (Распутин. – А. Ш.), что... не следует так упорно наступать, поскольку потери слишком велики...»

«Наш Друг надеется, что мы не станем подниматься на Карпаты и пытаться их взять, так как, повторяет Он, потери снова будут слишком велики...»

Разумеется, начальник штаба Ставки не читал писем императрицы. Но то, что он ощущал «монаршью длань» государыни, бесспорно. Николай II отвечал на одно из писем венценосной супруги так:

«Я сказал Алексееву, что нужно остановить эти безнадёжные атаки... на Карпаты».

Из Зимнего дворца на это пришел радостный ответ:

«По поводу твоих последних приказов Брусилову наш Друг сказал следующее:

– Я испытываю удовлетворение от последних распоряжений папы. Все будет хорошо».

«Папой» бывший сибирский конокрад, а ныне всемогущий придворный прорицатель называл государя императора Николая II.

Алексеев все же настоял на продолжении успешно развивающегося наступления брусиловского фронта. Причем настоял при всей своей человеческой мягкости.

Полковник Романов, в свою очередь не сумевший «убедить» собственного начальника штаба, с некоторой горечью писал в Петроград императрице:

«Алексеев просит разрешения продолжать наступление... и я согласился...»

Александра Федоровна ответила:

«Наш Друг очень раздражен тем, что Брусилов не выполняет твоего приказа об остановке наступления, хотя ты был подвигнут свыше дать этот приказ, и Господь

благословил твое решение. Наш Друг опять указывает на бесполезные потери».

Верховному главнокомандующему пришлось оправдываться «за Брусилковский прорыв» перед императрицей и, естественно, перед Распутиным:

«Я только что получил твою телеграмму, в которой ты говоришь о том, что наш Друг очень расстроен тем, что мои планы не осуществились...

Создана дополнительная армия, которая удвоит наши силы в наступлении...

Новая армия позволяет надеяться на успех. Вот почему я дал генералу Алексееву свое согласие...

Мое решение, с военной точки зрения, совершенно правильное и сегодня верное...

Эти детали не должны совершенно касаться тебя. Я прошу об этом, дорогая, передай Распутину только одно: — Папа приказал предпринять значительные шаги...»

На такое письмо из Ставки Александра Федоровна ответила отчаянным посланием:

«Я умоляю, дай опять Брусилову приказ остановить бесполезную бойню...

Зачем повторять безумие немцев под Верденом? Твои прежние планы, такие мудрые, были одобрены нашим Другом...

Вернись к ним...

Наши генералы теперь уже не считаются с потерями живых людей и не останавливаются перед ужасным кровопролитием. Это грешно».

Верховный главнокомандующий сдался:

«Моя дорогая.

Генерал Брусилов, получив мои инструкции, немедленно отдал приказ остановить наступление».

Приказ о прекращении наступления Юго-Западного фронта в 1916 году вызвал немало разногласий. Особенно если учитывать, что русские войска уже прорвались в карпатские леса. Так, генерал Гурко, участвовавший в наступательных операциях, в своих послевоенных мемуарах замечал:

«Войска были измотаны, и это имело свои последст-

вия... Но нет никакого сомнения в том, что остановка наступления была обусловлена приказами Ставки».

Здесь генерал не договаривает. Под приказами Ставки подразумевались, естественно, только приказы императора Николая II.

Брусилов в своих мемуарах тоже не мог «обойти» во многом спорный приказ Верховного.

«Внезапная необоснованная остановка наступления допустима только во время маневров. В настоящий момент мы не имеем права на необдуманные действия. Протидник несет такие же потери, как и мы...

Но другого пути разбить и уничтожить врага не существует. Потери, а они могут быть значительными, при этом неизбежны».

Во всех этих «трениях» генерал Алексеев в силу занимаемой им должности становился волнорезом, о который в большинстве известных истории случаев разбивались «накаты» на Ставку волеизъявлений императрицы Александры Федоровны...

Письмо Николая II, в котором вскользь говорилось о том, что наступления под Ригой пока не ожидается и потому не надо беспокоиться, мало «вразумили» императрицу. В скором времени Александра Федоровна прибыла в могилевскую Ставку.

Перед этим государь получил от супруги письмо, переполненное назидательными чувствами:

«Я абсолютно уверена в том, что для твоего царствования и для России наступают великие и прекрасные времена...»

«Мы должны оставить нашему сыну сильную страну. Ради него мы не имеем права быть слабыми, если не хотим, чтобы его царствование было бы еще более трудным, чтобы ему не пришлось исправлять наши ошибки и восполнять то, что ты можешь пропустить. Ты сам так страдал за ошибки твоих предшественников, и только Бог знает, как много мучений ты испытал.

Пусть правление Алексея не будет таким тяжелым. У него сильная воля и независимый склад ума. Не разре-

шай обстоятельствам выходить из-под твоего контроля. Постоянно держи все в своих руках... все должны чувствовать твою твердую руку. Многие годы люди повторяют мне одно и то же: «Русские любят кнут», – это их природа. Чередование нежной любви и железной руки, направляющей и карающей...

Стань Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – подавляй их. И не смейся надо мной, противный...

К письму была приложена коротенькая записка, заставившая Николая II поморщиться:

«Наш Друг беспокоится, не много ли прав получил в Ставке генерал Алексеев. А меня беспокоит то, что он почему-то не доверяет мне свои планы и часто отмалчивается на волнующие меня вопросы. Твоя Аликс».

На «беспокойство нашего Друга» государь в ответном письме только заметил:

«Моя дорогая, тысячу нежных благодарностей за твой суровый выговор. Я читал это с улыбкой. Ты обращаешься со мной как с ребенком...»

Твой «бедный слабовольный» ворчун Ники».

В Могилеве императрице были в неслужебной обстановке, за обеденным столом, представлены все должностные лица Ставки Верховного главнокомандующего. Первым, естественно, был представлен Алексеев, второе лицо в высшем командовании воюющей Русской армии. Во время по-фронтового скромного застолья Александра Федоровна нашла повод, чтобы переговорить с таким несимпатичным ей генералом:

– Михаил Васильевич, я еще не имела случая поздравить вас с назначением начальником штаба государя, моего супруга.

– Благодарю, ваше величество. Для меня это большая честь и еще большее доверие.

– Могу сказать, что все Романовы возлагают на вас большие надежды, поскольку вы стали ближайшим военным помощником императора.

– Я всегда был верен единожды данной присяге на службу Богу, царю и Отечеству.

– В этом мы не сомневаемся. Но вы, Михаил Васильевич, как мне кажется, с большим недоверием относитесь к предсказаниям старца Григория. Не так ли?

– Этот старец является человеком сугубо гражданским. Он малосведущ в делах военных. Поэтому его советы вызывают сомнения не только у меня.

– Вы имеете в виду его сновидение о наступлении Русской армии под Ригой?

– Не только это.

– Но ведь в отношении Риги это была и моя августейшая просьба. А вы ее, Михаил Васильевич, почему-то проигнорировали. Получилось не совсем хорошо.

– Ваше величество. Когда провидение поставит вас во главе Русской армии, я буду готов иметь честь выполнить все ваши повеления.

– А сейчас что вам мешает исполнять волю вашей государыни?

– Я, ваше величество, человек военный. Подчиняюсь только начальствующим лицам в погонах...

Тогда разговора у Александры Федоровны с генералом Алексеевым не получилось. К чести императрицы, она не стала плести против него интриги. Словно понимала, что доверия ее супруга к начальнику штаба Ставки ей не пересилить.

Михаила Васильевича «спасло» в той непростой ситуации и другое. Всесильный Григорий Распутин был «по горло» загружен другими заботами. В Зимнем дворце решалась судьба таких государственных мужей, как А. Д. Протопопов и Б. В. Штюрмер. Первый занимал должности управляющего министерством внутренних дел и затем министра внутренних дел. Второй – сперва министра внутренних дел, потом министра иностранных дел и, наконец, председателя Совета министров. До генерала ли Алексеева, сидевшего где-то в городе Могилеве, было отцу Григорию.

В середине 1916 года произошло какое-то раздвоение в Российской империи. Одна часть ее сражалась «за веру, царя и Отечество» на фронтах Первой мировой войны. Вто-

рая, тылы, все больше и больше окутывалась тенетами политических страстей, борьбой за власть. Победы на фронте страну «замирить» уже никак не могли.

Алексеев, находясь в прифронтовом Могилеве, ощущал, что страна приходит в состояние политического хаоса. Ему начинает грезиться революционный ветер не столь далекого 1905 года. 15 июня Алексеев подал государю докладную записку. В ней он предлагал «возглавление всей области Общеимператорского Управления особым лицом с диктаторскими полномочиями».

По поводу этой записки императору министр земледелия А. Н. Наумов писал следующее:

«Судьба его проекта известна: не встретив сочувствия к такому решению в общественно-бюрократическом своем окружении, Государь не имел решимости провести его самолично и на заседании Совета министров, под личным своим председательством, 28 июня лишь ограничился высказанными им пожеланиями, чтобы все руководившие в то время центральные ведомственные учреждения и лица в связи с условиями переживаемого страной исключительного момента проявили высшее напряжение своих сил на благо Родины и были объединены ради этого во имя общности служения единому патриотическому подвигу».

Может быть, именно летом 1916 года, столь удачного для России в военном отношении, Михаил Васильевич почувствовал назревание великих потрясений в державной империи. И впервые пришел к мысли, что его Отечество испытывает потребность в сильной власти.

В том 16-м году сослуживцы Алексеева начали замечать, как в начальнике штаба Ставки пробуждается государственный, все чаще задумывающийся о том, что ждет его Отечество в финале Мировой войны и после того, как она завершится.

Известен такой случай. Офицер военно-цензурного отделения М. Лемке беседовал со своим начальником генерал-квартирмейстером Ставки генералом Пустовойтенко. В комнату вошел Алексеев.

Завязался разговор о фронтовых делах. Михаил Васильевич сказал:

– Да, на сегодня настоящее невесело.

Лемке спросил:

– Лучше ли будущее, ваше превосходительство?

– Ну, это как знать... – ответил Алексеев. – О, если бы мы могли его предупредить без серьезных ошибок. Это было бы величайшим счастьем для человека дела и величайшим несчастьем для человека чувства...

– Верующие люди не должны смущаться таким заглядыванием, потому что всегда будут верить в исправление всего Высшею Волею, – вставил Пустовойтенко.

– Это верно, только ведь и живешь мыслью об этой Высшей Воле, как вы сказали. А вы, вероятно, не из верующих? – спросил Алексеев Лемке.

– Просто атеист.

– А я вот счастлив, что верю, и глубоко верю в Бога, и именно в Бога, а не в какую-то слепую и безличную Судьбу. Вот знаю, что война кончится нашим поражением, что мы не можем кончить ее чем-нибудь другим, но вы думаете, меня это охлаждает хоть на минуту в исполнении своего долга? Нисколько, потому что страна должна испытать всю горечь своего падения и подняться из него – рукой Божьей Помощи, чтобы потом встать во всем блеске своего богатейшего народного нутра.

– Вы верите в это богатейшее нутро? – спросил Лемке.

– Я не мог бы жить ни одной минуты без такой веры. Только она и поддерживает меня в моей роли. Я человек простой, знаю жизнь низов гораздо больше, чем генеральских верхов, к которым меня причисляют по положению. Я знаю, что низы ропщут, но знаю и то, что они так испрошены, так развращены, так обезумлены всем нашим прошлым, что я им такой же враг, как Михаил Савич Пустовойтенко, как вы, как все мы.

– А вы не допускаете мысли о более благополучном выходе России из войны, с помощью союзников, которым надо нас спасти для собственной пользы?

– Нет, союзникам вовсе не надо нас спасать, им надо

Глава седьмая СТРАТЕГ РУССКОГО ФРОНТА АНТАНТЫ

спасать только себя и разрушить Германию. Вы думаете, я им верю хоть на грош? Италии, Франции, Англии... Скорее Америке, которой до нас нет никакого дела... Нет, батюшка, вытерпеть все до конца – вот наше предназначение, вот что нам предопределено, если человек вообще может говорить об этом...

С минуту помолчав, Михаил Васильевич продолжил:

– Армия – наша фотография. Да это так и должно быть.

С такой армией можно только погибать. И задача командования свести эту гибель к возможно меньшему позору. Россия кончит прахом, оглянется, встанет на все свои четыре медвежьи лапы и пойдет ломать... Вот тогда мы узнаем, пойдем, какого зверя держали в клетке. Все полетит, все будет разрушено, все самое дорогое и ценное признается вздором...

– Если этот процесс неотвратим, то не лучше ли теперь принять меры к меньшему краху, спасению самого дорогого, хоть нашей культуры? – спросил Лемке.

Алексеев ответил с непривычной для него горячностью:

– Мы бессильны спасти будущее, никакими мерами этого не достигнуть. Будущее страшно, а мы должны сидеть сложа руки и только ждать, когда же все начнет валиться. А валиться будет бурно, стихийно. Вы думаете, я не сижу ночами и не думаю, хотя бы о моменте демобилизации Армии. Ведь это же будет такой поток дикого разнуздавшегося солдата, который никто не остановит. Я докладывал об этом несколько раз в общих выражениях, мне говорят, что будет время все обдумать и что ничего страшного не произойдет; все так будут рады вернуться домой, что о каких-то эксцессах никому в голову не придет... А между тем, к окончанию войны у нас не будет ни железных дорог, ни пароходов, ничего – все износили и изгадили своими собственными руками...

Этот разговор, происходивший в Ставке, М. Лемке записал, уже будучи в эмиграции. Вполне возможно, что при передаче разговора он несколько сгустил краски. Но в том, что Алексеев уже тогда предвидел скорое будущее России, сомневаться не приходится.

Брусиловский прорыв стал одной из вершин стратегического творчества штаба русской Ставки. Немецкие историки писали, что наступление России летом 1916 года «оказалось самым тяжелым потрясением, которое выпало до того на долю австро-венгерских войск».

То, что Брусиловский прорыв не получил логического завершения и не принес стратегического успеха России и Антанте, стало предметом обсуждения в русской Ставке. Там ожидали больших результатов и даже полного военного разгрома Австро-Венгрии, главной союзницы Германии.

Император Николай II, до того не интересовавшийся вопросами стратегического руководства войной, попросил прибыть к нему в штабной вагон «на чай» Алексеева и Пустьовойтенко. Разговор походил на обмен мнениями по большому и уже завершённому делу:

– Михаил Васильевич. Меня в Петрограде, куда я отбывал, как вам известно, по делам государственным и думским, засыпали вопросами относительно атаки фронта генерала Брусилова.

– Ваше величество, этот вопрос по сегодняшний день волнует и Ставку.

– Но ваш штаб теперь занят операциями конца года. Что в брусиловском наступлении сегодня волнует Ставку? Это же не гражданский Петроград с его думскими политиками.

– Мое мнение таково – результат фронтового наступления должен был быть иным.

– Вы все жалеете о том, что Австро-Венгрия не выкинула белые флаги?

– С этим, ваше величество, все ясно. Германия не дала упасть своему союзнику и умело поддержала его в очередной раз в Галиции. Дело в другом.

– В чем именно?

– В действиях наших союзников по Антанте на Западном фронте.

– Что делать. Они и сами прекрасно понимают, что нарушили собственные решения совещания в Шантильи.

– Они обязаны были своевременно начать наступление на реке Сомме. А начали операцию только в конце июня месяца. Такая позиция заставляет штаб Ставки задумываться о будущем.

– А что скажет Михаил Саввич? У него тоже есть претензии к действиям Жоффра и англичан?

– Есть, ваше величество. Антанта в ходе наступления Юго-Западного фронта упустила, на мой взгляд, два стратегических результата, получив только третий и не самый главный.

– Какие именно?

– Несогласованностью действий Антанта не смогла разбить до конца Австро-Венгрию. Это первое. То, что французы и англичане не имели успеха на Сомме, – это второе. В области стратегии Антанта только спасла русской кровью от полного поражения Италию. Вот и все результаты союзных действий этим летом.

– Михаил Васильевич, ваше мнение, по всей видимости, не расходится с мнением генерал-квартирмейстера Ставки?

– Нет, ваше величество. Союзники на Сомме надеялись воспользоваться плодами нашего наступления в Галиции. Но этого у них не получилось, в силу их нерешительности.

– А мог быть стратегический успех в действиях держав Антанты?

– Несомненно мог. Но при одном неременном условии, которое уже выразил здесь, хотя и несколько иначе, Михаил Саввич.

– При каком условии?

– Ваше величество. Причина неудачи Антанты кроется в том, что первый выстрел на реке Сомме прозвучал тогда, когда самый опасный момент русского наступления в Галиции австрийцы уже пережили.

– И вы, Михаил Васильевич, полагаете, что вина в стратегической незавершенности атаки генерала Брусилова лежит именно в союзнической несогласованности?

– Только в ней. Не все же одной России выручать союзников в этой войне. Это исторически несправедливо.

– Тогда надо дать генералу Жилинскому в Париже на сей счет самые твердые инструкции.

– Жилинскому на новых совещаниях в Шантильи трудно будет играть роль требовательного посланца России.

– Почему вы так считаете?

– Да все потому же, ваше величество. Французский и английский послы в России свои интересы отстаивают не перед нами в Ставке, в городе Могилеве, а в далеком отсюда Петрограде, при императорском дворе.

– Но это обычная дипломатия. Не больше.

– Благодаря такой дипломатии штабу Ставки уже не раз приходилось вносить нежелательные коррективы в свои планы...

Тот разговор за чаем император Николай II продолжать не стал. Он прекрасно понял, о чем речь.

А. И. Деникин в своих воспоминаниях поясняет одну из черт характера Михаила Васильевича Алексеева:

«Не всегда достаточно твердый в проведении своих требований, в вопросе независимости Ставки от сторонних влияний Алексеев проявил гражданское мужество, которого так не хватало жадно державшимся за власть сановникам».

В подтверждение этой мысли Деникин приводит такой эпизод:

«Однажды, после официального обеда в Могилеве, императрица взяла под руку Алексеева и, гуляя с ним по саду, завела разговор о Распутине. Несколько волнуясь, она горячо убеждала Михаила Васильевича, что он неправ в своих отношениях к Распутину, что старец – «чудный и святой человек», что на него клеветают, что он горячо привязан к их семье, а главное, что его посещение Ставки принесет счастье».

Алексеев сухо ответил, что для него этот вопрос – давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба.

– Это ваше окончательное решение?

— Да, несомненно.

Императрица резко оборвала разговор и ушла, не протрившись с Алексеевым.

Этот разговор, по словам Михаила Васильевича, повлиял на ухудшение отношения к нему государя. Вопреки установившемуся мнению, отношения эти, по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия...

Но в вопросах управления армией государь всецело доверялся Алексееву».

Успешное наступление брусиловского фронта и впечатляющие потери Австро-Венгрии подтолкнули к вступлению в войну до этого нейтральной Румынии. Она долго колебалась и наконец решила выступить на стороне Антанты.

4 августа она подписала союзную конвенцию с Антантой. А потом королевское правительство из Бухареста объявило войну Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии. Румынское командование задумало наступательно действовать в Трансильвании и оттуда нанести удар на Будапешт.

Вступление Румынии в войну вызвало, как ни парадоксально, большую озабоченность в русской Ставке. Николай II сразу уловил тревожные нотки в традиционных утренних докладах своего начальника штаба.

— Михаил Васильевич. Решение румынского короля Фердинанда I встать в европейском споре на сторону Антанты в вас большого энтузиазма, как я вижу, не вызвало.

— От такой союзницы нам приходится ждать только одних бед. И ничего хорошего.

— Но так судить, наверное, нельзя. Румынская армия насчитывает почти 600 тысяч человек. Они притянут на себя примерно столько же войск австрийцев и болгар. Поддержка нам будет несомненная.

— Меня, ваше величество, решение румынского короля навело сразу же на грустные мысли.

— Объясните, будьте любезны.

— Румынам можно вспомнить время своих военных побед только во времена войн даков с римлянами. Да еще 1877 год, когда под болгарской Плевной против турок они опирались на русские штыки. У короля Фердинанда нет, ваше величество, армии в современном ее понятии.

— Но 600 тысяч солдат. Это же вторая союзная Сербия.

— Только румыны не будут сербами, когда на них пойдут атакой болгары и австрийцы с венграми. Королевство разобьют еще до нынешней осени.

— Но мы же уже отправили на помощь румынским войскам в Добруджу 47-й корпус генерала Зайончковского. Поставлены задачи и флоту Черного моря.

— Да вся беда в том, что этот корпус будет не последней нашей ласточкой в рядах румынских войск.

— Военный министр короля маршал Авереску не просил нас о большой поддержке войсками.

— Пока не просил, ваше величество. Уже в ближайший месяц, в лучшем случае — в два, нашим новым союзникам потребуются более существенная поддержка. А все резервы Ставки уже распределены по фронтам. У нас нет лишних корпусов, а тем более армий.

— Значит, вы считаете, что Вена и София в ближайшее время разгромят Бухарест?

— Это ясно как день, ваше величество.

— Что же в таком случае ожидает Россию?

— Удлинение линии Восточного фронта как минимум на 500 километров. Румынская армия его держать не сможет. Придется все наши резервы и целые армии с других фронтов отправлять на латание дыр в новом, Румынском, фронте.

— Я думаю, Михаил Васильевич, что так резко отзываться о новом союзнике Антанты все же не стоит.

— Но у нас нет радужных перспектив с открытием Румынского фронта, ваше величество.

— Я все же думаю, что ваши опасения совершенно напрасны. Тем более что в сегодняшней телеграмме из Бухареста от короля Фердинанда говорится, что его армия начала успешное наступление в горной Трансильвании.

- Этот успех, дай Бог, продлился хотя бы на месяц.
- А что даст нам этот месяц, Михаил Васильевич?
- За месяц мы сможем определиться, чем можно усилить в Добрудже корпус генерала Зайончковского...

События в союзной Румынии развивались даже быстрее, чем предполагал генерал Алексеев. В Берлине и Вене сразу поняли, что короля Фердинанда можно разгромить легко и быстро, чтобы выйти к российской государственной границе по реке Прут. Задачу нанести военное поражение новому союзнику Антанты поручили опытному полководцу: немецкому генерал-фельдмаршалу Августу фон Макензену.

Он был отозван из Сербии, где во главе союзных германских, австро-венгерских и болгарских войск уже завершил оккупацию этой страны. Сербская армия, отступив, оказалась в Греции. Макензену было вверено общее командование всеми силами, направленными против Румынии и объединенными в Дунайскую армию. Она состояла из немецких, болгарских и турецких дивизий. Вместе с ней предстояло действовать 1-й австро-венгерской армии генерал-полковника Артура Арца фон Штрауссенберга.

Румынское наступление в Трансильвании развивалось крайне медленно. Тогда русская Ставка подкрепила новоявленных союзников частью сил своей 9-й армии. Когда Дунайская армия генерал-фельдмаршала Макензена перешла в наступление на юге Добруджи, руководству Антанты стало ясно, что король Фердинанд (который в те дни «увлекался» пилотированием новых аэропланов, а не командованием войсками) обречен на полное поражение.

Сигнал бедствия прозвучал дважды и почти одновременно. Болгары заняли крепость Базарджик. Затем Дунайская армия взяла город Базарджик. Оборонявшая его румынская дивизия сложила оружие. Положение выправил корпус генерала Зайончковского, который выбил неприятеля из Базарджика. Но одна из румынских дивизий в ночь на 25 августа самовольно ушла на север, обнажив фланг ничего не подозревавших русских.

На стол Верховного главнокомандующего России легла срочная, даже не шифрованная, телеграмма из Бухареста: «*Ваше императорское величество. Прошу поддержки. Фельдмаршал Макензен с болгарскими угрожает моей столице со стороны Дуная.*

Всегда ваш король Фердинанд».

Император Николай II вызвал к себе начальника штаба. Генерал Алексеев уже знал содержание телеграммы из Бухареста и потому не выказал удивления, когда государь зачитал ему фердинандовский «крик о помощи»:

- Михаил Васильевич. Ваши опасения подтверждаются в самом худшем. Фельдмаршал Макензен закрепился на Дунае и угрожает с юга румынской столице.

- Ваше величество, это еще не все. Ночью штабом Ставки получена телеграмма от генерала Зайончковского. В Северной Добрудже румыны оголили ему корпусной фланг близ Базарджика.

- Знаю Зайончковского. Командовал в 1906-м лейб-гвардии Егерским полком. Каковы его силы на Дунае?

- 47-й армейский корпус состоит из двух дивизий: 61-й пехотной генерал-майора Симанского и 1-й сербской добровольческой дивизии полковника Хаичича, которая формировалась в Одессе.

- А кавалерия? Добруджа - это же степи. И сухие. Простор для конных атак.

- Корпус усилен ковенской 3-й кавалерийской дивизией с двумя конно-артиллерийскими батареями.

- Какую помощь мы, Михаил Васильевич, можем оказать сегодня королю Фердинанду?

- Надо создать в Добрудже союзную армию под командованием генерала Зайончковского. И поручить ей оборонять порт Констанцу и дальние подступы к устью Дуная.

- Хорошо. Согласие у короля Фердинанда мною будет получено сегодня же.

- Ваше величество. Я уже дал задание генерал-квартирмейстеру Пустовойтенко найти резервы, которые мы можем послать в поддержку румынской армии.

— Можем мы послать большие силы на Средний Дунай и в Трансильванию?

— Нет, не можем. Во-первых, у нас резервных армий нет. А во-вторых, мы просто не успеем...

Король Фердинанд I и его военный министр Александр Авереску сразу же дали согласие на создание Добруджанской армии в составе русского экспедиционного корпуса, своих трех пехотных дивизий, остатков разбитой у Базарджика дивизии и кавалерийской бригады каларашей. Командующим «сводной» армией стал русский генерал Зайончковский.

Защитить портовый город Констанцу Добруджанская армия не смогла. Болгары нанесли сильный удар по позиции румынской пехоты. Русским войскам пришлось «догонять» отступающих союзников по причерноморским степям дунайского правобережья. На так называемой Кобадинской позиции отход союзной армии прекратился. В первых числах сентября русские и румыны остановили продвижение 3-й болгарской армии по степям Северной Добруджи.

После этих боев случилось то, что прогнозировалось Алексеевым. Макензен форсировал Дунай перед Бухарестом. 21 ноября румынские войска сдали свою столицу без боя, отступив к государственной границе с Россией.

Начальник штаба могилевской Ставки это событие прокомментировал так:

— Бухарест румыны удержать никак не могли. Но сдавать собственную столицу врагу без боя — это уже слишком...

Русская Ставка сделала все, чтобы спасти Румынское королевство от полного разгрома. 9-й армии было приказано с помощью 2-й армии румын лишить австрийцев и германцев шансов взять в кольцо 1-ю румынскую армию и уничтожить ее в Валахии.

Румынский фронт стабилизировался на линии дунайского устья, городов Браилов, Фокшаны, Окна, Дорна-Ватра. Почти вся территория Румынии к концу декабря 1916 года оказалась занятой германскими войсками и их союз-

никами. В руки немцев попал район города Плоешти с его богатейшими нефтепромыслами.

Алексеев относительно вступления Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты ошибался только в одном. Об этом в «Моих воспоминаниях о войне 1914–1918 гг.» писал генерал Людендорф:

«Мы разбили румынскую армию, но нам не удалось уничтожить ее. Мы достигли всего, к чему представлялась малейшая возможность, но были все-таки вынуждены оставить в Добрудже и в Валахии силы, которыми до вступления в войну Румынии мы могли располагать на Восточном и Западном фронтах, а также в Македонии. Несмотря на нашу победу над румынской армией, мы стали в общем слабее».

...В русской Ставке понимали, что Россия от вступления Румынии в войну на стороне Антанты тоже стала слабее. На одном из рабочих совещаний в Могилеве с приглашением главнокомандующих фронтов и начальников их штабов генерал Алексеев сделал особый доклад с анализом боевых действий в Северной Добрудже и в горах Трансильвании (на южном крыле Юго-Западного фронта). Ему было задано при молчавшем Верховном несколько вопросов:

— Михаил Васильевич, во что обошелся армии России новый Румынский фронт?

— В 35 пехотных и 11 кавалерийских и казачьих дивизий с их штатной артиллерией и тылами. Не считая, разумеется, отдельных полков, батальонов, дивизионов тяжелой артиллерии, санитарных поездов и прочего.

— Румынская королевская армия способна самостоятельно держать линию фронта?

— Определенно нет. Румыны фронт не удержат без нашей решающей помощи. Мы едва успеваем своими войсками латать дыры.

— Значит, мы только стратегически пострадали от вступления в Антанту этого королевства?

— Точно так. Русский боевой фронт в войне удлинился на целых 500 километров. Их надо держать и обеспечивать. А у нас трудности, всем вам известные.

– Значит, из румынской кампании напрашивается не самый приятный для России вывод?

– Такой вывод, на мой взгляд, может быть один. Лучше бы Румынии в этой войне по-прежнему оставаться нейтральной...

Румынский фронт к концу Первой мировой войны «вобрал» в себя четыре полнокровные русские армии – 4-ю, 6-ю, 8-ю и 9-ю, не считая собственно румынских. Его полевое управление было создано, преимущественно из русских офицеров, в декабре 1916 года.

Номинально главнокомандующим фронтом считался король Румынии Фердинанд I, который все больше увлекался полетами на аэропланах. Попытки союзников «наставить его на путь истинный» ни к чему не приводили. Фердинанд хотел стоять во главе фронта Первой мировой войны, не обременяя себя при этом заботами.

Фактически войсками фронта (русскими и румынскими) командовали помощники «летающего» монарха: сперва генерал от кавалерии В. В. Сахаров, а затем генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев. На их имена из могилевской Ставки и шли почти все служебные телеграммы.

...В скором времени союзники по Антанте запросили Россию о помощи живой силой, то есть солдатами для действий на Французском и Салоникском фронтах. Такой опыт уже был: в Дарданелльской десантной операции успешно действовал в составе англо-французской эскадры русский крейсер «Аскольд», участвуя в огневой поддержке высадки войск на Галлиполийский полуостров.

В Москве, Саратове, Самаре, Екатеринбурге и Челябинске по решению Ставки были сформированы четыре Особые стрелковые бригады. Две из них были отправлены во Францию, две – в Македонию. Бригады имели свою артиллерию и саперов.

В ноябре союзники провели наступление на Салоникском фронте в районе Монастира, важного узла дорог в сербской части Македонии. С наступлением зимы в горах главнокомандующий Франции Жоффр приказал остановить наступление, поскольку успехи его оказались незна-

чительными. Сломить сопротивление противника (8 болгарских, 2 германские и одна турецкая дивизии) на юге Балкан Антанте не удалось.

На Грецию, которая подверглась блокаде с моря, было оказано сильное дипломатическое давление, подкрепленное высадкой союзного десанта вблизи Афин. В Париже и Лондоне не без оснований опасались, что греческая армия, в которой среди командования сильны были прогерманские настроения, выступит против Антанты и будет угрожать тылу и коммуникациям Салоникского фронта.

Правительству Греции пришлось пойти на полную демобилизацию своей армии и сдачу военного флота. Иначе говоря, Антанта разоружила пока еще нейтральную европейскую страну, тем самым обеспечив лояльность Греческого королевства.

В боях на македонской земле участвовали и русские части, потерявшие только ранеными 1116 человек, не считая 863 больных. Наступление Салоникского фронта (6 сербских, 5 французских, 5 английских, русская и итальянская дивизии) не повлияло, вопреки ожиданиям, на положение дел в Румынии. Королевство оказалось разгромленным.

Все же император Николай II поблагодарил Жоффра за содействие Румынскому фронту. Болгарские дивизии из Македонии так и не усилили Дунайскую армию генерал-фельдмаршала Макензена, оставшись на Салоникском фронте. Верховный спросил на одном из докладов своего начальника штаба:

– Михаил Васильевич. Будет ли фельдмаршал Макензен прорываться через рубеж реки Прут?

– Нет, не будет, ваше величество.

– Но ведь перед ним слабый заслон из румын. А наши армии пока только на подходе в Бессарабию.

– Макензен побоится наступать через российскую границу по двум причинам. Первая. Болгары не будут сражаться против русских, своих недавних освободителей. Да еще на их родной земле.

– А вторая причина?

– Дунайская армия в случае успеха прорыва через Прут может просто затеряться в степях Малороссии.

– Значит, российские просторы пугают наших врагов даже в начале XX столетия?

– Еще как, ваше величество. Не пугался лишь один император французов Наполеон. А что из этого вышло? История Русского похода Великой армии всем известна...

Императрица Александра Федоровна по наущению «Друга» – Григория Распутина продолжала вмешиваться в дела Ставки. И, что больше задевало Алексеева, – в решение вопросов стратегического управления фронтами. В разговорах с императором, когда речь заходила о всевидящем «отце Григории», Михаил Васильевич старался от малчиваться, чтобы не вызвать неодобрения.

Однако утечка информации и не только оперативного характера из штаба Верховного в покои императрицы в Зимнем дворце все же была. После отречения царя от престола Алексей рассказует сослуживцам следующее:

«Когда мы изучали личные бумаги императрицы, то нашли в них карту с обозначением диспозиции войск на всем протяжении фронта. Эта карта была сделана в двух экземплярах – для императора и для меня. Я был подведен. Только один Бог знает, как могла быть использована эта карта».

Нет сведений о том, что императрица Александра Федоровна совершала какие-то «противоправные» действия против собственной державы в ходе Первой мировой войны. Но в ее окружении, особенно со стороны Распутина, все же значилось немало личностей, которыми с полным на то правом могла заинтересоваться русская контрразведка.

В конце 1916 года Ставку порадовали действия Отдельной Кавказской армии во главе с генералом от инфантерии Н. Н. Юденичем. В самом начале кампании успешно завершилась Эрзерумская операция, проведенная в зимних горах. 3-я турецкая армия, противостоявшая русским на Кавказе, была в очередной раз наголову разбита. В ходе штурма крепости впервые использовались тяжелые орудия, подвезенные на автомобилях из крепостного Карса.

Кавказский командующий стал последним человеком в истории старой России, который удостоился полководческой орденой награды. За Эрзерум Юденич заслуженно получил императорский Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени.

Начальник штаба могилевской Ставки не мог не поздравить с такой высокой наградой хорошо знакомого ему генерала:

– Николай Николаевич, сердечно поздравляю от всех чинов штаба Ставки с Георгием второй степени. Рад за вас и вашу армию. Обнимаю. Алексеев.

– Михаил Васильевич, глубоко признателен государю императору и лично вам за оценку трудов кавказцев под Эрзерумом.

– Ставка надеется, что в новых победах кавказцев георгиевских кавалеров прибавится. Дерзайте во славу Отечества.

– Уже дерзаем. Кубанские пластуны отличились в новых атаках.

– Поздравьте их от имени Ставки. Георгиевская дума ждет от вас новых наградных представлений.

– Они уже собраны армейским штабом. Будут отправлены к исходу дня.

– Желаем новых боевых успехов в турецкой Армении и Персии. Помните, сегодня на вас равняется вся Русская армия...

Затем армия Юденича успешно провела на черноморском побережье Трапезундскую и в горах турецкой Армении Огнонскую наступательные операции. Султанское командование ни в том, ни в другом случае не смогло организовать сильного сопротивления, заботясь больше всего о том, чтобы оторваться от атакующих и суметь закрепиться на новой позиции.

Перед началом Трапезундской операции у Алексеева состоялся телеграфный разговор с августейшим главнокомандующим Отдельной Кавказской армией великим князем Николаем Николаевичем-младшим и командующим (фактическим) этой армией генералом Юденичем:

– Николай Николаевич. Справится ли ваш Приморский отряд с задачей наступления на Трапезунд и его захвата?

– Отряд готовится. Но сил у него мало, а у армии резервов нет. Ближайшая к Батуму Сибирская казачья бригада находится в постоянных боях в горах с турками и куртинскими племенами.

– Ставка приняла решение перебросить морем под Ризе две пластунские бригады кубанцев из Севастополя и Новороссийска. Это 18 тысяч человек при 12 орудиях с обозами. Бойцы испытанные. Отличились под Сарыкамышем, на реке Аракс, в Брусиловском прорыве, в Заднестровье.

– Пластуны мне, Михаил Васильевич, хорошо знакомы. Кто руководит перевозкой десанта?

– Ответственность взял на себя вице-адмирал Колчак Александр Васильевич. Командующий Черноморским флотом.

– Просим помочь нам решить вопрос оказания огневой поддержки при наступлении на Трапезунд по берегу.

– В чем у вас неувязка с черноморцами?

– Они порой ссылаются на погодные условия, на штормовую ситуацию и отводят корабли от берега.

– Понял. Ваше мнение адмиралу Колчаку передам. Просьбы к Ставке еще есть?

– Есть. Дружины государственного ополчения Кавказской армии по сей день имеют на вооружении в основном берданки. Есть ли возможность заменить их винтовками, хотя бы трофейными?

– Такой возможности нет. Используйте оружие погибших, трофеи. Что еще?

– Просим на основе Приморского отряда армии с прибытием бригад пластунов сформировать 5-й Кавказский корпус. Действующий на самостоятельном направлении.

– Считайте, что Верховный главнокомандующий вашу просьбу о формировании нового армейского корпуса утвердил...

Турецкая разведка установила факт прибытия двух Кубанских пластунских бригад с двумя казачьими батареями на усиление русского Приморского отряда. Турки отступа-

ли перед ним вдоль побережья по единственной колесной дороге, стараясь зацепиться то за одну, то за другую речку, которые несли бурные потоки с близких Понтийских гор в море. Однако это им не удавалось.

Турок не спасло даже то, что у Трапезунда они усилили свои силы с 14 батальонов пехоты до 41 батальона. Причем сюда перебрасывались отборные по составу и подготовке войска. Хорошо вооруженных, экипированных и морально готовых драться стойко и упорно.

Форсировав с боем реку Кара-дере, передовой русский отряд 5 апреля овладел портовым городом Трапезундом. Теперь российская государственная граница на Батумском направлении была полностью безопасна. Линия фронта заметно удалилась от Аджарии с ее мусульманским населением, а тыловой армейской базе крепости Карс больше не угрожал охватывающий удар с северо-запада.

Дальнейшее продвижение вдоль берега Черного моря по направлению к Синопу, в бухте которого в годы Крымской войны произошло последнее сражение эпохи парусного флота, смысла не имело. Большая протяженность береговой коммуникационной линии требовала боевого охранения и могла отвлечь немало сил, в которых нуждался фронт.

Поэтому могилевская Ставка согласилась с мнением великого князя Николая Николаевича-младшего и генерала Юденича ограничиться на северном участке фактически уже существовавшего Кавказского фронта приобретением портового Трапезунда. Он становился базой временного базирования черноморских кораблей.

В могилевской Ставке, будучи знакомы с ситуацией на Кавказе, решили, что сил там вполне достаточно для удержания завоеванной территории: 183 с половиной батальона пехоты, 49 дружин Государственного ополчения, 6 армянских добровольческих дружин, 175 казачьих сотен, 657 пулеметов, 470 орудий, 28 инженерных рот, четыре авиационных и воздухоплавательных отряда и роты, 6 автомобильных и мотоциклетных рот и команд, 9 броневых автомобилей.

Алексеев составил Верховному специальный доклад о положении дел на Кавказе. Император Николай II довольно ревниво относился к кавказским делам. Причина была в том, что в Тифлисе царским наместником с правами главнокомандующего сидел один из Романовых, пусть и опальный:

– Михаил Васильевич. Так вы считаете, что пополнение Отдельной Кавказской армии большой необходимостью сейчас не является?

– Точно так, ваше величество. Сейчас все наши резервы нужны на Румынском фронте. На место разбегающихся неизвестно куда румынских дивизий мы вынуждены немедленно ставить свои. Дыр там столько, что мы едва успеваем их латать.

– А что у нас на Кавказе есть на сегодня у великого князя Николая Николаевича?

– По списочному составу ровно 207 293 штыка и 23 220 сабель.

– Но это списочный состав? А в действительности?

– За зиму в горах в армии было много обмороженных. По весне начались болезни, появилась эпидемия малярии. Но часть выздоравливающих уже вернулась в строй.

– Значит, вы считаете, наши кавказцы Эрзерум удержат?

– Не просто удержат, ваше величество. Но в третий раз 3-й турецкой армии устроят полный разгром.

– Дай Бог, чтобы такое случилось...

Широко задуманная в Стамбуле наступательная операции на Эрзерумском направлении провалилась. На первых порах у Сурмала туркам удалось прорвать фронт и потеснить русских на 20 километров. Но затем все встало на свои места. Кавказские и туркестанские стрелки, казаки-пластуны и казачья конница с берегов Кубани и Терека нанесли несколько сильных контрударов.

Последний удар турки получили в боях на шоссе Эрзинджан – Трапезунд. Султанская 3-я армия в очередной раз оказалась полностью разгромленной, и ей пришлось отступить. Атакующему противнику важный город Эрзинджан.

Не имело успеха и наступление на позиции русских и новой турецкой армии, недавно прибывшей на Кавказ – 2-й Ахмеда-Иззет-паши. Первые снега и морозы прекратили активные боевые действия в горах.

В Персии русскому кавалерийскому корпусу генерала Баратова пришлось отступить на 300 километров. Это было сделано не столько под натиском турок, сколько под «давлением» эпидемии малярии. Войска отводили из малярийных низменных мест в горы с обилием в них чистой питьевой воды восточнее города Хамадана. С таким решением Юденича и Баратова Алексеев согласился без излишних трений.

У могиловской Ставки за Кавказ «голова больше не болела». Благодаря полководческому таланту генерала Юденича самая значительная по силам 3-я турецкая армия за кампанию 1916 года была разбита трижды...

Военная кампания третьего года завершилась для России в целом достаточно удачно. Во многом это было связано с успехами Юго-Западного фронта, главнокомандующим армиями которого стал талантливый Брусиллов, сменивший менее удачного Иванова. К тому же в войсках фронта появилась целая группа военачальников – Каледин, Сахаров, Щербачев, Корнилов, Деникин, Лечицкий, которые были способны брать инициативу в боях на себя. А успехи Отдельной Кавказской армии были просто впечатляющи.

Английский генерал А. Нокс, написавший труд о Русской армии в годы Первой мировой войны, вышедший в Лондоне в 1921 году, отмечал следующее:

«Русское военное положение улучшилось так, как того не смог бы предсказать ни один иностранный наблюдатель в дни отступления прошлого года».

Такая оценка военной кампании 1916 года, проведенной Русской армией, случайной, разумеется, не была и быть не могла. И дело было не только в Брусилловском прорыве и Эрзерумской победе. Россия включила «на полный ход» свое оборонное производство. На фронтах исчез «снарядный голод», в войска стало поступать в достаточном ко-

личестве вооружение, наладилось снабжение всем необходимым.

Если в 1914 году промышленность страны произвела для действующей армии только 80 тысяч артиллерийских снарядов, то в третьем году войны – 20 миллионов штук. В начале войны Россия производила на своих заводах 1237 орудий в год, а в 1916 году – 5000 орудий всех калибров.

Российскому правительству удалось разместить за границей часть военных заказов. Хотя главные державы Антанты, Франция и Великобритания, думали прежде всего об обеспечении своих армий и флотов. Винтовки, например, стали поступать из Соединенных Штатов. Их массовое производство для Русской армии за должную плату наладили японцы и итальянцы.

Однако воюющую Российскую державу губили не сражения на поле брани, а внутренние неурядицы, все более усиливающаяся «политическая разруха». Мировая война, называвшаяся на страницах российских газет Великой, Отечественной, только на время приглушила революционное брожение, неумолимо перераставшее в революционные потрясения...

Часть третья ГОЛГОФА СТАРОЙ РОССИИ

Глава восьмая КРУШЕНИЕ

авершение 1916 года и начало следующего, 1917-го, застало генерала Алексеева в «плановых трудах». Мировая война затягивалась, и надо было «проиграть» еще одну кампанию вперед.

Шахматной доской были пять фронтов: Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский, прилегающие к ним моря Балтийское и Черное, поля боев русских экспедиционных корпусов в Персии, Македонии и Франции.

Положение двух коалиций виделось однозначно тяжелым. Особенно для Центральных держав, которые так и не смогли сломить военную силу Антанты ни на Западном, ни на Восточном фронтах. Генерал Людендорф отмечал, что положение Германской империи оказалось «чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным».

Но Германия «вывернулась». Из армии в промышленное производство вернули 125 тысяч квалифицированных рабочих. Установили всеобщую трудовую повинность для граждан в возрасте от 16 до 60 лет. Введенная осенью 1916 года так называемая «программа Гинденбурга» стала давать свои результаты: военное производство в следующем году увеличилось в два раза, а по ар-

тиллерийским орудиям, минометам и самолетам – даже в 3,5 раза.

В России же все складывалось по-иному. Разруха на железных дорогах наложила свой негативный отпечаток на всю хозяйственную жизнь страны. В хлебородных краях страны, прежде всего на юге Сибири, на Дону и Кубани, Южном Урале по причине невывоза скопились огромные запасы хлеба. А в крупнейших городах страны – Петрограде и Москве дело шло к введению хлебных карточек.

Царское правительство оказалось неспособным управлять ситуацией. Началась министерская чехарда, вызывавшая у фронтовиков удивление и непонимание. На политической арене России активизировались силы, которые так или иначе выступали против правящей династии Романовых.

В Государственной думе нашлись люди, которые понимали, что старая Россия идет к гибели. И что революционная стихия может превратить державу в страну, охваченную политическими беспорядками и междоусобицами.

Уже в начале 1916 года с трибуны Государственной думы лидеры различных политических партий – от правых буржуазных до социал-демократов стали открыто претендовать на управление государством.

О взятии правительственной власти договорились лидеры партии октябристов А. И. Гучков и вождь конституционно-демократической партии (кадетской) П. Н. Милюков. Они решили установить думский контроль над государственными делами до того, «пока в дело не вмешаются неконтролируемые силы», под которыми понимались левые, социалистические партии. Парламентарии ясно видели, что «тирания царизма приводит страну к гибели».

Милюков прямо заявил с парламентской трибуны:

– Россией должны управлять люди, которых страна знает и уважает...

В феврале 1916 года император Николай II подписал высочайший указ об отставке с поста председателя Совета министров 87-летнего И. Л. Горемыкина, который в силу своего преклонного возраста исполнять обязанности главы

правительства был «почти» не в состоянии. Париж и Лондон в данном случае потеряли человека, который стоял на страже интересов Антанты в России.

Одновременно освободилось место вышедшего в отставку Маклакова, министра внутренних дел.

Общественность открыто ждала, что пост Горемыкина займет какой-нибудь политический лидер одной из ведущих думских фракций, человек, способный вывести Россию из внутреннего кризиса. Однако этого не случилось по той причине, что в кадровые перестановки вмешались императрица Александра Федоровна и Григорий Распутин.

К немалому изумлению общественности главой российского правительства стал Б. В. Штюрмер – бывший ярославский губернатор, член Государственного совета и церемониймейстер императорского Зимнего дворца. За него перед государем ходатайствовала сама Александра Федоровна, которая писала в могилевскую Ставку:

«Его голова полна свежих идей, и он очень ценит Григория...»

Штюрмер – честный и превосходный...

Это будет начало славной страницы твоего правления и русской истории...

Пусть Штюрмер прибудет в штаб-квартиру, поговори с ним».

Императрица добилась своего: главой российского правительства стал ее церемониймейстер. А главой полицейского ведомства – А. Д. Протопопов. Однако от этого порядка в государстве больше не стало. В стране продолжалась война забастовок, лозунгами становились не только экономические требования, но и политические.

Император Николай II в самых расстроенных чувствах писал жене в Петроград:

«Штюрмер – прекрасный, честный человек, но мне кажется, что он не может решиться делать то, что сейчас необходимо. В настоящее время самый серьезный и неотложный вопрос – поставки угля и металла, железа и меди для военного снаряжения. Если не будет хватать металла, фабрики не смогут производить достаточного количе-

ства патронов и снарядов. То же самое можно сказать о железных дорогах...

Все это — текущие вопросы... но необходимо действовать более энергично».

Верховный все чаще стал обсуждать с начальником штаба Ставки вопросы, касающиеся гражданской жизни России, в том числе правительственной деятельности. Алексеев от таких вопросов в сторону не уходил и вежливо не отмалчивался. Он знал, что разруха на железнодорожном транспорте и волна забастовок на военном производстве резко ухудшили снабжение действующей армии:

— Михаил Васильевич. В сегодняшнем докладе вы сказали, что перед нами встала новая проблема, не связанная с неприятельскими действиями?

— Вы меня правильно поняли, ваше величество. Эта проблема снабжения фронтов.

— Но мы же не можем ее решить из Могилева. Из Ставки. Из моего штабного вагона.

— В России есть правительство во главе с Штюрмером. Он ответственен за военное производство, снабжение армии и, наконец, за железные дороги.

— Старик Штюрмер не может справиться с этими трудностями.

— Вероятно, есть более деятельные и способные государственные деятели, чем он.

— Михаил Васильевич, когда я перебираю кандидатуры людей, которых можно было бы назначить на тот или иной правительственный пост, и думаю о том, как будут развиваться события, моя голова идет кругом.

— Осмелюсь сказать, ваше величество, что в Думе наблюдается появление толковых, авторитетных в стране людей.

— Великого думского оратора, к сожалению, министром железных дорог поставить нельзя. Он завалит дело еще больше.

— Тогда, как мне кажется, следует продумать кандидатуры новых выдвиженцев на министерские посты?

— Я считаю, что министерские перемещения у нас стали слишком частыми...

В стране и армии не было большим секретом, что последние перестановки в правительственных кругах осуществлялись императрицей Александрой Федоровной по воле Распутина. Против него поднялась волна возмущения даже в самом семействе Романовых.

Когда Николай II побывал в Киеве, где проживала его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, то она прямо потребовала от сына изгнания «ясновидца» из Зимнего дворца и отставки премьера Штюрмера.

В Зимнем дворце произошла крупная ссора, которая стала известна чинам Ставки. В Петроград приехал из Киева великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат царя. Он надеялся добиться отстранения императрицы от участия в политических делах и заставить Николая II согласиться на создание такого правительства, которое было бы ответственно в своих делах перед Государственной думой.

Великий князь Александр Михайлович во время встречи с императором и императрицей все вещи называл своими именами.

— Ваше вмешательство в государственные дела вредит престижу Ники. Я был вашим преданным другом, Аликс, в течение 22 лет и как друг говорю вам сейчас, что все классы населения страны недовольны вашей политикой.

— Я замещаю супруга в Петрограде, пока он находится в Ставке. Это мой долг перед Ники.

— Аликс, у вас семья, дети, почему вы не можете оставить государственные заботы своему мужу?

— Князь, я вас понимаю. Но император не может делить власть с парламентом.

— В этом вы, Аликс, глубоко ошибаетесь. Ваш муж перестал быть абсолютным самодержцем с 17 октября 1905 года.

— Нет, Ники — полный самодержец и сегодня.

От этих слов императрицы, явно не владевшей знанием политической ситуации в России, великий князь Александр Михайлович пришел в ярость. И потому семейная, дворцовая беседа закончилась скверно:

– Учтите, Аликс, я молчал больше двух лет! За это время я никогда не сказал вам ни слова о том позоре, которым покрыло себя наше правительство. Вернее, ваше правительство. Теперь я понял, что вы сознательно готовите свою гибель. И так же поступает ваш муж. Но при чем здесь мы?!

– Не забывайте, князь.

– Вы, Аликс, не имеете права тянуть за собой в пропасть своих близких!..

При всем при том бывший дворцовый церемониймейстер оставался у руля правительственной власти. Французский посол Морис Палеолог, оставивший интересные мемуары о своей жизни в городе на Неве, писал в донесении в Париж:

«Штюрмеру 67 лет. Как личность, он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха».

Схожее впечатление произвел Штюрмер и на американского посла Фрэнсиса, который писал о нем несколько позже, в 1921 году:

«Его внешность столь же немецкая, как и его имя. Его ум работает медленно, у него темперамент флегматика. Он произвел на меня впечатление скучного человека...»

Назначенный премьер-министром, Штюрмер посетил Ставку и представился государю. Тот имел с ним длительную беседу с глазу на глаз в своем штабном вагоне. После этого новому главе российского кабинета министров представили высших чинов Ставки Верховного главнокомандующего.

Генерал-майор Пустовойтенко, оставшись наедине с Алексеевым, спросил:

– Михаил Васильевич, какое впечатление на вас произвел новый премьер?

– Это опасно бесталанный человек, Михаил Саввич. А на вас?

– Во время представления мне почему-то подумалось, что со Штюрмером кабинет министров будет работать еще хуже.

– Скорее всего, так и будет. Новый премьер снабжение фронта не улучшит и забастовки в тылу не погасит. И с Думой ему не совладать.

– Куда же смотрел государь при его назначении?

– Наш Верховный исходил из семейных рекомендаций. Другого не видится.

– Об этом последние дни говорит весь штаб. Кроме нас с вами...

Пока железнодорожный кризис в далеких и ближних армейских тылах «прорастал все глубже и глубже», в Могилевской Ставке жизнь шла своим чередом. Между французским главнокомандующим Жоффром и генералом Алексеевым шла переписка относительно согласования планов кампании 1917 года. Париж предлагал расширить операции на Балканах. И военные вожди России в лице государя и начальника его штаба ответили полным согласием. Алексеев писал Жоффру:

«...Военные и политические соображения заставляют нас сжать кольцо вокруг противника именно на Балканах, и русские готовы будут выставить сильную армию на этом важнейшем для данного фазиса великой борьбы театре».

На очередной союзнической конференции в Шантильи члены делегации России переговаривались между собой после очередного дня заседаний:

– Жоффр любые поправки и замечания, в том числе и наши, почему-то принимает крайне неохотно. Слово его план уже утвержден в Могилеве...

– Впечатление такое, будто англичане и французы ведут свою собственную линию.

– А на что она направлена, по вашему мнению?

– Только на оборону своих государств с наименьшей потерей войск и наибольшим комфортом.

– А роль России?

– Париж и Лондон стараются взвалить на наши плечи все тяжести войны.

– Французы и англичане для России не жертвуют ничем. А требуют от нас только все новых и новых жертв...

— Жофр с британцами в Шантильи в который уже раз считают себя хозяевами положения в Антанте...

Само собой разумеется, генерал Алексеев все это знал из писем представителей России на союзной конференции в Шантильи. Тогда российская сторона настояла на том, чтобы очередная союзная конференция состоялась не во Франции, а в Петрограде. Она проходила в январе-феврале 1917 года. Но Михаил Алексеевич на ней не присутствовал. Он взял отпуск по болезни и отбыл на лечение в Крым, как то ему советовали врачи. В Севастополь Алексеев отправился вместе с супругой Анной Николаевной.

Болезнь прогрессировала. Причин виделось врачам, да и прежде всего самому больному, много. Сказывались бессонные ночи, ненормальная обстановка в Ставке. Она была вызвана все усиливающейся к Алексееву лично неприязнью со стороны едва ли не всего многочисленного семейства Романовых.

Сказывались и витавшие в Зимнем дворце и даже в самой Ставке слухи о некоей причастности генерала Алексеева к «заговору» против монарха. Основанием для подобных слухов стали участвовавшие встречи с глазу на глаз начальника штаба Верховного с различными государственными и политическими деятелями. Их все больше и больше приезжало в Могилев. Казалось со стороны, что Государственная дума была готова чуть ли не вся перебраться в этот прифронтовой город.

Исследователи до сих пор спорят о достоверности таких слухов. Тем более, что и современники тех событий описывают их противоречиво: вроде что-то было, а возможно, не было. Военный корреспондент, аккредитованный при могилевской Ставке, М. К. Лемке писал о начале 1917-го с места событий:

«Очевидно, что-то зреет...»

Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удастся узнать, а часто даже фамилию и не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли...

По некоторым обмолвкам Пустовойтенко видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кто-то».

Вне всякого сомнения, политическая оппозиция правящему дому Романовых зимой 1916–1917 годов вполне созрела для заговора с целью свержения самодержавия или установления в России конституционной монархии. В любом случае речь шла об изменении государственного строя и вывода державы из охватившего ее политического кризиса.

Военные, прежде всего высший генералитет, не могли стоять от этого дела в стороне, поскольку тогда только они обладали реальной силой. Поэтому не случайным было то, что думские политики искали личных контактов с генералами.

Начальник штаба Ставки генерал Алексеев был тем «главным» лицом в высшем военном командовании, которое могло повлиять на ход событий. В том числе и организовывать вооруженную защиту династии Романовых, самого императора Николая II как правителя.

О существовании заговора против монархии есть вполне достоверные свидетельства. Так, А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» пишет:

«...В Севастополь к больному Алексееву приехали представители некоторых думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.»

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, не со определению, «и так не слишком прочно держится», а потому просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовящегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась...»

Словам Деникина есть подтверждения. Как, например, мемуары небезызвестного А. Ф. Керенского:

«(Заговор) намечался на 15 или 16 ноября. Его разработали князь Львов и генерал Алексеев. Они пришли к твердому выводу, что необходимо покончить с влиянием царицы на государя, положив тем самым конец давлению, которое через нее оказывала на царя клика Распутина. В зараннее намеченное ими время Алексеев и Львов надеялись убедить царя отослать императрицу в Крым или в Англию.

На мой взгляд, это было бы наилучшим решением проблемы, поскольку все, кто наблюдал за царем в Ставке, отмечали, что он вел себя гораздо более раскованно и разумно, когда рядом не было императрицы. Если бы план удалось осуществить и если бы царь остался в Ставке под благодатным влиянием генерала Алексеева, он бы, весьма вероятно, стал совсем другим.

Всю эту историю поведал мне мой друг Вырубов, родственник и сподвижник Львова, который в начале ноября посетил Алексеева, чтобы утвердить дату проведения операции. Генерал Алексеев, которого я тоже хорошо знал, был человек очень осторожный, в чем я и сам убедился позднее. Не произнеся ни слова, он встал из-за стола, подошел к висевшему на стене календарю и стал отрывать один листок за другим, пока не дошел до 16 ноября. Но к этому дню он уже лечился в Крыму.

Во время пребывания там его посетили некоторые из участников заговора Гучкова, пытавшиеся заручиться поддержкой Алексеева, но тот решительно отказал им».

Если верить бывшему главе Временного правительства, то суть заговора состояла не в свержении монарха, а лишь в «защите» его от влияния супруги Александры Федоровны. То есть это было лишним подтверждением монархических убеждений генерала Алексеева.

Во всяком случае, Михаил Васильевич среди чинов Ставки не раз говорил:

– Государь повелел исполнить...

– Его императорское величество приказал...

– Высочайше нам указано...

– Господа. Прошу помнить о своем долге перед империей...

Алексеев получил от императора согласие на отпуск для лечения безо всяких хлопот. Верховный видел, насколько устал начальник его штаба. И, к тому же, тот просился на лечение не в столицу, где кипели политические страсти, а в далекий Севастополь, который никак не мог быть «гнездом заговорщиков».

Исполняющим делами начальника штаба Ставки был назначен (с согласия Алексеева) генерал от кавалерии В. И. Гурко (Ромейко-Гурко), сын известного военачальника генерал-фельдмаршала И. В. Гурко. Он был не просто человеком, которого хорошо знал Алексеев, а его однокашником по академии Генерального штаба.

Гурко, командовавший до этого Особой (13-й по счету) армией, проявил на конференции завидную силу воли и такт в отношении несговорчивых союзников. Петроградское совещание полномочных представителей стран Антанты в своем постановлении констатировало:

«Кампания 1917 года должна вестись с наивысшим напряжением и с применением всех наличных средств, дабы создать такое положение, при котором решающий успех союзников был бы вне всякого сомнения».

Гурко попросил главнокомандующих армиями фронтов прислать свои предложения. Их копии отсылались в Крым Алексееву. И потому Михаил Васильевич был в курсе всех дел.

Обнаружилось, что в высшем военном руководстве России единства взглядов на продолжение войны нет.

Генерал А. А. Брусилов хотел наступать армиями всех союзников по Антанте. Своему же Юго-Западному фронту он предлагал отвести роль ударной силы для похода через Балканы на Константинополь. При этом он рассчитывал

получить самую действенную помощь от Черноморского флота.

Главнокомандующий Северным фронтом генерал Н. В. Рузский предлагал смежными крыльями своего и соседнего Западного фронта нанести сильный удар в направлении на Свенцяны.

Глава Западного фронта генерал А. Е. Эверт стремился «отвоевать родную землю» наступлением севернее Польши, чтобы занять Польшу и угрожать из нее Восточной Пруссии. Удар предлагался в направлении Вильно или Слонима.

От Ставки предлагался план генерал-квартирмейстера Пустовойтенко. По нему главный удар наносился войсками Румынского фронта с целью вывода Болгарии из войны, а вслед за ней и Турции. Большие задачи возлагались на Отдельную Кавказскую армию и Черноморский флот.

Чтобы добиться согласованности во взглядах, Гурко провел совещание высшего военного состава. Оно проходило в Могилеве под председательством императора, привычно молчавшего в ходе жаркой дискуссии. Но Гурко не удалось добиться каких-либо итогов по одной «веской причине». В тот день стало известно, что убит Распутин. Потрясенная случившимся императрица Александра Федоровна вызвала мужа в Петроград.

Ставка продолжала разрабатывать план кампании 1917 года. Было со всей очевидностью ясно, что этот год вряд ли станет последним в Мировой войне. Ни у Антанты, ни тем более у Центральных держав не было возможности провести на двух основных фронтах – Западном и Восточном – стратегическую наступательную операцию, которая бы решила исход затянувшегося мирового противоборства. Поэтому на одном из утренних докладов Алексеев откровенно сказал Верховному главнокомандующему:

– Ваше величество, союзники зря себя тешат планами наступления на Берлин и Вену. Такого наступления просто быть не может в новой кампании.

– А что же, Михаил Васильевич, на ваш взгляд, произойдет в 1917 году?

– На всех фронтах, даже на Кавказе и Суэце возможно ведение только стратегической обороны.

– Ваше суждение расходится с решениями в Шантильи и на союзном совещании в Петрограде.

– Силы сторон иссякли. Материальные и, что самое серьезное, моральные. И это имеет для России большую опасность.

– В чем вы ее видите?

– В политическом расстройстве армейского тыла. Фронты сражаются, а тыловые войска и военные заводы все больше окутываются дымом политических страстей...

Когда французского посла Мориса Палеолога спросили, в чем причины того, что над российской монархией сгущаются грозные тучи, то он ответил:

– Причин, на мой взгляд, четыре. Первая – затянувшаяся война. Вторая – неуверенность в победе. Третья – экономические затруднения. И четвертая – отсутствие подлинной цели в войне...

Думается, что все это видел и Алексеев, человек, обладавший аналитическим складом ума. Начальнику штаба Ставки Верховного главнокомандующего были доступны любые материалы, которые касались экономического и политического состояния государства. Император Николай II считал своим долгом знакомить его со всеми правительственными документами, приходившими в Гомель на его имя из Петрограда.

Поэтому Алексеев доподлинно знал, что российская экономика давно уже работает в режиме крайнего напряжения. Ему было известно, например, что военные расходы в 1914 году составили всего 1 655 млн. рублей, в 1915 году – 8 818 млн. рублей, в 1916 году – 14 573 млн. рублей, а за восемь первых месяцев 1917 года они равнялись 13 603 млн. рублей. Общая сумма военных расходов России между началом войны и 1 сентября 1917 года составила 38 650 млн. рублей.

Пока кипели политические страсти в Государственной думе и на площадях Петрограда, пока люди в столичных городах выстраивали длинные очереди у булочных, а хле-

боробы в приволжских селах грустно смотрели на горы собранного зерна, пока агитаторы всех мастей и окрасок осаждали казармы тыловых войск, фронты воевали. Воевали все пять: Северный, Западный, Юго-Западный, Румынский и Кавказский.

Военный историк-белоземigrant А. А. Керсновский в своей «Истории русской армии» так описывает состояние воюющей России после трех лет участия в Мировой войне:

«Последний раз возможность победоносного окончания войны представлялась нам в летнюю кампанию 1916 года. Победа вновь реяла над нашими знаменами. Надо было только протянуть к ней руку. Но Брусиловское наступление захлебнулось, не поддержанное своевременно Ставкой.

И за этой упущенной возможностью последовала другая: игнорирование выступления Румынии. Выступление это давало нам случай взять во фланг все неприятельское расположение крепким, исподволь подготовленным, ударом из Молдавии, ударом, которого так страшились Людендорф и Конрад. Но для генерала Алексеева не существовало обходных движений в стратегии, как не существовало вообще и Румынского фронта.

Один лишь император Николай Александрович всю войну чувствовал стратегию. Он знал, что великодержавные интересы России не удовлетворит ни взятие какого-то «посада Дрыщова», ни удержание какой-нибудь «высоты 661». Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре. Государь настаивал на спасительной для России десантной операции, но, добровольно уступив свою власть над армией слепорожденным военачальникам, не был ими понят.

Все возможности были безвозвратно упущены, все сроки пропущены. И, вынеся свой приговор, история изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!...»

А в эти свои последние в Зимнем дворце дни «всемогущий» Григорий Распутин приводил в смятение императрицу Александру Федоровну такими словами:

– Слишком много мертвых, раненых, вдов, слишком много разорения, слишком много слез...

– Подумай о всех несчастных, которые более не вернуться, и скажи себе, что каждый из них оставляет за собой пять, шесть, десять человек, которые плачут...

– Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре...

– А те, которые возвращаются с войны, в каком состоянии, Господи Боже!..

– Сколько калек ныне бродят по дорогам. Искалеченные, однорукие, слепые...

– Как ужасна эта война...

– Как ужасен народный гнев! На кого только он обратится если не сегодня, то завтра...

– В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе...

Император Николай II под давлением семьи Романовых, думских политиков и генералитета наконец-то решил сместить Штюрмера с поста премьер-министра и заменить его на Трепова, известного как «непримиримого врага Германии». Но когда тот явился в Государственную думу, чтобы обнародовать свою правительственную программу, парламентарии трижды криками и свистами заставляли его покидать трибуну.

Перед отъездом Алексеева на лечение к нему зашел адмирал Нилов, который был генерал-адъютантом Верховного и пользовался его немалым личным доверием.

– Михаил Васильевич, я хочу сегодня попроситься на аудиенцию к государю. Прошу вашего совета.

– В чем вы желаете со мной посоветоваться?

– Надо открыть самодержцу всю опасность его нынешнего положения.

– Думаю, что его величество видит это не хуже нас с вами. Он знает многое, в том числе и то, как в столице относятся к деяниям его супруги.

– Значит, вы не одобряете мое желание просить аудиенции для разговора начистоту?

– Мне трудно одобрить такое. Но, во всяком случае, господин адмирал, это будет поступок мужественного человека...

Генерал-адъютант действительно попросился на аудиенцию к монарху и получил ее. Адмирал Нилов сказал сразу:

— Ваше величество, от имени людей военных, лично преданных вам, прошу об одном.

— О чем же?

— Я вас умоляю удалить от власти императрицу Александру Федоровну. Это единственное еще средство спасти Российскую империю и династию Романовых.

— Я отвергаю такое предложение. Я не хочу обижать свою августейшую супругу, мать моих дочерей и сына-наследника.

— Но вы же знаете, ваше величество, отношение сограждан к хозяйке Зимнего дворца?

— Да, знаю. Для меня это не секрет.

— Так что же вы тогда ничего не предпринимаете?

— Императрица — иностранка. У нее в этой стране нет никого, кроме меня, кто мог бы защитить ее.

— Но, ваше величество, судьба империи пока еще остается в ваших руках. Убедите супругу оставить государственные дела. И тогда все поправится.

— Не могу.

— Простите за смелость суждения, ваше величество. В таком случае Россия может оказаться во власти революционной анархии. Она же уже угрожает вашей императорской династии.

— На все есть воля Божия...

Нилов поделился с Алексеевым впечатлениями. Михаил Васильевич лишь заметил:

— Мне кажется, что государь смирился со своей судьбой.

— А с судьбой империи, великой России?

— И с ней тоже. Слово рок какой-то витает сейчас над нами...

Алексеев убыл в Крым, оставив за себя в Ставке генерала Гурко. Там, на Юге, он услышал об убийстве Григория Распутина. Не без внутреннего возмущения он узнал, что Николай II буквально бросил Ставку, поспешив в Царское Село.

Впоследствии Алексеев скажет о тех днях, когда Ставка осталась на несколько дней без Верховного главнокомандующего и полномочного начальника ее штаба:

— Это было преступно. Ставка оказалась совершенно обезглавленной. А ведь война не утихала.

— Почему преступно? Ведь оставался генерал Гурко, человек в военных делах достаточно опытный.

— Он не владел ситуацией. И к тому же стремился сделать много ненужного. Особенно в преобразованиях армии, которая сражалась.

— Но ведь ничего же не случилось.

— Это было просто везение. Будь немцы не такими пассивными, они могли одним небольшим наступлением привести обезглавленную Ставку в замешательство.

— Император уехал тогда, чтобы провести военный совет в столице.

— Он уехал, чтобы утешить в горе императрицу после убийства Распутина.

Когда Алексеев вернулся из Крыма в Ставку, первым, кого он пригласил из штабных начальников к себе на доклад, был генерал-квартирмейстер Пустовойтенко, носивший теперь погоны генерал-лейтенанта:

— Михаил Саввич, как на фронтах идут дела?

— Под Ригой немцы день назад пробовали провести разведку боем на Западной Двине. Атаковали сильно, при артиллерийской поддержке.

— Что ответили наши сибирские стрелки?

— Штыковой контратакой отбросили германскую пехоту назад, в свои окопы.

— Молодцы. А как на других фронтах? Будучи в Крыму, я знал только о важнейших событиях.

— Михаил Васильевич, историческая комиссия при штабе Ставки близка к завершению описаний боевой работы русской армии, ее корпусов, дивизий и полков в Великую войну.

— Прикажете доставить мне для прочтения эти описания.

— Будет исполнено. А теперь разрешите мне доложить вам об оперативной обстановке на фронтах на сегодняшнее утро.

– Прошу к карте. Докладывайте...

Историческая хроника действий русских войск была прочитана Алексеевым. Пометок он почти не делал, но на титульном листе расписался и дважды подчеркнул слова наложенной им резолюции:

«Материалы эти дать для военных газет. И в те российские газеты, которые пишут о боевой работе нашей армии. Алексеев».

Возможно, Михаил Васильевич в тот вечер думал о том, сколь много ратных трудов проделано за четыре года войны. И о том, что все они пойдут прахом, если государство охватит разрушительная сила революционной стихии. Возможно, и о том, что о подвигах русского воинства в Мировой, Великой, Отечественной войне будет рассказано россиянам лишь через многие годы. Как оно в действительности в общем-то и случилось.

«1-я Гвардейская пехотная дивизия действовала всю войну ровно и без осечек, вписав в свой формуляр люблинские бои, Ивангород, краковские скалы, Ломжу, сокрушение прусской гвардии под Красноставом, Вильну – и далее Стоход. Отметим под Люблином и в ивангородских боях преобразенцев графа Игнатьева, под Тарнополем – их уже с полковником Кутеповым и под Красноставом – измайловцев Геруа 2-го».

В тех же делах прославилась и 2-я Гвардейская пехотная дивизия, начав кампанию богатырским боем на Тарнавке, где москвичи с полковником Гольфтером в день сто второй годовщины Бородине одним ударом разнесли дивизию силезского ландвера Войрша и взяли 42 стреляющих орудия. Тарнавка – самое блестящее пехотное дело всей войны».

Исключительно красивым было дело 4-го батальона лейб-гренадер 9 июля 1915 года под Крупами. Командир батальона полковник Судравский 2-й («дядя Саша»), смертельно раненный, приказал нести себя впереди шедших в контратаку рот, затянув полковую песню, подхваченную гренадерами, и скончался с этой песней на устах на бруствере немецкого окопа...»

«...В Мазурских озерах 2-я бригада 26-й пехотной дивизии генерала Ларионова отразила 3 дивизии 11-го, 17-го и 20-го германских корпусов, в то время как под Арисом 169-й пехотный Ново-Трокский полк сразился со всем 1-м армейским германским корпусом. Армия Ранненкампа была этими делами спасена...»

«Блестящим было участие VIII армейского корпуса, которым командовали последовательно Радко Дмитриев (Галиция), Орлов (Сан), Владимир Драгомиров (Карпаты, Волянь), Деникин и Елчанинов (Румыния). Чем тяжелее были бои, тем больше славы приобретали эти войска. Упомянем только Желиборы (прагцы полковника Кушакевича), Закличин (минцы полковника Бакрадзе), Ватин (модлинцы подполковника Русова), Кошев (подолцы подполковника Зеленецкого и житомирцы полковника Желтенко)».

Корпус этот был щитом Юго-Западного фронта при обороне, его тараном при наступлении. По трофеям он занимает первое место, взяв 130 000 пленных и 110 орудий...»

«В XXIV корпусе (Цуриков, Некрасов) прославилась 48-я пехотная дивизия Корнилова – у Стрыя, Мезо-Лаборча, Такошан, Малого Перемышля и Гомонны в Венгрии. Воодушевленные своим вождем, измайльцы, очаковцы, ларго-кагульцы и рымникицы не спрашивали, сколько врагов, а только, где они. За семь месяцев многотрудной суворовской горной войны с октября 1914 года по апрель 1915 года они взяли 35 000 пленных».

Понеся жестокие потери у Дуклы (самой жестокой была утрата Корнилова), дивизия под командованием генерала Е. Ф. Новицкого отчаянно билась все лето 1915 года, особенно отличившись на Таневе, где контратаковала через реку, по грудь в воде. В строю Очаковского полка после этого дела осталось только 60 штыков (взвод), но они на мгновение не утратили своей боеспособности...»

«4-я дивизия – Железные стрелки – была всю войну ударной фалангой 8-й армии Брусилова при наступлении, «дивизией скорой помощи» при обороне, выручив за первые 14 месяцев войны 16 различных корпусов. В первых боях

бригадой (4-я стрелковая бригада в ходе войны была развернута в дивизию. – А. Ш.) командовал герой Шипки генерал Бауфал, сдавший ее генералу Деникину...

...Чарторыйск, где 16-й (стрелковый) полк взял целиком восточнопрусский 1-й Гренадерский кронпринца полк...

Всего дивизией за войну было взято 70 000 пленных и 49 орудий...»

«На долю II Кавказского корпуса генералов Мищенко и Бека Мехмандорова выпали самые трудные бои германского фронта – Сувалки, Сохачев, Баура, Прасныш, Любачев на Сане, Холм, Влава, Вильна. И во всех этих сражениях, как и вообще за всю войну, II Кавказский корпус не оставил неприятелю ни одного трофея, не потерял ни одного орудия. Явление, неслыханное ни в одной армии, ни союзной, ни неприятельской. С первых же своих боев в Августовских лесах кавказские гренадеры получили от восточно-прусских гренадер прозвание «желтых дьяволов». Контратака эриванцев выручила тогда всю нашу 10-ю армию...»

«В бою 14 мая у Тержаковского леса 310-й пехотный Шацкий полк шестью ротами разбил внезапной атакой 70-й и 71-й венгерские полки, захватив 28 офицеров, 1300 нижних чинов и 14 пулеметов.

31 мая полк сокрушил пять неприятельских (200-й, 201-й, 202-й, 203-й австрийские и 17-й германский полки), взяв 68 офицеров, 3000 нижних чинов и 26 пулеметов.

В один из следующих дней утомленный полк, располагаясь на отдых, выставил плакат неприятелю: «Перед вами – Шацкий полк. Советуем оставить нас в покое». За всю ночь австрийцы ни разу не выстрелили.

15 лет спустя уже в эмиграции, в Белграде, бывший командир Шацкого полка генерал Васильев, предъявляя для льготного проезда свою инвалидную карточку, услышал вопрос контролера (как оказалось, уроженца Баната, служившего на войне в венгерских войсках):

– Не тот ли вы Васильев, что командовал Шацким полком, которого у нас все так боялись?...»

«2-я (особая стрелковая) бригада – генерала Дитерихса – отправлена была на Балканский фронт в Салоники. В ноябре 1916 года она рванула казавшиеся неприступными германо-болгарские позиции и взяла Битоль, положив на своей крови начало грядущего освобождения Сербии. Геройская бригада вся легла в этом победном бою, и когда пришло приказание выйти в резерв, исполнять его было уже некому.

Сменившие русских стрелков французские егеря могли только отсалютовать полю, где недвижно на своей последней и вечной позиции лежали битольские победители. Так погибла 2-я Особая бригада русской армии – единственная воинская часть в мире, ни разу не отступившая за все свое существование!..»

Генерал Алексеев не читал вышеприведенных строк. Они были написаны уже после Гражданской войны в России историком Керсновским. Но о всей этой боевой работе Михаил Васильевич знал не понаслышке.

Видя, как гибнет романовская Россия, он не раз задавал самому себе один и тот же вопрос:

– Пролито море крови русских солдат и офицеров. Но ведь они отдавали свои жизни в боях за Россию. За какую Россию?...

Пока на фронтах шли бои местного значения, а вернувшийся в Ставку после лечения генерал Алексеев заканчивал план новой кампании, положение в тыловой России стало характеризоваться думскими лидерами как «взрывоопасное».

В день отъезда Верховного главнокомандующего из столицы в Могилев, 23 февраля, в Петрограде вспыхнули волнения. Тысячные толпы вышли на улицы с единственным пока требованием:

«Хлеба!..»

Причиной беспорядков стал слух о том, что для петроградцев будут введены хлебные карточки.

Но уже через несколько дней забастовали крупные военные заводы и их рабочие тоже вышли на улицы. В люд-

ских толпах все больше и больше появилось агитаторов от левых партий, поднялись красные транспаранты и флаги уже с политическими лозунгами: «Долой самодержавие!», «Долой войну!». Народ распевал революционные песни. Распространялись огромными тиражами антиправительственные листовки и газеты.

Полиция и жандармы, которых уже мало кто боялся, произвели многочисленные аресты агитаторов и наиболее буйствующих демонстрантов. Но эффект таких действий получился претивоположный: обстановка в столице не разрядилась, а накалилась еще больше.

Командующий войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант С. С. Хабалов, на которого у императора Николая II были особые надежды, стал терять контроль над столичным гарнизоном. Он был вынужден отправить в Могилев на имя императора телеграмму следующего содержания:

«...Число бастующих исчисляется в 250 тысяч человек. Принимаемые меры результата не дают. Отмечается брожение в резервных пехотных полках гарнизона».

Сейчас трудно выяснить, советовался ли Николай II со своим начальником штаба, но из Могилева в столицу за подписью государя была отправлена на имя генерала Хабалова такая телеграмма:

«Повелеваю завтра же прекратить беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

Хабалов попытался выполнить высочайшее повеление. Верные его приказу войска утром 26 февраля в ряде мест Петрограда стреляли по демонстрантам. Были человеческие жертвы.

В тот же день, в полдень, из Царского Села в Ставку пришла телеграмма от императрицы Александры Федоровны:

«Ники... Я очень встревожена положением в городе... Прими меры к наведению там порядка... Аликс».

Правительство делало все возможное для «усмирения взбунтовавшейся столицы» вооруженной рукой. 27 февраля военный министр генерал от кавалерии М. А. Беляев

шлет Алексееву срочную телеграмму следующего содержания:

«Ставка.

Начальнику штаба Верховного Главнокомандующего.

Копия главнокомандующему Северного фронта.

Положение в Петрограде становится весьма серьезным; военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается, напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с коими нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города.

№ 197.

27 февраля.

Беляев».

Начальник штаба ставки немедленно связался с главой Военного министерства:

– Михаил Алексеевич, ваша тревога за столицу мне понятна. Будем изыскивать верные присяге и долгу воинские части для посылки в Петроград. Телеграмма доложена государю.

– Михаил Васильевич, время не ждет. Ситуация ухудшается с каждым часом.

– Мною вызван на прямой провод начальник штаба Северного фронта генерал Данилов. Быстро перебросить в столицу верные войска сейчас можно только оттуда.

– У меня сейчас надежда только на вашу распорядительность...

Разговор Алексеева с Даниловым состоялся в тот же день, 27 февраля, в 21 час вечера:

– У аппарата начальник штаба Ставки. Доложите об этом генералу Данилову.

– У аппарата генерал Данилов.

– Юрий Никофорович. Ссылаюсь на телеграмму главно-

командующему Северным фронтом военного министра от сегодняшнего числа за № 197.

— Она мне известна, Михаил Васильевич.

— Хорошо. Государь император повелел следующее. Воспринимайте внимательно.

— Есть. Весь внимание.

— Генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградским военным округом. В его распоряжение, возможно скорей, отправить из войск Северного фронта в Петроград два кавалерийских полка, по возможности из находящейся в резерве 15-й дивизии, два пехотных полка из самых прочных, надежных, одну пулеметную команду Кольта из Георгиевского батальона, который едет из Ставки. Нужно назначить прочных генералов, так как, по видимому, генерал Хабалов растерялся, и в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников. Войска отправлять с ограниченным обозом и организовать подвоз хлеба и припасов распоряжением фронта, так как трудно сказать, что творится сейчас в Петрограде, и возможно ли там обеспечить войска работами местного гарнизона. Обстоятельства требуют скорого прибытия войск, поэтому прошу соответствующих распоряжений. Сообщите мне, какие полки будут назначены, для уведомления генерала Иванова, который ускоренно отправляется 27 февраля с Георгиевским батальоном.

— Михаил Васильевич. Будут ли посланы в столицу войска с других фронтов?

— Будут. Такой же силы наряд последует с Западного фронта, о чем иду говорить с генералом Квецинским, начальником штаба фронта.

— Вас понял. Сделаю все от меня зависящее для выполнения полученных распоряжений.

— Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего.

— Могу ли задать один вопрос?

— Если непродолжительный, то слушаю вас.

— Сколько следует послать генералов в качестве помощ-

ников генерала Иванова. Так как я понял, что во главе каждой бригады, пехотной и кавалерийской, нужно иметь по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные генералы дивизий, или же генералы могли быть посланы от других частей.

— Что это даст, Юрий Никифорович?

— Тогда был бы шире выбор начальников. И можно было бы отправить людей смелых и решительных.

— Конечно, было бы лучше, если бы оба генерала имели под командой свои полки, хорошо им известные. И на которые они могли бы иметь нравственное влияние. Но решение этого вопроса предоставляю вам, в зависимости от того, кто командует теми частями, кои отправятся в Петроград. Ничего не имею, если отправятся начальники дивизий, так как им придется подчинить те запасные части Петроградского гарнизона, которые останутся верны своему долгу.

— Слушаю, понял и будет исполнено.

Военная экспедиция генерала Иванова на революционный Петроград провалилась. Не удалось ни собрать верные монархии отряды, ни провезти по железной дороге отборный Георгиевский батальон, составлявший основу охраны могиловской Ставки.

Государственная дума попыталась было вмешаться в ход событий. Ее председатель М. В. Родзянко отправил во второй половине 26-го числа на имя императора телеграмму:

«Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие, топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца».

Родзянко, хоть и числился в рядах монархистов, но был игроком в большую политику. Менее чем через полчаса он отправил точно такую же телеграмму в адрес генерала Алексева.

Доложил ли о ней Верховному Михаил Алексеевич? Вероятнее всего, нет. Только этим можно объяснить его приказание генерал-квартирмейстеру Лукомскому:

– Александр Сергеевич. В срочном порядке продублируйте эту телеграмму за подписью Родзянко всем главнокомандующим фронтам. В том числе и на Кавказ.

– Что приписать от имени Ставки к телеграмме?

– Каждый адресат должен высказать свое мнение по сути телеграммы. Передайте, что это просьба моя и Родзянко.

– Должен ли знать об этом Верховный?

– Нет. Прошу ему о том не докладывать. Полученные с фронтов телеграммы срочно ко мне на стол.

– Какие еще будут приказания, Михаил Васильевич?

– Побеспокойтесь о том, чтобы в штабе о содержании телеграмм пока знало как можно меньше людей. И еще – как с охраной Ставки?

– Я уже приказал выставить усиленные караулы от Георгиевского батальона.

– Хорошо. Ставка должна работать в прежнем режиме, особенно это касается оперативников...

Утром 27 февраля от Родзянко в Ставку поступила еще одна телеграмма. Председатель Государственной думы уже не просил, а требовал принятия каких-то кардинальных решений:

«Положение ухудшается, надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии».

К тому времени с фронтов в Ставку пришли ответные телеграммы главнокомандующих. Алексеев, ознакомившись, показал их императору:

– Ваше величество. Телеграмма Родзянко от 26-го поступила и на фронты.

– Ну и что, Михаил Васильевич?

– Главнокомандующие фронтов прислали в Ставку свои ответы на эту телеграмму. На ваше имя.

– Где они?

– Ответы с фронтов в этой папке для докладов.

– Я ознакомлюсь с ними. Оставьте меня. И до ужина прошу не беспокоить.

– Как будет приказано, ваше величество...

Самодержец, уединившись с телеграфными лентами в своем рабочем кабинете, предавался размышлениям. Случилось самое худшее из того, что только могло произойти: армия отказывалась защищать монарха.

А. И. Деникин так писал о событиях последних февральских дней 1917 года:

«Трудно думать, что и в этот день государь не отдавал себе ясного отчета в катастрофическом положении. Вернее, он – слабовольный и нерешительный человек – искал малейшего предлога, чтобы отдалить час решения. Во всяком случае, новое внушительное представление генерала Алексеева, поддержанное ответными телеграммами командующих на призыв Родзянко, не имело успеха.»

Государь, обеспокоенный участью семьи, утром поехал в Царское Село, не приняв никакого определенного решения...

Генерал Алексеев – этот мудрый и честный патриот – не обладал, к сожалению, достаточной твердостью, властью и влиянием, чтобы заставить государя решиться на тот шаг, необходимость которого осознавалась даже императрицей...

Действительно, в тех исторических событиях Михаил Васильевич не показал ни власти, ни твердости. Но он видел, что армия уже перестала быть надежной опорой монархии. Поэтому он при малейшем случае с упорством номинал августейшему Верховному главнокомандующему, что Россия ждет от него решения.

Бесспорно одно: Алексеев со всей ясностью понимал, что дни правления императора Николая II сочтены. И в эти дни генерал заботился только об одном: чтобы для армии свержение монархии прошло бескровно, без потерь людских и душевных. Позднее Алексеев скажет:

– Во время войны армия должна была сражаться на фронте, а не бунтовать вместе с голодным человеком столицы...

О том, как развивались события последних дней уже призрачного существования 300-летней династии Романовых, говорится и в личном дневнике императора Николая II.

Особенно значимы записи, которые относятся к концу февраля и первым числам марта месяца:

«22-го февраля. Среда.

Читал, укладывался и принял: Мамантова, Кульчицкого и Добровольского. Миша завтракал. Простился со всем милым своим (семейством) и поехал с Аликс (императрицей Александрой Федоровной) к Знамению, а затем на станцию. В 2 часа уехал на Ставку. День стоял солнечный, морозный. Читал, скучал и отдыхал; не выходил из-за кашля».

«23 февраля. Четверг.

Проснулся в Смоленске в 9 с половиной час. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время франц(узскую книгу) о завоевании Галлии Юлием Цезарем. Приехал в Могилев в 3 ч. Был встречен ген. Алексеевым и штабом. Провел час времени с ним. Пусто показалось в доме без Алексея. Обедал со всеми иностранцами и нашими. Вечером писал ипил общий чай».

«24 февраля. Пятница.

В 10 с половиной пошел к докладу (Алексеева), который окончился в 12 час. Перед завтраком (?) принес мне от имени бельгийского короля военный крест (орденскую награду). Погода была неприятная — метель. Погулял недолго в садике. Читал и писал. Вчера Ольга и Алексей заболели корью, а сегодня Татьяна последовала их примеру».

«25 февраля. Суббота.

Встал поздно. Доклад (Алексеева) продолжался полтора часа. В 1 с половиной заехал в монастырь и приложился к иконе Божьей матери. Сделал прогулку по шоссе на Оршу. В 6 ч. пошел ко всенощной. Весь вечер занимался».

«26 февраля. Воскресенье.

В 10 час. Пошел к обедне. Доклад (Алексеева) кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Написал Аликс и поехал по Бобр(уйскому) шоссе к

часовне, где погулял. Погода была ясная и морозная. После чая читал и принял сен(атора) Трегубова до обеда. Вечером поиграл в домино».

«27 февраля. Понедельник.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада (Алексеева). Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Ц(арское) С(ело) поскорее и в час ночи перебрался в поезд».

«28 февраля. Вторник.

Лег спать в 3 с четвертью, т. к. долго говорил с Н. И. Ивановым, кот(орого) посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.».

«1 марта. Среда.

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались заняты восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»

«2 марта. Четверг.

Утром пришел Рузский и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц(иал)-дем(ократическая) партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение, Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 с половиной пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте и в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Пет-

рограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот(орыми) я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость и обман!»

«3 марта. Пятница.

Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9 с половиной перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша (великий князь Михаил Александрович) отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше».

«4 марта. Суббота.

Спал хорошо. В 10 ч. пришел добрый Алек. Затем пошел к докладу (Алексеева). В 12 час. поехал на платформу встречать дорогую маму, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и нашими. Долго сидели и разговаривали. Сегодня получил две телеграммы от дорогой Аликс. Погулял. Погода была отвратительная – холод и метель. После чая принял Алексеева и Фредерикса. К 8 час. поехал к обеду к маме и просидел с нею до 11 час».

«8 марта. Среда.

Последний день в Могилеве. В 10 с четвертью подписал прощальный приказ по армиям. В 10 с половиной пошел в дом дежурства, где простился со всеми чинами штаба и управлений. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к маме в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до 4 с половиной час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеком. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала.

Поехал на Оршу и Витебск.

Погода морозная и ветреная.

Тяжело, больно и тоскливо».

...Генерал Алексеев оказался в дни отречения Николая II от престола едва ли не самым главным действующим лицом исторической драмы в жизни старой России. Он настаивал на принятии государем решения отказаться по доброй воле от обладания императорской короной. Михаил Васильевич знал мнение генерала Рузского, который стоял во главе самого близкого к столице Северного фронта. Знал и мнение председателя Государственной думы Родзянко, который стал избегать в последние дни всяких личных и телеграфных контактов с государем.

А главным аргументом стали телеграммы с Западного фронта от генерала Эверта, Юго-Западного – Брусилова и Кавказского – великого князя Николая Николаевича-младшего. С Румынского фронта и с Балтийского флота такие телеграммы в Ставку пришли с заметным опозданием. Все высказались, хотя и не каждый прямо, за отречение.

Адресаты прислали в Ставку верноподданнические просьбы. Ни один из них не высказался за неповиновение власти императора. Все были за отречение в пользу наследника при регентстве великого князя Михаила Александровича.

Примечательна среди прочих телеграмма, поступившая из Тифлиса от главнокомандующего на Кавказе великого князя Николая Николаевича-младшего. В ней он, в частности, писал:

«Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника...»

К такому решению их «подтолкнул» Алексеев. Свидетельством тому служит посланная на фронты и Балтийский флот телеграмма-обращение начальника штаба Ставки:

«Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжить до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии. Это нужно по-

ставить на первом плане, хотя бы ценой уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли вы телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу его величеству, известив меня».

В этом документе за подписью начальника штаба Ставки обращает на себя внимание то, что Алексеев откровенно заботится о сохранении царствующей династии. И то, что он не отдает официальный приказ должностным лицам, а со словами «не благоволите ли вы» высказать свою просьбу.

Главными действующими лицами в ниспровержении последнего царя оказались три человека: генерал Алексеев, как высший начальник в армии, Родзянко, как председатель парламента России и генерал Рузский, как глава Северного фронта, самого близкого к Петрограду.

Николай II попытался было встретиться в Пскове с Рузским и Родзянко. Но на встречу с императором те не приехали. Известно, что между генералом и председателем Государственной думы состоялся такой разговор:

— Николай Владимирович. Вы здесь, на фронте, не отдаете себе отчета в том, что происходит сегодня в столице.

— Мне доподлинно известно что: революционный бунт.

— Это еще не все. Династический вопрос в России поставлен ребром. Быть или не быть ей монархией. Вот так!

— Михаил Владимирович, как настрой думских лидеров в отношении государя?

— Скажу откровенно: почти вся Дума стоит за его отречение. И большая часть России, дорогой Николай Владимирович, стоит на такой же политической платформе.

— Но ведь еще вчера господин Родзянко считался верным монархистом?

— Я и остаюсь таковым. Но мы не можем терять Россию только из-за привязанности к одному из Романовых.

— Полностью согласен в этом с вами. А мы не можем терять русскую армию из-за снятия с должности полковника Николая Романова.

— В семье Романовых много авторитетных в стране великих князей. У нас большой выбор, кому отдать импера-

торскую корону, под которой он будет править по Конституции.

— Значит, Михаил Владимирович, возможность успокоить страну и продолжить войну у нас, как вы считаете, есть?

— Вне всякого сомнения, Николай Владимирович.

— При каких условиях это возможно, на ваш взгляд?

— При условии бескровного отречения императора Николая II от престола в пользу его малолетнего сына Алексея.

— Кто тогда будет регентом?

— Мы предлагаем великого князя Михаила Александровича. Думается, что большая часть семейства Романовых будет стоять за него. А вы, военные верхи?

— Генералитет ничего не имеет против великого князя Михаила Александровича. России для исполнения союзнического долга перед Антантой на фронте нужен спокойный тыл. В противном случае нас ждет поражение.

— Вам известно, Николай Владимирович, мнение генерала Алексеева?

— Известно. Он не будет стоять за государя, который выпустил из рук бразды правления державой. Но и не будет против царствующей династии.

— Тогда можно надеяться на бескровный исход дела с отречением.

— Только надо спешить. У меня был телеграфный разговор с генералом Хабаловым. Он уверяет, что почва в столице уходит у него из-под ног.

— Хабалов ошибается. Время у нас еще есть. Но очень и очень мало...

Высшее военное руководство в императора Николая II уже не верило. В том числе и главное лицо среди них — георгиевский кавалер генерал от инфантерии Алексеев.

Думается, что всероссийский государь это понял слишком поздно. Иначе он успел бы произвести в верхах определенные кадровые перестановки.

Последний запрос в Государственную думу о положении в столице поставил Николая II перед тяжелым выбо-

ром: или отречение, или поход с верными ему войсками на Петроград, чтобы с кровью подавить там «мятеж». То есть начать в России гражданскую войну. На первое ему решиться было крайне трудно. На второе он пойти просто не мог.

Император вызвал к себе лечащего врача семьи профессора Федорова. В штабном вагоне, за закрытыми дверями состоялся следующий разговор:

— Сергей Петрович, я во всем полагался на ваши знания и порядочность. Сегодня мне хочется услышать от вас честный ответ на один крайне важный для меня вопрос.

— Какой вопрос, ваше величество?

— Ответьте мне откровенно, болезнь моего наследника, сына Алексея, излечима? Или нет?

— Наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Но бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста.

— А что говорит медицинская наука о моем сыне-наследнике? Только скажите мне всю правду, какой бы горькой для меня она ни была.

— Цесаревич во власти случайности. Такова вся правда.

Император Николай II опустил голову и прошептал те слова, которые давно «лежали» у него в сердце:

— Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен Родине, как бы я того желал, то мы с Александрой Федоровной имеем право сохранить сына при себе...

В ночь на 2 марта был обнародован последний высочайший манифест всероссийского императора Николая II Романова:

«Акт

об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого Князя Михаила Александровича.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бед-

ственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся на том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины призываем всех наших верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Г. Псков, 2 Марта 15. Час. 3 мин. 1917 года.

НИКОЛАЙ.

Министр Императорского Двора, генерал-адъютант граф Фредерикс».

Первая мировая война «обрушила» не только российский императорский дом, но и австрийскую и германскую императорские династии. Судьба их в дни крушения выглядела иначе, чем у Романовых. Но каждый правитель в

последнем своем слове обращался к армии. Так сделал царь Николай II, так сделал после него через полтора года император Вильгельм:

«...Настоящим отрекаюсь на будущее от прав на корону Пруссии и связанных с ними прав на корону Германской империи. Равным образом освобождаю всех государственных служащих Германской империи и Пруссии, а также всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых флота, прусской армии и воинских контингентов союзных государств от присяги, принесенной мне как императору, королю и верховному главнокомандующему. Ожидаю, что они будут помогать восстанавливать порядок в Германской империи лицам, к которым перейдет фактическая власть в Германии, защищать немецкий народ от грозящих ему анархии, голода и иноземного господства.

С подлинным верно: подписано Его Величества собственной рукой и скреплено императорской печатью.

Дано в Амеронгене 26 ноября 1918 года».

Даже при беглом сравнении двух текстов об отречении – императоров России и Германии – видно, что силу государства, спасение от военных и послевоенных бед они оба видели в кадровых вооруженных силах.

...Находившийся в Могилеве, в штабе генерал Алексеев с нетерпением ждал манифеста. Текст по телеграфу пришел из Пскова глубокой ночью. Вместе с ним поступило два указа Правительствующему Сенату. Первый – о назначении князя Г. Е. Львова председателем Совета министров. Второй – о повторном назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича младшего.

Михаил Васильевич узнал и о том, что Николай II решил отречься в пользу своего брата.

«Его Императорскому Высочеству Михаилу Псков, 3 марта 1917 года

События вчерашнего дня побудили меня к этому беспо-

воротному шагу. Прости, что перекладываю эту ношу на тебя и не смог этому воспрепятствовать. Однако остаюсь твоим верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и надеюсь, что через несколько дней смогу уехать в Царское Село. Усердно молю Бога за тебя и твою державу.

Ники».

Новый Верховный находился в Тифлисе и мог прибыть оттуда в ближайшие дни. Алексеев понял, что ему в это тревожное время предстояло, как начальнику штаба Ставки, распоряжаться фронтами от имени великого князя, исполнять его обязанности по существовавшему положению о власти в Ставке.

Под самое утро пришла телеграмма от Родзянко. В ней сообщалось, что великий князь Михаил Александрович готовит собственное заявление. Вскоре телеграфный аппарат отстучал его текст:

«Одушевленный единою со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского».

Заявление великого князя Михаила Александровича дополнялось коротким актом подписания заявления. 300-летнему дому Романовых пришел конец. В летописи государства Российского монарха Михаила II не появилось.

Так Российская держава в начале 1917 года осталась «без царя в голове».

Историки по сей день не могут прийти к единому мнению в вопросе о том, какую же роль сыграл генерал Алексеев, начальник штаба Ставки, главный стратег России в Первой мировой войне в деле отречения последнего Романова. Думается, что здесь следует обратиться к мнению главных участников тех далеких событий. И прежде всего,

к генералу Рузскому, в те дни командовавшему армиями Северного фронта.

Он оставил после себя небольшое публицистическое наследие о событиях, связанных с отречением царя-самодержца, которое впервые увидело свет в белоэмигрантской печати. Речь прежде всего идет о беседе Рузского с генералом С. Н. Вильчковским о пребывании императора Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 года.

Статья была опубликована в 1922 году в журнале «Русская летопись», который издавался в Париже издательством «Русский очаг». Под публикацией, однако, стояла подпись Вильчаковского, а не самого Рузского.

«...Судьба государя и России была решена генералом Алексеевым.

Ему предстояло два решения, для исполнения которых «каждая минута могла стать роковой», как он справедливо отмечает в своей циркулярной телеграмме. (Речь идет о телеграмме Алексеева главнокомандующим фронтам по поводу отречения императора. — А. Ш.) Либо сделать «дорогую уступку» — пожертвовать государем, которому он присягал, коего он был генерал-адъютантом и ближайшим советником по ведению войны и защиты России, либо — не колеблясь, вырвать из рук самочинного временного правительства захваченные им железные дороги и подавить бунт толпы и Государственной думы.

Генерал Алексеев избрал первое решение — без борьбы сдать все самочинным правителям, будто бы для спасения армии и России. Сам изменяя присяге, он думал, что армия не изменит долгу защиты родины...»

Немалая часть офицества обвиняла фактического военного вождя России в прямой виновности в свержении императора. Так, бывший артиллерист штабс-капитан Эраст Гиацингов, фронтовик, кавалер трех боевых орденов писал в «Записках белого офицера»:

«Для нас, фронтовиков и кадровых офицеров, это (отречение Николая II. — А. Ш.) было то, что называется «как снег на голову». Никто никогда не думал, что Россия может сделаться какой-то республикой и что возможны

такие вещи. Увы, это оказалось возможным благодаря тому, что Государя окружали не только генерал-адъютанты, а генералы-предатели во главе с Алексеевым, начальником штаба Государя.

Алексеев, правда, был болен и находился в Крыму, но имел там совещание с левонастроенными кадетскими деятелями или даже социалистами, которые уговаривали его принять участие в этом заговоре. То же самое относится к великому князю Николаю Николаевичу...

По долгу присяги и Алексеев, и великий князь Николай Николаевич должны были предупредить об этих предложениях Государя Императора. Но ни тот, ни другой этого не сделали, и таким образом оба оказались участниками несчастья как династии, так и всей нашей России...»

С вышесказанным можно соглашаться или не соглашаться. Но ясно одно, что Алексеев, Рузский и Гучков, председатель Центрального военно-промышленного комитета, стали тем хирургическим инструментом Февральской буржуазно-демократической революции, который отправил в прошлое отжившую свой век династию Романовых.

Ибо эти три человека обладали в те дни реальной силой. Первые два — военной, а третий — финансовой, довлевшей над «думской». Все остальные действующие лица свержения российской монархии были только политиками.

Думал ли каждый из этих людей о последствиях свершенного их руками крушения Российской империи?

Николай Владимирович Рузский, стоявший под дулами винтовок чекистов в Пятигорске на краю вырытой им же могилы? Ведь именно ему, как главнокомандующему армиями Северного фронта, подчинялся петроградский гарнизон. Еще были под рукой верные воинские части, способные выполнить приказ о защите царя-батюшки.

Александр Иванович Гучков, один из крупнейших московских домовладельцев и промышленников, лишившийся в советском Отечестве всех своих миллионов, познавший бесчестие эмиграции? Ведь ему и его «сродственникам» ничего не стоило обратить хотя бы часть своих капиталов на поддержку пошатнувшейся монархии.

Михаил Васильевич Алексеев, стратег Первой мировой войны, который начал ее с многомиллионной Русской армией, а закончил, собирая в новую русскую армию, названную им же белой Добровольческой, разрозненные группы офицеров, юнкеров и мальчишек-кадетов? Что он думал о своей причастности к крушению династии Романовых в 1-м «Ледяном» походе? Истории это неизвестно.

Глава девятая ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ «ВРЕМЕННЫХ»

Итак, царя не стало. Временное правительство еще только образовывалось. Новый Верховный главнокомандующий в могилевскую Ставку пока не прибыл. Управление армейскими делами оказалось «на подписи» у генерала Алексеева.

Но ему на несколько дней пришлось забыть о фронтовых заботах, переложив их на плечи своих ближайших помощников, надлежало заниматься «устройством дальнейшей судьбы» отрекшегося от престола императора.

Михаилу Васильевичу на следующий день после отречения передали листок бумаги, на котором государь излагал четыре свои просьбы, адресованные новому главе правительства России князю Львову.

Во-первых, разрешить ему и его в одночасье поредешней свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с членами семьи.

Во-вторых, гарантировать безопасность временного пребывания в Царском Селе его семье и свите до полного выздоровления детей.

В-третьих, предоставить и гарантировать ему лично, семье и свите беспрепятственный проезд по железной дороге в Романов (сегодня город Мурманск. — А. Ш.) для последующего убытия на Британские острова.

И, в-четвертых, разрешить возвратиться после окончания войны в Россию для постоянного проживания в крым-

ской Ливадии, в собственном, полюбившемся ему давно дворце.

К этому можно лишь добавить, что бывший всероссийский самодержец предложил Временному правительству, главу которого он сам и назначил, достойное решение своей дальнейшей судьбы. Во всяком случае, в случае исполнения всех своих просьб он ничем не угрожал безопасности новой России. Но в Петрограде думали совсем иначе.

В тот же день у генерала Алексеева состоялся продолжительный телефонный разговор с князем Львовым:

— Георгий Евгеньевич. Передо мной письмо отрекшегося государя с рядом просьб. Позвольте зачитать вам их.

— Михаил Васильевич, только короче. В Думе идет назначение новых министров.

— Хорошо. Первая просьба о переезде из Могилева в Царское Село. К семье, к заболевшим детям.

— Пока разрешение такое дать не могу. Надо проконсультироваться с думскими фракциями, как быть с низложенным царем.

— Вторая просьба. Полковник Романов просит обеспечить ему, семье и свите личную безопасность. И здесь, и в Царском Селе.

— Почему полковник? Разве он еще служит в армии?

— Точно так, Николай Романов по сей день числится в списках по корпусу офицеров Генерального штаба. Его никто в отставку не отправлял.

— Я подумаю о приказе. Нельзя бывшего царя оставлять в армии. Может возникнуть брожение, у него есть сторонники.

— Я вас понял. О создавшейся ситуации мною будет доложено новому Верховному сразу же по его прибытии в Могилев.

— Правильно. Решайте вопрос о полковничестве в Ставке, а не в столице. Третья просьба о чем?

— Он просит свободы выезда в Романов, а оттуда на союзном пароходе или военном корабле в Лондон.

— Это опасная просьба, Михаил Васильевич. Смею вас в том заверить. Нам еще не известно, как отреагировала на

низложение Николая II английская столица. Там же королевство, сильная монархия. Могут быть разборки в Антанте.

— Так что же мне ответить по третьей просьбе?

— Пока ничего. Скажите, что этот вопрос будет решаться в правительстве и Думе.

— Вас понял. Так и будет сказано.

— Четвертая просьба?

— О ней можно и не говорить, Георгий Евгеньевич.

— Почему так?

— Просьба чересчур наивная.

— Тогда и не надо о ней говорить. У меня к вам, поскольку вы остались в Ставке пока за Верховного главнокомандующего, следующее приказание.

— Какое? Я вас слушаю внимательно.

— Чтобы оградить себя и меня от нежелательных эксцессов, обеспечьте надежную охрану бывшего государя. Где он сейчас пребывает?

— Все там же. В хорошо известном вам штабном царском поезде, стоящем на могилевской станции.

— Пусть там пока и находится. На всякий случай уберите из бывшей царской свиты всех офицеров. И отправьте их подальше. Например, на Румынский фронт или на Кавказ.

— Будет исполнено, Георгий Евгеньевич. Но я, со своей стороны, настаиваю на одной просьбе.

— Какой, Михаил Васильевич?

— Прошу ускорить отъезд из Ставки бывшего царя. Для этой цели пришлите из Петрограда своих представителей.

— Почему такая спешка? Пусть полковник Романов сидит в своем штабном вагоне, как и раньше в нем сидел.

— Георгий Евгеньевич, поймите, что чем раньше это случится, тем лучше будет для работы Ставки. И, наконец, для самого бывшего императора.

— Не волнуйтесь, Михаил Васильевич. Этим вопросом я займусь лично. А вы там продолжайте руководить войной...

Вопрос о дальнейшей судьбе последнего Романова решался Временным правительством в длительных спорах. Наконец, министры сошлись на том, что надо признать низложенного монарха и его супругу лишенными личной

свободы и поселить пока в Царском Селе. То есть речь шла, по сути дела, о домашнем аресте.

Бывший государь «всёя Руси» отбыл из Могилева при большом стечении народа на городском вокзале. Прощание Николая Романова с высшими чинами Ставки во главе с генерал-адъютантом Свиты Его Императорского Величества прошло весьма корректно, но при полном молчании собравшейся вокруг толпы, в которой преобладали люди в солдатских и офицерских шинелях:

— Михаил Васильевич. Я вам премного благодарен за хлопоты перед князем Львовым по моим просьбам.

— Николай Александрович. Это мой долг.

— Я вам желаю успехов. Я всегда высоко ценил ваши способности, стратегическое мышление.

— Очень признателен за такую весьма лестную оценку.

— Тогда до свидания. Прошу вас об одном: пекитесь о Русской армии, о судьбе Отечества так, как вы это делали и раньше. При мне.

— Это мой долг.

— Еще раз до свидания. Только знайте достоверно, что моя супруга Александра Федоровна никогда на вас зла не держала...

После отъезда царского поезда в Царское Село всего через несколько часов на тот же могилевский вокзал прибыл из Киева поезд с новым Верховным главнокомандующим. Два двоюродных брата так и не встретились друг с другом больше в своей жизни.

Возвратившийся в Ставку после долгого отсутствия в ней великий князь Николай Николаевич-младший сразу же издал свой первый приказ. Он гласил:

«В нашем Отечестве установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный Главнокомандующий, признаю ее, показав тем самым пример нашего воинского долга.»

Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников.

Только тогда Бог нам даст победу».

Такой приказ генерала Николая Николаевича Романова на фронтах не вызвал никакой сумятицы. Зато Государственная дума и Временное правительство не на шутку взволновались:

– Вы только вдумайтесь: этот великий князь в приказе пишет, что он повелевает...

– Это же проявление царизма, самодержавия!..

– Новым Верховным управлять из Петрограда никак у нас не получится...

– Сразу, в первый же день, и такие замашки...

– Он же смотрится отъявленным контрреволюционером. Того и гляди, что решится на переворот...

– У него армия, а у нас в столице небоеспособный тыловой гарнизон да Кронштадт, который уже никому не подчиняется...

– Этого генерала Романова надо убирать из Ставки, пока не поздно.

– Он решительнее своего брата-полковника будет. Как бы не быть беде свободной России, демократии...

Уже на следующий день после злополучного первого приказа в Ставку телеграфной строкой пришло из Петрограда решение Временного правительства. Телеграмма была подписана премьером князем Львовым. Правительство уведомляло великого князя Николая Николаевича-младшего о нежелательности его дальнейшего пребывания на посту Верховного главнокомандующего России.

Разобиженный до глубины души Верховный поспешил в кабинет начальника своего штаба.

– Читайте, Михаил Васильевич! Мне эти временные министры предлагают покинуть Могилев.

– Но здесь, Николай Николаевич, нет прямого приказа о вашей отставке.

– А его сегодня и не надо. Главное высказать из столицы свое нежелание. Вот вам и приказ об отставке.

– Не волнуйтесь, Николай Николаевич. Надо отправить запрос на имя князя Львова.

– Ничего не надо. Я сегодня же покидаю Ставку.

– А кто же останется за Верховного?

– Командование я сдаю лично вам, Михаил Васильевич. Больше никому. Сдаю немедленно...

Глубоко оскорбленный великий князь удалился в свое крымское поместье. В последнем приказе за своей подписью Николай Николаевич-младший призывал войска оставаться верными Родине и ее новому правительству.

Сразу же после отъезда великого князя из Могилева генерал Алексеев известил о случившемся официальный Петроград. Телеграмма из Ставки адресовалась лично князю Львову, как главе нового кабинета министров. Тот сразу же позвонил в Ставку:

– Михаил Васильевич, я хочу вас озадачить от имени правительства. Свяжитесь, как можно скорее, с великим князем Николаем Николаевичем и постарайтесь, как можно вежливее, объяснить причину его отставки.

– Будет исполнено, Георгий Евгеньевич. Но думаю, что великий князь, как человек понятливый, уже сам все осознал.

– Но он, как я знаю, человек обидчивый.

– Не надо тревожиться. Обижаться ему не позволит всем нам известная семейная гордость.

– Но все же он может возмутиться против решения Временного правительства.

– Не возмутится, господин министр. Это я могу сказать вам абсолютно точно.

– Интересно, почему?

– Потому что генерал Николай Николаевич Романов по своей воле несколько дней назад принес присягу Временному правительству.

– Присяге можно изменить. Или забыть про нее, когда решается не в самую лучшую сторону твоя судьба.

– Бывший Верховный главнокомандующий России, уважаемый Георгий Евгеньевич, человек воинского долга и чести...

Временному правительству пришлось второй раз за несколько последних дней решать вопрос о Верховном главнокомандующем. После недолгих колебаний оно остановило свой выбор на генерале от инфантерии Алексееве. За не-

го высказался князь Львов и единственный министр из социалистов Керенский. «Временным» начальник штаба Ставки импонировал прежде всего тем, что не «рвался» к кормилам государственной власти.

Но против была такая сильная «февральская личность», как глава Временного комитета Государственной думы Родзянко. Ему Алексеев не нравился тем, что открыто не выступил против императора Николая II, словно желая в ходе Февральской революции остаться в тени решающих событий. Такое и вправду было.

Родзянко отправил князю Львову письмо, в котором начальнику штаба Ставки дается самый нелестный отзыв. Михаила Васильевича, в частности, председатель русского парламента обвинял в «тайном монархизме». Для тех дней это было серьезнейшее обвинение: а вдруг низложенный император вздумает вернуться на престол? И где тогда будет армия, если во главе ее окажется генерал Алексеев?

Письмо было отправлено 18 марта, а уже утром следующего дня Временный комитет Государственной думы рассмотрел вопрос о новом Верховном главнокомандующем. В постановлении, написанном под диктовку Родзянко, говорилось:

«...Признать, что в интересах успешного ведения войны представляется мерой неотложною освобождение генерала Алексеева от обязанностей Верховного главнокомандующего. Желательным кандидатом является генерал Брусилов...»

Общее руководство ведением войны, за исключением стратегии, управления и командования всеми сухопутными и морскими силами, должно быть сосредоточено в руках Временного правительства».

Всем все было ясно. Князь Львов и его «временные» министры стояли за Алексеева. Родзянко и его «временные» думцы — за Брусилова. Каждый из них желал видеть на посту российского Верховного главнокомандующего только своего человека. Иными словами говоря, и Львов, и Родзянко заглядывали в будущее. «Временны-

ми» они долго оставаться не хотели. Оба мечтали о полноте власти.

Однако Временное правительство продолжало стоять на своем. Во-первых, многие министры были в плохих отношениях с думцами. Во-вторых, сказывалась совместная работа части из них с начальником штаба Ставки. Иными словами говоря, Михаил Васильевич Алексеев обладал несомненно большим личным авторитетом среди фронтового офицерства и армейского генералитета.

Выход из конфликтной ситуации нашел не кто иной, как сам военный и морской министр А. И. Гучков. Первое в истории гражданское лицо на такой должности, он с разрешения князя Львова направил командующим фронтами и армиями телеграмму следующего содержания:

«Временное правительство, прежде чем окончательно решить вопрос об утверждении Верховным главнокомандующим генерала Алексеева, обращается к вам с просьбой сообщить вполне откровенно и незамедлительно ваше мнение об этой кандидатуре».

Уже самой телеграммой военный и морской министр подавал голос за Алексеева. Фронтовой генералитет в своем большинстве дал в столицу положительный ответ.

В Петрограде это расценили так: действующая Русская армия проголосовала «за» князя Львова и против Родзянко. То есть принципиальная победа в нештучной политической схватке оказалась на стороне правительства, а не парламента.

Но в пользу Алексеева высказались не все фронтовые военачальники. Так, командующий 5-й армией генерал Драгомиров высказал следующее опасение:

«Вряд ли генерал Алексеев способен воодушевить армию, вызвать ее лихорадочный подъем...»

Ревниво относившийся к фронтовым успехам и карьере Алексеева в Первой мировой войне главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский ответил уклончиво:

«По моему мнению, выбор Верховного должен быть сделан волею правительства».

Тем не менее, генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев стал Верховным главнокомандующим России. Поздравления ему прислали военные вожди всех союзных стран Антанты. Хотя он в силу своей несговорчивости для Парижа и Лондона «подарком», вне всякого сомнения, не был.

Свою должность начальника штаба Ставки Алексеев сдал генералу от инфантерии В. Н. Клембовскому, который был его ближайшим помощником и пользовался исключительным доверием. Однако вскоре Клембовский оказался на должности главнокомандующего армиями Северного фронта.

Временное правительство само выбрало нового начальника штаба Ставки. В Могилев прибыл с предписанием военного и морского министра генерал-лейтенант А. И. Деникин, командир 8-го армейского корпуса. Прославившийся в делах Юго-Западного фронта, прежде всего во главе 4-й стрелковой «Железной» бригады, которая затем была в ходе боев преобразована в стрелковую «Железную» дивизию. Ее бойцы в кровопролитных боях среди карпатских лесов показали подлинные чудеса доблести и храбрости.

До этого Алексеев с Деникиным близкого знакомства не имели. Но Михаил Васильевич знал, что начальник его штаба имеет прекрасные боевые характеристики и отменно владеет тактическим, а значит, и оперативным искусством.

Собственно говоря, менялось все штабное начальство Ставки. Должность первого генерал-квартирмейстера занял генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович, одно время командовавший Кавказской туземной («Дикой») конной дивизией. Вторым генерал-квартирмейстером стал С. Л. Марков, имевший опыт командования пехотной дивизией. Оба они в скором времени, менее чем через год, станут военачальниками белой Добровольческой армии.

Не стало в могилевской Ставке великого князя Сергея Михайловича, ушедшего в отставку по воле Временного правительства. Его заменил на посту полевого генерал-ин-

спектора артиллерии генерал М. В. Ханжин.

А. И. Деникин писал, как непросто складывались отношения между ним и Алексеевым. Военный и морской министр Гучков, человек сугубо гражданский и потому не знакомый с военной этикой, просто поставил Михаила Васильевича перед фактом:

«Такой полупринудительный порядок назначения Верховному главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мною легла некоторая тень, и только к концу его командования она рассеялась. Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства...»

Вынужденный с первых же шагов вступить в оппозицию с ним, оберегая Верховного – часто без его ведома – от многих трений и столкновений своим личным участием в них, я со временем установил с генералом Алексеевым отношения, полные внутренней теплоты и доверия...»

Первая встреча в Ставке складывалась тяжело для обоих генералов. Верховный принял своего начальника штаба сразу же после его прибытия в Могилев.

– Ну что же, раз приказано свыше, то принимайте должность.

– Позволю сказать, что я на эту должность не просился и долго отказывался перед военным министром Гучковым.

– Я об этом знаю. Понимаете, Антон Иванович, здесь масштаб работы широкий, нужна особая подготовка. Однако делать нечего, будем вместе работать.

– Михаил Васильевич, при таких условиях я категорически отказываюсь от должности.

– Но ведь приказ на вас уже состоялся.

– Любой приказ можно отменить. Особенно сейчас. И чтобы не создавать трений между вами и правительством, заявляю, что это исключительно мое личное решение.

Алексеев, никак не ожидая такого ответа от Деникина, сразу же переменял тон.

– Нет, Антон Иванович. Я прошу вас не отказываться от должности. Будем работать вместе, я помогу вам. Нако-

нец, ничто не мешает месяца через два, если почувствуете, что дело не нравится, уйти на первую же открывшуюся армию. Согласны?

— Согласен.

— Вот и хорошо. Надеюсь, что все между нами уладится. Вечером прошу ко мне на чай.

— Благодарю за приглашение, Михаил Васильевич. Непременно буду...

Алексеев и Деникин за короткое время совместного пребывания в могилевской Ставке так и не сработались. Причин виделось две.

Во-первых, Михаил Васильевич стремился решать все стратегические задачи самостоятельно, благо работоспособностью он обладал поразительной.

Во-вторых, получив в начальники штаба старательного Деникина, он стал поручать ему задачи, которые ставились Верховному решениями Временного правительства. Одним из таких действительно важных поручений стала организация демобилизации из армии 40-летних солдат. Такое решение «временных» привело к тому, что фронтовая артиллерия лишилась большей части наиболее подготовленных унтер-офицеров.

Отдавал Алексеев своему начальнику штаба на рассмотрение и «сомнительные» проекты, которые нередко поступали в Ставку на ее решение. Как это было, например, с предложением Управления путей сообщения утвердить заказ на несколько десятков миллионов рублей на возобновление в будущем движения по... Варшавско-Венской железной дороге, которая находилась на польской территории, оккупированной германскими войсками.

Деникин пробыл в Ставке всего два месяца. Не найдя точки соприкосновения с новым Верховным главнокомандующим Брусиловым, он отпросился из Могилева назад на фронт...

Времени на притирку между должностными лицами не было, поскольку в войне назревали большие события. Приближался ранее обговоренный на Межсоюзнической конференции срок перехода Русской армии в наступление.

В Ставке понимали всю нереальность наступления, но высшее военное командование Антанты никаких возражений не принимало.

Дело кончилось тем, что отношения союзников стали обостряться. Инициатором этого стал только что назначенный главнокомандующим французской армии (армиями Севера и Северо-Востока) дивизионный генерал Роберт-Жорж Нивель. Он сменил на этом посту Жоффра. Нивель отличился в ходе обороны крепости Верден, то есть в самой продолжительной операции Первой мировой войны.

Нивель откровенно жаждал славы, а потому торопил события, не считаясь с объективными условиями. Решив наступать на Германию в самое ближайшее время, он прислал на имя российского Верховного генерала Алексева телеграмму следующего содержания:

«По соглашению с высоким английским командованием я назначил на 8 апреля начало совместного наступления на Западном фронте. Этот срок не может быть отложен. На совещании в Шантильи 15 и 16 ноября было решено, что союзные армии будут стремиться в 1917 году сломить неприятельские силы путем единовременного наступления на всех фронтах с применением максимального количества средств, какое только сможет ввести в дело каждая армия.»

Я введу для наступления на Западном фронте все силы французской армии, так как буду добиваться решительных результатов, достижения которых в данный период войны нельзя откладывать.»

Вследствие этого прошу вас также начать наступление русских войск около первых или средних чисел апреля. Совершенно необходимо, чтобы ваши и наши операции начались одновременно (в пределах нескольких дней), иначе неприятель сохранит за собой свободу распоряжения резервами, достаточно значительными, для того чтобы остановить с самого начала одно за другим наши наступления...

Должен добавить, что никогда положение не будет столь благоприятным для русских войск, так как почти

все наличные немецкие силы находятся на нашем фронте и число их растет с каждым днем!

Главнокомандующий».

Получив из Парижа такую телеграмму, Алексеев вызвал к себе начальника штаба Ставки:

– Антон Иванович. Вы ознакомились с содержанием телеграммы генерала Нивеля?

– Да, Михаил Васильевич.

– Что вы скажете по ней о новом французском главнокомандующем?

– Категоричность его требований несомненна. Но следовало бы в рамках уважения к союзникам хотя бы согласовать вопрос, можем ли мы перейти в наступление в срок, который пожелал установить генерал Нивель.

– Ясно одно. Мы не сможем в первой половине апреля начать наступательную операцию. Мы к ней не готовы.

– Михаил Васильевич. Заметьте, чем приманивает нас сменщик Жоффра: почти все наличные немецкие силы находятся на Западном фронте?

– Нивель словно не знает о том, что два из четырех русских фронта на востоке Европы воюют именно с германцами. А остальные два – с австрийцами.

– Париж просит дать срочный ответ на телеграмму.

– Антон Иванович. Через час у меня будет на приеме военный министр Гучков. Я с ним обговорю этот вопрос. Но скажу сразу: французам надо дать понять, что с союзниками следует считаться не только в Шантيلي.

– Значит, ответ в Париж надо готовить сегодня же?

– Да. Коротко и ясно объяснить генералу Нивелю, что мы не можем начать большую операцию в назначенные им для нас сроки.

– Каким должен быть тон ответной телеграммы?

– Как можно сдержаннее, Антон Иванович. И самое главное: надо указать Нивелю на опасность, которой грозит союзникам его чрезмерно поспешный план общего наступления...

Военный и морской министр Временного правительства одобрил позицию Ставки. Но уже через три дня в Могилев

(через Петроград) из Парижа пришла новая телеграмма. Французский главнокомандующий самым категоричным образом настаивал на общем для Западного и Русского фронтов наступлении. Причем в сроки, назначенные лично им, дивизионным генералом Робертом-Жоржем Нивелем.

Алексеев отправляет военному и морскому министру Временного правительства (через которого в Ставку шли телеграммы союзников) такое телеграфное послание:

«Если успокоение, признаки которого имеются, наступит скоро, если удастся вернуть боевое значение Балтийского флота, то, кто бы ни был Верховным, он сделает все возможное в нашей обстановке, чтобы приковать к себе силы противника, ныне находящиеся на нашем фронте...

Но ранее начала мая нельзя приступить даже к частным ударам, так как весна только что начинается, снег обильный и растепель будет выходящей из ряда обычных».

Нивель не отказался от назначенного им срока наступления на Западном фронте. Вместе с французами наступали англичане, которые в первые дни атаки германских позиций имели частные успехи у городов Аррас и Пуассон. Здесь особенно отличился канадский корпус. В Лондоне премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж торжествовал:

– Видите, я не зря временно подчинил герою Вердена наши войска, находящиеся на французской территории...

Но дальше все пошло так, как предсказывал в далеком от Франции городе Могилеве генерал Алексеев. Германское командование предвидело наступление противной стороны и потому отвело свои силы на «линию Зигфрида» (Аррас – Сен-Кантен – Ла-Фер). Когда 16 апреля, в 6 часов утра французские войска перешли в генеральное наступление, то они сразу же попали под сильный заградительный огонь немецкой артиллерии, которая хорошо пристрелялась к местности.

Не удалась у городка Краона и массированная, невиданная до того танковая атака французов. На позицию германцев было двинуто сразу 128 (!) одетых в броню машин.

Французским войскам удалось продвинуться вперед. Но парижское правительство, возмущенное огромными людскими потерями – ценой за право обладания небольшим клочком земли у Моронвиллера и на южных склонах высот Шмен-де-Дама, приказало остановить наступление.

Германский фронт прорван не был, французские солдаты заметно упали духом, а некоторые полки взбунтовались. Психологический надлом армии воюющей страны достиг высшей точки тогда, когда два армейский корпуса начали поход на столичный Париж. Начала распространяться антивоенная пропаганда, население Франции стало все больше выступать за немедленное заключение мира.

Так самонадеянность генерала Нивеля обернулась для Антанты на Западном фронте большой военной неудачей. Более того, самыми опасными последствиями провалившегося наступления стали последствия психологического характера.

Союзное наступление на Западном фронте весной 1917 года получило в истории Первой мировой войны название «бойни Нивеля». Французы потеряли в ней 180 тысяч человек, англичане – 160, германцы – 163 тысячи. Дивизионный генерал Нивель был снят с поста главнокомандующего и заменен генералом Анри-Филиппом Петэном, который вскоре стал маршалом Франции...

С требованиями союзников по Антанте все же приходилось считаться. Алексеев, зная истинное положение дел на всех фронтах, все же пытался оттянуть на несколько месяцев наступательную операцию на Востоке. Однако здесь он вошел в конфликт с главнокомандующими армий фронтов. Те отправили в столицу военному министру следующую телеграмму:

«Срочно. Секретно.

Сегодня на военном совете всех командиров фронта единогласно решено:

- 1) армии желают и могут наступать;*
- 2) наступление вполне возможно. Это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и всем миром;*

3) это наступление избавит нас от неисчислимых последствий, которые могут быть вызваны неисполнением Россией ее обязательств, и попутно лишит противника свободы действий на других фронтах;

4) некоторый недостаток заставит лишь несколько сузить размер наступления;

5) нужно, главное, наладить продовольствие и регулярный подвоз, а это в средствах России и должно быть сделано;

6) настоятельно просим, никаких шагов перед союзниками в смысле отказа от выполнения наших обязательств не делать;

7) армия имеет свое мнение, мнение Петрограда о ее состоянии и духе не может решать вопрос; мнение армии обязательно для России; настоящая ее сила здесь, на театре войны, а не в тылах.

Брусилев, Баланин, Щербачев, Каледин, Балухев».

На телеграмме командующих пяти фронтов (считая Румынский) генерал-квартирмейстером Ставки была наложена резолюция следующего содержания:

«Какое было бы счастье, если бы действительность оправдала эти надежды!»

Алексеев был против широких наступательных операций в силу многих веских причин. Он сделал обстоятельный доклад военному и морскому министру Гучкову, показав всю безотрадную картину состояния армии и флота, особенно тыловых гарнизонов и балтийского Кронштадта. Этого Верховному показалось мало, и он связался по прямому проводу с Петроградом:

– Александр Иванович. Вы ознакомились с моим последним докладом?

– Да, Михаил Васильевич. Но он произвел на моих коллег по Временному правительству самое удручающее впечатление.

– Я не ожидал иного.

– Неужели у нас так все плохо в армии, на фронте? И особенно в Балтийском флоте?

— Картина объективная. Резервы в тыловых гарнизонах распропагандированы социал-демократами и прочими партиями против войны. На фронте участились случаи неисполнения приказов. Балтийский флот вообще никак нельзя привлекать к операциям Северного фронта, поскольку с февраля он стал реально неуправляем.

— Однако правительство надеется, что революционный дух армии и народа поможет России победно завершить Великую войну.

— Смею заметить, Александр Иванович, что именно этот революционный дух сломал в армии дисциплинированность и организованность.

— Но Временное правительство послало на все фронты своих комиссаров. Они сообщают в столицу, что революционный дух сделал войска готовыми к наступательным действиям.

— Позвольте сказать: не знаю ни одного случая, чтобы солдаты после митинга в поддержку Временного правительства бросились на штурм вражеских окопов.

— Михаил Васильевич, вы явно недооцениваете настроения солдатских масс сегодня.

— Может быть. Ведь я не политик. Но агитация социалистов ведет на фронте только к пораженческим настроениям. Они затрагивают даже часть офицерства военного времени.

— Отставим споры. Из Парижа пришел очередной запрос относительно даты начала наступательной операции на Русском фронте.

— Я уже вам докладывал, господин военный министр, что к наступлению мы не готовы.

— Какой же выход, Михаил Васильевич? Ведь у России есть обязательства перед Антантой.

— Выход вижу один. Надо отложить начало наступления. Хотя бы до июня-июля.

— А что тогда делать будут фронтовые войска?

— Они должны придерживаться строго оборонительных действий. Соответствующая директива за моей подписью уже готова к отправке на фронты.

— Пока воздержитесь с ее отправкой.

— Почему, Александр Иванович?

— Временное правительство приняло решение опросить относительно предстоящей наступательной операции главнокомандующих всех фронтов. Вы согласны с таким мнением правительственного кабинета?

— Согласен. Как равно согласен буду с мнениями фронтового командования.

— Вот и хорошо. Думаю, что так мы уладим конфликт с Парижем...

Как ни странно, позиция Верховного у главнокомандующих армиями фронтов поддержки не получила. Только глава Северного фронта генерал Рузский поддержал оборонительный план кампании 1917 года. Главнокомандующие же Западным и Юго-Западным фронтами высказались за самые активные действия.

Алексееву пришлось изменить собственное решение. Та телеграмма так и не ушла из Ставки. Верховный главнокомандующий отдал приказ начать подготовку наступательной операции силами Юго-Западного фронта. Военные миссии Франции и Великобритании в Петрограде «вдохнули свободно».

В те дни союзники России по Антанте и представления не имели о том, что Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов 1 марта 1917 года издал свой едва ли не самый известный для истории приказ за № 1. Он был «убийственным» для старой русской армии, сражавшейся на фронте:

«По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали

своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулирование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведений ротных комитетов.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов».

Когда с этим приказом № 1, который со страниц левых газет разошелся по всей России, ознакомился генерал

Алексеев, то он не смог скрыть своего искреннего возмущения.

— Этот приказ Петроградского совета погубит нашу армию. Он распатает в ней донельзя воинскую дисциплину, сломает единоначалие. Разве может командир в боевой обстановке обсуждать свой приказ с каким-то ротным советом, который может его взять и отменить?!

Временное правительство же приказ за № 1 Петроградского совета отменить так и не смогло. Так двоевластие в российской столице повлекло за собой двоевластие в действующей армии и на флотах. От этого резко падала боеспособность всего фронта.

Об этом «злосчастном» для России 17-го года приказе писалось много. Не приминул высказаться о нем и Антон Иванович Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«...Результаты приказа № 1 отлично были поняты вождями революционной демократии. Говорят, что Керенский впоследствии патетически заявлял, что отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан...

Произведенное военными властями расследование «не обнаружило» авторов его. Чхеидзе и прочие столпы Совета рабочих и солдатских депутатов впоследствии опровергали свое личное и членов комитета участие в редактировании приказа.

Пилаты! Они умывали руки, отвергая начертание своего же символа веры. Ибо в отчете о секретном заседании правительства, главнокомандующих и исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов 4 мая 1917 года записаны их слова.

Церетели: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать...»

Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим, и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была

скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения.

Сегодня мы убедились, что основания для этого были».

Алексеев не ошибся, назвав приказ Петроградского совета гибельным для фронтовых войск. В армии командиры теряли свою командирскую власть: такой Русская армия за свою историю еще не знала.

На посту военного вождя России Михаил Васильевич оказался в достаточно двусмысленном положении. От него из столицы требовали много, а в прямой поддержке почти всегда молчаливо отказывали. Временное правительство присвоило себе монаршую власть в ее полном объеме (и даже более). Однако оно не только не хотело, но и не могло взять на себя ответственность за сохранение дисциплины в войсках путем применения репрессивных мер. Гучков, а после него и Керенский совершенно исключили применение оружия для восстановления порядка.

Когда Алексеев впервые поднял об этом вопрос, то военный и морской министр Временного правительства по прямому проводу ответил Верховному главнокомандующему так:

— Убедительно прошу не принимать суровых мер против участников любых беспорядков.

— Но если эти беспорядки могут разрушить прямое подчинение военной власти?

— Только без суровых мер. Только без применения оружия к нарушителям правопорядка.

— Но в войсках на этой почве участились беспорядки.

— А крайние меры только подольют масла в огонь и помешают успокоению в центре, которое теперь наступает.

— Но я веду речь о фронте, который не ходит на митинги, а сражается.

— Сейчас, господин Алексеев, надо во имя блага свободной России вам быть больше политиком, чем военным.

Михаилу Васильевичу при поддержании порядка и дисциплины в войсках пришлось столкнуться и с другой трудностью. При царском режиме штатских лиц от разных партий, которые вели в армейских рядах подрывную пропаган-

ду, было легко обнаружить. Теперь же Временное правительство, демонстрируя собственную беспомощность, узаконивало «агитационный» развал фронтовых войск. Подобный развал запасных войск в тылу, Балтийского и Черноморского флотов был уже свершившимся фактом.

Обычно невозмутимый генерал Алексеев не смог скрыть от окружающих своего возмущения такой правительственной телеграммой, которая поступила в Ставку в середине марта:

«Временное правительство вполне сознает необходимость сохранения единой цели армии, которая только при соблюдении дисциплины может одержать победу над врагом. Бороться с различными агитаторами, проникающими в армию, следует не силой оружия. Дать точные указания о способе действий в отдельных случаях не представляется возможным, все зависит от личного такта и умения местных начальников.

Во всяком случае, главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий. Со своей стороны Временное правительство принимает все меры к введению в стране спокойствия и порядка на новых началах взаимного доверия, в соответствии с чем издаются и будут издаваться от имени правительства различные акты и объявления...

Военный министр Гучков».

Алексеев с раздражением бросил на стол прочитанную вслух телеграмму и сказал:

— Даже трудно поверить в то, что наш новый военный министр храбро сражался в Южной Африке за буров против британской короны. А ведь это было...

Все же Михаил Васильевич настоял на том, чтобы правительство «временных» что-то сделало в «борьбе» со злощастным приказом № 1 Петроградского совета. Было опубликовано воззвание к войскам, подписанное военным министром Гучковым и генералом Алексеевым. В воззвании объявлялось следующее:

«...Временное правительство решительно заявляет, что признает глубоко прискорбными и совершенно недопустимыми всякие самоуправные и оскорбительные действия в отношении офицеров, геройски сражавшихся за Родину, без содействия которых невозможно укрепление нового строя.

...Только обладая полнотой власти, в мере полноты доверия может оно (Временное правительство. — А. Ш.) выполнить свой святой долг.

Многовластие вызовет неизбежно паралич власти и снова приведет страну к тяжелой и грозной разрухе.

И пусть тяжкая ответственность перед родиной и историей падет на тех, кто станет в этом деле помехой Временному правительству...»

Первая мировая война между тем продолжалась. Генерал Алексеев понимал в тех событиях главное: во имя российского Отечества русская армия должна сражаться. И делал для этого все, что мог...

Временное правительство поторапливало Ставку с началом наступления на фронте, выполняя союзнические обязательства перед Антантой, данные в феврале на Межсоюзной конференции в Петрограде. В двадцатых числах апреля «временные» заслушали военное руководство о ходе подготовки к наступательной операции.

О том, как проходило совещание, поведал в своих мемуарах генерал Ю. Н. Данилов. В том месяце ему пришлось исполнять обязанности заболевшего воспалением легких главнокомандующего армиями Северного фронта:

«...В столице в это время было неспокойно. Волнения происходили на почве толкования только что обнародованной ноты министра иностранных дел П. Н. Миллюкова, трактовавшей вопрос о целях войны. Нота эта, подтверждая стремление России продолжать войну, вызвала сильное возбуждение среди наших левых кругов, которые использовали ее как предлог для довольно серьезных демонстраций, враждебных Временному правительству.

Явившись в дом военного министра на Мойке, я получил предложение от А. И. Гучкова, вышедшего ко мне в

приемную из своего кабинета, сделать доклад по вопросу, вызвавшему мой приезд в столицу, на заседании Временного правительства. А. И. Гучков в этот период хворал и не выходил из дому. Он, по нездоровью, встретил меня в домашней куртке и мягких сапогах. Извинившись за свой внешний вид, объясняемый нездоровьем, А. И. Гучков предупредил меня, что заседание Временного правительства будет происходить у него на квартире и что часть членов уже собралась у него в кабинете.

— Там же, — добавил он, — и генерал Алексеев, только что прибывший из Ставки.

Войдя в кабинет, я сделал общий поклон и отдельно поздоровался с М. В. Алексеевым, подошедшим ко мне. Вслед за ним подошли и другие, из числа коих некоторых я не знал совсем. Я сразу был засыпан вопросами о том, что делается на фронте.

Члены Временного правительства собирались медленно, и, беседуя с ними, я никак не мог уловить момент, когда собственно частные разговоры перешли в стадию официального заседания...

Перейдя к столу, я закончил свой доклад о печальном положении армий Северного фронта, в смысле их настроения и боеспособности.

— Александр Федорович, — обратился кто-то из слушавших меня к Керенскому с вопросом, — нет ли у вас людей, чтобы послать успокоить войска фронта? Хорошо бы, если бы эти люди поговорили в одном, другом месте и урезали бы войска, — пояснил этот кто-то свою мысль.

Я не расслышал ответа, так как он не мог меня заинтересовать в силу безнадежности предлагавшейся меры. «Какая вера в силу и значение слова!.. Новые бесконечные разговоры на убийственных разлагающих митингах вместо серьезных, хорошо продуманных мер строгости», — печально подумал я.

Рядом со мной, поникнув седой головой, слушал мой грустный доклад Верховный главнокомандующий русской армией генерал Алексеев. К нему подошел один из министров.

— Михаил Васильевич, — сказал он, — меня гложет мысль о необходимости использования в интересах России обещаний наших западных союзников в отношении Константинополя и проливов. Ведь весь смысл войны и принесенных жертв в том, чтобы приблизиться к разрешению этой важнейшей для нашей Родины внешней проблемы! Нельзя ли выделить для этой задачи два-три корпуса войск?

Мне осталось не совсем ясным, как предполагалось использовать эти корпуса. Но какой оптимизм и какое незнакомство с действительным положением на фронте звучало в словах этого министра!

— Вы слышали только что доклад о состоянии армий Северного фронта, — ответил Алексеев. — В таком же положении находятся войска и на остальных фронтах. Что касается Черноморского флота, то он сохранился немногим больше, чем Балтийский. При этих условиях ни о каких десантных операциях думать не приходится. Нам, глубокоуважаемый Павел Николаевич, «быть бы только живу», — закончил генерал Алексеев.

Да, подумал я, хаос, неосведомленность, безволие и бессилие. Такая власть, подумал я, подменяющая дело словами, обречена на падение...»

Алексеев все же предпринял шаги, чтобы убедить правительство в преждевременности проведения серьезной наступательной операции. 1 мая он пригласил в Ставку главнокомандующих фронтов с их начальниками штабов. Вопрос обсуждался только один: о готовности войск к предстоящей операции.

Выступили все главы фронтов — генералы Драгомиров, Гурко, Брусилов, Щербачев, другие военачальники. На сей раз все из них отмечали общее падение воинской дисциплины. Участились случаи невыполнения нижними чинами приказаний офицеров, прямого неповиновения командирам. Причем это явление распространялось уже не только на тыловые, запасные части, а и на окопников, чего раньше не было.

Волновало генералитет и отношение армейских масс к

Временному правительству. Генерал Щербачев, фактический главнокомандующий Румынским фронтом, прямо сказал на совещании:

— Солдаты моего фронта на Временное правительство не надеются.

— Но это же сегодняшняя государственная власть в России?

— Для нижних чинов сегодня вся власть в Советах рабочих и солдатских депутатов...

Мнение участников первомайского совещания в Ставке оказалось на редкость единодушным. Русская армия наступать не готова не только из-за низкого морального состояния войск, но и в силу необеспеченности армий всем необходимым, прежде всего боевыми припасами и военным снаряжением. Возможность проведения операции сделалась в самом лучшем случае только в июне.

Антанта прореагировала на «алексеевское» совещание самым решительным образом. Париж и Лондон предупредили Временное правительство, что если в самое ближайшее время на Русском фронте не начнется наступательная операция, то Россия в дальнейшем может лишиться поддержки союзников, прежде всего материальной и финансовой.

Антанта также наемкнула Петрограду о том, что он имеет большие банковские долги перед Францией, Англией и даже Бельгией. И что эти долги значительно превосходят российские займы, взятые до войны в германских банках. Такой «наемк» возымел должное действие.

Из столицы срочно позвонили в Могилев:

— Уважаемый Михаил Васильевич. Доложите о готовности наступать.

— Фронты только начали подготовку.

— Пока вы там ни шатко ни валко готовитесь, родное Отечество может остаться без союзников.

— Они должны войти в наше положение. Они же знакомы по донесениям французских наблюдателей с состоянием Русской армии и особенно ее тыла.

— В Париже о наших трудностях не хотят и слышать.

Там бояться быть раздавленными германской военной машиной.

– Хорошо. Тогда сообщите союзникам, что мы ускоряем подготовку к наступлению...

Париж и Лондон нашли еще один способ давления на Россию. В Петроград от временного поверенного России в Швейцарии пришли две секретные депешы, которые произвели переполох. Копии депеш были немедленно отправлены в Ставку курьером. Их содержание не доверили даже телеграфному аппарату.

В первой депеше из Швейцарии говорилось, что между Францией, Англией, Италией, с одной стороны, и Японией, с другой стороны, состоялся обмен мнениями на правительственном уровне. Обсуждался один вопрос: как быть, если Русская армия потеряет способность к проведению фронтовых операций?

Российский поверенный из Берна сообщал, что, якобы, обмен мнениями дал следующий результат. Если Россия не захочет наступать, то Страна восходящего солнца пошлет на европейский континент миллионную армию. Японские войска усилят союзников на Французском и Итальянском фронтах и будут там сражаться до полной победы над Германией.

Но за миллион японских солдат и офицеров требовалось чем-то заплатить. Антанта обещала за победный вклад в войне с Германией и Австро-Венгрией «подарить» Японии право на владение китайской Маньчжурией, Россия (которая об этом ничего не знала) должна была уступить огромный по территории Уссурийский край. То есть современное Приморье.

Депеша поверенного в делах России в Берне заканчивалась следующей строкой:

«...В случае успеха этой комбинации и присоединения свежей японской армии ожидается окончание войны не позже осени этого года».

Вторая депеша из Швейцарии была не менее тревожной:

«Один из видных членов японской миссии в частной бе-

седе заявил, что если Россия заключит сепаратный мир, то Япония нападет на Россию...»

Алексеев, ознакомившись с содержанием швейцарских депеш, вздохнул:

– Тот, кто в 1905 году сказал, что Русско-японская война не завершилась подписанием мира в американском Портсмуте, смотрел как минимум на четырнадцать лет вперед...

На совещании в Могилеве было обговорено, что с его решениями Верховный главнокомандующий должен ознакомить «временных» министров лично. Вместе с ним в столицу поездом отправлялись и главы фронтов. Генерал Брусилов вспоминал:

«Выехали экстренным поездом. Утром 3 мая прибыли в Петроград. На вокзале нас ждал новый военный министр. Гучков ушел в отставку, его заменил А. Ф. Керенский. Вместе с ним приехавших встречал и командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов.

Увиденное наводило на печальные мысли: солдаты почетного караула, невзирая на команду, продолжали стоять вольно, на приветствие Алексева отвечали вяло, как бы с усмешкой, прошли небрежно, как бы из снисхождения к такому лицу, как Верховный главнокомандующий...

Поразил вид города. Не существовало более чиновного, строгого, казенного Петербурга. Все кипело, шумело, волновалось...»

В полдень состоялась встреча высшего генералитета Русской армии с политическим руководством страны. Проходила она не в правительственном здании, а у премьер-министра князя Львова, в его доме на Театральной площади. Уже сам этот факт наводил на самые грустные мысли.

Слово для доклада, естественно, предоставили Алексеву. Он подробно охарактеризовал ситуацию на фронте и рассказал о планах Ставки на кампанию 1917 года. Остановился и на вопросе сегодняшнего состояния армии. Разговор вели князь Львов и новый военный министр России Керенский:

— Наша армия на пороге гибели. Еще один шаг, и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой всю Россию и ее февральские свободы. Такова будет цена наступления, которого требует от нас немедленно Антанта.

— Зачем такой пессимизм, Михаил Васильевич? Наступление должно стать победным.

— Победным оно не будет, глубокоуважаемые господа министры. Но то, что оно потянет за собой государство в бездну, это ясно по состоянию армии и столицы сегодняшнего дня. Возврата назад уже не будет. И виновны в этом будем все мы с вами.

— Куда же тогда смотрят генералы? Ведь высшая власть в армии, на фронте доверена им? Да еще комиссарам Временного правительства.

— Генералы делают все возможное и невозможное для оздоровления армии. Этому отдаются сейчас все наши силы и помыслы.

— Михаил Васильевич. У России теперь новый военный министр. Он вдохнет боевой дух в армию.

— Мы надеемся, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь фронтовому командованию оздоровить армию. Но этого сейчас недостаточно.

— Что еще вы хотите нам сказать как Верховный?

— Генералитету в деле оздоровления армии должны сегодня помочь те, кто разлагал войска своими революционными приказами и директивами. Наши российские политические деятели из Государственной думы. Те люди, которые после свержения монархии встали у власти в России. Надо предельно четко разъяснить войскам, сидящим четвертый год в окопах, суть приказов и директив о завтрашнем наступлении.

— А разве указаний Временного правительства по подготовке наступления для армии недостаточно?

— Я считаю, что совершенно недостаточно.

— Почему у вас сложилось такое мнение?

— Кабинет министров не знает, что армия — это организм хрупкий.

— Армия — хрупкий организм?!

— Точно так, глубокоуважаемые господа министры. В армии, особенно на фронте, должна быть исключительно твердая власть.

— Но она же, Михаил Васильевич, в ваших руках.

— Никак нет. Ее теперь успешно оспаривают всякие местные советы, особенно Петроградский. Один его приказ за номером первым чего стоит.

— Этот приказ Петроградского совета правительство сегодня не в состоянии отменить.

— Нам в Ставке это видно. Но знайте одно: мешать генералитету издавать боевые приказы никто не должен. Война — это не игра в столичный парламентаризм.

— Почему так категорично?

— Потому что в боях с германцами и австрийцами умирают не в Петрограде, а на фронтах.

— Михаил Васильевич, вы осознаете то, что возложило на вас и прибывших с вами главнокомандующих фронтов Отечество?

— Могу вас всех заверить, что мы отдаем себя Родине с первого дня Великой войны. Это наш долг перед Россией.

— Тогда почему положение дел в армии становится все хуже и хуже? Почему она не может наступать, как того требуют от нас союзники?

— Причина в здоровье армии. Ее здоровье зависит от состояния страны.

— Но мы напоминаем: вы и ваши военачальники обличены правительственным доверием. Доверием Государственной думы. Доверием, наконец, всего народа, сбросившего династию Романовых.

— Тогда не надо вмешиваться в планы Ставки. Если мы, в том числе и я, как Верховный главнокомандующий, виновны, то предавайте нас суду.

— Михаил Васильевич! Ну зачем же нам бросаться в такую крайность.

— Хочу сказать от присутствующих глав фронтов следующее. Материальные недостатки войска переживут. Как то было не раз и раньше. Духовные же требуют немедленного лечения.

— Правительство сделает все от него возможное для оздоровления армии. Заверяем вас в этом и я, и военный министр Александр Федорович.

— И я желаю того же. Как и прибывшие со мной в столицу генералы.

— Так чего же вы еще опасаетесь?

— Скажу, как человек военный. Хочу предупредить всех здесь собравшихся, что если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то потеряем престиж в международных делах. И дело здесь не только в отношении Антанты к новой России.

— Вы имеете в виду швейцарские депеши о Японии?

— Если бы, глубокоуважаемые господа министры, иметь в виду только это...

На том совещании у князя Львова выступили все генералы. И прежде всего главнокомандующие фронтов. Они поддержали Алексеева. Некоторые выступали с еще более резкими суждениями, поскольку армия, сидевшая в окопах, «разваливалась» на глазах.

После обеда совещание продолжилось. Оно шло до одиннадцати часов вечера. Только теперь говорили Львов, Керенский, Церетели. Генералы сидели с мрачными лицами. Им было ясно одно: ситуацией в разбушевавшейся России «временные» министры явно не владели и изменить ее ход в нужном русле не могли.

На следующий день Алексеев и главнокомандующие фронтов прибыли в Мариинский дворец. Послушать их собрались все те же министры, часть членов Государственной думы и многие депутаты Петроградского Совета. Последние в своем большинстве представляли резервные части столичного гарнизона и мало симпатизировали фронтovому генералитету.

Удивляться этому не приходилось. Алексеев и без того знал, что более распропагандированного и революционизированного гарнизона в России, чем столичный, нет. Не считая, разумеется, Кронштадта на Балтике.

Но это было еще не все. 7 мая в Могилеве открылся нашумевший своими решениями Всероссийский съезд офи-

церов армии и флота. В его работе участвовали 298 делегатов, из которых 241 человек были фронтовыми офицерами и только 57 от тыловых гарнизонов. Присутствовали делегаты и от нижних чинов, но с правом только совещательно-го голоса. От них на съезде с речью выступил солдат по фамилии Руттер.

Союз офицеров армии и флота создавался как профессиональное объединение. Благо Временное правительство сразу же признало право граждан России объединяться в свободные союзы. Поэтому в самое короткое время их возникло множество: союзы общественных деятелей, ветеринаров, носильщиков, учителей, домашней прислуги и... проституток.

Съезд почти единодушно проголосовал за поддержку Временного правительства, за продолжение войны, за решительное наступление, за ограничение деятельности войсковых комитетов, которые оспаривали уставную власть у командиров-единоначальников.

Едва ли не самым ярким событием на Всероссийском съезде офицеров армии и флота стало выступление Верховного главнокомандующего России генерала Алексеева. Он произнес поистине пламенную речь, вложив в нее все, что накопело у него на сердце за последние два-три месяца:

— В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: «Отечество в опасности». Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто читаем старую летопись о днях давно минувших и не вдумываемся в грозный смысл этой фразы.

Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она рухнет.

Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупить утопической фразой: «Мир без аннексий и контрибуций». Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат, на Волынь, Подолию, Киевскую землю, на весь правый берег Днепра.

А мы на что? Разве мы не вышвырнем врага из нашей страны, а уже потом предоставим дипломатам заключить мир с аннексией или без аннексии?

Будем откровенны: упал воинский дух русской армии. Еще вчера грозная и могучая она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя верность Родине сменилась стремлением к миру и покою.

Где та сильная власть, которая заставила бы каждого гражданина выполнять долг перед Родиной?

Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями Русской армии, офицерами и солдатами.

И вот, в такие минуты собрался первый съезд офицеров Русской армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье, чтобы общая дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва нет победы, без победы — нет спасения, нет России...

Согрейте же ваш труд любовью к Родине и сердечным расположением к солдату, наметьте пути, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того чтобы они сделались искренними и сердечными вашими товарищами!

Устраните ту рознь, которая искусственно посеяна в нашей семье. В настоящее время — это общая болезнь.

Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо спасти ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе...

Речь генерала Алексеева вызвала бурную реакцию зала. Она не раз прерывалась шквалом аплодисментов. Михаил Васильевич видел, что в Русской армии офицерство не меньше него озабочено развалом военной силы государства. И что оно готово и дальше переносить все тяготы фронтовой жизни во имя побед на полях брани.

Выступление Верховного главнокомандующего на первом Всероссийском съезде офицеров армии и флота в пра-

вительственных кругах расценили как открытое выступление против «временных».

Левые партии социалистического толка признали речь генерала Алексеева как контрреволюционную, направленную против «народных завоеваний».

Советы, в первую очередь Петроградский (фактически второй правительственный орган в стране), увидели в выступлении главного человека в действующей армии попытку ограничить их реальную власть на местах.

Своим публичным выступлением перед делегатами офицерства Русской армии и флота Михаил Васильевич Алексеев в одночасье стал неугоден многим. Более того, не просто неугоден, а откровенно опасен.

Уже на следующий день в печати началась неприкрытая травля Верховного главнокомандующего России. Как только ни называли его на первых страницах сперва столичных, а потом и губернских газет:

- Бунтовщик!..
- Монархист! Романовец!..
- Продавшийся Антанте!..
- Враг Временного правительства номер один!..
- Противник свободной России!..
- Контрреволюционер!..
- Враг революционного народа!..

«Взялся» за строптивого и теперь неугодного правительству Верховного и военный министр Керенский. Ему и было предоставлено слово о деле генерала Алексеева на ближайшем заседании Совета министров, проходившем за закрытыми дверями:

— Алексеева надо снимать с должности Верховного. Он опасен как монархист и контрреволюционер. На офицерском съезде он назвал Временное правительство лишенным власти.

— Но если генерала отправить за его речь в полную отставку, то тогда может возмутиться армия. Прежде всего выступит офицерство, затем, возможно, и генералитет. И особенно на фронте.

— Можно сделать так, чтобы заслуженного военного не отправлять явно в отставку.

— Каким образом, Александр Федорович?
— Очень просто. Мною подготовлен проект постановления о назначении генерала Алексеева главным военным советником при Временном правительстве.

— Блестящая идея.

— Алексей вроде бы будет у правительственной власти, но лишенным власти над армией.

— А кого тогда ставить на должность Верховного главнокомандующего?

— Кандидатура уже есть. Я считаю, что выбранная мною кандидатура вполне достойная и авторитетная для армии и страны. Это генерал Брусилов с Юго-Западного фронта. Он прекрасный стратег.

— Тогда ставьте его назначение на голосование...

Новым Верховным главнокомандующим России в Первой мировой войне генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов был назначен в ночь на 22 мая.

Телеграмма о его назначении пришла в Могилев из столицы в ту же ночь. Только-только уснувшего на походной железной кровати Алексеева разбудил первый генерал-квартирмейстер Ставки Юзефович. Он имел такое право только в экстренных случаях:

— Что-то случилось, Яков Давыдович? Неприятель начал операцию? Где? На каком фронте?

— Хуже, Михаил Васильевич. Из Петрограда на ваше имя поступила срочная правительственная телеграмма за подписью военного министра Керенского.

— Что в ней?

— Вы отстраняетесь с сегодняшнего дня от должности Верховного и заменяетесь генералом Брусиловым.

— Значит, меня отправляют в полную отставку?

— Не совсем так, Михаил Васильевич. Вам определена новая должность.

— Какая именно?

— Главным военным советником при Временном правительстве. Вам приказано срочно прибыть в Петроград.

Алексеев, человек уже преклонного возраста, был потрясен известием до глубины души. Из глаз его потекли

слезы. Вертя в руках телеграмму, он с горечью сказал Юзефовичу:

— Какие мерзавцы, Яков Давыдович, эти временные. Рассчитали меня как прислугу. — С минуту помолчав, добавил: — А я ведь служу не им, а России...

Так со сцены Первой мировой войны, пусть временно, сошел полководец, обладавший несомненным стратегическим мышлением. Можно спорить о том, была ли его лояльность к Временному правительству добродетелью или недостатком. Во всяком случае, она решила судьбу Верховного главнокомандующего, третьего в России по счету за четыре военных года.

Правда, военному министру Керенскому пришлось публично доказывать обоснованность снятия генерала Алексеева с поста главы Ставки. На заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов ему задали вопрос:

— Скажите, товарищ военный министр, как Временное правительство реагирует на контрреволюционную речь генерала Алексеева на офицерском съезде?

— Генерал Алексеев уволен из Ставки и определен на должность военного советника при правительстве.

— Чем руководствовались при этом Временное правительство?

— Оно придерживалось принципа ответственности военного руководителя за свои слова и действия.

— Тогда скажите нам прямо, бывший Верховный явный контрреволюционер? Или нет?

— Алексеев боевой генерал и политикой не занимается. Он просто не понимает, какие исторические процессы идут в новой, свободной России.

— Почему?

— Потому что он человек старой формации. Он еще не осознал все величие республиканской России...

Печать уделила немалое внимание смене первого человека в могилевской Ставке. Так, в газете «Петроградские ведомости» говорилось следующее:

«...Несмотря на естественную усталость генерала

Алексеева и необходимость отдохнуть от напряженных трудов, было признано все же невозможным лишиться столь ценного сотрудника, исключительно опытного и талантливого руководителя, почему он и назначен ныне в распоряжение Временного правительства...»

Как Верховный главнокомандующий, Алексеев обладал правом проститься с Русской армией в последнем своем приказе. Там были такие слова:

«...Почти три года вместе с вами я шел по тернистому пути Русской армии к военной славе. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в Промысел Божий, в высокое призвание русского народа, в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру. Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родную землю.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего главнокомандующего.

Не поминайте лихом!

Генерал Алексеев».

В Ставке состоялся прощальный вечер. Михаил Васильевич услышал немало добрых слов в свой адрес от сослуживцев. Говорили о его деятельности, желали «не потеряться» на новой должности. Зачитали традиционный прощальный адрес:

«Ваше имя всегда останется чистым и незапятнанным, как неутомимого труженика, отдавшего всего себя делу служения родной армии...»

На темном фоне прошлого и разрухи настоящего Вы находили в себе гражданское мужество прямо и честно идти против произвола, восставать против лжи, лести, угодничества, бороться с анархией в стране и с развалом в рядах ее защитников...»

Прибыв в Петроград, генерал Алексеев счел первым делом представиться в новой должности военному министру Керенскому. Тот встретил его, как говорится, с распростертыми объятиями:

– Михаил Васильевич. Очень рад вас, боевого и уважаемого генерала, видеть в столице.

– И я тоже рад видеть вас, Александр Федорович. Теперь нахожусь в вашем прямом подчинении.

– Что уж вы так. Вы не мой главный военный советник, а Временного правительства.

– Когда мне будет приказано приступить к исполнению служебных обязанностей?

– Торопиться пока не надо. Врачи сказали, что настаивают на вашем лечении.

– Лечь в больничную постель, когда идет война? Это, Александр Федорович, не для меня.

– Тогда, Михаил Васильевич, давайте пойдем на компромисс. Вы будете, сколько надо, находиться под наблюдением врачей. И одновременно консультировать членов правительственного кабинета как его главный военный советник.

– Что ж, на таких условиях я согласен немножко подлечиться.

– Как ваша семья? Где она сейчас?

– Они уже здесь, в Петрограде. Квартиру сняли...

Алексеев не принимал участия в подготовке наступательной операции на Русском фронте, в разработке ее оперативного плана. Он давал только отдельные советы министрам да переписывался с генерал-лейтенантом Деникиным, который стал главнокомандующим армиями Западного фронта.

Наступление внешне выглядело масштабным. Только подготовка к нему свелась в основном к поднятию духа солдат, что и делалось под руководством правительственных комиссаров.

Двухдневная артиллерийская подготовка операции завершилась 18 июня. В этот день в наступление перешли 7-я и 11-я, а спустя три дня и 8-я армии Юго-Западного фронта. Австрийцы дрогнули под натиском русских, однако повторить Брусиловский прорыв фронту не удалось.

С Французского фронта на Восточный было быстро переброшено по железным дорогам 11 полнокровных дивизий. Немецкие войска нанесли сильный контрудар и выправили становившееся критическим положение.

Войскам Юго-Западного фронта пришлось начать отход. 9 июля в наступление перешел Западный фронт, но оперативного развития оно не получило.

Внимательно следивший по многочисленным фронтовым корреспонденциям в столичных газетах за ходом операции Алексеев мог только резюмировать:

– Разве можно бросать в атаку корпуса и дивизии, не взломав пушечными залпами оборону противника...

– В газетах пишут, что наша артиллерия не разрушила даже первой линии окопов, проволочные заграждения перед ней...

– Почему мы опять притягиваем на себя ударные дивизии германцев? Ради союзников, которые отказывают нам в размещении у них заказов на снаряды?..

Летнее наступление русских армий в 1917 году завершилось невиданным происшествием. 10 июля пошли в атаку подки 5-й армии Северного фронта. Они «лихо» взяли приступом первую линию вражеских окопов, но затем наотрез отказались идти дальше и вернулись в свои траншеи. Германцы даже не сразу сообразили в чем дело.

Временное правительство забило в колокола. Керенский предложил Верховному главнокомандующему генералу Брусилову создать в Могилеве чрезвычайное совещание. Цель совещания была следующей: требовалось определить направления военной политики России на ближайшее будущее. Или, иначе говоря, как вывести армию и флот из охватившего их кризиса.

В Ставку прибыли вместе с Керенским министр иностранных дел Терещенко, главные военные советники Временного правительства генералы Алексеев и Рузский, главнокомандующие армиями Северного и Западного фронтов генералы Клембовский и Деникин, командующий Балтийским флотом адмирал Максимов, полевой инспектор инженерной части генерал Величко, комиссар Юго-Западного фронта небезызвестный Борис Савинков, другие должностные лица.

В Могилеве их встречали Брусилов и его начальник штаба Лукомский, генерал-квартирмейстеры Ставки Романовский и Марков. Последние отвечали за организацию столь представительного совещания.

Доклад о состоянии дел на фронте, проведении наступательной операции делал Брусилов. Закончив выступление, он стал отвечать на вопросы. Министр-председатель Керенский, поднявшись со стула, привычно принял «позу Бонапарта»:

– Алексей Алексеевич, чем вы руководствовались при подготовке наступления?

– Чтобы соблюсти секретность подготовки операции, я и мой штаб ограничились кругом лиц, знавших о деталях плана наступления.

– Все же я хочу знать, чьими советами вы руководствовались?

– В основу распоряжений Ставки легли советы генерала Алексева Михаила Васильевича. Сделанные им ранее указания по подготовке к новой военной кампании коренным изменениям нами не подвергались.

– Тогда я могу выразить главному военному советнику от имени Временного правительства большую признательность за труды...

Тон совещания изменился, когда Керенский попросил высказаться главнокомандующих армиями фронтов:

– Господа генералы, начальники фронтов. Нам надо определиться в дальнейшей военной политике, чтобы Русская армия шла в ногу с Антантой. Кто хочет выступить первым?

Слово взял генерал Деникин, только-только назначенный главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Его речь на том совещании стала просто «легендарной»:

— У нас нет армии в полном понимании этого слова! Институт комиссаров в армии недопустим, войсковые комитеты только дискредитируют власть начальников...

В развале армии во многом виновно правительство. Оно своим попустительством все время позволяло прессе и агентам большевиков оскорблять корпус офицеров, выставлять их какими-то опричниками, врагами солдат и народа. Своим отношением правительство превращает офицеров в париев...

Те, кто сваливают всю вину в развале армии на большевиков, лгут! Прежде всего виноваты те, которые углубляли революцию. Один из них вы, господин Керенский! Большевики только черви, которые завелись в ране, нанесенной армии другими...

По сумрачным лицам собравших на совещание фронтовых генералов, их молчаливому одобрению выступления Деникина, лидер «временных» увидел всю пропасть между армейскими верхами и правительством.

В своем дневнике Алексеев записал буквально следующее: *«Если можно так выразиться, Деникин был героем дня».*

Более конкретно высказался сам Керенский. Правда, сделал он это намного позже, в своих знаменитых мемуарах:

«Генерал Деникин впервые начертал программу реванша — эту музыку будущей военной реакции».

На том совещании Алексеев выступал дважды. В первом случае он связал проблему неблагополучия в армии и на флоте с дисциплиной, состоянием армейских тылов. Во втором случае попросил слова, когда стало обсуждаться стратегическое положение Русского фронта и возможность сдачи Петрограда германским войскам в случае их наступления:

— Для того, чтобы рассуждать о том, падет или не падет столица России, надо знать противника.

— Значит, вы считаете, Михаил Васильевич, что готовиться к эвакуации Петрограда нам не надо?

— Поход на Петроград сложен и в нынешней обстановке для германцев невозможен.

— Почему невозможен? Эту тему сегодня муссируют многие газеты за рубежом.

— Для того чтобы захватить Петроград, Германии на Восточном фронте надо иметь не менее четырех свободных армейских корпусов. И получить свободу маневра ими перед нашим носом.

— Но ведь угроза Петрограду остается?

— Это длительная операция. И немцы сегодня к ней на суше не готовы. А на море Петроград и Кронштадт защищены полями из многих тысяч мин. Возможность высадки противником морского десанта отпадает сразу.

— Тогда куда Берлин направит, на ваш взгляд, свой удар в нынешней кампании?

— Стратегическая ситуация на фронте позволяет сделать вывод, что немцы будут наступать в направлении Риги и Полоцка.

— Какие цели будут в таком случае преследоваться?

— Цели ясны. Первое — прорвать в одном из этих двух мест наш фронт. Второе — заставить русские войска отойти на восток от рубежа реки Западная Двина.

— А австрийцы где могут наступать?

— Они вряд ли нанесут удар по нашему Юго-Западному фронту. У них есть более лучший вариант наступательной операции на 17-й год: ударить по нам в Румынии.

Алексеев не ошибся в своих предположениях. В середине августа германские войска начали Рижскую операцию, обрушив на русские позиции такой шквал огня тяжелых орудий, который был сравним на Восточном фронте за всю войну только с делом под Горлицей. А на румынской земле в горах разыгралось Марэштэтское сражение...

Тем временем внутривосточная ситуация в стране накалялась. Участились забастовки и стачки, экономические лозунги все чаще смыкались с политическими. В деревнях происходил самовольный раздел помещичьих зе-

мель. В тех городах, в которых возникали Советы, власть Временного правительства зачастую становилась номинальной.

Волнения охватывали запасные части: целые полки отказывались выступать на фронт. Дезертирство стало принимать опасные размеры. Оно не коснулось только казачьих частей. Но и они перестали быть надежной опорой правительства при наведении порядка в стране: казаки отказывались выполнять роль полицейских стражников и тем более жандармерии.

Забастовки и стачки на железных дорогах стали первопричиной срыва подвоза хлеба в Петроград и ряд других промышленных центров. Рабочие оборонных заводов, особенно в столице, все чаще бойкотировали выполнение военных заказов.

Политик Керенский, «ловя момент», решил усидеть на посту министра-председателя при помощи сильной, авторитетной личности. А. А. Брусилов на посту Верховного главнокомандующего был заменен популярным в армии Л. Г. Корниловым.

Глава Временного правительства во всеуслышанье сказал о новом Верховном так:

— Наш Корнилов — первый солдат российской революции...

Популярный, особенно после бегства из австрийского плена, военачальник не был среди генералитета обычной личностью. Восхождение к вершинам военной власти Корнилова началось в ходе Февральской революции 1917 года. Император Николай II, по настоянию Родзянко, одновременно с отречением назначил командира 25-го корпуса Особой армии главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. В «знак благодарности» Лавр Георгиевич 7 марта, по распоряжению Керенского, «самолучно» посадил под домашний арест в Царском Селе императрицу Александру Федоровну.

Когда же генерал Корнилов предложил применять против забастовщиков и демонстрантов военную силу (как делалось, например, в демократической Франции), Времен-

ное правительство испугалось «быть сильным». Сразу же созрел конфликт Корнилова с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Боевому генералу-фронтовику пришлось подать в отставку. Не получил он и должность главнокомандующего армиями Северного фронта, которую ему предложил военный министр Гучков. Причина крылась в том, что этому воспротивился Алексеев. Свою позицию Михаил Васильевич объяснил главе Военного министерства так:

— Генерал Корнилов, вне всякого сомнения, боевой военачальник, популярный в армии. Но возглавить фронт он не может сразу по нескольким причинам.

— Каким причинам?

— Главная в том, что Корнилов не имеет достаточного командного стажа.

— Но он же едва ли не с первых дней войны на фронте?!

— Это действительно так. Но командовать ему пришлось только 48-й пехотной дивизией, прекрасно зарекомендовавшей себя в боях в Карпатских горах. Корпусом командовал меньше полгода. А армией — ни единого дня.

— А какие другие причины?

— Назначение Корнилова может вызвать неудовольствие генералитета армии и неудобство для правительства в общении с высшим командным составом.

— Почему, Михаил Васильевич?

— А потому, что своим назначением генерал Корнилов обойдет старых, более заслуженных кандидатов на эту должность.

— Значит, вы советуете не настаивать на назначении Корнилова на Северный фронт?

— Александр Иванович. Такой отказ пойдет только на пользу душевного состояния высшего генералитета. Люди там самолюбивы и ревнивы к успехам друг друга.

— Согласен. С такими вещами на войне надо считаться...

Корнилов назначается командующим прославленной «брусиловской» 8-й армией Юго-Западного фронта. Три ее корпуса сражались на реке Днестр и в Западнестровье, а еще три — в Буковинских Карпатах. В июньском наступлении

ее 12-й корпус генерала В. А. Черемисова прорвал фронт австро-венгров и с боями овладел городами Галич и Калуш. Однако после этого войска отказались сражаться и началось отступление. Но за одержанные армией победы Корнилов был произведен в генералы от инфантерии.

10 июля он назначается главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, сменив уволенного Временным правительством генерала А. Е. Гутора, впоследствии служившего в Красной армии и репрессированного в 1938 году.

Свое начальство над фронтом Корнилов начал с исключительно «крутой» меры. Он направил в адрес Временного правительства телеграмму, в которой требовал введения смертной казни и «учреждения военно-полевых судов на театре военных действий». Только такой мерой, считал генерал Корнилов, можно было приостановить разложение армии. В случае отказа правительства вся ответственность за «душевное» состояние армии возлагалось им на «временных». В столице от такой корниловской телеграммы пришли в замешательство.

Лавр Георгиевич «позировать» перед Петроградом и фронтом не собирался. В тот же день, не получив ответа из столицы, он приказал в случае самовольного оставления войсками занимаемых позиций против них «применять пулеметы и артиллерию». Или, иначе говоря, попросту расстреливать за невыполнение боевых приказов и отсутствие стойкости в бою. Задача наведения порядка ставилась перед создаваемыми по приказанию Корнилова ударными батальонами. Они формировались из «наиболее крепких и дисциплинированных бойцов».

Только 17 июля министр-председатель Керенский одобрил предложения Корнилова. На Русском фронте вводилась исключительная мера наказания — смертная казнь. И хотя распространения она, как и военно-полевые суды, не получила, в армии почувствовали «жесткую руку». Однако возмутились не на фронте, а в «тылах»:

— Это же прямая угроза демократии!..

— Почему не выполняется постановление за номером один Петроградского совета?!.

— Корниловщина грозит свободной России!..

— Он враг республике!

Тем временем Мировая война продолжалась. Под давлением неприятеля Корнилов, при всей своей решительности, все же был вынужден отдать приказ армиям фронта об отходе на линию государственной границы. Русские войска откатились за реку Збруч, где начали закрепляться.

Однако Корнилов не зря слыл боевым генералом. После неудачи наступательной операции он приказал войскам фронта готовиться к новому контрудару. Жаль возглавить его Лавру Георгиевичу не пришлось: последовал указ Временного правительства о назначении его Верховным главнокомандующим России.

Корнилов своей решительностью удивил даже Алексева. В первые же дни своего пребывания в Ставке Лавр Георгиевич предложил Временному правительству собственную программу внешнеполитической стабилизации положения. Он предложил создать «армию в окопах, армию в тылу и армию железнодорожников». На что Керенский, юрист по образованию, воскликнул перед своими «временными»:

— Это же предложение обратиться к диктатуре!..

Суть корниловского предложения о создании трех армий (в окопах, тылу и железнодорожников) уловили тогда многие государственные и военные деятели. Естественно, из числа здравомыслящих. Так, Родзянко резюмировал следующее:

— Только армия дисциплинированных работников железных дорог спасет Отечество от развала промышленности, а его столицы — от введения хлебных пайков...

...Уже первые дни пребывания Корнилова в Ставке встревожили многих. В губернаторский дом в Могилеве, где работал новый Верховный главнокомандующий, началось настоящее паломничество. Но теперь это были не думские политики, а люди решительных, радикальных действий и поступков. Среди них все больше становилось людей в военной форме, и не в генеральских и адмиральских погонах.

Это были люди, не равнодушные к все усиливающемуся процессу развала Русской армии и российской государственности. Корнилова сразу же поддержали Союз офицеров армии и флота, Союз казачьих войск и Союз георгиевских кавалеров. Это были организации фронтового воинства. И за каждой из них стояла немалая реальная военная сила в лице их членов.

В Ставку пошел поток приветственных телеграмм на имя генерала Корнилова, который только-только вступил в должность Верховного главнокомандующего. Следующую телеграмму прислал ему думский деятель Родзянко:

«Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя Русской армии...»

В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой. Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России.

Верящий в Вас Родзянко».

Заинтересовался личностью Корнилова и Борис Савинков. Министр-председатель Керенский попытался приблизить известного террориста-социалиста к себе, доверив ему пост управляющего делами Военного министерства. В Могилев тот прибыл 24 августа и имел доверительную беседу с новым Верховным главнокомандующим:

— Лавр Георгиевич, мне поручено Керенским лично ознакомить вас, как военного вождя Русской армии, с проектами новых государственных законов.

— Как я понимаю, Борис Викторович, они касаются наведения порядка в воюющей стране?

— Вы не ошиблись. Речь идет о решении Керенского объявить в Петрограде и окрестностях столицы военного положения.

— Что хочет услышать от меня Александр Федорович?

— Он хочет знать откровенное мнение боевого генерала, которому доверяет фронтовая армия.

— Борис Викторович, передайте в столице следующее. Я готов всемерно поддержать Керенского, если это нужно для блага Отечества.

— Это то самое, что хотел услышать от вас Александр Федорович в час испытаний. Благодарю вас за прямоту...

Но это был еще не весь разговор между Савинковым и Корниловым. Первый в записке в следственную комиссию по делу о «корниловском мятеже» сообщил, что смещенный со своего поста и арестованный ныне Верховный главнокомандующий выразил лично ему и такие свои «политические пожелания»:

— В будущем Керенский не должен вмешиваться в мои дела...

— Нужно, чтобы в состав Временного правительства вошли Алексеев, Плеханов, Аргунов...

Однако Керенский испугался собственных планов наведения порядка в Петрограде. Александр Федорович в своем окружении с горечью и тоской говорил:

— Мне трудно потому, что я борюсь с большевиками левыми и большевиками правыми, а от меня требуют, чтобы я опирался на тех и других... Я хочу в политическом потоке идти посередине, не кидаясь в стороны... Мне кажется, что власть реальная у Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. А у меня — всего лишь власть формальная.

То, что Временное правительство является властью без силы, знал и оставшийся не у дел генерал Алексеев. Он одобрил смену Верховных, надеясь на способность Корнилова навести порядок сперва на фронте, а затем в тылах. Но вряд ли Михаил Васильевич смог спрогнозировать дальнейшее развитие событий в Ставке и Петрограде.

Корнилов пошел в тех событиях на самую крайность. Он решил ввести в бунтующей России военную диктатуру, возложив верховную власть на главу Ставки. То есть на себя.

Можно представить себе выражение лица Керенского, когда вернувшийся из Могилева думский делегат князь Львов, бывший первым главой Временного правительства, докладывал министру-председателю:

— Генерал Корнилов изложил мне для передачи вам,

Александр Федорович, свои самые категорические требования.

– Какие категорические требования, Георгий Евгеньевич?

– Первое. Генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении.

– Разумное требование. Здесь я согласен: пора наводить порядок в столице и петроградском гарнизоне.

– Но, Александр Федорович, послушайте второе требование. Корнилов требует передать всю власть гражданскую и военную в руки Верховного главнокомандующего.

– В чьи руки?

– В руки самого Корнилова.

– Что он еще хочет?

– Третье: отставки всех министров, не исключая и вас. И передать временное управление министерствами товарищам (заместителям – А. Ш.) министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим.

– Так это же мятеж. Контрреволюционный. Антиправительственный.

– Хуже, Александр Федорович. Генерал Корнилов рвется в военные диктаторы...

Утром 27 августа генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корнилов во всех экстренных выпусках столичных газет назывался государственным изменником. От имени Керенского командующие армиями фронтов получили самое категорическое приказание:

«Никаких приказов генерала Корнилова о движении к Петрограду фронтовых войск не исполнять...»

Сосредоточение 3-го конного корпуса под столицей больше напоминало провалившуюся с самого начала не военную, а политическую авантюру. Корпусной начальник генерал А. М. Крымов, осознавший это, по прибытии в Петроград с «охранным документом» на руках застрелился. Самоубийство он совершил уже после того, как вопрос о смене руководства Ставки Керенским был решен.

Теперь Керенский и «временные» торопились покончить с могилевской Ставкой, в которой все еще пребывал мятежный Корнилов в окружении верных ему людей и послушного его воле гарнизона. В Петрограде спешно решали, кому поручить такую деликатную миссию. Выбор пал на генерала Алексеева, пребывавшего в те дни на берегах Невы:

– Только Михаил Васильевич сможет арестовать Корнилова.

– Только ему подчинятся при аресте корниловцы...

Керенский объявляет себя Верховным главнокомандующим. Алексееву приказывается немедленно прибыть в Ставку и принять должность начальника ее штаба. То есть принять дела у предшественника, генерал-лейтенанта Лукомского, одного из ближайших единомышленников Корнилова. Не раздумывая, Михаил Васильевич согласился вновь стать во главе штаба Ставки.

Из Петрограда в Ставку, в штабы фронтов и флотов отправляются соответствующие телеграммы. В два часа ночи 30 августа состоялся телефонный разговор между Алексеевым и Корниловым:

– Лавр Георгиевич, здравствуйте.

– Рад вас слышать, Михаил Васильевич.

– Вы получили телеграммы о новых назначениях?

– Генерал Лукомский уже доложил мне о них. Что вас заставило стать начальником штаба у Керенского?

– Что делать. После тяжелой внутренней борьбы принял на свою седую голову бесчестие. Но кто-то же должен заботиться об армии, которая на глазах теряет свою силу.

– Я вас понимаю, Михаил Васильевич. Но переход к новому управлению в Ставке чреват осложнениями.

– Надеюсь, что такой переход совершится безболезненно для фронта...

31 августа, глубокой ночью, прибыв в Витебск, Алексеев дозвонился до Ставки, пригласив к аппарату человека, которого он ехал менять, – генерал-лейтенанта Лукомского. Разговор получился долгим:

«...Алексеев:

Циркулирующие сплетни и слухи окутывают туманом положение дел, а главное, вызывают недоумение некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда оттуда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне на два вопроса.

Лукомский:

Я готов на них ответить, поскольку обладаю на то полномочиями генерала Корнилова.

Алексеев:

Первый – считаете ли вы, Александр Сергеевич, что я следую в Могилев с определенным служебным положением, или же только для переговоров?

Лукомский:

Вопрос ваш мне понятен. Какой будет, Михаил Васильевич, второй вопрос?

Алексеев:

Второй вопрос – предполагаете ли вы, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев 1 или 2 сентября следственной комиссией под председательством главного военно-морского прокурора? От этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себе быть простым свидетелем тех событий, которые подготавливаются распоряжениями и которых безусловно нужно избежать.

Лукомский:

Сегодня вечером генерал Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас, как на лицо, предназначенное на должность наштаверха, и предполагал после разговора с вами, ознакомления с рядом документов дать вам свое окончательное решение.

Алексеев:

А ваше собственное решение, Александр Сергеевич, как начальника штаба Ставки, отстраняемого от должности?

Лукомский:

Я убежден, что ради того, чтобы не прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких-либо неисправимых несчастий, вам, Михаил Васи-

льевич, не будет чиниться никаких препятствий по оперативным распоряжениям.

Алексеев:

Благодарю за откровенность. После тяжелого размышления я, как вы понимаете, вынужден был силой обстоятельств принять назначение, во избежание других решений, которые могли бы отразиться на армии.

Лукомский:

Михаил Васильевич, мы с генералом Корниловым понимаем, что иного решения вы принять просто не могли.

Алексеев:

Повторяю. В решении этом я руководствовался только военной обстановкой, не принимая во внимание других соображений. Но теперь возникает вопрос существенной важности: прибыть в Могилев только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другой волею, невозможно. С прибытием в Могилев я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни армии или совсем не должен принимать должности.

Лукомский:

Что же вас смущает в такой ситуации по прибытии в Ставку?

Алексеев:

В том, что я вам только что сказал, нельзя допустить никакой неясности и недоговоренности. Это может повлечь за собой непоправимые последствия.

Лукомский:

Для получения мне вполне определенного ответа от генерала Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: что делается с Крымовым и решено ли направить сюда что-либо для ликвидации кризиса?

Алексеев:

Я задержал сегодня свой отъезд, чтобы дожидаться приезда генерала Крымова в Петроград. Видел его и разговаривал с ним. По пути видел бригадных командиров Туземной дивизии и читал записку, присланную им от генерала

Крымова. Записка говорит об отводе дивизии в район станции Дно и о прибытии командиров дивизий и бригадных командиров в Петроград.

Лукомский:

А что вы можете, Михаил Васильевич, сказать по поводу возможных силовых действий против Ставки?

Алексеев:

На ваш второй вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил новому Верховному, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей начальника штаба Ставки. И что при других условиях мое пребывание в Могилеве и недостойно, и недопустимо.

Лукомский:

От имени генерала Корнилова и от себя лично настаиваю, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов в Могилев не вводились и к нему не подводились.

Алексеев:

Это я вам авторитетно обещаю как полномочный на сегодняшний день руководитель армии.

Лукомский:

Со своей стороны, мы с генералом Корниловым примем все необходимые меры, чтобы никаких волнений в гарнизоне Могилева не было...»

После разговора с начальником штаба Ставки Алексеев попросил к аппарату хорошо знакомого ему полковника Пронина, члена Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Разговор начался со следующего вопроса:

Пронин:

Как быть главному комитету и какой позиции держаться? Как вам известно, Союз офицеров до последней минуты шел по тому пути, на который вы его благословили, и Главный комитет всегда поддерживал те требования, которые предъявлялись генералом Корниловым для устройства армии.

Алексеев:

В деле устройства армии все меры будут энергично поддерживаться и проводиться. Если в этом я потерплю неудачу, то сложу полномочия. Данная же минута требует особ-

ливого спокойствия и поддержания полного порядка, насколько это зависит и от деятельности Главного комитета. Рассчитываю скоро прибыть в Могилев.

Пронин:

Покорно благодарю. Смею добавить, что судьба Главного комитета и всего Союза офицеров всецело находится в ваших руках. Полковник Новосильцев (председатель Союза офицеров армии и флота. — А. Ш.) арестован и находится в Витебске.

Алексеев:

Поговорим в Могилеве. О полковнике Новосильцеве я знаю».

После этого телефонного разговора новый начальник штаба Ставки отбыл из Витебска по железной дороге в Могилев. Алексеев теперь знал точно: вооруженных эксцессов не будет...

Той же ночью генерал-лейтенант Лукомский доложил о ситуации изложенному Верховному генералу Корнилову:

— Что будем делать, Лавр Георгиевич? У нас есть верные войска — Славянский ударный полк, носящий ваше имя, Текинский конный, Георгиевский батальон. Можно быстро организовать офицерские и юнкерские отряды. Можно положиться на вольное казачество...

— Александр Сергеевич. Сейчас этого делать никак нельзя. Нельзя доводить дело до вооруженного сопротивления отряду, который прибудет сюда с генералом Алексеевым.

— А что же нам тогда делать?

— Дальнейшее сопротивление было бы глупо и преступно.

— Я вас понимаю.

— Пойдите на телеграф, заявите столице, что мы подчинимся генералу Алексееву. И сообщите, что ему в Ставке не угрожают никакие неприятности.

— Значит, Лавр Георгиевич, вы добровольно соглашаетесь на арест и суд военного трибунала?

— Соглашаюсь. В остальном, Александр Сергеевич, мы положимся на генерала Алексеева. Он, как вы знаете, не оставит нас в крайней беде. Идите на телеграф.

— Слушаюсь, ваше превосходительство...

Так 1 сентября Корнилов принял решение подчиниться судьбе. Он понял, что идея введения в России военной диктатуры Верховного главнокомандующего потерпела полное фиаско.

Алексеев прибыл в Ставку тем же утром. Настроение его было мрачным. По пути он узнал много тревожных вестей, суть которых сводилась к тому, что избежать прибытия войск, враждебных «корниловщине», в Могилев ему вряд ли удастся. На витебском вокзале поезд, на котором ехал Михаил Васильевич, встречали председатель Витебского совета Г. С. Аронсон и член совета Е. В. Тарле, в будущем известный советский историк. Они зашли в вагон и стали высказывать генералу свои опасения:

— Михаил Васильевич, мы как полномочные представители Витебского совета хотим предостеречь вас от военной опасности в Могилеве.

— Господа, никаких вооруженных эксцессов в Ставке не будет.

— Но там же Корнилов и верные ему войска.

— Ну и что из этого? Я согласен с Керенским по поводу поиска мирного выхода из возникшего конфликта. И буду этого добиваться. На это у меня есть полномочия правительства.

— Мирного выхода из конфликта с Корниловым?

— Да. Мне об этом лично сказал вчера сам Александр Федорович.

Аронсон и Тарле удивленно переглянулись. Потом они показали телеграмму за подписью Керенского на имя полковника Короткова с приказанием наступать на Могилев. Телеграмма была перехвачена Витебским советом:

— Смотрите, Михаил Васильевич. Вот прямой приказ Керенского начать боевые действия против корниловской Ставки.

— Не может быть такого.

— Как не может быть? По нашим данным отряд полковника Короткова сейчас находится уже на станции Лотва в двадцати километрах от Могилева.

— Надо его остановить немедленно. Русский солдат не будет стрелять в такого же, как и он, фронтовика...

Ошарашенный текстом телеграммы Алексеев не на шутку встревожился. В тот день он узнал много неожиданного. Оказалось, что Витебский и Смоленский гарнизонные комитеты собирали отряды для отправки их по железной дороге в «гнездо» корниловцев. В Оршанский железнодорожный узел прибыл по личному распоряжению Керенского сводный отряд под командованием полковника Короткова, о чем начальник штаба Верховного оповещен не был.

Уже в первые минуты пребывания Алексеева в могилевском штабе ему позвонил командующий Московским военным округом полковник А. И. Верховский, который через несколько дней сменит на посту военного министра Керенского:

— Сегодня выезжаю в Ставку с крупным вооруженным отрядом из войск московского гарнизона.

— Цель такой экспедиции, господин полковник?

— Верховный главнокомандующий требует немедленно ареста генералов Корнилова, Лукомского и других мятежных личностей...

В три часа дня Алексею из столицы позвонил уже сам Керенский.

— Михаил Васильевич, вами наведен порядок в Ставке? Было ли оказано сопротивление?

— Здесь все спокойно. Никаких эксцессов со стороны чинов Ставки и частей могилевского гарнизона.

— В это трудно поверить. Столичные газеты в своих экстренных выпусках продолжают пугать население военным мятежом генерала Корнилова.

— Все это вздор, выдуманный газетчиками. Александр Федорович, прошу помнить, что я принял на себя перед вами обязательство путем одних переговоров окончить дело. Мне не сделано было даже намек на то, что уже собираются войска для решительных действий против Могилева.

— Михаил Васильевич. Это инициатива Петроградского совета и их сторонников в Витебске и других тыловых го-

родах. Я как глава правительства дело до военного конфликта доводить не хочу.

— Тогда дайте мне полную свободу оперативной деятельности в объеме должности начальника штаба Ставки. Войну же Петроградский совет не отменял.

— Пока я нахожусь в Петрограде, считайте себя моим полномочным представителем на фронте...

С прибытием Алексеева в Могилев генерал Корнилов и его ближайшие сторонники из числа чинов Ставки были арестованы. Сопротивления они не оказали. Были проведены аресты и на фронте. Под стражу взяли весь наличный состав Главного комитета Союза офицеров армии и флота.

По приказу правительственного комиссара Юго-Западного фронта был арестован главнокомандующий генерал-лейтенант Деникин и его ближайшие помощники. Причиной ареста стала телеграмма Деникина в столицу Временному правительству, в которой он выражал полную солидарность с Корниловым и называл его увольнение непоправимым ударом по Русской армии.

2 сентября в Могилев из столицы прибыла Чрезвычайная следственная комиссия во главе с ее председателем — главным военно-морским прокурором Шабловским. Ему и полковникам Раупаху и Украинцеву поручалось допросить взятых под стражу «главных мятежников».

Арестованных разместили под двойным караулом в гостинице «Метрополь». Уже 5 сентября доклад по делу «мятежного генерала» Корнилова был готов.

Комиссия постановила, что дело Корнилова военно-революционному суду не подлежит. Пока решались вопросы процедурного характера, Временное правительство не на шутку встревожилось. Дальнейшее содержание арестованных в самом Могилеве виделось опасным.

Выход из положения нашел новый начальник штаба Ставки. Он предложил перевезти арестованных по железной дороге в городок Быхов, находившийся всего в 50 километрах к югу от Могилева. Так и было сделано. Корниловцев разместили в здании женской гимназии (бывшего

католического монастыря), никак не походившего на тюрьму.

Алексеев добился и того, что генерал Корнилов и его соратники оказались под «самой надежной» охраной. Ее составили три сотни и пулеметная команда Текинского конного полка, состоявшая из лично преданных Лавру Георгиевичу туркменских всадников и караула в 50 человек от Георгиевского батальона.

Иначе говоря, генерал Алексеев спас арестованных от реально угрожавшего им «революционного самосуда».

Между тем Антанты требовала все настойчивее и настойчивее от России продолжать войну до победного конца. Министру-председателю и Верховному главнокомандующему Керенскому приходилось лавировать «между» Парижем и Петроградским советом. После одного из совещаний, на котором среди людей военных присутствовало много гражданских чинов, он переговорил с глазу на глаз с начальником штаба Ставки:

— Михаил Васильевич, вы знакомы с новыми телеграммами в наш адрес из Парижа и Лондона?

— Знаком, Александр Федорович. Только мне не очень понятно, как они оказались на страницах столичных газет.

— Это требование революционной демократии. Тут мы с вами бессильны что-либо сделать.

— Плохо. В тех же газетах много пишется о делах на фронте, чего немецкой агентуре не следовало бы знать.

— Я подниму этот вопрос перед Петроградским советом.

— Можно ли отменить его приказ № 1?

— За этот приказ стоят едва ли не все социалистические партии. Особенно социал-демократы из большевиков. Этот вопрос нам не решить.

— Александр Федорович. С таким приказом на уровне государственного закона армии воевать крайне трудно. А флотам Балтийскому и Черноморскому совсем нельзя.

— Вы, Михаил Васильевич, умаляете революционный дух солдатских и матросских масс. Доложите мне: готова ли Россия начать наступление на фронте?

– Сложно ответить. Войска теряют свою боеспособность. Сегодня они пригодны только к обороне.

– Когда будет возможно наступление?

– Думаю, что не раньше чем через месяц или даже два. Надеюсь, что брожение на фронте уляжется в ходе боевой работы.

– Почему именно в ходе боевой работы? Я человек не военный, объясните, пожалуйста.

– Когда идут или ожидаются бои, войска живут ожиданиями опасностей и возможности совершить подвиги. У них просто не бывает времени на митинги.

– Но это и есть революционная демократия. Солдатские комитеты, комиссары Временного правительства вносят на фронт заметное успокоение.

– Не согласен с вами, Александр Федорович. Из фронтовых войск в штаб Ставки поступает информация совсем иного рода.

– Вы, Михаил Васильевич, можете познакомить меня с такими донесениями?

– Разумеется. Я обязан докладывать о них Верховному главнокомандующему.

– Тогда зачитайте мне наиболее тревожащий вас документ?

Алексеев в задумчивости перелистал документы в кожаной папке с надписью на обложке: «Для докладов его величеству Верховному главнокомандующему». Выбрал один и стал читать:

«Общее заключение о настроениях в войсках Западного фронта.

Мнение большинства начальствующих лиц сходится на том, что дисциплина в войсках упала; доверие между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились...

Почти все начальники указывают на то, что масса всякого рода литературы, хлынувшей в армию, в частности: «Известия», воззвания и приказы Советов рабочих и солдатских депутатов, приносят громадный вред, так как отвлекают части от боевого дела и расшатывают

их потому, что масса солдат во многом плохо разбирается, многое принимает на веру и усваивает из прочитанного лишь то, что ей в данный момент нравится...

...Дух новых дивизий несколько слабее, чем в старых коренных дивизиях; большая часть их пока пригодна лишь к обороне...»

– Михаил Васильевич, кто составил этот документ?

– Заключение подписал Генерального штаба подполковник Новиков из штаба Западного фронта.

– Вы доверяете подобным донесениям?

– Вполне, Александр Федорович. Хотя думается, что ситуация на самом деле еще хуже.

– Так как нам воевать сегодня? Подскажите мне, вашему Верховному?

– Воевать надо. Это наш долг союзника. Но пока мы можем проводить только частные наступательные операции. Штаб Ставки их уже готовит.

– Я, со своей стороны, постараюсь убедить солдатские массы и их комитеты в необходимости довести войну до победного конца...

Осенние частные наступательные операции, проведенные войсками, «преисполненными революционного духа», успеха не имели. Они обернулись большими потерями. Во многих случаях солдатские комитеты отменяли приказы о переходе в наступление и отстраняли командиров рот, батальонов, батарей и даже полков от командования.

Были случаи, как, например, под Ригой в Сибирских стрелковых полках, когда атакующие, взяв в едином порыве передовую вражескую позицию, бросали ее и уходили назад в свои окопы. По-боевому настроенное офицерство изгонялось из воинских частей как «контрреволюционное». Дезертирство превратилось в подлинное бедствие для фронтов, исключая разве что Кавказский и Румынский.

Начальник штаба Ставки пытался требовательными приказами заставить командиров всех степеней ужесточить борьбу с дезертирством. Из казаков и юнкеров создавались заградительные заставы, но и они не могли навести

порядок. Тревожило то обстоятельство, что все больше дезертиров покидало фронт с личным оружием. Они уходили в родные места теперь чаще не в одиночку, а группами.

На Русском фронте появилось такое явление, как братание нижних чинов с неприятелем — германцами и австрийцами. Братание шло под лозунгом «Долой войну!» Офицерство во многих случаях оказывалось не в состоянии удержать солдат в окопах. Алексеев потребовал, чтобы при таких попытках со стороны неприятеля применять оружие, вплоть до артиллерии.

Вот лишь некоторые выдержки из сводки о братании на фронте, составленной полковником Базаревским. Она стала «достоинством» правительственных комиссаров и чинов могилевской Ставки еще весной 1917 года:

«...5-я Армия.

22 апреля.

В районе д. Антоны (на свенцянском направлении, участок 137-й дивизии) партия немцев, пытавшихся вступить с нашими солдатами в разговоры, была разогнана огнем.

10-я Армия.

23 марта.

На участке Колодино—Стаховцы (к югу от оз. Нарочь, район 67-й дивизии, ныне входящей в 3-ю армию) партия немцев дважды выходила из своих окопов с белыми флагами и манила наших солдат к себе руками и шапками; оба раза немцы загонялись в свои окопы нашим ружейным и пулеметным огнем.

2 апреля.

На участке у д. Ушивцы (12 вер. к северо-востоку от Сморгони, участок 29-й дивизии XX корпуса) немцы обменялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16-го Мингрельского полка (1-я Кав. гренад. див. 2-го Кав. кор. у Сморгони) немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходящиеся сейчас же разогнаны нашим артиллерийским огнем.

27 апреля.

Около 15 часов на участке 81-й дивизии, на р. Березине,

близ д. Фурсы, из окопов противника вышли два немца и жажали белыми флагами. Огнем нашей артиллерии таковые были загнаны обратно в свои окопы.

29 апреля.

На участке Шалудьки—Кунава (2-я Кав. гренад. див. 2-го Кав. кор.) наши и немецкие солдаты пытались выйти друг другу навстречу, но огнем нашей легкой батареи и те и другие были разогнаны.

29 апреля.

В районе Сушково (участок 2-й Кавказской гренад. дивизии, к югу от Сморгони) наши солдаты и немцы пытались, выйдя из окопов, сблизиться, но были разогнаны несколькими выстрелами нашей легкой батареи.

30 апреля.

В районе Шелудьки—Кунава (участок 2-й Кав. гренад. див.) нашей батареей несколько раз разогнали немецкие и наши солдаты, пытавшиеся выходить из окопов.

12-я Армия.

14 марта.

Против острова, что восточнее Вевер, высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но, после обстрела нашим огнем, скрылся.

27 марта.

Западнее Икскюльского предмостного укрепления противник подбросил прокламации с выдержками из речи канцлера, произнесенной 16 марта, и пробовал заговорить с нами, но по нему был открыт огонь.

28 марта.

На участке 2-го Сибирского корпуса, близ реки Кеккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21-го корпуса в Икскюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдатских депутатов войти с ними в непосредственное сношение и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем.

29 марта.

На Приморском участке немцы пытались с отдельными людьми вступить в переговоры, но нашими солдата-

ми были приняты меры к прекращению этих попыток огнем. На фронте 21-го корпуса, у Иксюльского предмостного укрепления, немцы пытались вызвать наших солдат на переговоры, но после обстрела из окопов прекратили свои попытки.

30 марта.

Немцы пытались вступить в переговоры с нашими войсками на всем фронте 12-й армии, для чего выходили группами из окопов с белыми флагами, но нашим огнем загонялись обратно в свои окопы.

31 марта.

На фронте 43-го корпуса, на Приморском участке появилась партия немцев с белым флагом. На фронте 2-го Сибирского корпуса попытки противника войти в сношение с нашими войсками прекращались нашим огнем.

1 апреля.

На фронте 43-го корпуса, близ берега моря, к нашим окопам подошли 2 немца с целью вступить в переговоры, оба немца были захвачены. Во 2-м Сибирском корпусе немцы выходили с белыми флагами, желая вступить в переговоры, но нашим огнем были загнаны обратно в свои окопы.

25 апреля.

На участке 21-го корпуса 3 наших солдата 129-го полка сели в лодку, с тем чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно...»

...К осени 1917 года Русский фронт окончательно замер. В тревожном ожидании «замерла» и Ставка. Из Петрограда приходили телеграммы, которые свидетельствовали лишь об одном: Временное правительство теряло в столице и в стране последние позиции. Советы на местах брали гражданское управление в свои руки, изгоняя прежнюю администрацию. Полиции давно не было: ее заменили добровольцы-милиционеры. Но они не могли справиться с волной уголовных преступлений, которые творили выпущенные в ходе Февральской революции «жилыцы» российских тюрем.

Армейские, дивизионные, полковые и иные солдатские

комитеты принимали резолюцию за резолюцией, требуя смены Временного правительства или выражая ему политическое недоверие. На заводах организовывались отряды Красной гвардии, которые вооружались и проходили воинское обучение. Большевики во главе с Ульяновым-Лениным взяли курс на захват государственной власти. Союзниками их стали левые социалисты-революционеры и ряд небольших левых партий и групп.

В самой Ставке происходило малопонятное. Многие штабные чины перестали ходить на службу. Город Могилев и его гарнизон волновались: даже ночью перед губернаторским домом, где работал Алексеев, не расходилась толпа народа, в которой мелькали солдатские папки и фуражки.

Алексеев был вынужден обратиться за помощью в наведении порядка в городе к арестованному Корнилову. Тот собрал командиров гарнизонных полков и предупредил:

– Надо сохранять спокойствие среди ваших солдат. Я не хочу, чтобы пролилась хоть одна капля братской крови...

К середине сентября атмосфера в Ставке стала для ее начальника штаба невыносимой. Михаил Васильевич писал с горечью буквально следующее:

«Я сознаю свое бессилие восстановить в армии хоть тень прежней ее организации...»

Керенский рассыпается в любезностях по телефону и перлюстрирует мою корреспонденцию, комиссары препятствуют выполнению моих приказов, судьба Корнилова остается загадочной».

Видя нерешительность Керенского, Алексеев решил сам заняться вопросом о быховских узниках.

Он в очередной раз пробежался глазами по трем листам машинописного текста.

«Чины Ставки, арестованные в Могилеве

1. Генерал от инфантерии Корнилов Лавр Георгиевич. Верховный главнокомандующий.

2. Генерал-лейтенант Лукомский Александр Сергеевич. Начальник штаба Верховного главнокомандующего.

3. Генерал-майор Романовский Иван Павлович. Гене-

рал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего.

4. Генерал-майор Кисляков Владимир Николаевич. Помощник министра путей сообщения.

5. Капитан Брагин Александр Павлович. Заведующий типографией штаба Верховного главнокомандующего.

6. Без воинского звания. Аладьин Алексей Федорович. Член 1-й Государственной думы.

Главный комитет Союза офицеров Армии и Флота

7. Генерального штаба подполковник Пронин Василий Михайлович. Штаб-офицер управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. Товарищ председателя Главного комитета.

8. Подполковник Аракелов Г. М. Член Главного комитета.

9. Подполковник Аловский Д. М. 110-го пехотного полка. Член Главного комитета.

10. Генерального штаба подполковник Соотс Иван Георгиевич. Штаба IX армии. Член Главного комитета.

11. Подполковник Гринцевич Иван Иванович. Член Главного комитета.

12. Есаул Родионов Иван Александрович. Штаба Юго-Западного фронта. Член Главного комитета.

13. Генерального штаба капитан Ряснянский Сергей Николаевич. Штаба IX армии. Член Главного комитета.

14. Генерального штаба капитан Роженко Владимир Ефремович. Штаба V армии. Секретарь главного комитета.

15. Штабс-капитан Андерсен Н. Х. Член Главного комитета.

16. Штабс-капитан Чунихин Георгий Львович. Член Главного комитета.

17. Прапорщик Никитин Сергей Федорович. 6-го запасного Саперного батальона. Член Главного комитета.

18. Прапорщик Иванов Александр Владимирович. Штаба Верховного Главнокомандующего. Секретарь Главного комитета. Арестован за агитацию.

19. Корнет Сабоцкий.

Чины штаба Юго-Западного фронта, арестованные в городе Бердичеве

20. Генерал-лейтенант Деникин Антон Иванович. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

21. Генерал-майор Марков Сергей Леонидович. Начальник штаба Юго-Западного фронта.

22. Генерал-майор Орлов Михаил Иванович. Генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта.

23. Генерал-лейтенант Эльснер Евгений Феликсович. Главный начальник снабжений Юго-Западного фронта.

24. Поручик Клецанда Владимир Войцехович. Переводчик при штабе Юго-Западного фронта.

25. Военный чиновник Будилович Борис Антонович. Переводчик в разведывательном отделении штаба Юго-Западного фронта...»

Многих арестованных Алексеев знал лично. И не только генералов, но и офицеров – генштабистов и членов Главного комитета Союза офицеров армии и флота. Мир военных тесен.

Алексеев связался с генерал-майором Верховским, новым и последним военным министром Временного правительства. Свержение монархии встретил он в должности начальника штаба дивизии. После февраля 17-го года резко пошел вверх по служебной лестнице, был назначен командующим войсками Московского военного округа, а затем занял министерский пост. Большого секрета в таком взлете генерала Верховского не было: он был женат на сестре Керенского.

– Александр Иванович, обращаюсь к вам с просьбой, которую можно назвать личной.

– Слушаю вас, Михаил Васильевич.

– В Быховской тюрьме находится большая группа генералов и офицеров, людей, ничем не запятнавших себя перед армией и Отечеством. Я очень беспокоюсь о их судьбе.

– Вы говорите о тех военных, которые привлечены следственной комиссией по делу генерала Корнилова?

— Да, именно о них. И о самом Лавре Георгиевиче.
— Что же вас беспокоит? Ведь дело до суда не доводится.
— Меня, Александр Иванович, беспокоят факты самосудов над командирами, которые остаются верными своему долгу на войне.

— Но Быхов — не Кронштадт.

— В нынешней ситуации большевистским Кронштадтом может стать любой прифронтовой гарнизон вблизи Быхова. Александр Иванович, ведь вы тоже фронтовой офицер, получивший производство из вольноопределяющихся в Маньчжурию. И там же получили солдатский Георгиевский крест.

— Я понял, Михаил Васильевич. Обещаю вам, что сделаю все возможное для освобождения арестованных.

— Искренне благодарю вас за такое обещание...

Действительно, вскоре здание Быховской женской гимназии стало пустеть. Первыми ее покинули лица гражданские и младшие офицеры. После Октябрьского переворота Быхов оставили почти все арестованные, за исключением генералов Лукомского, Деникина, Романовского, Маркова и самого Корнилова.

Судьба же последнего военного министра Временного правительства была такова. Он не примкнул к Белому движению и в декабре 1918 года пошел служить в Красную армию, получив должность главного инспектора Главного управления военно-учебных заведений. С 1922 года Верховский стал преподавателем Военной академии Рабочекрестьянской Красной армии (РККА). Но о его «контрреволюционном прошлом» не забыли: в 1938 году бывший царский генерал был репрессирован.

Не добившись должной ясности в судьбе генерала Корнилова, Михаил Васильевич направляет доверительное письмо П. Н. Милюкову, одному из руководителей конституционно-демократической партии (кадетов) и лидеров Государственной думы:

«...Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Оно опиралось на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции...»

Цель движения — не изменить существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые могли бы спасти Россию...

Выступление Корнилова не было тайною от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым и через него с Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашении. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом...

Движение дивизий 3-го Конного корпуса к Петрограду совершалось по указанию Керенского, переданному Савинковым...

...Вы до известной степени знаете, что некоторые круги нашего общества не только жалели, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову...

Почему же ответить должны только тридцать генералов и офицеров, большая часть которых совсем не может быть ответственной? Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не должна допустить готовящегося в самом скором времени преступления по отношению к ее лучшим доблестным сынам...

К следствию привлечены члены Главного комитета офицерского союза, не принимавшие никакого участия в деле...

Почему они заключены под стражу? Почему им грозят тоже революционным судом?

У меня есть еще одна просьба. Я не знаю адресов господ Вышнеградского, Путилова и других. Семьи заключенных офицеров начинают голодать. Для спасения их нужно собрать и дать комитету союза офицеров до 300 000 рублей...

В этом мы, офицеры, более чем заинтересованы.

...Если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через пять—семь дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда, с тем чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела.

Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами

и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как в тяжкую минуту он, покинутый всеми, с малым числом офицеров предстал перед спешным судом, чтобы заплатить свою судьбою за гибнущую родину...»

Алексеевское письмо получило известность. Но ни Милюков, ни его сторонники в той обстановке не могли оказать воздействия на ход следственного дела.

Письмо же Михаила Васильевича интересно не только обеспокоенностью за судьбу генерала Корнилова и его ближайших сторонников. Оно показало его личное отношение к делу, на которое отважился пойти будущий первый командующий белой Добровольческой армией.

Керенский, находясь уже в эмиграции, писал:

«Я прочитал его (Алексеева. — А. Ш.) письмо уже после Октябрьской революции...»

Генерал Алексеев был не только видным и проницательным стратегом, но и хитрым полководцем. Он понимал причины провала попытки Ленина захватить в июле власть и последовавшего через два месяца почти мгновенного поражения Корнилова...»

Забегая вперед, можно сказать, что Белое движение с самого начала своего зарождения не приняло в свои ряды министра-социалиста Керенского. А он желал этого...

Пребывание Алексеева, не скрывавшего своей приверженности к старой России, в Ставке становилось все более проблематичным. Министр-председатель Керенский так и не решился на увольнение заслуженного полководца, но всячески показывал, что Михаил Васильевич стал в Ставке «лишним человеком».

В сентябре, 11-го числа, Алексеев подал прошение об отставке. В рапорте на имя Верховного значилось:

«Страдая душой, вследствие отсутствия власти сильной и деятельной, вследствие происходящих отсюда несчастий России, я сочувствую идее генерала Корнилова и не могу пока отдать свои силы на выполнение должности начальника штаба».

Только по одному этому рапорту можно сказать, что ге-

нерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев «по жизни» был «прямым солдатом».

Отставка была принята без проволочек. Генерала отправили «на гражданскую жизнь» со всеми полагающимися по такому случаю почестями. Он уехал к семье в город Смоленск, не дожидаясь приезда своего сменщика в Ставку, где протрудился более двух лет.

В «Вестнике Временного правительства» по такому поводу было опубликовано официальное сообщение, поразившее своей напыщенностью:

«...В грозный для нас час, когда, благодаря открытому отказу от повиновения бывшего Верховного главнокомандующего, генерала Корнилова, Русская армия подверглась великим испытаниям, генерал Алексеев самоотверженно принял на себя должность начальника штаба Верховного главнокомандующего и своим мудрым вмешательством быстро и бескровно восстановил порядок и деловую работу в самом жизненном центре армии — в Ставке Верховного главнокомандующего.»

Ныне, исполнив эту исключительную по своей важности задачу, генерал Алексеев обратился ко мне с просьбой об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. Уступая желанию генерала Алексеева, я просил Временное правительство об освобождении его от должности начальника штаба Верховного главнокомандующего и о назначении его в распоряжение Временного правительства, дабы опыт в военных делах и его знания могли быть использованы и впредь на благо Родины.

*Верховный главнокомандующий А. Керенский.
9 сентября 1917 года».*

Генерал Алексеев пробыл начальником штаба у Керенского всего одну неделю, так и не став «творцом полководческой славы» этого политика-социалиста с наполеоновскими жестами и замашками.

На место начальника штаба Верховного главнокомандующего был назначен малоизвестный для Русской армии

генерал Николай Николаевич Духонин. Начав четырнадцатый год командиром 165-го пехотного Лужского полка, он поднялся по служебной лестнице до начальника штаба ряда фронтов. После бегства Керенского считанные дни исполнял обязанности Верховного главнокомандующего.

Алексеев на какое-то время остался не у дел. Но благодаря своему личному авторитету и связям он был в курсе всех военных дел и событий на фронте. В Смоленске Алексеев долго не задержался: его пригласили в столицу для участия в работе Предпарламента.

В Петрограде, куда он прибыл 7 октября, отставной генерал поселился в Общежитии московских общественных деятелей на Галерной улице. Там Михаил Васильевич сблизился с многими думскими деятелями, которые в самом скором времени станут идейными противниками советской власти.

На парламентских заседаниях он лишний раз убедился, что политики не спасут Россию. Алексеев стал свидетелем приближения Октябрьского переворота в Петрограде, который вошел в отечественную историю как Великая Октябрьская социалистическая революция.

К началу октября Михаил Васильевич уже достаточно четко выработал дальнейшую программу своих действий. В столице он встретил немало людей из среды преимущественно фронтового офицерства, которые полностью разделяли его взгляды. И, что важно, желавших взять во имя правого дела в руки оружие, готовых пойти на жертвенный подвиг во имя Отечества.

Таких действительно бескорыстных патриотов старой России надо было только организовать в военную силу и повести за собой. Время торопило: сомнений в том, что Временное правительство падет в самые скорые дни, уже не было. Алексеев оказался одним из немногих будущих вождей Белого движения, который начал «свою борьбу» еще до октябрьского переворота.

Часть четвертая ПОДНЯВШИЙ ЗНАМЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Глава одиннадцатая АЛЕКСЕЕВСКАЯ ОФИЦЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

ак-то у адъютанта генерала Алексеева ротмистра лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка А. Шапрона состоялся разговор с начальником, с которым у него сложились самые доверительные отношения:

— Михаил Васильевич, отчего у вас, еще до октября 17-го, родилась мысль начать создавать подпольную военную организацию?

— Все было просто, ротмистр. После неудачи генерала Корнилова установить в России твердую власть я понял, что дальнейшее правление «временных» ведет к гибели нашего Отечества. Решил объединить людей военных, неравнодушных ко всему творившемуся вокруг них.

— Уже тогда вы видели перед собой цель этого дела?

— Смутно. Но ясно осознавал то, что надо иметь хоть какую-то точку опоры в борьбе за спасение России.

— На кого в столице вы тогда думали опереться в первую очередь?

— Конечно же, в первую очередь, на военную молодежь, на младшее офицерство, понюхавшее на фронте пороха. Таких людей в Петрограде были тысячи и тысячи: в резервных полках, командированных, в различных форми-

руемых командах, изгнанных за жизненную позицию большевистскими комитетами.

— Но ведь вы делали ставку и на столичных юнкеров?

— Разумеется. Ведь какая у России существовала офицерская школа. Какие училища с прекрасными традициями были в столице: Павловское и Владимирское пехотные, Михайловское и Константиновское артиллерийские, Николаевские кавалерийское и инженерное, военно-топографическое, офицерские классы. А кадеты-старшеклассники?

— Юнкера в Новочеркаске в первое время составляли половину вашей Алексеевской организации.

— Да, военная молодежь первой слетелась из столиц на Дон, чтобы в солдатских шинелях стать в строй добровольцев.

— А как вы намеревались, Михаил Васильевич, действовать там, в Петрограде?

— По простой схеме. В нужный час члены организации военного подполья сходились в боевые отряды, добывали оружие и начинали борьбу за власть.

— Но ведь в Петрограде факт скопления офицеров не столичного гарнизона мог вызвать интерес со стороны местного Совета?

— Разумеется, такая опасность была. Потому и появилась мысль приступить к пуску бездействующих заводов, чтобы под видом рабочих разместить там офицеров, верных идее.

— Значит, у вас была мысль выступить еще до падения Временного правительства.

— Была, ротмистр, пусть еще не совсем до конца осознанная. Думалось предъявить «временным» наши требования, подкрепив их угрозой применения военной силы. А в случае неудачи — пробиваться на Дон, к атаману Калединому.

— А с ним у вас на этот счет соглашение было?

— Да, такая договоренность с донским атаманом у меня существовала. Пусть и устная, но Алексей Максимович всегда был человеком слова...

С адъютантом генералу Алексееву повезло. В самом начале своей деятельности по созданию подпольной военной организации он познакомился с командиром кирасирского эскадрона, Алексеем Шапрон дю Ларрэ, который добровольно стал адъютантом бывшего Верховного главнокомандующего, зачинателя Белого дела. В Добровольческой армии он дослужится до генерал-майора и отличится в боях, командуя 2-м офицерским конным генерала Дроздовского полком. Будет женат на Наталье Лавровне, дочери генерала Корнилова...

Оказавшись в городе на Неве фактически не у дел, Алексеев начал работу по организации борьбы с большевиками. Одним из первых, к кому обратился Михаил Васильевич, был главнокомандующий войсками Петроградского военного округа полковник Г. П. Полковников, один из последних выдвигенцев растерявшего почти всю полноту власти в стране Временного правительства.

О нем Алексеев знал следующее. Потомственный донской казак из станицы Кривянской. Закончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду. Воевал в Маньчжурии. Первую мировую войну начал командиром сотни 12-го Донского казачьего полка. Перед своим последним назначением командовал 1-м Амурским казачьим полком. Во время корниловского выступления перешел на сторону Временного правительства, чем заслужил личное доверие Керенского.

Алексеев обратил внимания на Полковникова, когда ознакомился с его приказом по войскам Петроградского военного округа. В нем тот пытался объяснить людям военным из столичного гарнизона, что революционная анархия, потеря организованности и утрата дисциплины могут разрушить Русскую армию до основания. В приказе от 18–20 октября 1917 года говорилось:

«...Несмотря на тяжелые дни, переживаемые страной, в Петрограде продолжают безответственные призывы к вооруженному сопротивлению и погромам и вместе с тем с каждым днем усиливаются грабежи и бесчинства. Такое

положение дезорганизует жизнь граждан и мешает планомерной работе правительственных органов. В сознании ответственности и долга перед Родиной, приказываю:

1. Каждой воинской части, согласно особым распоряжениям, в пределах района своего расположения, оказывать всемерное содействие органам городского самоуправления, комиссарам и милиции в охране государственных и общественных учреждений.

2. Совместно с районным комендантом и представителем городской милиции организовать патрули и принять меры к задержанию преступных элементов и дезертиров.

3. Всех лиц, являющихся в казармы и призывающих к вооруженному выступлению и погромам, арестовывать и отправлять в распоряжение коменданта города.

4. Уличных манифестаций, митингов и процессий не допускать.

5. Вооруженное выступление и погромы немедленно пресекать всеми имеющимися в распоряжении вооруженными силами.

6. Оказывать содействие комиссарам в недопущении самочинных обысков и арестов.

7. Обо всем происходящем в расположении частей доносить в штаб округа...

Главнокомандующий Петроградским военным округом».

Алексеев прибыл в окружной штаб, располагавшийся близ Зимнего дворца, в гражданском: пальто, шляпа. Полковников был заранее предупрежден о визите и с нетерпением ждал генерала, с которым лично знаком еще не был:

— Ваше превосходительство. Представляюсь — полковник Полковников.

— Георгий Петрович, мой визит в штаб столичного округа официальным назвать никак нельзя. Поэтому обращайтесь ко мне не по-военному. Называйте меня по имени и отчеству: Михаил Васильевич.

— Слушаюсь.

— Я на днях ознакомился с вашим приказом по петроградскому гарнизону. У вас больше достоверной информа-

ции о положении дел в столице. Вы считаете, что «временные» уже растеряли в ней всю полноту власти?

— Точно так. Мои приказы исполняются только в военных училищах. Из них наиболее надежны Павловское и Михайловское артиллерийские.

— А резервные полки Гвардии? Другие запасные части?

— Они в руках различных агитаторов, как своих доморощенных, так и приходящих из районных советов. Особенно активны большевики. В солдатских казармах все больше гостит кронштадтских матросов. Те признают власть только своего Центробалта во главе с унтер-офицером Дыбенко.

— Неужели нельзя опереться в наведении порядка в столице на гвардейские полки?

— Думается, что пока нет. Или уже нет.

— Почему? Ведь гвардейцы всегда были цветом русского воинства.

— От тех гвардейцев, Михаил Васильевич, в столице мало кто остался. Лейб-гвардия почти вся выбита в боях на фронте. А здесь, в полковых казармах, только выздоравливающие и запасники.

— А офицерский состав резерва Гвардии?

— Среди него кадровых офицеров почти нет. Единицы. Все остальные во фронтовых полках. А командиры военного времени и сегодняшние прапорщики ситуацией в ротах и батальонах уже не владеют. Фактический командир полка сегодня — это полковой солдатский комитет.

— Но есть же в гарнизоне здоровые элементы. Понимающие, что Отечество в смертельной опасности.

— Есть: это прежде всего офицеры кадры. Но в столице им себя не проявить. Соотношение сил не то. Да есть еще одно большое «но».

— Какое «но», Георгий Петрович?

— Кадровые офицеры стоят за монархию в России, какой бы она ни была. За Керенского и его «временных» погибать в бою с революцией мало кто будет. Особенно из фронтовиков.

— А как ведут себя казаки гарнизона?

— Донской казачий полк в Петрограде единственный. И он уже объявил себя в идущих событиях нейтральным.

— Можно ли властям Керенского опереться на милицию?

— Уже нет. В городских окраинах она уже во многих местах заменена отрядами красногвардейцев больших заводов.

— Значит, разоружить противников правительства в Петрограде нельзя?

— Нельзя, Михаил Васильевич. Это уже не гипотеза, а аксиома. Реальность нашего дня. Запасов оружия у революционеров оказалось намного больше, чем предполагали в штабе округа.

— Итак, петроградский гарнизон опорой правительства уже не является.

— В лучшем случае можно надеяться на его нейтральность. Это максимум, что я смогу сделать на посту главного командующего войсками Петроградского округа.

— Тогда у меня к вам, Георгий Петрович, есть один вопрос. Как к офицеру Российской императорской армии.

— Я готов его выслушать, Михаил Васильевич.

— Можно ли на вас положиться в деле спасения России от революционной анархии?

— Можно, ваше превосходительство. Я казачий офицер и присяге не изменяю...

Алексеев не ошибся в Полковникове. Тот стал активным членом создаваемой тайной офицерской организации. И вошел в нее не один, а привлек к ее деятельности еще многих единомышленников, вместе с которыми ему впоследствии пришлось сражаться в рядах белой Добровольческой армии на российском Юге.

Впоследствии, узнав о том, что Полковников в марте 1918 года погиб в бою в Задонской степи, Михаил Васильевич с горечью скажет:

— Это был тот самый офицер, который попытался взять власть в красном Петрограде в свои руки. В последних числах октября 17-го года...

Алексеев говорил о событиях в столице, которые вошли в историю Гражданской войны в России как юнкерский

мятеж в Петрограде. Полковник Полковников, отстраненный от занимаемой должности правительством Керенского за «нерешительность» в борьбе с восставшими, не покинул тогда столицу. Он стал одним из организаторов «Комитета спасения Родины и революции», став командующим его армии. Правда, армией ее было назвать никак нельзя, поскольку Комитет опирался только на часть столичных военных училищ.

Ради исторической правды следует сказать, Полковников и его единомышленники-контрреволюционеры пошли тогда на шаг отчаяния. Взять власть в Петрограде, огромный, многотысячный гарнизон которого колыхнулся в своей массе на сторону второй уже за 1917 год революции, было безрассудно. Тем более что едва ли не единственной военной силой «мятежа» были юноши с красными юнкерскими погонами на плечах, мечтавшие стать офицерами Русской армии...

...Считается, что Алексеев стал создавать в Петрограде подпольную военную организацию 16 октября 1917 года. Немного позже она будет называться Алексеевской офицерской.

Считается, что он поддерживал через доверенных посланцев связь с быховскими узниками. Корнилов и Алексеев поняли, что самой судьбой им суждено стать боевыми соратниками. Вопрос был только в одном: коль скоро?

На первых порах создания организации Алексееву ближайшим помощником стал его личный адъютант ротмистр А. Г. Шапрон дю Ларрэ, теперь уже бывший командир эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, расформированного советской властью одним из первых. Он привлек в организацию немало своих однополчан и знакомых офицеров.

Алексеев говорил тем, кто добровольно становился под трехцветное знамя Белого движения:

— Уличные бои в Петрограде нам не выиграть. Но на Юге, на берегах Дона и Кубани мы станем той силой, которая способна возродить российскую державность...

Михаил Васильевич строил создаваемую им подпольную военную организацию по принципу «офицерских пятерок». Члены их знали только друг друга, руководитель «пятерки» – старшего. «Пятерки» должны были стать ядром новой русской армии, которая получит название Добровольческой.

В организацию привлекались прежде всего те офицеры, которые помнили свой долг перед старой Россией. Вскоре довольно многочисленное отделение организации появилось и в Москве. В нее вступали не только офицеры-фронтовики, но и юнкера, кадеты старших классов.

Учредитель белого подполья требовал от своих доверенных лиц:

– Помните одно: пятерки желательно создавать из однополчан. Из людей, которые повоевали на фронте и верят в своих боевых товарищей...

– Юнкеров привлекайте прежде всего из тех училищ, которые дрались с Красной гвардией. Из таких, как Михайловское артиллерийское...

– Обращайтесь к георгиевским кавалерам – офицерам, ударникам, нижним гвардейским чинам. Они герои фронта и долг перед Отечеством должны помнить свято...

При участии Алексеева была создана организация «Белый крест». Учредителем ее стало «Совещание общественных деятелей». Через нее для нужд Белого движения шел сбор средств в финансовых и промышленных кругах обеих столиц: Петрограда и Москвы. Организация носила характер благотворительного общества, оказывая помощь военным, которые по разным причинам лишились крова и средств к существованию, – советом, деньгами, одеждой, железнодорожными билетами, рекомендательными письмами.

Именно «Белый крест» занимался отправкой первых групп добровольцев на казачий Дон. После октября «контрреволюционная» организация была вскоре разгромлена, а ее «вина» перед новой властью полностью доказана.

...В том, что Временное правительство падет если не сегодня, то завтра, Алексеев уже не сомневался. Поэтому он спокойно отнесся к телеграмме (содержание ему стало из-

вестно в тот же день) главного начальника Петроградского военного округа, направленной в Ставку и в штаб Северного фронта в ночь с 24 на 25 октября:

«Главковерх, копия Главкосеев

Доношу, что положение (в) Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления.

Казачи, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не вышли. Сознвая всю ответственность перед страню, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства.

Гла(в)новокр петроградский полковник Полковников».

Может быть, именно то, что положение в Петрограде стало действительно «угрожающим», и окончательно подтолкнуло генерала Алексеева к последующим действиям. Михаил Васильевич сказал в кругу близких ему людей:

– Спротивление большевикам надо начинать сейчас, пока они не взяли власть в столице. Позднее начинать сражаться за Россию будет намного сложнее... Теперь нам просто преступно сидеть сложа руки перед лицом большевистской революции...

Глава Временного правительства покинул Зимний дворец и непрерывно заседавших там министров с портфелями и без портфелей незадолго до штурма. Керенский оставил охваченный революционной сумятицей Петроград на автомобиле американского посольства под звездно-полосатым флагом. При этом он выразил полномочному послу Вашингтона в России Фрэнсису благодарность за помощь и доверительно сказал:

– Вся эта афера (Октябрьская революция. – А. Ш.) будет ликвидирована в течение пяти дней. Поверьте моему слову, господин Фрэнсис...

Алексеевская военная организация за октябрьские дни заметно умножилась. Теперь она насчитывала несколько тысяч человек, в своей массе офицеров и юнкеров, хотя подлинная ее численность для истории осталась неизвестной. Причина в том, что ее создатель и его ближайшие помощники соблюдали конспирацию.

Алексеевская военная организация для тех дней действительно могла стать серьезной боевой силой. Но в ходе октябрьских событий офицерское подполье почти бездействовало. Только около сотни человек во главе со штабс-капитаном В. Д. Парфеновым произвели ряд нападений на большевиков.

Возникает вопрос: почему «алексеевцы» не встали на защиту Зимнего дворца, последнего прибежища Временного правительства? Ведь отряды добровольцев, профессиональных военных, спаянных воинской дисциплиной, могли стать той силой, которая вступила бы в бой с отрядами Петроградского совета, бравших по сути дела бескровным «штурмом» Зимний дворец после выстрела носового орудия крейсера «Аврора».

Ответ на этот вопрос кроется в следующем. Подавляющее число членов Алексеевской военной организации были монархистами по своим политическим и нравственным убеждениям. «Временные» же были для них одними из главных виновников гибели старой России. В них не верили и им не доверяли.

Когда по столице поползли слухи, что Зимний дворец вот-вот подвергнут атаке, что в Неву вопли боевые суда из Кронштадта с десантом вооруженных матросов на борту, Алексеев сказал своему адъютанту ротмистру Шапрону:

— Боя за дворец не будет. Газеты на сей счет зря будоражат и без того напуганного обывателя.

— Почему? Ведь известно, что к дворцу стягиваются отряды из ряда юнкерских училищ, донцы, женский ударный батальон смерти.

— Стягиваются? Но будут ли они умирать за социалиста Керенского, против которого ополчились такие же социалисты из большевиков? Вот в чем вопрос.

— Похоже, что Зимний дворец падет без боя.

— Безусловно. Его просто будет некому защищать и умирать за республику, сотворенную для народа и армии «временными».

— Михаил Васильевич. Что будет в России, когда власть в Петрограде окажется у большевиков?

— Они начнут насаждать Советы по всей стране. Вот тогда-то и прольется первая кровь.

— Значит, быть войне Гражданской, как в свое время во Франции, как в Американских Штатах?

— Гражданская война в России больше будет напоминать кровавую смуту времен царя Шуйского и князя Пожарского. И нам придется принять в ней участие с самого начала.

— Я готов, ваше превосходительство. Присяге на верность Богу, царю и Отечеству не изменял...

Октябрьский переворот Алексеев принял как политическое событие из числа неизбежных: революционная ситуация в Петрограде развивалась у него на глазах. Неизбежное случилось. Керенский после бегства из Зимнего дворца не смог пойти военным походом на красный Петроград. С политической арены русской Смуты он исчезал.

Теперь предстояло решить — где подымать знамя Белого движения? В первопрестольной, где начались уличные бои? На одном из фронтов, где имелось больше всего воинских частей из разряда «нейтральных» и «выжидающих»? На Юге, в казачьих областях?

Алексеев уловил «желание» своих сторонников устремиться на Дон. Там, в колыбели казачьей вольницы, у власти находился известный своей твердостью атаман А. М. Каледин. Генерала от кавалерии, одно время командовавшего 8-й армией Юго-Западного фронта, Михаил Васильевич знал лично и потому мог рассчитывать на полную поддержку.

Действительно, атаман Войска Донского сразу же принял октябрьские события в столице, что говорится, в штыки. Получив телеграфное сообщение о свержении Временного правительства, генерал Каледин разослал по России,

в том числе в могилевскую Ставку, телеграммы о своей полной поддержке свергнутого правительства.

Войсковой глава казачьего Дона во всеуслышанье объявил, что он берет на себя всю полноту исполнительной власти в Донской области. И что советскую власть в красном Петрограде законной не признает.

В Новочеркасске стало заседать войсковое правительство. Атаман Каледин не уставал говорить о том, что ныне у вольного Дона нет другой объединяющей цели, кроме одной – борьбы с большевиками.

...Советская власть быстро «обустроивалась» в Петрограде и на большей части России. Начались аресты потенциальных противников, прежде всего из числа «реакционного» офицерства и «буржуазного элемента». Дальнейшее пребывание генерала Алексева на берегах Невы становилось опасным, поскольку он открыто высказывался против Советов еще при Керенском.

Его уговаривали как можно скорее отправиться на Дон. Но Алексеев колебался. Трудно объяснить почему, но он все еще не терял надежды на то, что вот-вот политическая ситуация в Петрограде изменится к лучшему. Он понимал, что заблуждается, но все же «луч надежды» не оставлял его.

Бывший Верховный главнокомандующий Российской республики убыл из Петрограда 30 ноября. В тот день он отдал приказ о переброске своих людей на Дон. Воззвание к офицерам и юнкерам встать на борьбу с большевиками было словесным. Оно передавалось по цепочке, из уст в уста.

Алексеев уезжал на казачий Юг по подложному паспорту на имя отца жены инженера Щетинина, которая трудилась сестрой милосердия Кауфманской общины общества Красного Креста. Община была названа в честь генерала Кауфмана, покорителя Хивинского ханства и генерал-губернатора Туркестана. Михаила Васильевича в пути сопровождал адъютант ротмистр Шапрон, тоже переодетый в цивильную одежду.

Был выбран не прямой путь по железной дороге на Дон, а круглой: Москва – Царицын – Тихорецкая – Ростов – Новочеркасск.

К этому времени на Дон, в города Новочеркасск и Ростов, было уже отправлено несколько десятков членов Алексеевской военной организации – петроградцев и москвичей. Половину из них составляли юнкера и студенты. Готовились к отъезду новые группы добровольцев, которых требовалось снабдить деньгами, железнодорожными билетами и во многих случаях документами.

Провожавшим его вечером на вокзале генерал Алексеев, одетый в штатское драповое пальто с чужого плеча, на прощание говорил:

– Через несколько дней будем на донской земле, у атамана Каледина. Туда стекаются мои добровольцы. Нашей России суждено, чтобы на Дону возродилась Русская армия...

– Обязательно возродится, восстанет из пепла. Под трехцветным, российским флагом...

– Только теперь она будет называться Белой добровольческой...

Глава двенадцатая СОЗДАНИЕ БЕЛОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Алексеев прибыл в столицу Всевеликого войска Донского город Новочеркасск утром 2 ноября. Вместе с ним на местном вокзале сошла с поезда группа верных ему людей – шесть офицеров и юнкеров из Петрограда. Этот день 2 ноября принято считать началом биографии Добровольческой армии. Хотя название – Добровольческая она получила только в конце декабря того же 1917 года.

По странной игре судьбы последние остатки белой Русской армии покинули Крым тоже 2 ноября 1921 года. Так прошло ровно четыре года непримиримой вооруженной войны, которая в истории получила название Гражданской...

Первым человеком, которому генерал Алексеев нанес деловой визит, был атаман Каледин. Человек решительно-го склада, введший в Области войска Донского своей властью военное положение.

Разговор в кабинете старинного атаманского дворца носил деловой характер и долгим не был. Генералы понимали друг друга с полуслова. А. И. Деникин так описал в своих «Очерках русской смуты» для истории этот разговор:

«...Тот (атаман Каледин. — А. Ш.) стал жаловаться на сложность положения и недостаток сил:

— Так, Михаил Васильевич, трудно становится. Главное, меня очень беспокоят Ростов и Макеевка. Положим, в Ростове и Таганроге у меня надежные люди, а вот в Макеевке сил не хватает...

— Церемониться нечего, Алексей Максимович, — Алексей был настроен очень решительно.

— Вы меня извините за откровенность: по-моему, много времени у вас на разговоры уходит, а тут ведь, если сделать хорошее кровопускание, то и делу конец...»

Оказавшись в Новочеркасске, Алексеев в первые же дни «определяется в стратегии» Белого движения. Составляется план ближайших действий. С доверенным человеком в Могилев отправляется письмо на имя генерал-майора М. К. Дитерихса, соратника по Юго-Восточному фронту и сослуживца по штабу Ставки:

«...Дело спасения государства должно где-либо зародиться и развиваться. Само собой ничего не произойдет...

Только энергичная, честная работа всех, сохранивших совесть и способность работать, может дать результаты...

Слабых мест у нас много, а средств мало, давайте группировать средства главным образом на юго-восток, приравним всю энергию, стойкость...

Откуда-то должно идти спасение от окончательной гибели, политической и экономической. Юго-восток имеет данные дать источники такого спасения. Но его нужно поддержать, спасти самого от потрясения. Вооружимся мужеством, терпением, спокойствием сбора сил и выжиданием...»

Алексеев, зная, что Юг становится прибежищем большого числа офицеров, по разным причинам оставивших свои части, пишет статью для новочеркасской газеты

«Вольный Дон». С ее страниц он обращается к армейскому офицерству со страстным призывом «спасения Родины»:

«Русская государственность будет создаваться здесь. Обломки старого русского государства, ныне рухнувшего под небывалым шквалом, постепенно будут прибиваться к здоровому государственному ядру юго-востока...»

В том первом разговоре с донским атаманом Алексеев попросил о главном:

— Алексей Максимович. Я прошу вас, своего боевого товарища, дать на Дону приют русскому офицерству...

— Михаил Васильевич. Я знаю, что офицеров и юнкеров прибыло из центральных губерний в Новочеркаск и Ростов уже немало. Вам, как я понимаю, нужна крыша в донской столице?

— Да, именно. Место, где можно собирать офицеров и военную молодежь. Где, наконец, приезжающие могут жить.

— Что ж, такое место в Новочеркасске есть. Бывший лавочный номер два на Барочной улице пустует, он немалый. Берите его под свою штаб-квартиру.

— Вот за это я вас, Алексей Максимович, пресердечно благодарю. От всех моих соратников...

Так у добровольцев в Новочеркасске по адресу улица Барочная, дом номер 39 (на углу с Платовским проспектом) появилось помещение, сразу же превращенное в «замаскированное» офицерское общежитие № 1. Здесь имелись запасы постельных принадлежностей и белья на 250 человек.

Этот дом и стал для истории колыбелью белой Добровольческой армии. Свой штаб генерал Алексеев устроил на той же Барочной улице, в доме номер 56.

Член Государственной думы Л. В. Половцев, начальник инженерной части Добровольческой армии, в своих воспоминаниях «Рыцари тернового венца» так описывает появление генерала Алексеева на Дону:

«...В начале ноября 1917 года в Новочеркасске, столице донского казачества, появился скромно одетый, преклонного возраста господин в очках, с видом профессора. Господин этот о чем-то хлопотал, его видели постоянно у ата-

мана; он собирал у себя военную молодежь и беседовал с офицерами.

По городу ходили разные слухи о каком-то заговоре; рассказывали, что Дон идет на Москву, чтобы положить конец издевательствам над Россией; называли даже разных походных атаманов, которые якобы уже назначены.

Через несколько дней дело разъяснилось. Этот господин оказался генералом Михаилом Васильевичем Алексеевым, бывшим начальником штаба Императора Николая II, а впоследствии Верховным главнокомандующим Русской армии при Временном правительстве...»

Первое добровольческое воинское формирование было создано алексеевским приказом уже 4 ноября, на третий день после приезда Михаила Васильевича в столицу донского казачества. Им стала Сводно-офицерская рота, в которой числились и юнкера. Ротой командовал штабс-капитан В. Д. Парфенов, служивший ранее в лейб-гвардии Измайловском полку. На фронт Первой мировой пошел добровольцем, заслужив воинской доблестью первый офицерский чин. Фронтные рекомендации были выше всяких похвал.

К середине ноября в Новочеркасске уже находилось 180 человек добровольцев. С этого времени запись в Алексеевскую военную организацию на Дону велась уже официально, без «сокрытия».

О том, как в конце 17-го года отправлялись добровольцы на Дон, рассказал в мемуарных «Записках юнкера 1917 года» Иван Лисенко из петроградского Константиновского артиллерийского училища, участник октябрьских боев:

«...Училище доживало последние дни. Юнкера несли все внутренние наряды и уборку лошадей. Производилась сменная езда. Солдаты ничего не делали, митинговали и формировали батарею для посылки в Москву, где еще дрались. Наконец перед фронтом училища генералом Бутыркиным был прочитан декрет Совнаркома о расформировании училища. Причем юнкера, достигшие призывного возраста, должны были отправиться в части, а остальные по домам. Генерал Бутыркин со слезами благодарил нас и

говорил, что мы с честью держались до конца. Бесконечно грустно и тяжело было на душе.

В училище юнкер Янишевский сообщил мне, что идет запись юнкеров и офицеров для отправки в Новочеркасск, где генерал Алексеев будет вместе с атаманом Каледным формировать добровольческие части или вливать добровольцев в казачьи полки, и что формирование явится кадром для восстановления армии.

Запись и выдачу денег производил юнкер Мино. Мы немедленно же записались, получив деньги и удостоверения, что мы казаки Донской области, окончившие агитаторские курсы. Удостоверения были на бланках Союза казачьих войск. Последние дни в училище проходили в сборах и приготовлениях к отъезду, записалось около 150 юнкеров. С увлечением рвались красные плакаты на лампы, а вечером 10 ноября наша партия, 20 юнкеров, выехала с Николаевского вокзала, имея льготные билеты до Новочеркасска и словесное приказание явиться на Барочную улицу, номер 54...»

Свидетельства очевидца того, как пробирались на Дон алексеевцы, оставил в своих «Воспоминаниях» генерал-лейтенант А. С. Лукомский, один из «быховцев»:

«...Я поехал через Рязань и Воронеж в Новочеркасск.

Этот переезд был для меня очень тяжелым. Вагон был страшно переполнен, и я от Москвы до станции Лисок, то есть более 36 часов, принужден был стоять, не имея возможности ни разу присесть.

В вагоне, в котором я помещался, ехало человек 10 молодежи в солдатской форме. Всю дорогу они держали себя довольно разнузданно, но манера себя держать не соответствовала их физиономиям, и мне казалось, что они умышленно себя держат как распущенные солдаты и явно шаржируют.

Так как в Лисках (на границе Донской области) они осели в вагоне, то для меня стало ясно, что это юнкера какого-нибудь военного училища или молодые офицеры, пробирающиеся на Дон.

После отхода поезда от станции Лиски эта молодежь стала устраиваться на освободившихся местах. Я

подошел к одной из групп и попросил уступить мне верхнее место.

— А ты кто такой? — услышал я от одного из них ответ на мою просьбу.

Я тогда сказал:

— Ну вот что, господа, теперь вы можете уже смело перейти на настоящий тон и перестать разыгрывать из себя дезертиров с фронта. Последняя категория и та сбавляет тон на донской территории. Я — генерал, очень устал и прошу мне уступить место.

Картина сразу изменилась. Они помогли мне устроиться на верхнем месте, и я с удовольствием улегся. Ноги мои от продолжительного стояния опухли и были как колды...»

В пределы Донской области вело шесть железнодорожных линий. С севера: Москва — Воронеж — Новочеркасск; с запада: Харьков — Лихая — Новочеркасск и Синельниково — Ростов; с юга — Владикавказская и с востока две линии от Царицына, с пересадками на станции Лихая и на станции Тихорецкая. Передвижение по ним неизбежно должно было встретить неоднократный контроль революционной власти.

Контроль вначале был слабый, неорганизованный, поверхностный, но затем стал серьезным. Вооруженным патрулям, осуществлявшим проверку пассажирских поездов, мог броситься в глаза, несмотря на одежду, «офицерский вид»; культурная речь; случайные, не «пролетарские» манеры...

Могло быть и недоверие к представленным документам, если они не подтверждались убедительными объяснениями владельца.

Местные советы в ноябре и даже декабре месяце еще не имели строжайших предписаний от имени Ленина и Троцкого о введении «революционного контроля» на железных дорогах, которые вели на Дон. Благодаря этому в Новочеркасск из Петрограда смог пробраться маленькими группами весь старший курс Константиновского артиллерийского училища.

На Дон рвалась прежде всего военная молодежь, не обремененная семейными узами. Журналист Б. Суворин, свидетель создания Добровольческой армии, описал такой случай своей жизни в Новочеркасске:

«...Как-то раз я вышел из гостиницы. В гору поднималась кучка кадет. Старшему было не больше 17 лет, другим лет 14—15. Они нерешительно подошли к гостинице и, не доверяя «штатскому» («вольному», как говорили солдаты), стали рассматривать список живущих в гостинице. Я вернулся и спросил их:

— Что вам нужно, молодые люди?

Кадеты, посмотрев на меня, почему-то назвали первое попавшееся имя, которого, конечно, не было в списке проживавших в гостинице:

— Мы ищем господина Хорькова.

Тогда я спросил их в открытую:

— А вы разве не ищите армию генерала Алексеева?

Глаза кадет, по виду старшеклассников, загорелись «прекрасным молодым блеском». Они молча смотрели на меня. Впереди меня стоял мальчик в знакомом мне мундире. Я спросил его:

— Вы кадет Михайловского Воронежского корпуса? Мой отец был кадетом первого выпуска вашего корпуса.

От этого вопроса «лед недоверия» ко мне со стороны юношей сразу растаял. Кадет-михайловец ответил:

— Так точно!

Сразу же заговорили другие его товарищи:

— А я из Орловского корпуса.

— А мы вот вдвоем из второго Московского...

После этого кадеты весело сознались, что приехали в Новочеркасск из разных мест России, как-то разом встретились на местном вокзале и теперь желают поступить в Добровольческую армию генерала Алексеева...»

Во второй половине ноября алексеевцы (треть их составляли офицеры) имели уже три формирования. Помимо Сводно-офицерской роты были созданы Юнкерский батальон (сперва отдельная рота) и Сводная Михайловско-Константиновская батарея, основу которой составили юн-

кера двух петроградских артиллерийских училищ – Константиновского и Михайловского.

Начала формироваться Георгиевская рота (в середине ноября в ней числилось до 60 человек, преимущественно нижних чинов – георгиевских кавалеров).

Одновременно шла запись в белую студенческую дружину. Она пополнялась ростовской и новочеркасской учащейся молодежью. Основу дружины, которая в скором времени превратится в Студенческий батальон, составили 180 человек Ростовского среднего коммерческого училища – три его старших класса.

Есть свидетельство того, как ростовская учащаяся молодежь агитировалась в эту воинскую часть создававшейся белой Добровольческой армии:

«...Офицеры пришли в среднее коммерческое училище, которое они окончили 2–3 года назад, и объясняют директору свою миссию: призвать молодежь к защите Родины, Дона, Ростова, семьи, Церкви. Наконец – к защите самой школы. Директор колеблется и вызывает инспектора и священника. Священник, не раздумывая, твердо заявляет:

– Вы хотите звать молодежь на убийство? – и требуют, чтобы офицеры оставили свою мысль.

Директор поддерживает священника особым доводом:

– Если уйдут старшие ученики, с кем останется училище?

Инспектор молчал.

Офицеры возражали, утверждая, что их доводы в настоящее время совсем неубедительны, так как красная власть разрушает все законы Божеские и человеческие, все традиции... Семью, школу.

Наконец, уступив настойчивости офицеров, начальство училища дало им разрешение переговорить с учениками.

Для молодежи не нужно было много слов, не нужно было красноречие, чтобы, обратившись к внутреннему, сокровенному, святому ее чувству, увлечь ее на служение и неизбежные жертвы для Родины. Три старших класса коммерческого училища записались добровольцами в армию...»

Эти первые части Добровольческой армии росли быстро. Сводно-офицерская рота, сформированная 4 ноября, уже 15-го числа выделила из своего состава Юнкерскую роту. Местом проживания ей выделили лазарет № 23 на Грушевой улице, поскольку лазарет на Барочной улице был переполнен.

К этому времени в обеих ротах – Офицерской и Юнкерской, было приблизительно равное число бойцов, по 150 человек. Первой командовать генералом Алексеевым был назначен фронтовик штабс-капитан Некрашевич, погибший в марте 1918 года при штурме Екатеринодара.

Юнкерской ротой, развернутой вскоре в батальон, командовал штабс-капитан Парфенов, личность героическая. Перед тем как получить производство в офицеры, доброволец команды конных разведчиков лейб-гвардии Измайловского полка был награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. Откровенный монархист, он оказался деятельным участником Алексеевской военной организации. Погиб полковник Парфенов, назначенный командиром пехотного полка врангелевской Русской армии, летом 1920 года в Крыму.

Парфеновская рота первоначально состояла из четырех взводов. Первый составили юнкера пехотных училищ, главным образом из столичного Павловского. Второй взвод состоял из юнкеров артиллерийских училищ, третий («флотский») – из гардемарин и морских кадет, четвертый – из кадет и учащейся молодежи. Но в таком составе Юнкерская рота просуществовала всего четыре дня.

19 ноября в Новочеркасск прибыло около сотни юнкеров столичных Константиновского и Михайловского артиллерийских училищ. Они принимали самое активное участие в октябрьских событиях в Петрограде и оружия в борьбе с новой властью слагать не собирались. По решению Алексеева, из Юнкерской роты был выделен второй взвод, который вместе с прибывшими добровольцами образовал особую часть – Сводную Михайловско-Константиновскую батарею, получившую свое название по артиллерийским училищам Петрограда.

Батарея, пока еще не имевшая ни одного орудия, сразу же достигла численности 250 человек. 60 юнкеров были михайловцами, остальные – константиновцами. Сводной батареей стал командовать штабс-капитан Шаколи, курсовой командир Михайловского артиллерийского училища. Это был единственный курсовой офицер из двух училищ, последовавший на Дон за своими воспитанниками и подтвердивший свою запись в Алексеевскую военную организацию делом.

Сводная Михайловско-Константиновская батарея разместилась в здании Платовской гимназии. А Юнкерская рота, отдавшая ей свой взвод артиллеристов, уже через несколько дней снова выросла до 150 человек и была развернута в трехротный Юнкерский батальон. Две ее роты были юнкерские, а третья называлась кадетской.

Позднее все три первые части белой Добровольческой армии, создаваемой Алексеевым, организационно слившись, образуют Офицерскую генерала Маркова дивизию. Но это произойдет не на Дону, а на Кубани. Георгиевская же рота позднее волеется в Корниловский полк...

Сразу стал вопрос об оружии. Только часть офицеров-добровольцев сумела провезти с собой личное оружие: револьверы, браунинги. Винтовки и карабины были единичны. Атаман Каледин заверил Алексеева, обратившегося к нему с просьбой помочь вооружить членов его военной организации:

– Михаил Васильевич. Донское правительство поможет вам, нашим союзникам, вооружиться...

Войсковой атаман сдержал слово. Вот всего лишь две справки о том, как вооружались в Новочеркасске первые прибывшие туда алексеевцы:

«8 ноября из арсенала было получено для Общежития № 1 24 винтовки, по 30 патронов на каждую, в Общежитии же насчитывался к этому дню 41 человек».

«10 ноября через артиллерийское управление было проведено разрешение атамана на выдачу организации 274 винтовок, по 120 патронов на каждую, а также 18 револьверов (в револьверах была острая нужда и в частях Войска Донского), каковы и были получены».

Кроме того, в эти же дни атаман Каледин обещал передать Алексеевской организации половину пулеметов, которые были отобраны у гарнизона Хутунка (там стояли запасные пехотные полки) при его разоружении. Но, несмотря на бдительный надзор, хутунским большевикам удалось скрытно увезти пулеметы еще до начала разоружения в близкий Ростов. Там пулеметы были надежно спрятаны в рабочих окраинах.

После разоружения калединскими казаками гарнизона Хутунка в середине ноября винтовки и патроны доставлялись алексеевцам подводами и автомобилями каждый раз в мере, далеко превышающей потребность наличного состава. Это делалось по прямым распоряжениям атамана Каледина. Поэтому к началу первых боев с красногвардейскими отрядами добровольцы оказались достаточно хорошо вооружены.

В первых числах ноября военным комендантом станции Шахтная, поручиком Федоровым по собственной инициативе было роздано проезжающим на Дон под знамена генерала Алексева офицерам 120 винтовок и около двух с половиной тысяч патронов. Это вызвало большое негодование атамана Каледина. Но не сам факт передачи оружия добровольцам, а то, что это совершалось открыто, на глазах у всех.

За поручика заступился сам Алексеев. Он лично по такому случаю посетил атаманский дворец:

– Алексей Максимович, мне только что доложили, что вы собираетесь отдать поручика Федорова под полевой суд?

– Как его не судить, Михаил Васильевич? Комендант станции раздает оружие Войска Донского. Где гарантия того, что все сто двадцать трехлинеек и патроны попали в руки ваших людей?

– Могу доложить вам, господин атаман, что все до единой винтовки со станции Шахтной находятся в моей организации.

– Тогда поручика прощаю. Только пусть в будущем такие вольности согласует с донским атаманом...

Казачий генерал Каледин продолжал вооружать Алексеевскую организацию. 17 ноября в распоряжение особой команды добровольцев был передан броневой автомобильный дивизион, имевший несколько двухпулеметных и однопушечных броневиков. Однако материальная часть их оказалась изношенной и бронемашин часто выходили из строя.

К 18 ноября весь личный на тот день состав формируемой Добровольческой армии – около 800 бойцов – был вооружен. Винтовок хватало и для формирующейся белой студенческой дружины, и на прибывающих каждодневно добровольцев.

Для последних вручение на месте винтовки-трехлинейки или кавалерийского карабина с сотней патронов становилось «приятным сюрпризом». Особенно при воспоминании о том, как полковые солдатские комитеты отбирали у своих офицеров любое оружие...

К слову сказать, войска Красной армии, посланные против Дона, были вооружены намного лучше белых войск, прежде всего артиллерией и пулеметами. Причина крылась в следующем. После расформирования старой Русской армии подавляющая часть ее вооружения была сдана воинскими частями местным Советам в центральных губерниях России. Почти все арсеналы с их огромными запасами военного времени и оборонные предприятия находились там же.

...Жизнь на Дону сразу же столкнула алексеевцев с немалыми трудностями не только бытового, но и финансового характера. Все вновь прибывшие в Новочеркасск регистрировались в бюро записи. Они подписывали особые записки о своем желании служить добровольцами в течение ближайших четырех месяцев. Денежного оклада бойцам первое время не полагалось. Все «армейское» содержание ограничивалось лишь пайком.

Затем добровольцам стали выплачивать в качестве жалованья (по тому времени «нищенского») небольшие денежные суммы ассигнациями в размере от 100 до 270 рублей офицерам, от 30 до 150 рублей солдатам. Кроме того,

тем добровольцам, которые имели здесь семьи, полагалась небольшая денежная прибавка.

Один из ближайших помощников Алексеева в те «новочеркасские дни» Л. В. Половцев, написавший в эмиграции воспоминания «Рыцари тернового венца», – так рассказывает о первых днях зарождения белой Добровольческой армии:

«Ближайшими сотрудниками ген. Алексеева были в то время: его адъютант рот. Шапрон, начальник штаба полк. Веденяпин, подп. Лисовой и кап. Шатилов; начальник строевой части, бежавший из быховской тюрьмы ген. граф И. Г. Эрдели; начальник хозяйственной части – член Гос. думы Л. В. Половцев (автор воспоминаний, – А. Ш.), по политическим вопросам – член Гос. думы Н. Н. Львов, С. С. Щетинин и А. А. Ладыженский.

В Ростове и Таганроге работал председатель общества заводчиков и фабрикантов В. А. Лебедев.

Для сбора добровольцев с фронта в Киеве была создана особая организация, во главе которой стоял ген.-кав. А. М. Драгомиров и член Гос. думы В. В. Шульгин.

На первый призыв ген. Алексеева отозвалось около 50 офицеров и юнкеров, бежавших в Новочеркасск из Петрограда и Москвы после октябрьских стычек с большевиками. Из них были составлены кадры первых воинских частей: офицерского и юнкерского батальонов.

Прибывали добровольцы и из соседних местностей – ободранные, без белья, без сапог, в каких-то опорках. Их надо было разместить, одеть, обусть и кормить, а денег было мало.

Получив самые широкие обещания денег со стороны различных общественных организаций в Москве и Петрограде, ген. Алексеев приступил к выполнению своего плана, имея в кармане 10 000 руб., занятых им у частного лица. На эти 10 000 руб. и жили несколько дней кадры будущей армии.

Постепенно стали поступать в кассу местные пожертвования, но в ничтожных размерах. Наконец наступил момент, когда стало ясно, что завтра надо бросить все дело, потому что денег больше нет.

Помочь делу решили сами добровольцы. Наиболее состоятельные из них, не имея сами наличных денег, воспользовались своими кредитоспособными именами и выдали векселя. По учете векселей, при содействии Н. Н. Львова, в местных банках получилась сумма около 350 000 руб., которые и спасли дело на некоторое время.

Одному Богу известно, какие мучительные часы пережили Алексеев и его сотрудники в это время.

Поставив на карту все – и доброе имя, и жизнь, и все свое прошлое, – увидев полную возможность осуществления своей мечты о великом деле, ген. Алексеев мог оказаться в самом ужасном положении.

Ведь от великого до смешного один только шаг. А разве не смешно было бы для бывшего Верховного главнокомандующего собрать армию в 50 человек и затем распустить ее.

Но ген. Алексеева эта мысль не пугала. Он хлопотал, просил, умолял и, хотя с величайшими затруднениями, но армия создавалась и увеличивалась...»

О том же писал и генерал А. И. Деникин в своих «Очерках русской смуты»:

«Было трогательно видеть, как бывший Верховный главнокомандующий, правивший миллионными армиями и распорядившийся миллиардным военным бюджетом, теперь бегал, хлопотал и волновался, чтобы достать десяток кроватей, несколько пудов сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денег, чтобы приютить, обогреть и накормить бездомных, гонимых людей».

Сам Деникин прибыл по железной дороге на Дон с документами «помощника начальника перевязочного отряда Александра Домбровского».

...Положение алексеевцев в столице Всевеликого войска Донского было шатким. Атаман Каледин остро чувствовал настроение казачества, уставшего от бед военного времени и желавшего вернуться к жизни мирной, не особо тепло относящегося к оседавшим на Дону офицерам-добровольцам. Перспектива вооруженных схваток в Донской области, неизбежность мобилизаций, реквизиций продовольст-

вия, фуража и коней, пожары и погромы его население воодушевляла, скажем прямо, мало.

В одной из частых бесед атаман Каледин прямо сказал об этом своему недавнему начальнику:

– Михаил Васильевич. По станицам казаки, возвратившиеся с фронта, ведут не самые ласковые разговоры о новочеркасском офицерстве из ваших добровольцев.

– Об этом, Алексей Максимович, я знаю. Но ваши донцы глубоко заблуждаются. Власть большевиков скоро будет им костью в горле.

– Большевики пока не сунулись на Дон. Побаиваются казаков.

– Побаиваются до поры до времени. Пока отряды Красной гвардии не получили толковых командиров и декретов советской власти из Петрограда.

– Но все же ваша организаторская деятельность по сбору Белой армии многим донцам сегодня не по душе.

– Как мне тогда поступать дальше, чтобы не осложнять жизнь хозяев? Скажите откровенно.

– Мне трудно об этом говорить, но я бы посоветовал вам, уважаемый Михаил Васильевич, перенести свою деятельность из Новочеркасска.

– Куда, например?

– Или на степной Северный Кавказ, в Ставрополь. Или на Волгу, в город Камышин.

– Алексей Максимович. Я уже послал в те края своих полномочных представителей. А вот перебазировать туда созданные два батальона не могу.

– Тогда, Михаил Васильевич, вы осложняете мне на сегодняшний день атаманство. Скажу об этом честно.

– Вы ошибаетесь, господин атаман. Наоборот, не осложняю.

– Почему?

– Когда у вас на границах Донской области пойдут первые бои с красными отрядами, белые добровольцы в тот же час придут на выручку к верным вам и долгу казакам.

– За такое слово, Михаил Васильевич, премного благодарен. Мне известно, что большевики в Ростове гото-

вят восстание. А казачьих сил у меня в городе раз-два и обчелся.

— В таком случае помогите моим добровольцам еще раз винтовками, патронами и обмундированием. Особенно шинелями и сапогами. О провианте уже и просить стыдно.

— Хорошо. Такой приказ будет отдан войсковому интендантству. Только с патронами у меня самого плохо. Но поделюсь...

В Новочеркасск продолжали каждодневно стекаться добровольцы. Прибывали и недавние быховские арестанты, соратники Корнилова. Один из них, генерал-лейтенант А. С. Лукомский, так описал в воспоминаниях свое появление в столице Донского казачьего войска:

«В Новочеркасск поезд пришел поздно вечером 23 ноября (6 декабря) 1917 г.

На вокзале был дежурный офицер, который указывал приезжавшим офицерам и юнкерам, где им можно остановиться.

Я поехал переночевать в общежитие, а утром 24 ноября (7 декабря) перебрался в гостиницу.

Первое лицо, которое я увидел в гостинице, был председатель Государственной думы М. В. Родзянко, которого под видом тяжелобольного и в заgrimированном виде доставили из Москвы в Новочеркасск.

Затем я встретился с генералами Деникиным, Романовским и Марковым, добравшимися накануне благополучно до Новочеркаска.

От них я узнал, что в Новочеркасске — генерал Алексеев, который в полном согласии с атаманом Донского казачьего войска приступил к формированию добровольческой армии для борьбы с большевиками.

Генерал Алексеев приехал в Новочеркасск в первых числах ноября.

Я пошел к нему.

М. В. Алексеев сказал мне, что он решил сформировать на Дону добровольческую армию; что в Петрограде и Москве им образованы общества для помощи офицерам; что эти общества поддерживают тесное общение с обще-

ственными организациями, помогающими им материально, и они будут направлять на Дон всех желающих офицеров, юнкеров и кадетов старших классов; что союз общества офицеров, со своей стороны, примет все меры для облегчения желающим офицерам пробраться на Дон и из других районов.

Я на это ответил, что мне представляется необходимым, чтобы он кликнул клич, призывающий офицеров немедленно направляться на Дон; что его имя среди офицеров очень популярно и на его клич потекут на Дон не сотни, а десятки тысяч офицеров.

Генерал Алексеев на это мне ответил, что сам он об этом думал, но сделать это он пока не смеет.

— Как же я могу обратиться с таким воззванием к офицерам, раз в моем распоряжении нет средств? Ведь я теперь, когда имеется всего около пятисот офицеров и юнкеров, я не сплю по ночам, как мне их прокормить, как их одеть.

На это я ответил, что — будет сила, будут и деньги.

— Рассудить надо; без этого вы, Михаил Васильевич, армии не сформируете. Ведь надо знать нашу общественность: они не дают и не дадут больших средств, пока не будут уверены в успехе, пока в вашем распоряжении не будет достаточной силы. А вы не можете собрать эту силу, не имея средств. Получается заколдованный круг. Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть.

Генерал Алексеев сказал, что он еще подумает.

Прощаясь со мной, генерал Алексеев сказал, что нам надо в ближайшие дни условиться относительно дальнейшей совместной работы.

25 ноября (8 декабря) генерал Деникин и я пошли к донскому атаману генералу Каледину.

Генерал Каледин принял нас очень серьезно, сказал, что, работая в полном согласии с генералом Алексеевым, он убежден, что генералу Алексееву удастся сформировать хорошую добровольческую армию, а ему — донскую. Затем он сказал, что очень рад приезду на Дон целой группы генералов, которые могут наладить организационную работу, но, — прибавил генерал Каледин, — имена генера-

лов Корнилова, Деникина, Лукомского и Маркова настолько для массы связаны со страхом контрреволюции, что я рекомендовал бы вам обоим и приезжавшему генералу Маркову пока активно не выступать; было бы даже лучше, если бы вы временно уехали из пределов Дона.

После этого генерал Каледин добавил:

— Я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уезжали с Дона. Если вас это не устраивает, то оставайтесь, и вы будете гостями донского казачества...»

Деникин и Марков, пока оставаясь без конкретных должностей, уехали налаживать связи в столицу Кубанского казачьего войска город Екатеринодар. Лукомский отправился еще дальше, к терским казакам, в город Владикавказ. Но уже вскоре им суждено было возвратиться назад, в Новочеркасск.

Сам Алексеев не раз пытался наладить деловые отношения с Кубанью. Туда он инкогнито совершил две поездки. В 20-х числах ноября генерал побывал в Екатеринодаре на заседании правительства «Юго-Восточного союза». Но поездка оказалась малопродуктивной. Вернувшись в Новочеркасск, он так сказал о ее результатах:

— В Екатеринодаре не думают о том, что скоро окажутся под ударами большевиков из Ставропольской губернии. Громко говорят о своей автономии, забывая, что Кубанская область является частью России...

Из Новочеркасска Алексеев направил несколько доверенных лиц на российские окраины. В начале января 1918 года в район Кавказских минеральных вод командирован полковник Я. А. Слащев, недавний командир гвардейского Московского полка. Ему ставилась задача создать на Северном Кавказе офицерские организации, которые бы стали источником пополнения Добровольческой армии.

Михаил Васильевич возлагал на миссию Слащева большие надежды. В Пятигорске и других городах Кавказских минеральных вод скопилось большое число офицеров, прежде всего с Кавказского фронта. Там же проживали соратники бывшего Верховного главнокомандующего — генералы Рузский, Радко-Дмитриев и другие.

Полковник Слащев выглядел достаточно авторитетной фигурой для обращения к фронтовому офицерству: за войну был пять раз ранен и дважды контужен, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием, участник почти всех боев лейб-гвардии Финляндского полка, в рядах которого прошел почти всю Первую мировую войну, прежде чем стать командиром другого, не менее известного полка русской гвардии.

Из Пятигорска на Дон Слащев вернулся в подавленном состоянии. И потому разговор с Алексеевым у него состоялся без свидетелей:

— Яков Александрович, вы виделись с генералом Рузским?

— Да, Михаил Васильевич. Он много расспрашивал о делах организации добровольцев и просил вас кланяться.

— Вы спросили его, как он относится к идее Белого движения?

— Генерал Рузский сомневается в том, что эта идея спасет Отечество и победит революционную анархию.

— Значит, бывший главнокомандующий армиями Северного фронта не торопится стать в наши ряды.

— Это так. Впрочем, как и другие генералы, ныне отдыхающие на Минводах.

— А что думает тамошнее офицерство?

— Города там, и особенно Пятигорск, переполнены офицерами с Кавказского фронта. Но лишь немногие из них откликнулись на мой призыв. Все чего-то выжидают. Даже казачьи офицеры, осевшие в терских станицах, и те не хотят браться за оружие.

— Может быть, Яков Александрович, время для них еще не пришло? Но где боль за гибнущую Россию?

— Мне думается, Михаил Васильевич, что эта боль придет к ним тогда, когда Советы начнут офицеров ставить к стенке как своих врагов.

— Так оно и будет. Совет народных комиссаров не будет церемониться с классовыми врагами...

Посланцы Алексеева, пока не «встал» сплошной линией Донской фронт, регулярно пробирались по железной доро-

ге в Москву и Петроград. Михаил Васильевич стремился создать там сильное антибольшевистское военное подполье, на которое можно было опереться в грядущих боях. Особые надежды возлагались на деятельность подпольного Национального центра, общее руководство которым осуществлял Н. Н. Щепкин.

Военной организацией Национального центра с ведома Алексева руководил его бывший сослуживец, генерал-лейтенант Генерального штаба Н. Н. Стогов. Георгиевский кавалер, командующий Юго-Западным фронтом, в январе 1918 года он прибыл в Москву и поступил там в Красную армию как военный специалист. Военспец Стогов с мая по август того же года был начальником Всероссийского главного штаба. И одновременно с полковником В. В. Ступиным возглавлял... подпольную Добровольческую армию Московского района.

Стогов оказал немало ценных услуг командованию белой Добровольческой армии, поставляя информацию разведывательного характера. Когда осенью 1919 года чекисты начали аресты руководителей Национального центра, Стогову удалось бежать из Москвы и с риском для жизни перейти линию фронта на юге.

Позже, оказавшись в эмиграции, во Франции, Стогов постоянно сотрудничал с многими белоэмигрантскими изданиями. Он возглавлял Общество офицеров Генерального штаба в Париже и Объединение офицеров лейб-гвардии Волынского полка, был почетным председателем Союза российских кадетских корпусов и Союза георгиевских кавалеров.

В своих многочисленных публикациях Николай Николаевич высоко отзывался о генерале Алексева. Тот, в свою очередь, перед самой своей смертью, в разговоре с Деникиным, говорил так:

– В красной Москве Стогов сейчас самый отважный патриот нашей России.

– Еще бы мне не знать. За что вы так любите его, Михаил Васильевич?

– За фронтовые дела и совместную службу в императорском Генеральном штабе.

– И, должно быть, за какой-то подвиг в Мировой?

– Угадали, Антон Иванович. Мне пришлось подписывать на него представление к Святому Георгию.

– За что?

– Как мне помнится, в марте 15-го, он, командир 3-го Финляндского стрелкового полка, лично повел свой последний резерв на штурм высоты в Карпатах, только что отбитой у нас германцами.

– Дай Бог ему с Щепкиным продержаться в Москве как можно дольше.

– Стогов будет работать на белую идею до последнего. Единожды данной присяге он не изменит. Это не Брусилов. А ведь тоже был Верховным...

Алексеев сумел связаться со своими единомышленниками и в далекой от Дона Сибири, куда так рвался в первое время своего пребывания в Новочеркасске Корнилов. Посланцем Алексеевской военной организации в Сибири был генерал В. Е. Флуг.

С ним Михаил Васильевич сошелся на Русско-японской войне. Флуг был генерал-квартирмейстером полевого штаба царского наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексева, а затем генерал-квартирмейстером 2-й Маньчжурской армии. В 1914 году командовал 10-й армией Северо-Западного фронта. Но за успешные действия против германской 8-й армии и взятие города Сувалки был отчислен от занимаемой должности со следующей формулировкой – «за опасную активность». Отчисление явилось следствием интриг генерал-квартирмейстера штаба фронта генерала М. Д. Бонч-Бруевича, ставшего после октября 1917 года одним из ближайших военных советников председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина.

Флуг прибыл в Новочеркасск в декабре 17-го и сразу «поступил» в распоряжение Алексева. Тот довольно скоро подобрал ему задание:

– Василий Егорович. Мне помнится, что после Маньчжурии вы остались на Дальнем Востоке?

– Да, Михаил Васильевич. Государь пожелал видеть меня военным губернатором Приморской области и наказ-

ным атаманом Уссурийского казачьего войска. Там я и получил погоны генерал-лейтенанта.

- Долго вы пробыли в восточных сибирских краях?
- Да без малого четыре года. Когда в 1909-м был назначен начальником 37-й пехотной дивизии.
- У вас в Сибири остались надежные связи?
- Разумеется. Как я понимаю, Михаил Васильевич, меня ожидает поездка в Сибирь?
- Вы угадали. Ехать туда надо в самом скором времени. У вас будут все полномочия от штаба Добровольческой армии и Национального центра.
- Моя задача в Сибири?
- Организация антибольшевистского движения на основе идей Белого дела...

Генерал Флуг тайно пробрался с российского юга в Сибирь в начале 1918 года. В июне он вошел в состав «Делового кабинета» генерала Хорвата во Владивостоке. Налаживал контакты с союзниками старой России по Антанте. Участвовал в формировании белогвардейских частей, которые затем вошли в состав колчаковской Сибирской армии. В самом конце того же 1918 года Флуг, по заданию омского правителя адмирала Колчака, вернулся на юг России в распоряжение генерала Деникина.

Стогов, Слащев и Флуг были только самыми именитыми представителями «зачинателя Белого дела» на местах. Десятки и десятки офицеров и людей далеко не военных по заданиям Михаила Васильевича совершали тайные поездки по ту сторону линии фронтов Гражданской войны. Все они имели одну задачу...

Добровольцы в Новочеркасске (а потом и Ростове) жили по уставам старой Русской армии. Обязательным было воинское обучение, несение караулов и дневальной службы. Алексеев следил за тем, чтобы такой ритм жизни, пока еще отчасти мирной, первых добровольческих частей не менялся.

Один из добровольцев, Даниил Свидаерский, выпускник реального училища, получивший погоны прапорщика в 1916 году, ушедший в эмиграцию в чине штабс-капитана,

оставил после себя воспоминания «Поход к Ледяному походу». В них он описывает Михаила Васильевича таким, каким его видели на Дону первые прибывшие туда офицеры и юнкера:

«Итак, снова мой караул, хождение взад и вперед, чтобы не заснуть стоя, таблица с пропусками, пуговка звонка к караульному начальнику и непреодолимое желание прислониться к чему-либо и заснуть.»

И в последние секунды моего погружения в сладкий сон вдруг широко открывается наружная дверь, и в тамбур входит какой-то офицер в шинели (пальто) мирного времени. Часовой в тамбуре вытягивается в струнку. Офицер входит в прихожую, останавливается, снимает свои старомодные очки, вытаскивает из кармана носовой платок и протирает очки.

Я старательно приглядываюсь к офицеру: кто он и что он? Офицер – старик, старая-престарая шинель когда-то имела лучший вид, но сохранились еще красные генеральские отвороты; на голове рыжая кубанка (мне совсем еще не знакомая!), погоны сильно помятые, видно, что генеральские, звездочек пока на них не вижу.

Сама личность генеральская – круглолицый, седые усы, растрепанные, как у кота, в разные стороны, глаза не «грозны», нос картошкой и красный от холода...

«Должно быть, генерал в отставке», – подумалось мне. Совсем уже близко я, к ужасу, замечаю, что на погонах этого «отставного» никаких звездочек нет и не бывало!! Значит – полный генерал! – заглохло в моей голове.

За всю свою недолгую военную жизнь я никогда еще не отдавал никакому начальству честь винтовкой, а только шашкой или рукой. И если даже юнкер в тамбуре перед полным генералом стал только смиренно, то что же делать мне, разнесчастному? А генерал, взглянув на меня, надел свои очки и спрятал свой платок. Уже ничего более не соображая, я стал смиренно, генерал кивнул мне и направился к лестнице.

– Ваше превосходительство! – дрожащим голосом выдал я из себя: – А пропуск? Пожалуйте ваш пропуск? Без пропуска я не имею права пропустить вас!..

– Пропуск?! Какой пропуск? У меня никакого пропуска нет!

– А я не имею права пропустить без пропуска!

– А вы знаете, кто я такой?

– Никак нет, Ваше превосходительство!

– Ну, я совсем не знаю теперь, как же мне быть с вами, голубчик! Может, вы вызовете вашего караульного начальника?

– Слушаюсь, Ваше превосходительство! – с облегчением ответил я и ухватился за спасительную пуговку звонка.

Через пару секунд, в течение которых «страшное начальство» довольно внимательно рассматривало меня, показался на лестнице наш дежурный полковник. Но, увидя стоящего около меня, он вдруг переменялся в лице, как-то обдернул себя, поправил со всех сторон и подскочил к генералу с рапортом. Генерал выслушал рапорт, пожал ему руку, и они вместе уже вступили на лестницу. Вдруг генерал оборачивается ко мне... и, смеясь, говорит:

– А вы – молодец! Так и нужно! В особенности в наше время! – И они пошли наверх...

Я остался стоять на месте в полном обалдении и уже без всяких признаков сонливости... Через пару минут сбегал по лестнице мой полковник и, чуть не лопаясь от смеха, спрашивает:

– А вы знаете, кого вы не пустили? Разве вы его никогда не видели?

– Никак нет! Не знаю и не видел никогда!

– Это же был сам генерал Алексеев!..»

События на российском Юге, где начиналась Гражданская война, стали развиваться стремительно. Прапорщик Крыленко, ставший «на час» Верховным главнокомандующим советской России, направлял на границы Дона красногвардейские отряды с карательными задачами. В Макеевском районе Донецкого бассейна была объявлена «Донецкая Социалистическая Республика».

Черноморский флот прислал атаману Каледину ультиматум. Революционные моряки из Севастополя грозно тре-

бовали «полного и безвозвратного» отречения от атаманской власти:

«...Немедленно признать власть за Советами рабочих и солдатских депутатов».

На что войсковой атаман Донского казачества, прочитав телеграмму, заметил по поводу «матросской угрозы»:

– Менять волю казачества Дона, избравшего меня атаманом, – это не топить турецкие парусные шхуны-угольщики на войне...

...Число добровольцев в Новочеркасске все увеличивалось. В ноябре из Могилева прибыл, а вернее сказать – пробился Георгиевский пехотный батальон. Пусть не в полном составе.

Он был сформирован из раненых фронтовиков – георгиевских кавалеров, которые проходили после выздоровления тщательный отбор. По замыслу императора Николая II такому батальону предстояло стать элитной частью сражающейся Русской армии, поскольку каждый его боец являлся действительно доблестным воином. Причем многие солдаты являлись обладателями полного банта «Егориев» – крестов всех четырех степеней.

Бойцы Георгиевского батальона отличались «примерной» бодростью духа, пехотной выучкой и дисциплинированностью. Это были подлинные рядовые герои Первой мировой войны. Они стали первыми нижними чинами Русской армии (не считая разве небольшого числа ударников), которые в Новочеркасске пополнили ряды создававшейся белой Добровольческой армии.

В ночь на 26 ноября в соседних с Новочеркасском городах Ростове и Таганроге вспыхнули вооруженные восстания, подготовленные местными большевиками-подпольщиками. Но удержать Ростов и Таганрог в своих руках военно-революционные комитеты смогли только несколько дней.

Атаман Каледин оказался в сложном положении. Подавить вооруженные выступления в Ростове и Таганроге можно было только военной силой. Но еще совсем недавно генерал на Третьем Войсковом Кругу сказал, что «ему

страшно пролить первую кровь». И когда он решился «ее пролить», то казаки за ним не пошли. Недавние фронтовики воевать ни с кем не хотели.

Каледин в тот же вечер пришел в добровольческий штаб на Барочной улице и сказал:

— Михаил Васильевич! Я к вам за помощью. Будем как братья помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти.

Алексеев просиял и, сердечно обняв Каледина, ответил:

— Дорогой Алексей Максимович! Все, что у меня есть, рад отдать для общего дела. Пошлю в бой всех, кто значит-ся в строю Добровольческой армии.

— Михаил Васильевич, под Ростовом надежда вся на добровольцев. От себя могу послать в бой пока только Донской пластунский батальон и сотню казаков-юнкеров Новочеркасского училища.

— Не волнуйтесь. Ростов у большевиков мы отобьем обязательно. Даже таким малым войском...

Тут же Алексеев отдал приказ своему адъютанту ротмистру Шапрону:

— Поднимите по тревоге Сводно-офицерскую роту, роту георгиевских добровольцев, Юнкерский батальон. Его командира поручика Мезерницкого срочно ко мне. Всех наших людей, имеющих оружие, поставить в строй...

В полночь из Новочеркасска в Ростов отправился на железнодорожном составе сводный добровольческий отряд, пополненный местной казачьей молодежью, студентами, пришедшими со своими винтовками и кое-как обмундированными, юнкерами Новочеркасского казачьего училища. Отрядом командовал полковник князь Хованский, выходец из лейб-гвардии Литовского полка.

Первая кровь пролилась на станции Нахичевань. Командир Юнкерского батальона Мезерницкий, закончивший Гражданскую войну в чине полковника и вернувшийся в Советский Союз из эмиграции в ноябре 1921 года вместе с генералом Слащевым, так описывал то событие в своих воспоминаниях:

«...К станции подъехали четыре красноармейца. Увидя нас, один крикнул: «Золотопогонная сволочь уже здесь! Бей их и айда к нашим!» Но было уже поздно. На выстрелы вбежали юнкера, и через минуту двое из красных валялись с пробитыми лбами, а другие двое бились в руках державших их юнкеров...»

Добровольцы заняли позицию под Ростовом. Красные отряды начали атаку железнодорожной станции Нахичевань со стороны города, но, попав под ружейный и пулеметный огонь, отхлынули обратно.

Пока под городом шел бой, атаману Каледину удалось «призвать к исполнению казачьего долга» несколько войсковых частей. Они вернулись недавно с фронта и оказались «менее распропагандированными». Теперь судьба Ростова и Таганрога была решена.

Подошедшие казаки подавили восстание. В уличных боях особенно отличилась Сводно-офицерская рота добровольцев-алексеевцев, спешно переброшенная из Новочеркасска. Выучка и дисциплина, боевой дух сказали здесь свое решающее слово.

Ростов был взят в первый декабрьский день. Впереди атакующих шел «блиндированный» поезд, вооруженный пулеметами. Их расчеты укрывались за штабелями шпал, которые и являлись «броней» этого первого, безымянного бронепоезда белых в Гражданской войне. Машинистами на паровозе были юнкера, знакомые с его управлением, поскольку настоящие машинисты сбежали.

Пять дней боев за Ростов обернулись для добровольцев при их малочисленности тяжелыми потерями почти 150 человек.

Так белыми в первый раз в Гражданской войне штурмом был взят город Ростов-на-Дону. Исход боя решил генерал-майор Назаров, который подоспел на помощь добровольцам с двумя полевыми пушками, прислугу которых составили несколько офицеров-артиллеристов, команда фельдшеров и таганрогские гимназисты.

По дороге из Таганрога в Ростов батарея обстреляла на реке Дон отряд судов Черноморского флота, который шел

с десантом революционных моряков на помощь восставшим рабочим и солдатам-запасникам. Метким огнем одно судно было потоплено, остальные повернули назад, в сторону моря.

Отряд генерала Назарова числом в 50 человек подошел к месту боя в самую критическую минуту. Орудия развернулись и открыли беглый огонь по защитникам Ростова, оказавшись у них в ближнем тылу. Артиллерийский огонь и решил исход штурма.

Алексеев нашел время, чтобы в самые ближайшие дни встретиться с начальником таганрогского гарнизона, которого ранее знал как генерал-майора Генерального штаба.

— Анатолий Михайлович, от лица командующего Добровольческой армии генерала Корнилова премного благодарим вас за артиллерийскую поддержку. За решительность, за личную храбрость.

— Михаил Васильевич, я только исполнил свой долг. К тому же я артиллерист, заканчивал Михайловское училище.

— Я знал вас с весны 1916 года как командира 2-й Забайкальской казачьей бригады. Как вы оказались на Дону?

— В октябре был проездом к новому месту службы на Кавказский фронт. Встретился с атаманом Калединым, и тот удержал меня при общем развале армии у себя.

— Остальное я знаю. Алексей Максимович назначил вас начальником Таганрогского гарнизона.

— Точно так, Михаил Васильевич. Случилось же так. Ехал с одного фронта на другой, а оказался на третьем...

Судьба генерал-майора Назарова в самом скором времени сложилась трагично. 15 декабря 1917 года он стал походным атаманом Донского казачьего войска, ближайшим помощником Каледина. После самоубийства последнего Большой Войсковой Круг 30 января 1918 года избрал генерала войсковым атаманом.

Когда Донской фронт под натиском красных войск рухнул, Назаров отказался покинуть Новочеркасск с отрядом нового походного атамана генерала Попова. На заседании Войскового Круга он мужественно встретил командующе-

го донской Красной гвардии войскового старшину Голубова, обещавшего амнистию всем калединцам накануне захвата Новочеркаска. 18 февраля по приказу Голубова казачий генерал-майор Назаров был расстрелян. Согласно рассказам очевидцев, команду на расстрел войсковой атамана подал сам.

Войсковой старшина Голубов, инициатор массовых расстрелов без суда раненых в боях офицеров, не ушедших с добровольцами за Дон (расстрелы проводились в Нахичеванской роще), не избежал кары за содеянное. Во время восстания донского казачества весной 1918 года на митинге в одной из станиц он был убит студентом, братом расстрелянного офицера...

На совещании командиров после «ростовского дела» генерал Алексеев сказал:

— Господа офицеры. Считайте, что белая Добровольческая армия приняла свое крещение кровью. Своей и врага.

Отношение атамана Каледина к добровольцам довольно быстро изменилось в самую лучшую сторону. Но сам он оказался в двусмысленном положении. Казачество Дона в конце 1917 года в своем большинстве неодобрительно относилось к появлению на донской земле офицерской Алексеевской организации. Войсковой атаман же видел в добровольцах реальную воинскую силу, верного союзника, который не покинет фронт против «совдепов» в трудные дни.

Одной из первых забот Алексеева стало размещение по лазаретам Новочеркаска привезенных туда раненых добровольцев. Отпевание убитых при штурме Ростова юнкеров состоялось в новочеркасском соборе. Среди погибших оказались и донские казаки, поэтому на похоронах народу было много. Михаил Васильевич произнес, как писали потом очевидцы, «исключительно сильную» речь, обратившись в сторону лежащих в гробах добровольцев со словами:

— Орлята! Где были ваши орлы, когда вы умирали...

Эти слова прозвучали в адрес казаков-фронтовиков.

Участник боев за Ростов, получивший тяжелое ране-

ние, юнкер Константиновского артиллерийского училища В. Ларионов в своих эмигрантских мемуарах «Последние юнкера» писал о времени пребывания в новочеркасской «Больнице Общества Донских Врачей»:

«...Добровольная сестра милосердия, дочь Верховного главнокомандующего генерала Алексева, Клавдия Михайловна Алексева, была моим ангелом-хранителем, дни и долгие вечера боролась она за мою жизнь. Всегда бодрая, энергичная, она не отступала перед трудностями жизни, и, глядя на нее, верилось в лучшее будущее и в конечную победу.

Ее младшая сестра, Вера Михайловна, такая же идейная и целеустремленная, готовая жертвовать всем для раненого, — просиживала ночи над тяжело раненым юнкером Малькевичем, стараясь его спасти.

Третьей добровольной сестрой нашей палаты была дочь генерала Корнилова, Наталья Лавровна...

Довелось мне увидеть в лазарете и... глубоко уважаемых мною людей. Посетил нашу палату бывший Верховный, начальник Штаба Государя, генерал Алексеев. Очевидно, дочери ему успели подробно рассказать о раненых, ибо он обращался к каждому как к знакомому, спрашивал о здоровье, о настроении, об училище.

Старый Верховный главнокомандующий Российской армии производил огромное впечатление умом, своим обращением, дружеской непринужденностью...»

С началом второй половины ноября осложнилось положение Дона в плане сохранения порядка и внутренней безопасности. Это объяснялось следующими обстоятельствами. Тысячи и тысячи солдат с фронтов Мировой войны ехали через Область Войска Донского домой. Они на каждой железнодорожной станции грабили местных обывателей, добывая себе таким образом пропитание. Администрации железных дорог дезертиры угрожали оружием, требуя отправки в первую очередь именно их поездов, не считаясь с установленным расписанием.

Порядок жизни на тихом Дону нарушался. У областного правительства и войскового атамана не было сил его

поддерживать, тем более что дезертиры в большинстве своем ехали с оружием. Кроме того, таким беспорядком пользовались большевистские Советы, настраивая массу самовольно покидавших войну фронтовиков против «контрреволюционного» Дона и казачества.

Все это заставило атамана Каледина обратиться к генералу Алексеву, число добровольцев которого увеличивалось с каждым днем, за помощью:

— Михаил Васильевич. Я пришел к вам, как к союзнику, просить о помощи.

— Вам, как я понимаю, нужна сила для поддержания порядка на железнодорожных станциях?

— Да, люди в военной форме, при погонах, с оружием, с чувством долга. Способные обуздать мародеров и дезертиров одним своим решительным видом.

— Считайте, что добровольцы, господин атаман, в вашем распоряжении. Готов высылать из Новочеркасска вооруженные патрули на те станции, которые вас беспокоят.

— Но в моей просьбе, Михаил Васильевич, есть одна тонкость. Обязательная для ваших людей.

— Какая?

— Поскольку речь идет о поддержании порядка на Дону, старшими патрулей должны быть только казачьи офицеры.

— Что ж, Алексей Максимович, я не против. Лишь бы от этого была польза Дону...

В тот же день Алексеев приказал выделить в распоряжение Донского правительства необходимое число добровольцев для несения патрульной службы на железнодорожных станциях области. Группами по пять и более человек, под командой казачьих офицеров, получив винтовки и патроны и по десять рублей суточных на десять дней, добровольцы отправлялись нести службу на самых различных узловых станциях. Причем атаман Каледин брал под контроль станции не только Дона, но и ближайшие к его границе.

Первые подобные командировки в «приграничье» показали, насколько они опасны. Добровольческим патрулям сразу же пришлось столкнуться, в лучшем случае, с «глу-

хим» сопротивлением: когда вооруженные дезертиры утихомиривались, лишь выкрикивая в адрес людей в офицерских погонах оскорбления.

Но так было далеко не на всех станциях. В Дебальцово патруль добровольцев с казачьим офицером так и не смог установить порядок на вокзале. Более того, его под угрозой оружия вынудили покинуть станцию, где скопилось сразу несколько эшелонов с фронта, для которых требовались паровозы.

На станции Иловайской добровольческий патруль, появившийся на перроне, едва не был растерзан толпой вооруженных дезертиров, в которой оказалось немало пьяных. Положение спас сотник Греков, который следовал с фронта с командой кубанских казаков. И хотя дело до кровопролития не дошло, людям в погонах пришлось покинуть Иловайскую.

Этот случай стал поводом для сотника Грекова сформировать конный партизанский отряд, в который по своей воле вошли и люди из Алексеевской военной организации. Он привел его в подчинение донскому атаману и стал наводить порядок на железной дороге. Грековские бойцы прибывали на станции, где останавливались слишком буйные эшелоны с дезертирами.

Вскоре забот у сотника Грекова умножилось. В районе каменноугольных шахт стали создаваться местные Советы рабочих депутатов, стоявшие на «большевистской платформе». В шахтерских городках появились красногвардейские, пока свои — местные отряды, благо оружия всюду много. Грековцы повели войну с ними...

Атаман Каледин был прав, когда назначал старшими патрулей на железнодорожных станциях не офицеров-добровольцев, а казаков. Алексееву однажды с болью пришлось выслушивать рапорт штабс-капитана Николая Скоблина (будущего начальника Корниловской дивизии в звании генерал-майора и агента советской разведки во время эмиграции во Франции):

— Господин штабс-капитан, вы были старшим из добровольцев в патруле на станции Зверево.

— Точно так, ваше превосходительство.

— Что за конфликт там произошел у нас с казаками?

— На станцию прибыл эшелон с 28-м Донским казачьим полком. Он нас поразил своим порядком, полным наличием офицеров. Ротмистр Лактионов из ахтырских гусар, бывший в патруле, подошел к группе казаков и поприветствовал их, сказав: «Теперь у Дона есть свои боевые части».

— Что ответили ротмистру на приветствие?

— Казаки посмотрели на нас, как на чужаков. Какого-то урядник стал помахивать зло плетью, заявив буквально следующее: «Убирайтесь отсюда! Вам у нас на Дону делать нечего!»

— Что было дальше?

— Подоспел старший патруля, войсковой старшина Морозов. Он узнал в уряднике своего земляка из станицы Семикаракорской и урезонил его. Хотя дело до ругани.

— Сложно было нести службу на этой станции?

— Сложно. Нас там было всего пять человек. Не знали покоя ни днем, ни ночью. С винтовками не расставались. Но службу несли: за эти десять дней на станции не было ни одного случая грабежа или мародерства по отношению к местным жителям.

— Хорошо, штабс-капитан. Утром я виделся с атаманом Калединым. Он, видимо со слов войскового старшины Морозова, хорошо отозвался о службе вашего патруля. Как старшему объявляю вам благодарность.

— Служу Отечеству!

— А теперь идите, отдыхайте после командировки...

Посылка патрулей из добровольцев на железнодорожные станции Донской области продолжалась до января следующего года. Были случаи, когда командированные на станции офицеры и юнкера становились жертвами конфликтов, которые все чаще разыгрывались на станциях российского Юга...

Между тем Алексеевская военная организация направляла на Дон все новых и новых добровольцев, хотя тем и

приходилось все труднее «просачиваться» по железным дорогам.

6 декабря в Новочеркасск прибыл, переодетый в простого мужика-крестьянина, генерал от инфантерии Корнилов. Для добровольцев его приезд стал подлинным праздником.

Стало ясно: на арене зарождавшей Гражданской войны появился проверенный военный вождь. После получения такого сообщения в красном Петрограде забили тревогу. Там поняли, что на казачьем Дону собирается главная антибольшевистская сила. А не где-нибудь на Волге или в Сибири.

Бежать из Быхова Корнилову помог генерал-лейтенант Духонин, который в ноябре находился при исполнении обязанностей Верховного главнокомандующего. Когда в Ставке стало известно, что в Петрограде советским правительством назначен новый Верховный — прапорщик (Ф) Крыленко и что он с большим отрядом революционных балтийских моряков едет в Могилев, то это означало для последних корниловцев одно — расправу. Балтийцы не скрывали своих намерений. Духонин предупредил о смертельной опасности Корнилова и сидевших с ним под стражей четырех генералов.

19 ноября в 11 часов вечера Корнилов вышел из здания Быховской тюрьмы к ожидавшему его в полном строю Текинскому конному полку. Поздоровавшись на туркменском языке с всадниками в полосатых красных халатах, Лавр Георгиевич сел на коня, и лично преданный ему полк отправился в свой последний путь.

Генералы Деникин, Лукомский, Марков и Романовский уехали из Быхова на Юг по железной дороге. Местом встречи был оговорен, естественно, город Новочеркасск.

О бегстве Корнилова и последних заключенных из Быхова в Могилеве стало известно только на следующий день, то есть 20 ноября. По телеграфу местным Советам и командирам красногвардейских отрядов были отданы строжайшие распоряжения:

— перерезать пути Текинскому конному полку всеми имеющимися воинскими силами, устроить в удобных местах засады;

— выяснить маршрут движения полка корниловцев;

— разгромить «мятежных» корниловцев и арестовать самого генерала Корнилова;

— для поимки бежавших с ним царских генералов проводить строжайшую проверку документов во всех поездах, следующих в южном направлении...

Около станции Унеча на Черниговщине Текинский полк при попытке пересечь железнодорожное полотно попал в засаду. Он неожиданно оказался под пулеметным огнем бронепоезда красных и понес большие потери в людях.

На следующий день текинцы вновь попали в засаду на лесной дороге. От пулеметного огня они вновь понесли потери в людях. А при переправе через реку Сейм на плохо замерзшем болотистом берегу лишились многих лошадей.

Тогда Корнилов решил, что верным ему туркменским всадникам будет безопаснее идти без него. Переодевшись крестьянином и с подложным паспортом, Лавр Георгиевич направился на Дон один...

Собравшимся в столице Всевеликого войска Донского лидерам антибольшевистского движения сразу стало ясно, что отношения — Алексеева и Корнилова — никуда не годятся. Тот и другой откровенно метили в военные вожди Белого дела, имея на то, как говорится, полное основание. Закрытое совещание генералов и оказавшихся в Новочеркасске общественных деятелей из столиц, думских политиков (атаман Каледин не присутствовал) только обострило проблему.

Совещание на правах хозяина открыл Алексеев, к тому времени уже окончательно расставшийся с гражданской одеждой, с белым Георгиевским крестом на генеральском мундире:

— Господа. Сегодня мы с вами собрались для решения одного важного вопроса: на каких организационных принципах будет строиться Добровольческая армия, которую мы создаем на Дону.

Михаил Васильевич какие-то доли минуты помолчал, взглядываясь в лица собравшихся. Затем продолжил:

— Новая русская армия должна строиться на принципах старой армии, императорской. Полное единоначалие, строжайшая воинская дисциплина, патриотизм, клятвенная преданность России.

Присутствующие одобрительно закивали головами, перебрасываясь друг с другом короткими фразами. Алексеев дал слово Корнилову:

— Лавр Георгиевич, мы просим вас высказаться.

Корнилов встал и, как предыдущий выступающий, осмотрел сидящих. Он мог в душе радоваться, поскольку большинство людей в военной форме были его единомышленниками — «корниловцами», «быховскими арестантами». Говорить сразу начал с главного:

— Любая армия начинает создаваться с назначения командующего. Военная сила должна иметь своего вожда, иначе она не станет силой. Во главе белой Добровольческой армии должен стоять один человек, боевой генерал, способный повести за собой людей в бой.

Корнилова поддержали все. Но каждый понимал, что кандидатур может быть только две: Алексеев или Корнилов. И что двоевластие в рядах добровольчества просто немыслимо.

Алексеев предложил следующее решение вопроса:

— Я предлагаю Лавру Георгиевичу взять на себя всецело формирование армии и ее управление. На себя же я готов возложить финансовые вопросы и политику, как внутреннюю, так и внешнюю.

Слово взял Корнилов:

— Такая параллельная деятельность будет вызывать трения. Я буду вынужден постоянно выпрашивать деньги в условиях, когда каждая копейка на счету. Когда же армия превратится в силу, начнутся неизбежные трения и во внутренней политике на освобожденных от большевиков территориях.

Алексеев вежливо спросил своего оппонента, не поднимаясь:

— Какой бы власти хотели вы, уважаемый Лавр Георгиевич, на посту командующего Добровольческой армии?

— Только полной власти единоначальника. Если этого мне не будет дано здесь, то я отправлюсь воевать с большевиками в Сибирь. Хотя я знаю, что именно Михаил Васильевич начал создавать белую армию добровольцев, а не я и никто другой.

Слова Корнилова «создали» тишину в комнате. Ситуация становилась конфликтной. Все прекрасно понимали, что если уйдет Корнилов, то среди добровольцев неизбежно произойдет раскол. Значит, у руля белой армии должны стоять оба: два авторитетнейших генерала от инфантерии, два георгиевских кавалера, два бывших Верховных главнокомандующих России в Мировой, еще не закончившейся войне.

Алексеев понимал, что без Корнилова создание армии будет сопряжено с большими трудностями. И в то же время он не хотел уходить от военного руководства добровольцами. Ведь основу собравшихся в Новочеркасске людей составляли бойцы из созданной им в столицах подпольной организации офицеров и юнкеров. Алексеев решил искать компромисс:

— Вы, Лавр Георгиевич, поезжайте в Екатеринодар и там самостоятельно приступайте к формированию частей Добровольческой армии. А я останусь на Дону.

Корнилов отказался, сказав решительно:

— Это не выход из положения. Это будет для Белого дела еще хуже.

— Почему вы так считаете?

— Находясь на таком близком расстоянии друг от друга, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум держателям балаганов, зазывающим к себе публику на одной и той же ярмарке.

— Так где же, по вашему мнению, выход?

— Мне нужен простор для боевой работы. Предлагаю вам, Михаил Васильевич, остаться на Дону. А я переберусь в Сибирь. Там для меня найдется работа.

Но против такого «распыления» командных личностей дружно выступили приехавшие в Новочеркасск предста-

вители «Национального центра»: князь Трубецкой, Струве, Федоров, Львов, Белоусов и Милюков.

Алексеев дал слово Милюкову:

— Говорить много сейчас не надо. Мы не на думской трибуне. От московских и петроградских общественных организаций, выступающих против большевистской узурпации государственной власти, убедительно прошу генералов Корнилова и Алексеева в одной упряжке нести тяготы по созданию белой армии на юге. Только вдвоем вы осилите это дело.

Корнилов с места коротко бросил:

— Я готов только на самостоятельную боевую работу. Двоевластия не терплю со времени появления комиссаров Керенского в армии.

Милюков ответил:

— Московские общественные организации поручили мне заявить здесь, на Дону, что руководители антибольшевистского военного движения могут рассчитывать на моральную и материальную поддержку из центра только при одном обязательном условии.

— Каком же, Павел Николаевич?

— При условии, если все три генерала — Алексеев, Корнилов и Каледин будут работать на юге России совместно. А для этого надо вам распределить обязанности. Если такое соглашение будет достигнуто и подписано, то я беру на себя заботу о передаче этого документа руководству Антанты, союзнику России.

Спор грозил затянуться. Но тут слово взял до этого молчавший генерал Деникин:

— Я предлагаю золотую середину. Вся военная власть переходит в руки генерала Корнилова. Гражданская и внешние сношения — в руки генерала Алексеева. Все, связанное с Донской областью, остается за атаманом Калединым.

Совещание на том и порешило. Было оговорено, что принципиальные вопросы должны разрешать все три генерала.

Так первым командующим белой Добровольческой армии стал генерал от инфантерии Лавр Георгиевич Корни-

лов, сын простого сибирского казака, не имевший «буржуазного происхождения» и «капиталов».

Под статью ему был и генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, сын николаевского солдата, «примерно» выслужившегося к концу своей жизни в офицеры.

Корнилов сам выбрал себе помощника на должность начальника штаба. Его предложение без всяких раздумий принял генерал-лейтенант Лукомский. Друг друга «быховские узники» прекрасно знали по совместной работе в могилевской Ставке.

На следующий день Корнилов сказал своему начальнику штаба:

— Здесь, на Дону и на Северном Кавказе, мы с Михаилом Васильевичем будем во многом зависеть от местных войсковых атаманов. Не они, а мы у них в гостях. Мало мне верится в успех белой работы здесь, на Юге.

— А где тогда, Лавр Георгиевич, по вашему мнению, перспектив больше?

— В Сибири. Я ее хорошо знаю и верю в нее. Убежден, что там антибольшевистское дело можно будет поставить широко. Здесь же мог справиться и один Алексеев. Жаль, что Милюков и его думские политики задержали меня на Дону и не пустили в Сибирь. Именно там следует начинать работу, чтобы не упустить время...

В середине декабря создается Донской гражданский совет или, как его еще называли, Всероссийское правительство. Его возглавили три генерала — Алексеев, Корнилов и Каледин. Это был по сути дела триумvirат первого в годы Гражданской войны антибольшевистского правительства.

В Гражданский совет вошли на правах «рядовых» членов М. Федоров, князь Г. Трубецкой, П. Струве, П. Милюков и... известный «террорист-бомбист» Б. Савинков, соратник министра-социалиста Керенского. Его появление в Новочеркасске оказалось для всех большой неожиданностью.

Объявившись в столице Дона, Савинков сперва нанес визит вежливости атаману Каледину. Разговор у них шел

без свидетелей и, по всей вероятности, не сложился. Казачий генерал симпатий к людям, подобным Савинкову, не испытывал. Более того, он считал их прямыми виновниками гибели России.

После посещения атаманского дворца Савинков отправился на Барочную улицу, в офицерское общежитие. С интересом он смотрел, как на улице строились поротно добровольцы. Отметил, что все были в новых, хотя и залежавшихся на новочеркасских складах шинелях, при погонах. Винтовки-трехлинейки по виду потертых прикладов прошли не одни руки.

Дежурный по общежитию поручик из гвардейцев, косо поглядывая на известного эсера-боевика, все же проводил гостя к генералу Алексееву.

Так же неприветливо встретил Савинкова и ротмистр Шапрон. Но спросил посетителя с привычной учтивостью:

– Как прикажете доложить Михаилу Васильевичу?

– Скажите просто: приехал Савинков.

Генерал Алексеев встретил бывшего комиссара Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего и товарища военного министра сдержанно, но доброжелательно:

– Какими судьбами, Борис Викторович, вы на Дону, в Новочеркасске.

– Скажу прямо, Михаил Васильевич. Хочу служить великой миссии Белого дела.

– В каком же качестве вы себя видите, ведь вы не будете просить записать вас в пехотную роту?

– Конечно, нет. Ведь я, как вам известно, не просто штабс-капитан или подпоручик. Я Борис Савинков. Это имя знает вся Россия. Оно само за себя говорит.

– Согласен насчет вашего имени. Так кем бы вы желали быть в наших рядах?

– По моему глубокому убеждению, возглавление вооруженной борьбы с большевиками одними генералами более чем ошибочно. Особенно в политическом плане. Народная масса отнесется к Белому делу, как к контрреволюционному начинанию.

– Но ведь, как вы сами понимаете, вам, Борис Викторович, командование поручить нельзя. Вы же не военный.

– Михаил Васильевич. В обязательном порядке должно быть создано политическое совещание. Лично я готов хоть сегодня войти в его состав.

– Что даст такое политическое совещание Белому делу?

– Мое присутствие в нем. Мое имя, как и имя генерала Корнилова, придадут начатому вами делу вооруженной борьбы с большевизмом чисто патриотическое начало, лишенное всякого контрреволюционного смысла.

– Думаю, Борис Викторович, что в вашем предложении, возможно, есть рациональное зерно...

На следующий день Алексеев и Каледин, как два члена Донского триумvirата, обратились к Корнилову с предложением сотрудничества с Савинковым и теми силами, которые стояли за его спиной. Но монархист Корнилов сначала ответил категорическим отказом:

– Ни за что, господа генералы! Бомбист и добровольцы в одной связке! Это же уму непостижимо...

Алексееву и Каледину стоило немалых трудов уговорить командующего армией согласиться. Корнилов признал, что в Гражданской войне нужны союзники. Тем более из числа людей решительных, да еще «с именем».

Главный аргумент заключался в словах Алексеева:

– Если Савинков будет работать с нами, то он будет несомненно полезен.

– А если нет?

– Работая от нас отдельно, он может сильно навредить делу.

– Значит, нам выбирать не приходится, Михаил Васильевич?

– Не приходится, Лавр Георгиевич.

– Хорошо, убедили. Я согласен на сотрудничество с Савинковым.

– Тогда будем считать, что дело о союзничестве улажено. А там время покажет...

Сказал свое слово и атаман Каледин:

— Без уступки демократии мне не удастся обеспечить пребывание на Дону Добровольческой армии...

В итоге члены триумvirата решили создать политическое совещание. В его состав вошли: Алексеев (председатель), Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, князь Трубецкой, Федоров и Савинков. Из одиннадцати человек шесть носили генеральские погоны.

Деникин категорически отказался участвовать в работе политического совещания. За все короткое время его существования Антон Иванович ни на одно заседание так и не пришел.

Савинков настоял на том, чтобы в политический совет были введены его люди. Речь шла о трех социалистах: бывшем комиссаре Временного правительства в 8-й армии Вендзягольском, «донском демагоге» Агееве и председателе крестьянского съезда, бывшем ссыльном и эмигранте Мазуренко. Белым генералам пришлось уступить.

Политический совет, однако, не просуществовал и месяца. Он перестал функционировать после переезда штаба Добровольческой армии в Ростов.

Деникин так охарактеризовал «участие» Савинкова в деятельности по формированию Добровольческой армии:

«Участие Савинкова и его группы не дало армии ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака, вызвало лишь недоумение в офицерской среде...»

Последний разговор Алексеева и Савинкова состоялся в Ростове:

— Михаил Васильевич. Политическая ситуация требует, чтобы я уехал с Юга в центр, в столицы.

— Что вас принуждает к этому, Борис Викторович?

— Мне необходимо войти в сношение с некоторыми известными демократическими деятелями сперва в Москве, затем в Питере.

— У вас будут ко мне какие-нибудь просьбы?

— Да, Михаил Васильевич. Две. И весьма серьезные.

— Какова первая из них?

— Мне надо удостоверение за вашей подписью. Оно даст мне право создавать из офицерства подпольные организации и поднимать восстания против большевиков.

— Где вы их намерены поднимать?

— На берегах Верхней Волги. Например, в Ярославле и Рыбинске. Там у меня надежные, верные люди.

— Хорошо. Такое удостоверение с моей подписью вы можете получить хоть сегодня. Какая вторая просьба?

— Михаил Васильевич. Для создания большого антибольшевистского движения мне необходимы деньги.

— Но, уважаемый Борис Викторович, вы же знаете стесненность Добровольческой армии в финансах. Денег у меня для вас просто нет.

— Что ж, тогда мне придется искать источники финансирования самому.

— А что прибывшие с вами социалисты?

— Комиссара Вендзягольского я отправляю в Киев для связи с Юго-Западным фронтом, поляками и чехословаками. Остальные едут со мной в Москву.

— Вы знаете, что большевики ужесточили пропускной режим на железнодорожных станциях?

— Не волнуйтесь, Михаил Васильевич. Я старый конспиратор...

Деникин в книге «Борьба генерала Корнилова» писал о нелюбимом им социалисте-террористе Савинкове так:

«Удостоверение за подписью Алексеева открывало ему новые возможности. Его именем он начал собирать офицерство, распыляя наши силы, и организовывать восстания, которые были скоро и кроваво подавлены большевиками».

К этому можно добавить, что офицеры-монархисты не раз делали неудачные попытки организовать покушение на ненавистного им товарища военного министра Временного правительства. Так что Савинков чувствовал себя в стане белых «неуютно»...

Первую половину января 1918 года генерал Алексеев проработал над документом, получившим впоследствии название «Воззвание к народам Юга и Юго-Востока Рос-

сии». В нем формулировались цели и организационные основы белой Добровольческой армии. Воззвание объявляло, что создаваемая на казачьем Дону армия есть:

«...Организованная военная сила, способная противостоять надвигающейся анархии и немецко-большевистскому нашествию.

Первая непосредственная цель Добровольческой армии – противостоять рука об руку с доблестным казачеством вооруженному нападению на Юг и Юго-Восток России. Все русские люди, собравшиеся здесь со всех концов нашей Родины, должны защищать до последней капли крови самостоятельность областей, давших им приют и являющихся последним оплотом русской независимости, последней надеждой на восстановление Свободной Великой России...»

Автор возвания писал дальше о патриотическом долге всех сынов российского Отечества. Они должны:

«...Встать на страже гражданской свободы, в условиях которой хозяин земли русской – ее народ – выявит через посредство избранного Учредительного собрания свою державную волю, перед которой должны преклониться все классы, партии и отдельные группы населения. Ей одной будет служить создаваемая армия, все участвующие в ее образовании будут беспрекословно подчиняться законной власти, поставленной этим Учредительным собранием...»

«Возвание к народам Юга и Юго-Востока России» заканчивалось призывом ко всем, кто исповедовал верность Великой России:

«...Встать в ряды Российской рати...»

Алексеев призывал к оружию «всех, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась к ней сыновней болью».

Однако формирование Добровольческой армии шло медленно. Едва ли не самой веской причиной стало то, что красноармейские заставы все более умело вели «чистку» железнодорожных составов, которые направлялись на юг, прежде всего в Донскую область. Выявленных при проверке документов офицеров и юнкеров зачастую расстрелива-

ли на месте. Поэтому далеко не всем добровольцам удалось пробраться в Новочеркасск.

Но порой прибывали большие группы. Удивительные организаторские способности проявила М. А. Нестерович, по мужу Берг (Нестерович-Берг), одна из самых замечательных женщин – участниц Белого движения.

18-летней девушкой в 1914 году Мария Нестерович пошла добровольцем на фронт Первой мировой войны. В одном из боев сестра милосердия попала в неприятельский плен.

После возвращения из плена работала в московском отделении комитета «Союза бежавших из плена», созданного не правительством, а солдатами. Нестерович-Берг пользовалась в комитете огромным влиянием и по его документам смогла переправить из Москвы в Донскую и Оренбургскую казачьи области большое число участников боев с Красной гвардией в Первопрестольной.

Работа Марии Нестерович была связана с известным риском. В первый день сдачи Александровского военного училища, которое являлось оплотом антибольшевистских сил во время октябрьских боев в Москве, к ней за помощью обратились 32 офицера и несколько юнкеров. Они просили ее помочь им выехать из Москвы в казачьи области.

Прибыв в комитет «Союза бежавших из плена», Нестерович ознакомила солдат-комитетчиков с «планом работы». В тот же день было устроено заседание комитета, и белые офицеры, переодетые нижними чинами, получили документы бывших пленных, подписанные председателем комитета Крыловым.

Нестерович была откровенна с фронтовиками-комитетчиками. Многие из них участвовали в боях на стороне белых. На том заседании она заявила солдатам:

– Дорогие мои, я хочу быть вполне откровенной. Ведь у нас с вами была одна цель – помочь оставшимся в плену. Вам известно, что с первого дня войны, – мне было восемнадцать лет, – я уехала на фронт. Многие из вас знают, сколько я выстрадала в плену и как на вас же продолжала работать, освободившись из плена. Вы помните, что я за-

стала в комитете, и видите – что оставляю, уходя из него. А уйти необходимо. С болью покидаю вас, но теперь мой долг – помочь несчастным офицерам и их семьям.

Когда Нестерович закончила свой по-женски взволнованный монолог, солдаты-комитетчики долго молчали. Им было трудно сделать выбор: на чью сторону встать в тех событиях? Первым заговорил председатель комитета Крылов:

– Мария Антоновна! Неужели вы нас считаете такими же подлецами, как тех, что с красным бантом ходят? Неужели мы не заслужили вашего доверия и тех офицеров, с которыми дрались против большевиков? Рассчитывайте на нас – все сделаем, что вы скажете, и пойдём, куда скажете.

В тот же день на бланках комитета «Союза бежавших из плена» были оформлены проездные документы. Вечером того же дня 142 человека поездом отправились в сторону Новочеркасска. Ехали они с разных московских вокзалов «врассыпную». Каждый отъезжающий получил на дорогу по сто рублей.

Нестерович в 1917 и 1918 годах совершила несколько поездок на Дон и в Оренбург, сопровождая группы добровольцев, которые уезжали из Москвы по подложным документам. Ей не раз приходилось спасать офицеров от верной гибели, поскольку красноармейские заставы на железнодорожных станциях «ставили к стенке» каждого подозреваемого «кадета» и «контрреволюционера».

Работой комитета «Союза бежавших из плена» интересовались не только атаманы Дутов и Каледин, но и генерал Алексеев. Для них сестра милосердия служила не только источником информации, но и курьером для передачи посланий и приказаний.

Личная встреча Михаила Васильевича с Нестерович состоялась во время ее первого посещения Новочеркасска. После того как они познакомились, Алексеев сказал с благодарностью:

– Мария Антоновна. Весьма признателен вам за тех добровольцев, которых вы направили на Дон после октябрьских боев в Москве. Как на сегодня ситуация?

Выслушав, генерал сказал:

– Сейчас нам, как ни странно, нужны не люди, а деньги. Армию надо на что-то содержать.

– Михаил Васильевич. Обещаю вам, что с рекомендательным письмом обойду всех московских банкиров, которые мне лично известны.

– Признателен вам за желание помочь Белому делу. Вот для москвичей удостоверение.

На небольшом листе бумаги машинописью значилось следующее:

«Генерал М. В. Алексеев знает лично сестру милосердия М. А. Нестерович, бывшую на Дону и оказывающую большие услуги вновь формирующейся армии».

– Спасибо, Михаил Васильевич, за доверие.

– Что вы, Мария Антоновна. Это вам нижайший от моих добровольцев поклон. Скажите, сколько вам лет?

– Двадцать один.

– Да, потому много и делаете, что еще так молоды. Отчета себе не отдаете, как это опасно. Вы русская?

– Нет, полька.

– Полька? Тем похвальнее. У меня к вам огромнейшая просьба.

– Какая, господин генерал?

– У многих наших офицеров остались в Москве семьи. Помогите им от имени вашего комитета, если можете, какими-то, пусть и небольшими, средствами. Список семей с адресами уже составлен моим адъютантом.

– Хорошо. Думаю, что помочь сможем.

– В последующих делах держите связь с капитаном Алексеевым, моим однофамильцем. Он в армии ведаёт делами контрразведки...

Нестерович возвращалась вместе со своим товарищем по антибольшевистскому подполью Андриенко. Их не раз выручали в пути документы, полученные в комитете «Союза бежавших из плена».

В Москве Нестерович сразу отправилась к финансисту Оловянишникову, на которого надеялся лично знавший его генерал Алексеев. Прочитав письмо, банкир сказал:

— Передайте Алексееву, что денег мы ему не дадим. Пусть берет их где угодно — в Англии, Америке, Франции. У нас денег нет.

— Но генерал Алексеев рассчитывает на денежную помощь москвичей...

Оловянишников сказал, как отрезал:

— Напрасно надеется. Позвольте, милостивая сударыня, с вами раскланяться...

Следующий визит Нестерович нанесла известному московскому промышленнику Гучкову. Тот внимательнейшим образом прочитал адресованное ему с Дона письмо и сказал:

— Я весь к вашим услугам. Сделаю все, что только могу сделать.

— Мне лично ничего не нужно. Но прошу вас, сделайте это для спасения вашей родины.

— Вашей родины! А разве Россия вам не родина?

— Моя родина — Польша. А гибнущую Россию мне жаль, Николай Иванович. От генерала Алексеева убедительнейшая просьба. Добровольческая армия крайне нуждается в деньгах. Требуется хотя бы сто тысяч рублей.

— Могу дать для передачи генералу Алексееву только пять тысяч. И объясняю, почему так мало. Сейчас я занят отправкой офицеров в Сибирь. Туда идут из Москвы большие суммы, а оружие и снаряды доставят японцы. У меня с ними связь.

— Можно ли нам будет рассчитывать еще на вас?

— Безусловно. Помощь Дону я лично уже оказываю. Передайте Алексееву и атаману Каледину, что на днях в Новочеркасск должен прибыть санитарный поезд номер четыре, из Ставки, из Могилева с запасами медикаментов и перевязочным материалом на полтора миллиона рублей. Заведует поездом мой зять Карпов, а сестрой милосердия едет моя дочь. Поезд вышел из Могилева, как будто направляясь через Дон на Кавказский фронт.

— Добровольцы и атаман Каледин вам за это будут премного благодарны, Николай Иванович.

— Что вы, Мария Антоновна. Сущие пустяки...

«Санитарный поезд Императрицы Александры Федоровны» благополучно прибыл в Новочеркасск. Медицинская часть и казачьего Войска Донского, и Добровольческой армии получили благодаря трудам одного из братьев Гучковых значительное «пополнение».

После Оловянишникова и Гучкова связная генерала Алексеева посетила немало московских банкиров и промышленников. Большинство из них в помощи не отказывали, но денег давали мало. Так, граф Олсуфьев передал три тысячи рублей. Состоятельнейший банкир Второв — десять тысяч. Его супруга со слезами в глазах просила Нестерович:

— Господи, пусть только они наступают на Лиски и дальше к нам. Москва их засыпет золотом...

Зимой поток желающих сражаться под знаменами Белого движения не иссякал. В среднем за день приезжали в Новочеркасск и записывались в ряды белой армии 75–80 добровольцев. Алексеева и Корнилова радовало то, что это были бойцы, на которых можно положиться в самом трудном деле. Их не надо было гнать в бой, уговаривать и агитировать: в атаку они поднимались по первому же приказу своего командира и шли в лоб на пулеметный огонь.

Нижних чинов из числа фронтовиков прибывало мало. Белую армию пополняли в самом начале 1918 года больше всего молодые офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов. Многих привлекала «романтика» начинавшейся Гражданской войны:

— Хочу умереть за единую и неделимую великую Россию!..

Сложность формирования Добровольческой армии состояла и в следующем. Винтовок, огнестрельных припасов, обмундирования, обуви и другого снаряжения на войсковых складах Дона почти не оставалось. Хуже всего было с орудиями и снарядами к ним.

Оружие и патроны добывали как только могли. Отбирали у проходивших через Ростов и Новочеркасск воинских эшелонов, едущих с фронта «по домам». Покупали и меняли на продукты питания через скупщиков в железнодоро-

рожных поездах, проходивших через Область Войска Донского.

Наконец, для захвата оружия стали посылаться небольшие экспедиции в соседнюю с Доном Ставропольскую губернию. На ее территории в начале 1918 года стали сосредотачиваться большевистски настроенные воинские части, которые прибывали сюда с развалившегося Кавказского фронта.

Новочеркасск оказался на российском Юге едва ли не единственным центром, где создавались добровольческие формирования. Такие же части появились и на Кубани, в ее столице Екатеринодаре, но они предназначались главным образом для защиты города от красных. Те стали угрожать Екатеринодару со стороны Тихорецкой, важного узла железных дорог, и портового Новороссийска, где «властвовали» революционные моряки Черноморского флота, пришедшие сюда на кораблях из Севастополя.

Русский фронт прекращал свое существование. Прибывавшие на Дон казачьи части хотя и не растеряли своей организованности, личного оружия и лошадей, но воевать не хотели. Казаки стремились поскорее разъехаться по станциям и хуторам, возвратиться к семьям, которые не видели несколько лет. Старики корили молодежь, но проку из этого не было.

Тогда атаман Каледин встал на путь формирования добровольческих, так называемых «партизанских» отрядов, в которые охотно шли офицеры, донские юнкера и гимназисты. Но среди командиров таких «летучих» отрядов оказалось немало авантюристов, поощрявших грабеж местного населения.

Однако были командиры «партизан», которые оказались, как говорится, на своем месте. В боях с красными отрядами на границах Донской области отличились войсковой старшина Семилетов и особенно бесстрашный есаул Чернецов, прозванный за свои молодецкие набеги «белым дьяволом».

Фигура Василия Чернецова, происходившего родом из станции Усть-Белокалитвенской, была характерной для

начала периода Гражданской войны на Дону. После окончания Новочеркасского казачьего юнкерского училища Чернецов вскоре оказался на Первой мировой войне. Осенью 1915 года он уже носил звание сотника 26-го Донского казачьего полка из 4-й Донской казачьей дивизии. Был организатором и командиром сводной партизанской сотни при штабе этой дивизии, или, говоря современным языком, — конного разведывательно-диверсионного отряда.

В начале 1917 года после очередного ранения есаула Чернецова отправили для лечения на родной ему Дон. После выздоровления был назначен военным комендантом на Макеевские угольные рудники. Там и застал боевого фронтового офицера Октябрь. Уже в конце ноября Чернецов сформировал на Дону один из первых партизанских отрядов для борьбы с Советами.

Первоначально отряд насчитывал всего около 250 человек. Это были офицеры-добровольцы, преимущественно казацки, учащаяся молодежь. Особенно большое пополнение дала Новочеркасская имени атамана Платова гимназия.

В декабре партизанский отряд совершил свою первую карательную экспедицию в Донецкий каменноугольный бассейн, где вел бои против отрядов Красной гвардии, беспощадно расправляясь с большевиками. После возвращения в Новочеркасск отряд был переформирован, и в него вошла пулеметная команда 17-го Донского казачьего полка. В последних числах декабря 1917 года чернецовцы захватили узловую железнодорожную станцию Дебальцево.

Произведенный Донским Войсковым Кругом сразу в полковники, Чернецов свои набеги на территорию Донецкого угольного бассейна совершал из Новочеркаска. Получив сведения о том, что на такой-то железнодорожной станции появился красногвардейский отряд или мародерствующий отряд дезертиров, он спешил туда. Бойцы, получив винтовки и патроны, грузились в теплушки, и поезд отправлялся в бой с новочеркасского вокзала.

Не доезжая до нужного места, чернецовцы выгружались, разворачивались в цепь и штурмовали железнодо-

рожную станцию. В таких набегах партизан поддерживали орудийные расчеты юнкеров-добровольцев. Это было выполнение боевых приказов Алексеева, а затем и командующего Белой армией Корнилова. Вскоре полковнику Чернецову поручили «держат» Донской фронт в районе железнодорожных станций Лихая – Каменская...

Формирование Добровольческой армии затрудняло и отсутствие денег. Частные пожертвования, доставка средств из Москвы не решали проблемы. Тогда генералы Алексеев и Корнилов договорились с донским атаманом и представителями Государственного банка на Юге о том, что они возьмут из местных банковских отделений и ростовского казначейства тридцать миллионов рублей.

Половина этой суммы пошла на нужды формирующейся Донской армии, другая – Добровольческой армии. Так рачительный и экономный Михаил Васильевич оказался «обладателем» пятнадцати миллионов рублей.

Донской триумvirат пошел и на печатание при ростовском отделении Государственного банка новых денежных знаков. Была создана «экспедиция заготовления денежных знаков». Но дело дальше рисунков не пошло. Печатные машины установили и клише изготовили только к середине февраля 1918 года, когда неблагоприятная обстановка вынудила Добровольческую армию оставить Ростов и двинуться в поход на Кубань.

В самом конце декабря «заявили» о себе союзники России по Антанте. В Новочеркасск из Москвы прибыли по одному представителю от военных миссий Великобритании и Франции. Они интересовались ходом формирования Добровольческой армии, бойцы которой симпатий к Германии не питали.

Союзники пообещали командованию Белой армии помощь пока только деньгами. Договорились, что сумма в сто миллионов рублей будет передана генералу Алексееву по десять миллионов в месяц, начиная с января 1918 года. Однако получить первые деньги от Антанты белые добровольцы из-за развернувшихся боев не сумели.

К середине января 1918 года Добровольческая армия

превратилась в небольшую, численностью около пяти тысяч человек, армию, пусть и слабо вооруженную и снаряженную, но в моральном отношении сильную.

На Дон прибыл Славянский ударный полк, которому вернули его прежнее название – Корниловский. Вместе с полковым командиром М. О. Неженцевым в Новочеркасск «просочились» полтысячи нижних чинов и полсотня офицеров. Почти все они были георгиевскими кавалерами за отличия в боях на Юго-Западном фронте. Капитан Генерального штаба Неженцев пользовался большой любовью генерала Корнилова еще тогда, когда был начальником разведывательного отдела штаба его 8-й армии.

Теперь в состав армии кроме Корниловского ударного полка входили Офицерский, Юнкерский и Георгиевские батальоны, четыре артиллерийские батареи, инженерная рота, офицерский кавалерийский эскадрон и рота гвардейских офицеров, морская рота, дивизион смерти Кавказской дивизии, несколько партизанских отрядов, другие части. Из учащейся молодежи Ростова формировался Ростовский добровольческий полк.

Структура Добровольческой армии во время ее пребывания на Дону постоянно менялась. Роты превращались в батальоны. Создавались новые отряды, которые часто именовались по именам своих командиров.

Вскоре добровольцы получили отличительный знак новой Русской армии. Это был нашиваемый на рукав угол из трех лент трех цветов национального флага ушедшей в историю старой России.

...Наиболее остро стоял вопрос с вооружением. Алексеев, а потом и Корнилов так наставляли командиров отрядов:

– Оружие для себя добывать любыми способами. Покупайте, отбивайте, выпрашивайте.

А. И. Деникин писал о том, как собиралось вооружение Белой армии, в своих мемуарах следующее:

«Высокопоучительна история создания добровольческой артиллерии. Одну батарею (два орудия) украли в

39-й дивизии, ушедшей самовольно с Кавказского фронта и обратившей Ставропольскую губернию в свой лен. Сборный офицерско-юнкерский отряд произвел ночной набег на одно из селений, расположенных в районе Торговой (Ставропольской губернии, верстах в полутора от Новочеркаска), где квартировала батарея, отбил у солдат два орудия и привез их в Новочеркасск.

Два орудия мы взяли в донском складе с разрешения комитета для отдания почестей на похоронах добровольческого офицера и «затеряли».

Одну батарею купили у вернувшихся с фронта казков-артиллеристов, послав к ним полковника Тимановского, который сполл команду и уплатил ей около 5 тысяч рублей. Можно себе представить наше огорчение, когда донцы неожиданно отказались от сделки ввиду того, что войсковой штаб назначил в батарею пополнение, и неизвестно было, как оно отнесется к самоупраждению. Послали телеграмму в донской штаб, который поспешил отменить свое распоряжение.

Наконец, в начале января команда в составе около 40 офицеров и юнкеров была откомандирована в Екатеринодар за уступленными нам кубанским атаманом пушками. На узловой станции Тимашевской вагон с добровольцами окружили казаки местного Кубанского полка, и, когда после долгих споров добровольцы, не желая пролития крови, согласились сдать оружие, с тем что их пропустят в Екатеринодар (в этом их заверил и штаб-офицер Кубанского полка), казаки перецепили вагон и под сильным конвоем отправили его... в Новороссийск, сдав добровольцев военно-революционному комитету.

Несколько человек на полном ходу выбросились из вагона и вернулись в Ростов, остальные томилась почти восемь месяцев в Новороссийской тюрьме в ожидании той участи, которая постигла там вскоре несчастных офицеров Варнавинского полка.

Команда контрминоносца «Керчь» совместно с советскими властями города сняла с транспорта, отходившего от пристани с 491-м Варнавинским полком, выданных

солдатами после некоторого колебания всех офицеров полка. В тот же день, 18 февраля, офицеры, помещенные на баржу, были раздеты, связаны, изувечены, изрублены, расстреляны, а затем сброшены в море. Через несколько месяцев трупы несчастных стали всплывать на поверхность воды.

По счастливой случайности артиллеристы остались целы и были выручены вступившими в Новороссийск в августе 1918 года частями Добровольческой армии...»

Появились у Добровольческой армии и свои «военно-воздушные силы». Дело с их возникновением обстояло так. В Таганроге находился авиаремонтный завод, на который под видом рабочих устроились два белых летчика из числа фронтовиков. Под предлогом испытания отремонтированного аэроплана они поднялись в воздух, сделали круг над городом и улетели в сторону Новочеркаска...

В один из январских дней состоялся военный совет Добровольческой армии, на который был приглашен атаман Каледин. Обсуждался один вопрос – оперативная ситуация, которая складывалась вокруг Донской области. Военный совет вел командующий Корнилов. Доклад делал начальник армейского штаба Лукомский.

– Кольцо красных войск начинает сжиматься вокруг Донской области. Нам угрожают со стороны Донецкого бассейна по железным дорогам, ведущим на Таганрог, Батайск и Новочеркасск, на станциях Звереве и Лиски, со стороны Воронежа, Торговой и Тихорецкой.

– Откуда Дону грозит на сегодня большая опасность?

– Мне видится, что со стороны Царицына и Ставропольской губернии. А также из Терской области.

– Какие силы там у противника?

– Прежде всего это полки туркестанских стрелков, полностью большевизированные, с Кавказского фронта. И хорошо известная нам 39-я пехотная дивизия.

– Каков их численный состав? Хотя бы приблизительно можно сказать, Александр Сергеевич?

– По нашим сведениям, эти части имеют как минимум половину своего штатного состава. Красным командирам

удалось удержать в кавказских частях большую часть нижних чинов. Все они имеют фронтную закалку.

— Что еще имеют на Юге большевики?

— Создано много красноармейских отрядов из иногородних на казачьих землях. Отмечается тот прискорбный факт, что и кубанские казаки наличествуют в их составе.

— С оружием и прочим воинским снаряжением у противника, думается, сегодня проблем нет.

— Точно так, Лавр Георгиевич. Противник хорошо обеспечен оружием. Артиллерии и железнодорожных эшелонов у него в достатке. К тому же тыловые запасы Кавказского фронта по ту сторону гор оказались в руках местных советов.

— Когда добровольцы, на ваш взгляд, могут начать наступательные операции?

— По моему мнению, когда численность армии будет доведена как минимум до десяти тысячи бойцов.

— Какие меры для этого предлагает штаб армии?

— Есть предложение перенести центр формирования Добровольческой армии в город, где имеются большие людские резервы.

— Вы имеете в виду Ростов?

— Да, именно. По подсчетам штаба армии на Дону, в городах Ростове и Таганроге осело примерно семнадцать тысяч офицеров. Но основная их масса еще колеблется и не принимает участия в белой борьбе.

— Хорошо. Будем считать, что вопрос о переводе армейского штаба и основных сил в Ростов нами решен. Как к этому отнесется атаман Каледин?

— Лавр Георгиевич, вы знаете, что подвижка на Дону в нашу пользу началась. Я принимаю на себя охрану границ Дона. Но мне нужна ваша помощь.

— Какой вы ее видите?

— Я прошу вас оставить в моем распоряжении часть добровольцев. Они станут боевым ядром создаваемой Донской армии.

— Предложение принято. В Новочеркасске мы оставляем Офицерский батальон и одну батарею. Они будут прикрывать его с севера, со стороны Донецкого бассейна.

— Благодарю. Мне хотелось бы, чтобы добровольцы взяли на себя еще и защиту Таганрога.

— Туда уже направлены надежные заставы...

В середине января генералы Алексеев и Корнилов и штаб Добровольческой армии перешли в Ростов. Сюда же перешли основные силы Белой армии. В городе Таганроге расположился Офицерский батальон полковника Кутепова, который поддерживала своими штыками 3-я Киевская школа прапорщиков. Она была переведена из Киева в Таганрог в начале ноября 1917 года и стояла там гарнизоном. Школа состояла из двух рот общей численностью 400 человек.

На левый берег Дона, в Батайск был переброшен дивизион полковника Ширяева, который позднее усилили Морской ротой, сформированной преимущественно из флотских офицеров. От Батайска вперед к станции Степной выдвинули крепкую заставу.

Морской ротой командовал капитан 2-го ранга В. Н. Потемкин, один из героев Русско-японской войны 1904–1905 годов. Будучи мичманом в 19 лет, в Цусимском морском сражении он принял командование над гибнущим миноносцем «Громкий», после того как командир и все другие офицеры корабля погибли. Получив тяжелое ранение в ногу, бросился в морскую воду только тогда, когда миноносец стал тонуть. Был подобран японцами, которые сообщили русскому командованию о героической гибели «Громкого» и доблести командовавшего им офицера. Тот, после возвращения из плена, был награжден золотым оружием.

В Первой мировой войне капитан 2-го ранга Потемкин командовал эсминцем на Балтике. Стал одним из первых добровольцев, бежав из Гельсингфорса, где находился под арестом. Во время обороны вокзала в Батайске получил тяжелое ранение в голову и потерял глаз. По этой причине участия в 1-м Ледяном Кубанском походе не принимал. Впоследствии командовал бронепоездом «Князь Пожарский», чья команда отличилась в боях за Харьков. Последней должностью в Белой армии, уже в Крыму, было командование военным транспортом «Ялта»...

Оградившись таким образом от возможных внезапных нападений противника, Добровольческая армия на считанные дни «замерла» в Ростове. Население города будоражили различные слухи. Враждебное отношение к добровольцам сказывалось на собраниях, митингах, сходах.

Тогда донские министры (в том числе и избранные от местных крестьян-иностранцев) и глава Ростовской думы, чтобы успокоить местное население, пригласили к себе для беседы генерала Алексеева. «Законных поводов» имелось два:

Во-первых, рабочие манифестации в эти дни принимали резолюции такого содержания:

«Пусть армия существует, но, если она пойдет против революции, она должна быть расформирована».

Во-вторых, состоявшийся крестьянский съезд иностранцев Донской области тоже принял схожую резолюцию:

«Добровольческая армия должна быть под контролем объединенного правительства, и, в случае установления в ней элементов контрреволюционных, таковые элементы должны быть удалены немедленно за пределы области».

Алексеев не отказался от такого приглашения, а принял его с благодарностью. Так он получал прекрасную возможность рассказать жителям крупнейшего города Дона о целях создания Добровольческой армии. Разговор начал председатель Донского кабинета министров:

— Господин генерал, крестьянский съезд поручил нам всесторонне познакомиться с организацией, деятельностью и задачами Добровольческой армии.

— Я готов ответить на все интересующие вас вопросы, господин председатель.

— Тогда первый вопрос. Кем создана армия, которая на днях вступила в Ростов?

— Армия создана союзом, организовавшимся в Москве в октябре 1917 года для спасения России. Это дело было поручено лично мне, генералу Алексееву.

— Из каких элементов формируется армия?

— Из беженцев, прибывающих в Донскую область из центральных губерний.

— На какие средства существуют на Дону ваши войска?

— На добровольные пожертвования граждан. Часть средств дают наши союзники.

— Скажите, пожалуйста, даете ли вы какие-либо обязательства, получая эти средства?

— При обыкновенных условиях я считал бы подобный вопрос за оскорбление. Но сейчас я на этот вопрос отвечаю. Добровольческая армия не принимает на себя никаких обязательств, кроме поставленной цели — спасения России. Добровольческую армию купить нельзя.

— Существует ли, господин генерал, какой-нибудь контроль над армией?

— Честь, совесть, сознание принятого на себя долга и величие идеи, преследуемой Добровольческой армией и ее вождями, служат наилучшим контролем, с чьей бы то ни было стороны.

— Значит, вы не подчиняетесь демократическому правительству Донской области?

— Разумеется, нет, господа министры.

— Не сможете ли вы ответить на вопрос: почему союзники поддерживают Добровольческую армию?

— Потому что мы, борясь с большевиками, вместе с тем продолжаем войну и с немцами. Кроме того, защищая хлебный угол России от большевиков, мы тем самым отстаиваем его и от немецких поползновений, что выгодно для наших союзников, — вот почему им, затрачивающим на борьбу с немцами миллиарды, ничего не стоит рискнуть небольшой суммой на поддержку движения, совпадающего с их интересами.

— Каковы ваши надежды на будущее?

— Я твердо верю в полное очищение России от большевизма. В этом нам окажут поддержку российская интеллигенция и крестьянство, которое уже устало от большевиков и готово принять хоть плохонького царя, лишь бы избавиться от насильников.

— Разрешите задать вам еще один, последний вопрос? Если вы не враг демократии, то как бы вы отнеслись к тем воинским формированиям, которые предложила создать Ростовская дума из демократических элементов?

– Ничего не имею против принятия их в Добровольческую армию. Конечно, если они откажутся от всего того, что сделало из Русской армии сброд.

– Простите, генерал, но еще один, последний вопрос. Кто стоит во главе командования Добровольческой армии?

– Генералы Корнилов и Деникин...

Ростов продолжал жить шумной жизнью богатого города. Работали торговые конторы, банки, магазины, лавки. Процветала спекуляция. В ночных клубах и игорных домах местные воротилы сорили деньгами. Были открыты двери кинематографов, театров, ночных притонов. Давались концерты. Казалось, что о борьбе с большевиками среди состоятельной части горожан никто и не думал.

Один из участников Гражданской войны на Дону, оказавшись в эмиграции, писал о тех днях так:

«Богатый Ростов смотрел на своих защитников как на лишнюю обузу, может быть, и справедливо считая, что горсть героев все равно не спасет его от большевиков, а вместе с тем помешает как-нибудь договориться с ними...»

Но был и другой Ростов. Генерал А. П. Богаевский, избранный в феврале 1919 года войсковым атаманом Всеволодского войска Донского и остававшийся им до конца своей жизни, в своих «Воспоминаниях» писал о пребывании добровольцев в этом городе следующее:

«Положение становилось все более и более тяжелым... Рабочие же и всякий уличный сброд с ненавистью смотрели на добровольцев и только ждали прихода большевиков, чтобы расправиться с ненавистными «кадетами».

Малопонятное озлобление против нас со стороны рабочих было настолько велико, что иногда выливалось в ужасные, зверские формы. Ходить в темное время по улицам города, а в особенности в Темернике, было далеко не безопасно. Были случаи нападений и убийств...

Посоветовавшись с Корниловым, ради предотвращения возможных эксцессов я (генерал-майор Богаевский был командующим белыми войсками Ростовского района. — А. Ш.) объявил город на «военном положении»...»

Из своей ростовской штаб-квартиры Алексеев «не устал» писать письма с просьбами оказать денежную помощь Добровольческой армии. Шли призывы давать «патриотические пожертвования» на Белое дело. Коммерческие банки Ростова согласились дать Алексееву под векселя 350 тысяч рублей ассигнациями. На большее ростовские банкиры не пошли.

(Когда добровольцы в начале 1918 года оставят Ростов, то те же коммерческие банки по первому требованию командования красновардейских отрядов, занявших город, и созданного большевиками местного Совета выдадут 18 миллионов рублей на содержание Красной армии...)

Положение тем временем становилось на Юге все более сложным. Началась агония Донского фронта. Его теперь держали только отчаянно дравшиеся белые партизанские отряды, Офицерская донская казачья дружина и части Добровольческой армии. Все они наступающему противнику проигрывали прежде всего в численности бойцов, не уступая в боевом духе.

Все железные дороги, которые вели из Европейской России в Ростов и Новочеркасск, были в руках большевиков, установивших на станциях самый жесточайший контроль за пассажирами. Приток добровольцев почти прекратился. Теперь на Дон просачивались только отдельные смельчаки. Казачество в своем большинстве все еще надеялось «остаться в стороне» от происходивших событий.

Скоро стало ясно, что, оставаясь на месте и отбивая атаки красных войск теперь уже с трех сторон, Добровольческая армия сознательно обрекала себя на поражение. По этому поводу Алексеев сказал командующему:

– Лавр Георгиевич. Мы скоро будем совершенно окружены и погибнем.

– Значит, Михаил Васильевич, вы за поход?

– Да. Армия должна быть в атакующем движении. Иначе ее ждет гибель.

– Дело нашей солдатской чести спасти армию Белого дела.

– Мы ее обязательно спасем. Наши батальоны станут полками, а полки превратятся в дивизии. Только нам надо время.

– Вы правы. Пусть только история даст нам самое короткое время.

– У меня такое предчувствие, что такое время мы проведем в кровавой борьбе.

– Пусть будет так, как хочет Господь. Но верю в то, что белые добровольцы обязательно пойдут в поход на освобождение нашей Первопрестольной, златоглавой Москвы-матушки.

– Дай Бог, чтобы такое случилось как можно раньше...

Командование Добровольческой армии искало себе союзников. В город Екатеринодар был послан полномочным представителем «быховец» генерал-лейтенант И. Г. Эрдели. Ему ставилась задача поддерживать связь с Кубанским правительством и атаманом Кубанского казачьего войска. Алексеев просил посланца:

– Надо подготовить кубанское казачество к доброжелательной встрече добровольцев. Из Ростова мы можем отступить только на юг, но никак не в Сальские степи...

В ряд областей Северного Кавказа откомандировали офицеров, знакомых с местными условиями. Надежда получить помощь от кавказских горцев не оставяла Корнилова с Алексеевым. Они знали, что вернувшиеся с фронта всадники Черкесского, Кабардинского, Осетинского, Ингушского, Чеченского и двух Дагестанских конных полков симпатий к большевикам не питали.

Обнадеживало то, что со второй половины декабря в рядах Добровольческой армии действовала целая воинская часть из горцев – прибывший с фронта в Ростов Ударный дивизион Кавказской кавалерийской дивизии. Его командиру полковнику Ширяеву и помощнику ротмистру Дудареву удалось сохранить дивизион в числе 80 человек – трети списочного состава – и привести его на Дон. За неимением коней горцы первое время воевали в пешем строю. Для руководства в пехотных боях были приданы офицеры-добровольцы.

Посланным в горы офицерам поручалось войти в связь с лидерами горцев и начать набор добровольцев. Алексеев инструктировал посланцев:

– Ставшие большевистскими части с Кавказского фронта в поисках продовольствия буквально грабят аулы. Горцы страшно возмущены этим. Призовите их к борьбе...

В середине января из Екатеринодара в Ростов пришла телеграмма от генерала Эрдели. Он сообщал, что выезжает в штаб Добровольческой армии вместе с князем Девлет-Гиреем (Девлет-хан-Гиреем), который обещал выставить до десяти тысяч черкесов на войну с красными. Эрдели телеграфировал:

«...Князь Девлет-Гирей предлагает нам помощь и готов поднять на борьбу с большевиками весь черкесский народ».

По прибытии в Ростов Девлет-Гирей с ним состоялась встреча, в которой участвовали Алексеев, Деникин, Лукомский и Эрдели.

– Уважаемый князь, вы подтверждаете свое обещание генералу Эрдели выставить десять тысяч черкесов?

– Да, подтверждаю. И не только черкесов. На мой призыв откликнутся и другие горские народы. Кавказ велик, и его люди чтут мой род.

– Сколько вам, князь, потребуется времени на это?

– В первые две недели я могу поставить в строй две тысячи конных, вооруженных за свой счет черкесских джигитов. Остальные встанут под мои знамена за полтора, самое большее – два месяца.

– Какое содействие вы ждете от нас, командования Белой армии?

– Мои воины нуждаются в денежном содержании, чтобы воевать за нового царя в России. Надо будет покупать и коней, и винтовки.

– Какую сумму вы хотели бы получить на это дело?

– Прошу выдать мне единовременно около миллиона рублей. Остальные деньги готов получить несколько позднее. И еще мне нужно девять тысяч ружей.

Алексеев и Корнилов при этих словах молча переглянулись. Было очень сомнительно, что князь сможет со-

брать в горах Черкесии десять тысяч всадников. Добровольческий Черкесский полк Кавказской туземной («Дикой») дивизии насчитывал всего четыре конные сотни. Но перед встречей было решено, что в деле с Девлет-Гирем надо рискнуть.

— Уважаемый князь. Вы поставили перед собой трудную задачу собрать в горах такое огромное конное войско.

— Если будет дан миллион рублей или пусть даже чуть меньше, то лавина с гор обрушится на красных в самом начале весны. И сомнет их в степях.

— Но мы можем дать вам только двести тысяч рублей. Казна нашей армии более скромна, чем хотелось бы.

— Всего двести тысяч! В таком случае я прекращаю с вами, господа генералы, разговор до лучших времен. Позвольте откланяться. Меня ждут в горах...

Князь Девлет-Гирей в сопровождении свиты телохранителей уехал из Ростова в Екатеринодар крайне обиженный. Уговоры его давнего знакомого генерала Эрдели не подействовали. Вяizzlyваться в войну между белыми и красными «за просто так» горский владелец не желал. Советская власть его пока мало чем обидела. Еще не успела «прижать» как своего потенциального классового врага.

Последующие события Гражданской войны показали, что «проект Девлет-Гирея» не был осуществим. Когда черкесы ополчились против большевиков за страшные по последствиям реквизиции скота и прочего провианта, их вооруженные отряды занялись только упорной защитой своих аулов. «Вытащить» же горскую конницу воевать на равнине оказалось задачей сложной.

...В последних числах января красные войска овладели Батайском, расположенным против Ростова на левом берегу Дона. Оттуда был выбит сводный белый отряд генерала Маркова.

Советскими отрядами был занят и город Таганрог, в котором вспыхнуло восстание рабочих. В ходе уличных боев таганрогский гарнизон силой всего в четыреста штыков (3-я Киевская школа прапорщиков) был большей частью истреблен. Только небольшой части юнкеров удалось с бо-

ем вырваться из города к станции Марцево на соединение с добровольцами. Киевские юнкера влились в состав Юнкерского батальона, понесшего к тому времени в боях большие потери.

Под этим приморским городом добровольцы выдержали первый серьезный бой. Полковник Кутепов, чей Офицерский батальон был подкреплен частью Георгиевского полка и донским партизанским отрядом Семидетова, дважды разбил отряды красного военачальника прапорщика Сиверса у железнодорожной станции «Матвеев Курган». Победа далась легко, поскольку яростному напору плохо управляемых, преимущественно недисциплинированных матросских отрядов добровольцы противопоставили воинскую выучку и воодушевление офицерских рот.

Вокруг Ростова-на-Дону возникло кольцо окружения. К началу весны 1918 года оно стало неудержимо замыкаться.

В те дни Михаил Васильевич писал своим родным:

«Горсточка наших людей, не поддержанная совершенно казаками, брошенная всеми, лишенная артиллерийских снарядов, истомленная длительными боями, непогодю, морозами, по-видимому, исчерпала до конца свои силы и возможности борьбы. Если сегодня-завтра не заговорит казачья совесть, если хозяева Дона не станут на защиту своего достоинства, то мы будем раздавлены численностью хотя бы и ничтожно нравственного врага.»

Нам нужно будет уйти с Дона при крайне трудной обстановке. Нам предстоит трудный, по всей вероятности, пеший путь и неведомое впереди, предначертанное Господом Богом. Трудно сказать, как все устроится.»

Если мне Богом суждено погибнуть, то со мной погибнут и те, кто несет на себе тот же крест. Всю жизнь прожил честно. Хуже то, что погибнет такое дело, от которого ожидалось известные результаты. За это будут нарекания. Но если бы кто знал ту невыразимо тяжелую обстановку, при которой прожиты последние три месяца.»

Это было сплошное мученье. Голова забита, и я не могу молиться так, как я умел молиться в былые тяжелые

дни моей жизни. Я всегда получал облегчение моему сознанию, моей душе...»

Донской атаман Каледин, чувствуя всю серьезность положения и поняв, что своими силами он Дон не удержит, связался по телеграфу со штабом Добровольческой армии:

– У аппарата атаман Каледин.

– У аппарата Корнилов, Алексеев. Слушаем вас.

– Предлагаю в ближайшие дни сосредоточить главные силы добровольцев под Новочеркасском.

– Это тактически неверно. Мы потеряем Ростов и окажемся в ловушке.

– В таком случае молодая Донская армия свою столицу не удержит.

– Но в противном случае может погибнуть Белое дело.

– Вас понял. Приглашаю завтра на заседание Донского правительства.

– Обстановка не позволяет нам оставить Ростов. К вам прибудет начштаба армии генерал Лукомский...

Командованию Добровольческой армии было ясно, что калединцам не удержаться на сей раз против натиска красных. Поводов к такому неутешительному выводу было два.

Во-первых, всех поразила гибель «белого дьявола» Чернецова. Этот кумир белого Дона, командуя сводным добровольческим отрядом из офицеров, гимназистов, кадетов, студентов, только-только разбил в станице Каменской части казачьего Военно-революционного комитета. Но ответным ударом красные разгромили чернецовцев, а сам командир белых «партизан» был изрублен шашками.

Обстоятельства гибели были таковы. 21 января одна из двух сотен чернецовского отряда вместе с командиром в результате боя с 27-м Донским казачьим полком была захвачена в плен. В тот же день большинство пленных было расстреляно и зарублено. Самого полковника Чернецова зарубил лично председатель Донского казачьего военно-революционного комитета подхорунжий Подтелков. Спустя недолгое время сам Подтелков будет повешен донскими казаками, поднявшимися на антибольшевистское восстание.

Во время своего последнего приезда в Новочеркасск, на одном из митингов казаков, все еще веривших в то, что начавшаяся Гражданская война обойдет стороной тихий Дон, полковник Чернецов бросил такие слова:

– Да, я погибну! Но также погибнете и вы! Разница между моей и вашей смертью будет в том, что я буду знать, за что я умираю. И умру с восторгом. А вы не будете знать, за что умираете, и погибнете в глухом подвале, с тупым молчанием, как овцы на бойне...

Более боевого командира у атамана Каледина не имелось.

Деникин писал в мемуарах:

«Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно развалилось».

Во-вторых, вернувшиеся с фронта казачьи полки, мобилизованные на войну с большевиками, расходились по домам. Лукомский описывал в своих мемуарах такой разительный пример:

«4 февраля в Новочеркасск пришел походным порядком из Екатеринослава, в блестящем виде, 6-й Донской полк.

Просто не верилось глазам.

Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов.

Полк заявил, что он хочет сейчас же идти на фронт.

Полку была устроена торжественная встреча.

После молебствия на соборной площади атаман (А. М. Назаров. – А. Ш.) и председатель донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде.

Трогательно было видеть, как глубокие старики-донцы подходили к полку и, кланяясь до земли, благодарили славных станичников за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушению большевистской пропаганды.

6 февраля полк был отправлен на фронт, а 8 февраля, под влиянием агитаторов, отказался сражаться...»

До этого события, около двух часов дня 29 января, застрелился в атаманском дворце генерал-лейтенант Алексей

Максимович Каледин. Твердой рукой он пустил себе револьверную пулю прямо в сердце. Перед этим атаман собрал членов Донского правительства и сказал им следующее:

— Господа казаки. На сегодняшний день для защиты Донской области на фронте находится всего лишь 147 пштыков.

Ответом на эти слова было молчание областных министров. Атаман продолжил:

— Положение безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено враждебно. Сил у нас нет, сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового атамана я слагаю.

И во время обсуждения он добавил еще несколько слов:

— Господа, короче говорите. Время не ждет. От болтовни Россия погибла!

Атаман Каледин перед самоубийством написал письмо генералу Алексееву:

«Уважаемый Михаил Васильевич!

Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов, и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага...

Генерал Каледин».

Самоубийство Каледина на какой-то миг «качнуло» донское казачество на сторону белого дела. Большой Войсковой Круг избрал новым войсковым атаманом А. М. Назарова, а походным — генерала П. Х. Попова. Корнилов назначил представителем Добровольческой армии при Донском правительстве генерал-лейтенанта Лукомского, который передал должность начальника армейского штаба генерал-майору Романовскому.

События разворачивались тем временем стремительно. 9 февраля красные войска под командованием настойчивого Сиверса начали штурм внешних полевых укреплений города Ростова. Город обстреливала тяжелая артиллерия. Окружение добровольцев стало реальностью.

О командующем колонной красногвардейских отрядов (затем 5-й советской и 2-й ударной армиями) бывшем прапорщике 26-летнем Рудольфе Фердинандовиче Сиверсе среди добровольцев ходили легенды. Говорилось прежде всего о его большевистской ненависти к белым и желании изничтожить их «на корню». Сиверс являлся руководителем операции по ликвидации на Дону «калединщины».

Неся большие потери, Корниловский ударный полк отступал в городскую черту. Добровольцы не имели успеха и на таганрогском направлении. Их части таяли с каждым днем от боевых потерь, болезней, обмороженный и утечки слабых, потерявших душевное равновесие.

Верховный руководитель Добровольческой армии встретился с ее командующим. Разговор был предельно краток.

— Лавр Георгиевич, нам надо спасти хотя бы горсть людей, чтобы сохранить великую идею спасения России.

— Возвышенных слов, Михаил Васильевич, не надо. Но путь на юг через Батайск нам большевики отрезали.

— Значит, остается единственный путь из Ростова — на Аксайскую станицу.

— Да, он единственный. Из Аксая можно выйти на станицу Ольгинскую, переправившись по льду через Дон. Лед здесь, как мне донесли, достаточно крепок даже для оружейных упряжек и обозных саней.

— Когда прикажете армии выступать, Лавр Георгиевич?

— Этой же ночью, Михаил Васильевич. Завтра могут начаться уличные бои, в которых мы увязнем и зазря потеряем сотни бойцов.

— Согласен. Оставаться в Ростове — значит сознательно и совершенно бесполезно идти на смерть. Сколько времени армии и штабу дается на сборы?

– Выступаем из города ровно в двенадцать. Что будем делать с ранеными и больными?

– Предлагаю тяжело раненных и больных разместить на городских окраинах у надежных обывателей. А часть, под видом простых солдат, оставить в лазаретах.

– Трудно оставлять наших бойцов в городе. Тех, кого большевики найдут, – расстреляют без суда. Но положение безвыходное и потому с вами согласен. Распоряжение командирам отдам сейчас же...

Сборы действительно были короткими, поскольку добровольцы большого обоза не имели. Алексеев в прощальном письме своим близким написал следующее:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться только, если будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Многие добровольцы уходили из Ростова в 1-й Кубанский поход в подавленном настроении, поскольку они сознательно отказывались от всего самого дорогого в жизни, по сути дела бросая свои семьи на произвол судьбы. Деникин в своих «Очерках Русской смуты» писал:

«Там (то есть в большевистском тылу. – А. Ш.) были... брошены наши семьи, обреченные на существование, полное вечного страха перед большевистской расправой, если какой-нибудь непредвиденный случай раскроет их имя...»

Для Деникина это были не пустые слова. В Ростове оставалась его молодая супруга Ксения Васильевна. Она жила в городе с паспортом на свое девичье имя в одной армянской семье, которая немало рисковала из-за пребывания в ее доме жены бывшего царского генерала, которому суждено было в самое ближайшее время возглавить Добровольческую армию.

Оставлял семью на чужой территории и командующий Добровольческой армией Корнилов. Оставалась на Дону и жена бывшего Верховного главнокомандующего России. Она получила от мужа фальшивые паспорта на имя Афанасьевых и с двумя дочерьми скрывалась в отдаленной от железных дорог станице Мелиховской.

Но Гражданская война не обошла и глухую степную станицу Мелиховскую. Дочь генерала Алексева, Вера Михайловна, потом вспоминала:

«...Станичники и станичницы атаковали нашу хозяйку – кто мы такие, откуда мы, как она нас пустила. Пришлось возвращаться в Новочеркасск, где наша старая хозяйка отвела нас к своей знакомой на окраине города. У этой доброй женщины мы провели первые, самые страшные, дни большевистской расправы над Новочеркасском».

Глава тринадцатая ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ «ЛЕДЯНОЙ» ПОХОД

В полночь генералы от инфантерии Корнилов и Алексеев, генерал-лейтенант Деникин в окружении немногих штабных офицеров встретились в вестибюле просторного дома ростовского миллионера Парамонова. (Здесь был штаб Белой армии, а вскоре разместится ростовское ВЧК.) Посмотрев на часы-луковку, вытасченные из нагрудного кармана кителя, Корнилов сказал:

– Пора выступать.

Разобрав стоявшие в козлах винтовки и кавалерийские карабины, закинув за плечи «тощие» вещевые мешки, генералы и офицеры вышли на ночную улицу и зашагали туда, где уже выстроилась в походном порядке белая Добровольческая армия. Она оставляла Ростов, чтобы в скором времени, возвратившись на донские берега, с боем занять его.

Добровольцы уходили из негостеприимного города в полном молчании. Большинству думалось одно: куда идем, что ждет впереди?

Поздно вечером основные силы Добровольческой армии сосредоточились в большой задонской станице Ольгинской. Здесь командующий армией Корнилов, дав своим бойцам четыре дня на отдых, провел реорганизацию войск:

– Белая армия должна иметь стройность. Как старая Русская армия. Организационную неразбериху мы оставим красным...

Вся пехота добровольцев сводилась в три полка, которые по численности равнялись разве что батальону по штатам военного 1914 года. Офицерским полком силой в 570 штыков командовал генерал С. Д. Марков, бывший начальник штаба фронта. Полк был сформирован из понесших в последних боях тяжелые потери 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Военно-морской роты, дивизиона смерти Кавказской кавалерийской дивизии, ставшего пешим.

Во главе Партизанского полка (около тысячи человек) был поставлен генерал А. П. Богаевский. Полк был создан из пеших донских партизанских отрядов.

Во главе Корниловского ударного полка (тоже около тысячи штыков) остался полковник М. О. Неженцев.

Кавалерию объединили в четыре отряда (дивизиона) примерно равной численности. Всего набралось более 800 конников. Один из них был офицерским, второй – из конных партизан полковника Чернецова, третий – из донских казаков, четвертый был сводным.

Был создан артиллерийский дивизион в составе десяти расчетов трехдюймовых орудий. На каждый ствол имелось всего по шесть снарядов.

По численности пехоты белая Добровольческая армия на то время была меньше штатного расписания пехотного полка военного 1914 года более чем на полторы тысячи человек. По численности кавалерии – меньше кавалерийского или казачьего шестисотенного полка на тот же год. В артиллерийском дивизионе полевых орудий имелось на треть меньше...

В станице Ольгинской командующий Корнилов, пряча глаза, приказал штатским оставить армию. Многие были членами семей офицеров.

Состав белой Добровольческой армии, этого детища Алексева и Корнилова, был поразителен. Из 3700 бойцов ее, которые покидали Ростов-на-Дону, 36 были генералами и 242 – штаб-офицерами, то есть старшими офицерами. 20 из них числились за Генеральным штабом.

Половина армии – 1848 человек заслужили офицерские погоны на фронтах Первой мировой войны. Из них штабс-

капитанов было 251, поручиков – 394, подпоручиков – 535, прапорщиков – 668, в том числе произведенных из юнкеров старших курсов.

Нижних чинов в Белой армии числилось 1067 человек. Из них кадетов и юнкеров – 437. При войсках находилось 118 гражданских беженцев и большое число врачей и медицинских сестер.

Четверо суток стоянки в станице Ольгинской пошли не только на реорганизацию армии, но и на спешное комплектование обозов. Без них добровольческие части могли оказаться в крайне затруднительном положении, особенно по части перевозки раненых и больных.

Лошади и повозки покупались у местного населения с большим трудом и за баснословную цену. Речи о реквизициях не велись. Корнилов и Алексеев отказались от такого способа снабжения армии, стараясь сохранить у людей порядочный облик белого добровольца.

Из-за инфляции бумажный рубль равнялся пяти довоенным копейкам. Станичники и крестьяне-иностранцы под любым предлогом уклонялись от продажи хлеба, лошадей, скота, фуража и других продуктов за ассигнации. И с удовольствием соглашались на натуральный обмен на промышленные товары.

В казне у Алексева находилось всего 6 миллионов кредитных билетов и казначейских обязательств. Но для содержания даже такой небольшой армии, по численности меньшей одного пехотного полка, этих миллионов давно обесцененных бумажных денег было недостаточно.

В станице Ольгинской состоялся военный совет, который обсудил дальнейшие планы действий. В работе совета приняли участие генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Лукомский, Марков и несколько строевых офицеров, приглашенных лично командующим. Присутствовал и походный атаман Донского казачьего войска генерал Попов.

Военный совет открыл Корнилов:

– Четырех дней отдыха в Ольгинской нам хватит, чтобы закончить реорганизацию армии. После этого предлагаю

начать походное движение на Екатеринодар, сметая на пути все большевистские заслоны.

Слово попросил Лукомский:

— Лавр Георгиевич, что нам даст Кубанская область, где во главе войска и местного правительства стоят автономники?

— На Кубани мы сможем численно усилить нашу армию. Там уже есть добровольческие формирования. После этого мы продолжим борьбу в районе, богатом людскими ресурсами, офицерскими кадрами и провиантом. Уверен, что там там будет обеспечена полная поддержка казачьего населения и кавказских горцев.

Командующего поддержал Алексеев:

— Пока на Дону идет неразбериха и донское казачество не определилось в борьбе после смерти атамана Каледина, нам лучше сражаться на Кубани. Там казачество явно не на стороне большевиков.

Свои сомнения высказал Лукомский, хорошо знавший Кубанскую область:

— При движении на город Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить железную дорогу. Вернее — прорываться через нее.

— Где это по карте? — спросил Корнилов.

— Около станций Кагальницкой и Сосыка. Большевики будут осведомлены о нашем движении и преградят там путь. Они подведут к месту перехода бронированные поезда, которые у них есть.

Помолчав, Лукомский заметил:

— Походные бои обещают быть тяжелыми. Трудно будет спасти раненых, которых много наберется после первых же боев. Начинаящаяся распутица, при условии, что половина обоза на полозьях, затруднит движение. Заменять выбившихся из сил лошадей будет нечем.

После Лукомского слово попросил донской походный атаман Попов:

— У меня есть к добровольцам такое предложение. Отряд верных присяге донцов уходит в район Зимников, где пасутся нами табуны коней. Предлагаю там вместе с нами

перезимовать, спокойно отдохнуть, переменить конский состав, пополнить обозы и, после того как подсохнут степные дороги, пойти в поход на Новочеркасск и Ростов. Поднимем казачество и выбьем большевиков с Дона.

— Какими силами вы располагаете на сегодняшний день, господин атаман? — спросил один из участников военного совета.

— После боев под Новочеркасском у меня полторы тысячи сабель, пять конных орудий и сорок пулеметов.

Походного атамана Донского казачьего войска поддержал прибывший с ним полковник В. И. Сидорин, начальник штаба. Алексеев хорошо знал его как заместителя Союза офицеров армии и флота, деятельного создателя белоказачьих партизанских отрядов и участника боев за Ростов:

— Атаман прав. Нейтралитет казачества Дона кончится после первых же репрессивных мер большевиков. Тогда у нас будет прекрасный шанс вернуть себе Дон и перейти границы области.

Слово вновь взял командующий Добровольческой армии:

— При таком решении невозможно будет продолжить нашу работу. В зимовниках армия будет скоро зажата распустившейся рекой Дон и железной дорогой Царицын — Торговая — Тихорецкая — Батайск. Все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками. Это лишит армию возможности получать пополнение людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи оставит ее в стороне от общего хода событий в России.

Корнилова поддержал Алексеев:

— Хочу высказать свои соображения в пользу мнения командующего армией. Степной район годен только для партизанских действий. Монолитность Добровольческой армии при случае зимовки в задонской степи будет нарушена. Зимовники удалены друг от друга, не обеспечены жильем и топливом. Мы сможем квартировать там только небольшими отрядами.

Корнилов вставил:

— Мы в задонских зимовниках, при всем гостеприимстве там донцов атамана Попова, потеряем к весне стройность и боеспособность армии.

Алексеев продолжил:

— Степной район, кроме немолотого зерна, сена и скота, не даст ничего для удовлетворения нужд армии. Наконец, наивно рассчитывать на то, что большевики оставят нас в покое и не попытаются уничтожить по частям. Это должны понимать даже их прапорщики Сиверс и Крыленко, не говоря о бывших генералах, перешедших на службу к Советам.

Корнилова и Алексеева поддержали Романовский и Марков. Последний высказался довольно резко:

— Я встал в ряды армии добровольцев не для того, чтобы отлеживаться зимой в стог сена. Я пришел на Дон воевать с большевиками, как все бойцы моего полка...

На военном совете в станице Ольгинской Корнилов настоял на своем решении. Добровольческая армия выступила в поход на столицу казачьей Кубани город Екатеринодар.

На центральной улице армия построилась полками, батальонами, батареями. Конники спешили. В морозном воздухе раздался далеко слышимый призывный сигнал — звук серебряной Георгиевской трубы:

«На молитву!»

В замерших рядах добровольцы, от седого генерала до юного кадета, сняли фуражки и папахи. В установившейся тишине эхом пронеслось:

«Отче наш...»

Так начался 1-й Кубанский поход Добровольческой армии, получивший в истории Гражданской войны название «Ледяного».

Отправился в свой поход и донской атаман генерал от кавалерии Петр Харитонович Попов. Он соберется к весне в Зимниках с силами и после этого победно совершит конный рейд по станицам Нижнего Дона, в которых была установлена советская власть.

Белоэмигрантские военные историки по-разному оценивают верность решения Корнилова и Алексеева выступить в 1-й Кубанский поход. Так, авторитетный исследователь русского зарубежья, генерал Н. Н. Головин считал принятое в станице Ольгинской решение «стратегической ошибкой».

Перед выступлением командующий и верховный руководитель Добровольческой армии предупредил командиров о необходимости соблюдения известного такта в отношении населения Кубани:

— Казачество если не теперь, то в скором будущем станет опорой Белого движения...

— Требую особенно осторожного отношения к станицам и не применять реквизиции...

— Кубанцам надо доносить идеи Белого дела словом и примером, а не угрозой оружия...

Деникин так впоследствии отозвался о требованиях Корнилова и их последствиях:

«...Мера, психологически полезная для будущего, ставила в тупик органы снабжения. Мы просили крова, просили жизненных припасов — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цену сапоги и одежду, тогда еще в изобилии имеющихся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточно подвоза, чтобы вывести из Аксая остатки армейского имущества.

Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут все — им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами.

Скоро на этой почве началось прискорбное явление армейского быта — «самоснабжение». Для устранения или, по крайней мере, смягчения его последствий командование вынуждено было перейти к приказам и платным реквизициям...»

Из Ольгинской Добровольческая армия выступила в направлении на станицу Егорлицкую. До нее было 88 верст. Генерал Алексеев сначала бодро шел в голове походной колонны, опираясь на палку. Но годы давали себя знать, как и запущенная болезнь почек с ее тяжелыми приступами.

Когда Алексеев почувствовал себя плохо, адъютант настоял на том, чтобы тот сел на повозку:

— Ваше превосходительство, прошу от имени Лавра Георгиевича отдать мне ваш карабин и сесть на сани. Будьте любезны, не упорствуйте.

— Спасибо за заботу, Алексей. Придется выполнить приказание. Мне действительно сегодня дурственно.

— Устраивайтесь поудобнее, Михаил Васильевич. Сейчас я найду вам хоть немного сена...

Шедший много верст рядом с санями Деникин, подбадривал своего старшего товарища:

— Михаил Васильевич, крепитесь, дорогой. Скоро пойдут кубанские станицы, там вы отдохнете, подлечитесь немного...

Весь оставшийся путь до станицы Егорлицкой Алексеев проделал на санях, порой теряя сознание от приступов боли. Армейские врачи были бессильны чем-либо помочь генералу. Тот лежал в санях рядом с чемоданом, в котором хранилась вся армейская казна в шесть миллионов рублей обесцененных «бумажек».

Над походной колонной добровольцев реял трехцветный российский флаг. Авангард составлял Корниловский ударный полк. Его бойцы отличались малиново-черными фуражками и погонами и красно-черными знаками-углами на рукавах шинелей и гимнастерок.

88 верст «Ледяного» похода стали для добровольцев не только тяжелейшим путем в мороз по утопавшей в снегу задонской степи. По пути шло сколачивание формирований — рот, батальонов, полков в единый, крепкий воинский организм. Походные тяготы и лишения делали свое благое дело.

Добровольцы шли по заснеженной дороге с песней, которая пелась ими весь 1918 год. Называлась она «Молитвой офицера».

После начальных, печальных строк:

На родину нашу нам нету дороги,
Народ наш на нас же, на нас же восстал.

Для нас он воздвиг погребальные дроги
И грязью нас всех закидал, —

последние песенные слова звучали так:

...Когда по окопам от края до края
Отбоя сигнал прозвучит,
Сберется семья офицеров родная
Последнее дело свершить.
Тогда мы оружие свое боевое,
Награды, что взяты, что взяты в бою,
Глубоко зароем под холодной землею
И славу скороним свою...

Описание начала боев в 1-м Кубанском походе Добровольческой армии оставил в «Очерках русской смуты» Деникин:

«...У Хомутовской Корнилов пропускает колонну. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле на буланом английском коне. Он здоровается с проходящими частями. Отвечают радостно. Появление Лавра Георгиевича, его вид, его обращение, вызывают у всех чувство приподнятости, готовности к жертвам. Корнилова любят, перед ним благоговейт.

В станице Егорлицкой Добровольческую армию встретили достаточно приветливо. Многие семьи проявили заботу о раненых, выделили продовольствие для войск. На полном станичном сборе выступили Алексеев и Корнилов, объяснив положение в России и цели Добровольческой армии.

Егорлицкая была последней станицей Донской области. Дальше начиналась Ставропольская губерния, занятая частями ушедшей с фронта 39-й пехотной дивизии. Здесь еще не было советской власти, но были местные советы, анархия и ненависть к кадетам. Корнилов потребовал ускорить движение, по возможности избегать боев.

...В Лежанке путь преградил красногвардейский отряд с артиллерией. По команде генерала Маркова офицерский

полк развернулся и, не останавливаясь, пошел в атаку, прямо на деревню, опоясанную линиями окопов. Огонь батареи становится беспорядочным, ружейный и пулеметный – все более плотным. Цепи останавливаются и залегают перед болотистой, оттаявшей речкой.

В обход села выдвигается Корниловский полк. За ним с группой всадников устремляется и сам Лавр Георгиевич с развернутым трехцветным флагом. В рядах волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура главнокомандующего. Вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо к цепи. Наступление, однако, задерживается.

Но вот офицерский полк не выдерживает: одна из рот бросается в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. По полю бегут в панике люди, мечутся повозки, скачет батарея. Корниловский полк, вышедший к селу с запада через плотину, вместе с офицерским преследуют красноармейцев...»

В тех же «Очерках» их автор описывает эпизод после боя за ставропольское село Лежанку:

«У дома, отведенного под штаб, на площади, с двумя часовыми-добровольцами на флангах, стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов квартировавшего в Лежанке большевистского дивизиона.

Вот она, новая трагедия русского офицерства!..

Мимо пленных через площадь проходили одна за другой добровольческие части. В глазах добровольцев – презрение и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица пленных мертвенно бледны. Только близость штаба спасает их от расправы.

Проходит генерал Алексеев. Он взволнованно и возмущенно упрекает офицеров. И с его уст срывается тяжелое бранное слово. Корнилов решает участь пленных:

– Предать полевому суду.

Оправдания обычны: «не знал о существовании Добровольческой армии...», «не вел стрельбы...», «заставили служить насильно, не выпускали...», «держали под надзором семью...»

Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил. Этот первый приговор был принят в армии спокойно, но вызвал двойное отношение к себе. Офицеры поступили в ряды нашей армии...»

В последующих боях Добровольческой армии в ходе Гражданской войны пленные офицеры, мобилизованные в Красную армию, как правило, сразу же «призывались» в ряды белых. Расстрелу подлежали только члены партии большевиков, участники октябрьского переворота или те, чья вина в развале Русской армии на фронте была доказана на их бывшими сослуживцами.

Что касается пленных красноармейцев из числа рядовых, а также мобилизованных специалистов (врачей, фельдшеров, инженеров, телеграфистов, паровозных бригад и пр.), то они, после «чистки», проводимой контрразведкой, становились пополнением белых армий. Из бывших красноармейцев формировались не только отдельные роты и батальоны, но и целые полки, входившие в состав Добровольческой армии.

Впрочем, подобная кадровая политика с неизбежной «чисткой» военнопленных проводилась и советским командованием. В рядах Красной армии, особенно к концу Гражданской войны, воевали многие десятки тысяч бывших белых военнослужащих, в том числе и из офицерства.

Командование Добровольческой армии ожидало, что противная сторона встретит белых на границе Кубанской области. По крайней мере, выставит сильные, маневренные заслоны с артиллерией. Поэтому вперед, по степной дороге, были высланы конные разъезды. Они «добежали» до ближайших хуторов, осмотрели с холмов округу. Вернувшись, старшие команд дозорных докладывали Корнилову:

– Ваше превосходительство, путь чист. На десять верст и больше никаких войск не замечено...

Добровольцы с воодушевлением вступили в богатый Кубанский край. Он встретил их с искренним радушием, накормив и напоив измученных переходом по зимней степи людей. В отличие от Дона, первые же станицы и хутора дали пополнение в людях.

Станица Незамаевская первой выставила конный казачий отряд в полторы сотни шашек.

Командующий армией, не скрывая радости, сказал Алексееву:

– А что, Михаил Васильевич, истоскавались кубанские казачки по старой России, по ее порядкам.

– Лавр Георгиевич, одна станица – не вся Кубань.

– Почему вы так говорите?

– По собранным сведениям разведотдела, в крае есть станицы, которые еще с осени прошлого года приняли большевистскую власть.

– Ну и что из этого? Я родом из казачьего сословия и психологию вольных людей знаю. Не пойдет Кубань и Терек против нас на стороне красных. Никак не может пойти.

– Я, Лавр Георгиевич, очень уповаю на честь и чувство долга казачества. Но ведь и местные большевики не лыком шиты. Да и кубанские автономисты нам немало вреда приносят.

– Пусть красные сразятся с нашими добровольцами. Тогда посмотрим, кто кого осилит в чистом поле.

– Победа будет за нами. В это я верю. Но попомните мое слово, будут на нашем пути станицы не в пример Незамаевской.

– Пусть будут, Михаил Васильевич. Казак постреляет по своим и одумается...

В том споре прав оказался Алексей, по крайней мере, на начало 1918 года. При подходе к станице Березанской, 1 марта, авангард добровольческих войск оказался под обстрелом. Град пуль летел из окопов, вырытых за одну ночь. Они приметно, черной полосой земли, опоясывали казачью станицу. В них засели, как оказалось, не красногвардейцы, а местные казаки-кубанцы и иногородние, проживавшие в этой станице, решившие отбиться от «кадетов». Такое решение было принято на станичном сходе.

Бой за Березанскую был краток. Добровольческая артиллерия, экономя снаряды, сделала прицельно залп другой по линии окопов. После этого, утопая по колено в ве-

сеннем, начавшем подтаивать снегу, в атаку дружно пошли цепи корниловцев и марковцев.

Боем руководил лично генерал-майор Марков, «быконец». Популярность этого генерала, георгиевского кавалера, была среди добровольцев исключительной.

Когда он, приметный в своей огромной белой папахе, в сопровождении двух-трех конных адъютантов влетел на окраину станицы, то сразу понял, что сопротивления не будет. Марков приказал одному из адъютантов:

– Поручик, лети к командующему. Скажи Лавру Георгиевичу, что Березанская взята. Потери – считанные единицы...

Те из местных казаков, что сидели в окопах, после второго оружейного залпа разошлись по домам, попрятав оружие. Иногородним на снисхождение рассчитывать особо не приходилось, и они поспешили покинуть станицу, уйдя на близкие Выселки.

Деникин после боя озабоченно сказал Алексееву:

– Мне что-то стало тревожно за судьбу нашего Кубанского похода.

– Почему, Антон Иванович?

– Похоже, Михаил Васильевич, что маятник настроенного колеблющегося местного казачества качнулся влево. Как вы считаете?

– Этот маятник мы качнем вправо. Только для этого надо побеждать и побеждать. Любой ценой вырывать победу. А каким молодцом выглядел сегодня генерал Марков.

– Действительно, молодцом. Дай Бог, чтоб пули красных щадили его и дальше...

Корнилов с Алексеевым, посоветовавшись, «доверили» наказание казаков, сидевших в окопах, станичным старикам, представшим перед генералами в полной казачьей форме, при шашках и кинжалах, с Георгиевскими крестами и медалями за последнюю Турецкую. Командующий Добровольческой армией только и сказал станичной старшине, которую казаки-фронтовики не уважили на последнем сходе:

– Старики. Вы – казаки и я, генерал Корнилов, – казак. Провинившихся судите сами. Даю вам на то полное право. Как скажете – так и будет.

Весь вечер старики пороли нагайками в станичном правлении «молодежь», забывшую про присягу «Богу, царю и Отечеству»...

Как потом напишут военные историки, Добровольческая армия не вошла в край Кубанский, а ворвалась в него. Путь лежал на речные берега. Корнилов нацеливался к войсковой столице Екатеринодару.

Была удачно преодолена железная дорога, по которой ходили бронированные поезда красных. Один такой бронепоезд все же вышел на белых, но его остановили на безопасной дальности взрывом железнодорожного полотна.

Одержав верх в бою у станицы Усть-Лабинской, добровольцы в одном марш-броске вышли на берега Кубани и с ходу перешли через нее. После этого Белая армия, не обремененная обозами и артиллерией, повернула на юг. Вот здесь-то она и встретила действительно упорное, ожесточенное сопротивление.

У станицы Кореновской белым пришлось выдержать тяжелый бой с красновардейским отрядом численностью до десяти тысяч бойцов. Ими командовал кубанский казак из станицы Петропавловской, бывший военный фельдшер и есаул И. Л. Сорокин. Добровольцам еще долго пришлось иметь дело с этим человеком, склонным к военному авантюризму.

Сорокин за 1918 год последовательно занимал следующие должности: командир казачьего революционного отряда, помощник командующего Юго-Восточной революционной армией, помощник главнокомандующего войсками Кубанской Советской республики, командующий Ростовским боевым участком, главнокомандующий Красной армией Северного Кавказа.

Большевистские правительства Кубанской Советской республики, Кубано-Черноморской Советской республики и Северо-Кавказской Советской республики относились к бывшему казачьему офицеру с явным недоверием. Причина этого не была секретом: член партии социалистов-революционеров (эсеров) Сорокин хотел выйти из-под политического контроля всех этих правительств, стремясь полу-

чить на Северном Кавказе, Кубани и Тереке неограниченную власть.

Такое стремление обернулось для него гибелью. После ареста по его приказу в городе Пятигорске в октябре 1918 года группы советских и большевистских руководителей он был объявлен вне закона как предатель и смещен с должности. Сорокин был арестован в Ставрополе и заключен там в тюрьму, где его застрелил «по невыясненной причине» один из конвоиров...

Кубанский военно-революционный комитет, проводивший в крае большевистскую линию, встревожился не столько появлением белых, малых числом сил, а их таранным ударом. Из города Армавира, где тогда заседал комитет, полетели директивные телеграммы, начинавшиеся и заканчивавшиеся революционными призывами. Суть их была проста: «Бей кадетов!»

В поселках иногородних и во многих станицах стали спешно формироваться красновардейские отряды. В них записывалась и часть казаков-фронтовиков. Начались аресты офицеров, «крепких стариков», изъятие хлебных излишков. Пошло разоружение казачьих станиц. Изымалось все оружие, вплоть до пик и кинжалов. Произошли первые расстрелы станичных «кадетов».

Когда началось антибольшевистское восстание одиннадцати станиц Ейского отдела и казачье ополчение двинулось на городок Ейск, то оно оказалось почти безоружным. Один из белоэмигрантов так описывал это событие:

«У казаков было не более десяти винтовок на сотню, остальные вооружались чем могли. Одни прикрепили к длинным палкам кинжалы или заостренные полоски железа, другие сделали из железных вил что-то вроде копий, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры...»

Командование Добровольческой армии стремилось пробиться в предгорья Кавказа в район черкесских аулов. Ходили слухи о том, что крупный кубанский добровольческий отряд действует в горных лесах. И сейчас находится где-то близ Горячего Ключа.

Но все же главной целью 1-го «Ледяного» Кубанского похода оставался город Екатеринодар, в котором у власти находилось правительство так называемых «автономистов» во главе с Лукой Бычом. Но военной силы правительство Области имело на удивление мало, а на полпути к Екатеринодару, в Майкопе, сосредотачивались красногвардейские отряды.

Корнилов в те дни спросил как-то Алексева:

– Михаил Васильевич, у вас больше местной информации. Можем ли мы рассчитывать на казачьи части екатеринодарского правительства?

– Думаю, что нет, Лавр Георгиевич.

– Почему вы считаете, что мы не договоримся с министрами-кубанцами?

– На одном из последних заседаний правительства его глава Быч заявил буквально следующее: помогать Добровольческой армии – значит готовить вновь поглощение Кубани Россией.

– Что этот Быч, белены объелся?

– Это убеждение закоренелого автономиста.

– С таким человеком нам явно сегодня не по пути.

– Не наделал бы нам этот Быч больших бед. Вот о чем я беспокоюсь...

Станицы, через которые проходили добровольцы, все реже давали пополнение, хотя и встречали белых с чувством радости. Так было, например, в большой станице Некрасовской, которую отряд красных после митинга оставил без боя, отойдя к селу иногородних Филипповскому.

Однако далеко не все командиры красных отрядов так поступали. Когда авангард Белой армии подступил к месту переправы через реку Лабу, из камышей и с ближайшей высоты по добровольцам был открыт сильный ружейный и пулеметный огонь. Корнилов, прискакавший к месту начавшегося боя, приказал форсировать реку только ночью.

Подходившие к Лабе добровольческие части таким образом получили день отдыха. На одном из приречных ху-

торов собрался военный совет армии. На нем решался только один вопрос: как перехитрить большевиков?

Военный совет открыл командующий армией:

– Буду краток, господа генералы и офицеры. Получены сведения, что в Майкопе большевики сосредоточили крупные силы. И что хуже того – значительную артиллерию. Прямой путь отсюда на Екатеринодар нам закрыт. Что будем предпринимать?

Слово по старшинству взял Михаил Васильевич (после него выступили все участники военного совета):

– Нам надо переиграть противника, пока тот не силен в тактике. Есть предложение, Лавр Георгиевич.

– Какое?

– Лабу мы ночью перейдем. Красные сами уйдут с того берега. Их мало, и пушек у них нет. Но куда нам двигаться дальше? Надо поддержать большевиков во мнении, что мы уходим на Юг. Однако, форсировав там реку Белую, нашей армии надо повернуть резко на запад, туда, где находятся черкесские аулы и кубанские добровольцы.

Корнилов после минутного раздумья сказал:

– Обманный план хорош. И будет полной неожиданностью для противника. У кого будут иные предложения? Прошу всех высказаться.

Военный совет Добровольческой армии единогласно принял план, предложенный Алексеевым. Последнее слово на совете оказалось за дежурным офицером корниловского походного штаба, неожиданно появившегося в дверях:

– Пришло донесение, что Корниловский полк после небольшой огневой стычки овладел селом Филипповским...

В Закубанье Добровольческая армия столкнулась с бедами, от которых во время пребывания в Новочеркасске и на Дону ее «спасал» атаман Каледин. Армейское интендантство только налаживалось. Походных кухонь и котлов было мало. Приходилось рассчитывать только на гостеприимство казачьих станиц.

К середине похода в казне, которая хранилась у генерала Алексева, не осталось мелких денег. Приварочные

деньги и оклады стали выдавать коллективно на 5–8 человек сперва тысячерублевыми, а потом и пятидесятичными купюрами. Такие крупные банковские билеты вызвали непоборимое недоверие местного населения, когда добровольцы пытались купить продукты, одежду и обувь.

Добровольческая армия еще не вышла в район черкесских аулов, как ее постиг сильный моральный удар. Екатеринодар, к которому они так стремились, оказался оставленным потенциальным союзником – «кубанскими правительственными войсками». Они, к слову сказать, оказались малы: добровольцы – юнкера и офицеры, Черкесский полк и небольшое число конных и пеших кубанских казаков.

Этими вооруженными силами, однако, командовал достаточно решительный человек – военный летчик и георгиевский кавалер, штабс-капитан В. Л. Покровский, бывший командир 17-го армейского авиационного отряда в Риге. Правительство Кубанской области за победу в бою у станции Эйнем произвело штабс-капитана, фронтовика, сразу в казацки полковники. Вскоре Кубанская рада произвела его в генерал-майоры.

Деникин в «Очерках» отзывался о нем так:

«Покровский был молод, малога чина и военного стажа и никому не известен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с моральными предрассудками»...

Как бы то ни было, он сделал то, чего не сумели сделать более солидные и чиновные люди: собрал отряд, который один только представлял собой фактическую силу, способную бороться и бить большевиков».

Еще в начале февраля Алексеевым был послан порученец, который сумел 25-го числа пробраться в город, окруженный почти со всех сторон войсками красных. Атамана Кубанского казачьего войска, полковника, в будущем генерал-лейтенанта А. П. Филимонова, имевшего три диплома: московского Александровского училища, Военно-юридической академии и Императорского Археологического

института, просили только об одном: продержаться в столице Кубани до подхода Добровольческой армии. В противном случае 1-й «Ледяной» Кубанский поход терял смысл и цель.

Казалось бы, что стоило кубанским добровольцам удерживать город считанные дни? Но вечером 28 февраля областное правительство, атаман и добровольцы Покровского, уже генерал-майора, оставили Екатеринодар, переправившись на левый берег реки Кубань.

На следующий день, 1 марта, в Екатеринодар без боя вступили красные войска.

Покровский, численность отряда которого все время колебалась от двух до четырех тысяч (за счет ухода и прихода станичников), захватив Пашковскую переправу, попытался было удержаться на противоположном от города берегу. Но после двухдневных боев, отчаявшись в ожидании корниловцев, Покровский снял заслон у екатеринодарского железнодорожного моста и увел своих добровольцев к черкесскому аулу Вочепший.

Подошедшие туда красные отряды нанесли кубанским «кадетам» поражение. Тем пришлось, бросив обозы, по бездорожью уходить в горы к станице Калужской. После жаркого боя, в котором приняли участие даже спешно вооруженные обозники и члены Кубанской рады, станица была взята. Здесь к атаману Филимонову и генерал-майору Покровскому прибыл конный разъезд Добровольческой армии.

14 марта в соседнем со станицей ауле Шенджий состоялась встреча командного состава Добровольческой армии и белых кубанцев. На встречу прибыли генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Вопрос обсуждался только один: о соединении.

Накануне Корнилов с Алексеевым обсудили свою позицию на переговорах:

– Лавр Георгиевич, мне думается, что Филимонов и Быч будут стараться сохранить свою автономию.

– Отделять Кубань от России мы им не позволим. Убедем.

– Убеждать придется молодого генерала Покровского, который еще два месяца назад ходил в штабс-капитанах. Он будет от кубанцев на переговорах.

– Его то, Михаил Васильевич, убедить будет проще всего.

– Этот казачий воздухоплаватель человек дела. Он не выступает на митингах, а с начала года насмерть бьется с большевиками.

– Вы правы. Покровский – человек Белого дела...

Шенджийский разговор начался как деловая встреча командного состава Добровольческой армии с командиром Кубанского белого отряда. Корнилова прежде всего интересовала практическая сторона: состояние кубанских добровольцев, их численность и организация, вооружение. Только потом он сказал, обращаясь к Покровскому:

– Мы готовы влить белые кубанские войска в состав Добровольческой армии при одном непременном условии.

– Каком именно?

– При полном подчинении ваших войск командующему армией.

Последние слова смутили казачьего генерала. Он сразу же начал возражать против такого требования:

– Но правительство Кубанской области желает иметь собственную армию. Это соответствует конституции края...

– Господин генерал! О какой конституции Кубанского края может сейчас идти речь, когда кругом льется кровь?

– Все же я просил бы сохранить самостоятельность белого Кубанского отряда.

– Почему вы так цепляетесь за его самостоятельность? Ведь он имеет, как вы сами знаете, совершенно невоенную организацию.

– Кубанские добровольцы сроднились с отрядом, привыкли к своим начальникам. Всякие перемены могут вызвать у них недовольство.

– Такого быть не может. Ведь все они военные люди. Все в офицерских и казачьих погонах.

– И все же я настаиваю на сохранении Кубанского отряда при передаче его в оперативное подчинение командующему Добровольческой армии.

Тут Алексеев, до этого молча слушавший, вспыхнул:

– Полноте, полковник. Простите – генерал-майор. Извините, не знаю, как вас и величать. Люди тут ни при чем, – мы знаем, как они относятся к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием.

После этих слов Корнилов поднялся с лавки и внушительно сказал Покровскому:

– Одна армия и один командующий. Иного положения я не допускаю. Так и передайте своему правительству.

Докладывать Кубанскому правительству генерал-майору Покровскому не пришлось: оно уполномочило его принять решение о соединении двух белых сил. Хотя вопрос формально оставался еще какие-то дни открытым, стратегическая ситуация требовала немедленных совместных действий. Тут же было решено: обозы на следующий день, 15-го числа, соединятся в станице Калужской, а добровольцы и кубанцы с двух сторон атакуют станицу Ново-Дмитриевскую. После разгрома в ней крупных сил большевиков и произойдет фактическое соединение.

Прощаясь с Покровским, Алексеев как можно дружественней сказал:

– Не держите на нас с Лавром Георгиевичем обиду за резкость. Просто время такое, не для рассуждений.

– Обиды нет. А под Ново-Дмитриевской вы убедитесь в том, чего стоят мои добровольцы.

– Не устоит красный фельдшер Сорокин?

– Бой – не митинг, где этот есаул из Лабинского полка может перекричать любого оратора.

– Вы лично этого Сорокина знаете?

– Нет. Но наслышан много. Его даже местные большевики из советов опасаются...

Станица Ново-Дмитриевская была взята без помощи кубанских добровольцев – отчаянной атакой Офицерского полка генерал-майора Маркова. Он не стал дожидаться начавшейся в пять часов утра переправы через речку Парти-

занского донского казачьего полка и подхода застрявших где-то в черноземной грязи батарей. Марков решил за всех сам:

– Ну, вот что, батальонные. Ждать нам некогда. Тут все подохнем на морозе в поле. Идем в станицу.

И Офицерский полк, развернутый в цепь, двинулся по пахоте, еще подернутой ночным ледком, к Ново-Дмитриевской. С ее окраины ударил огонь пулеметов и винтовок. Добровольцев выручило то, что немалая часть красного отряда, не ожидавшего столь внезапной и бесстрашной атаки, грелась в ту морозную ночь по домам...

Утром красные войска со стороны соседней станицы Григорьевской беспорядочно атаквали Ново-Дмитриевскую, но были отброшены. Алексеев, наблюдавший за боем в бинокль, только и сказал своему адъютанту:

– Алексей, ты только посмотри на этих сорокинцев. Запалу много, а нет ни одного толкового поручика.

– Извините, Михаил Васильевич, но офицеры у красных есть.

– Может, и есть. Особенно прапорщики из студентов-социалистов. Только им надо поучиться командовать ротами и полками. Это ведь наука...

После проигранного боя красные батареи со стороны Григорьевской стали обстреливать оставленную станицу. Так продолжалось все дни, пока белые оставались в Ново-Дмитриевской. Батареи добровольцев молчали: снаряды были на исходе.

Через день после боя в Ново-Дмитриевскую приехали представители Кубани на новое совещание по поводу соединения двух армий – Добровольческой и Кубанской. Хотя армиями они были только по названию.

Как оказалось, краевое правительство и законодательная рада «политической» ситуацией в своих войсках не владели. Перед ними в станицу прискакали два добровольца из отряда генерала Покровского: совсем молодые пехотный подпоручик и казачий хорунжий, но оба с Георгиевскими крестами. Попросились к командующему, но Корнилов в это время находился на передовой, в марковском

полку. Прибывших в станичном правлении, где разместился армейский штаб, принял Алексеев.

– Разрешите представиться, ваше превосходительство. Подпоручик Лебединцев. Хорунжий Жуматий.

– По Георгиям вижу – фронтовики.

– Точно так. С Кавказского.

– За что получили кресты?

– За взятие Эрзерумской крепости генералом Юденичем.

– Славная была победа русского оружия. С чем приехали к командующему?

– Кубанский отряд прислал нас сказать, что мы готовы подчиниться только генералу Корнилову.

– Но вы же знаете позицию вашего краевого правительства?

– Знаем, ваше превосходительство. Если оно почему-либо на подчинение не пойдет, то все мы перейдем к вам с мовольно.

– А генерал-майор Покровский?

– Он будет с нами. Мы верим в него, а он в нас. Он же доброволец, а не мобилизованный...

На переговоры приехали войсковой атаман Филимов, генерал-майор Покровский, глава краевого правительства Быч, председатель Кубанской рады Рябовол и его товарищ (то есть заместитель) Султан-Шахим-Гирей, происходивший из знатного черкесского рода. Более представительной делегации от несоветской Кубани быть просто не могло.

От Добровольческой армии переговоры вели трое: Корнилов, Алексеев и Деникин. Последний в своих мемуарах написал следующее:

«Начались томительные и нудные разговоры, в которых одна сторона вынуждена было доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии» как опоры правительства и т. д. Они не договаривали еще одного своего мотива – страха перед личностью Корнилова:

как бы вместе с кубанским отрядом он не поглотил и их призрачной власти, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове.

На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напоминавшим лето 1917 года, — с бесконечными дебатами революционной демократии, докончившей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове — с разговорами донского правительства, дум и советов, подготавливавшими наступление на Дон красных войск Сиверса...»

Закончить совещание помогли... разрывы снарядов на станичной площади. Это батареи красных у станицы Григорьевской дали очередной залп. Генерал Алексеев сказал гостям, показав на окна, выходящие на станичную площадь:

— Надо решать, господа кубанцы, сейчас же. Большевики не ждут, и война идет не за вашей спиной...

Итоговый протокол объединительного совещания в станице Ново-Дмитриевской выглядел так:

«...1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход кубанского правительственного отряда в полное подчинение генерала Корнилова, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей».

В последующие дни, в ходе которых не стихали бои за обладание Ново-Дмитриевской, в станицу прибывали кубанские добровольческие части. Они насчитывали в своем составе 2185 человек, из них офицеров — 1835, казаков — 350 человек.

Командующий Добровольческой армией генерал Корнилов провел реформирование наличных сил. Теперь Белая армия получила следующую, достаточно четкую, организацию:

1-я бригада, которой командовал генерал Марков:

Офицерский полк.

1-й Кубанский стрелковый полк.

1-я инженерная рота.

1-я и 4-я артиллерийские батареи.

2-я бригада, которой командовал генерал Богаевский:

Корниловский ударный полк.

Партизанский полк.

Пластунский батальон.

2-я, 3-я и 5-я артиллерийские батареи.

Конная бригада, которой командовал генерал Эрдели:

1-й Конный полк.

Кубанский полк (сперва — дивизион).

Черкесский полк.

Конно-артиллерийская батарея.

Ни в один состав из трех бригад не был введен Чехословацкий инженерный батальон. Он начал формироваться в Ростове в декабре 1917 года из добровольцев Чехословацкого корпуса — чехов и словаков, проживавших в этом городе. На начало февраля следующего года батальон насчитывал в своем составе около ста человек при двух пулеметах. Кроме того, в марте в его состав вошел Карпаторусский добровольческий отряд (41 человек). Часть чинов батальона составляла личный конвой генерала Алексеева.

Командовал батальоном бывший капитан австро-венгерской армии чех Немчек. После возвращения на родину он дослужился до звания полковника (в штабе Пражского военного округа). Политическим руководителем воинской части был штатский инженер Краль. Белые че-

хи и словаки сражались в рядах Добровольческой армии до марта 1919 года, когда после боев под городом Мариуполем эвакуировались из России вместе с французскими частями.

...После проведенной реорганизации Добровольческая армия насчитывала в своих рядах до 6 тысяч бойцов. Командование, правда, обеспокоило то, что численность обо- за удвоилась, это самым негативным образом влияло на маневренность армии.

Корнилов вновь собрал военный совет. Предстояло ре- шать судьбу Екатеринодара: брать город штурмом или в походном движении обойти его стороной?

Открыв военный совет, командующий Добровольчес- кой армией предоставил слово Алексееву:

– Прошу вас, Михаил Васильевич, высказаться о стра- тегической ситуации на Кубани.

Алексеев подошел к своему адъютанту, который дер- жал, подняв вверх, рукописную карту центральной части Кубанского края:

– Прошу, господа генералы и офицеры, следить за моей указкой. Стратегическая ситуация сегодня складывается не в нашу пользу. В Екатеринодар, по данным разведки и допроса пленных, собирается все больше красных войск. Ими удерживаются все железнодорожные ветки края...

Закончив свой доклад, Алексеев сказал:

– Лавром Георгиевичем составлен план штурма Екате- ринодара. Это является целью нашего Кубанского похода. Если возьмем город, то он станет белой столицей, откуда мы поведем борьбу и за Кубань, и за Терек, и за Дон, и за Москву.

Суть Екатеринодарской наступательной операции, по замыслу Корнилова, заключалась в следующем:

Во-первых, разбить крупные отряды противника, дейст- вовавшие южнее Екатеринодара, для того чтобы обеспе- чить возможность переправы на левый берег реки Кубани и увеличить запас боеприпасов за счет большевистских складов.

Во-вторых, внезапным ударом захватить большую ста-

ницу Елизаветинскую в 18 верстах к западу от Екатерино- дара: красные здесь белых не ожидали.

В-третьих, переправиться через реку Кубань и атако- вать сам город, штурмуя его до победного конца.

Закончив изложение плана операции, Корнилов заме- тил следующее:

– Ближайших к Екатеринодару переправ имеется две. Это деревянный мост у станицы Пашковской, где вел бой По- кровский. Там большевики должны нас поджидать. И же- лезнодорожный мост у самого города. Но атака его, как мне сказали наши инженеры, представляет непреодолимые тех- нические трудности. У кого какие будут мнения?

Участники военного совета все как один высказались за штурм Екатеринодара. Корнилов в заключение сказал:

– Благодарю всех. Иных мнений от вас, моих соратни- ков по Белой борьбе, я и не ожидал. Сегодня же вы получи- те для каждой бригады боевые распоряжения.

Затем встал Алексеев:

– Мы с Лавром Георгиевичем верим в ваших бойцов. В их мужество, стойкость в бою, в твердость духа. И в то, что их не надо агитировать за штурм...

Но бои за столицу Кубанского казачьего войска оказа- лись намного тяжелее, чем могло предполагать белое ко- мандование. Понимали это или нет Корнилов с Алексее- вым, но общепризнанным считается то, что эти два воен- ных вождя Белого дела сознательно шли на смертельный для Добровольческой армии риск.

В двадцатых числах марта бригада генерала Богаев- ского после упорного и кровопролитного боя захватила станицы Григорьевскую и Смоленскую. Конная бригада генерала Эрдели налетом успешно овладела Елизаветин- ской, часть казаков которой сразу же примкнула к бе- лым, вооружившись припрятанными винтовками и шаш- ками.

Но атака на рассвете 24-го числа станицы Георгие- Афипской бригадой генерала Маркова внезапной не полу- чилась. Когда голова наступающей колонны подошла на расстояние всего в одну версту, как-то быстро рассвело.

Часовые красных сразу заметили на открытом, совершенно чистом поле вражеские войска.

Марковцев, еще не успевших развернуться для атаки, накрыл убийственный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь. В обстреле участвовал и бронепоезд. В числе первых пулевое ранение в ногу получил генерал Романовский.

Положение спас бригадный командир. Марков приказал колонне укрыться за высокой насыпью железной дороги, которая проходила поблизости по заливным лугам. Впереди виднелась окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных, пусть и не очень высоких, берегах речкой Шеш с единственным через нее мостом.

Наступление на Екатеринодар приостановилось. Тогда Корнилов, стремясь не потерять инициативы, приказал Богаевскому глубоко обойти Георгие-Афипскую с запада. Получив такой приказ, 2-я бригада незамедлительно оставила станицу Смоленскую. К ней направился Корнилов со своими штабистами, чтобы лично руководить атакой.

Станица Георгие-Афипская была взята комбинированной атакой двух пехотных бригад добровольцев. Как потом выяснилось, ее гарнизон составляли свыше пяти тысяч красногвардейцев с артиллерией и бронепоездами. На железнодорожной станции белые захватили склад боеприпасов, где хранилось до 700 артиллерийских снарядов. Они оказались самыми драгоценными трофеями того боя.

На станичной площади Георгие-Афипской генералы Корнилов и Алексеев провели построение бригад, участвовавших в победном бою. Когда Лавр Георгиевич стал благодарить командира Партизанского донского казачьего полка генерала Казановича за взятие станицы и железнодорожной станции, тот ответил:

– Никак нет, ваше превосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу Неженцеву, командиру ударного полка, который носит ваше имя...

Войска Добровольческой армии стали стягиваться к станице Елизаветинской, к паромной переправе через Кубань. Встал вопрос, какими силами форсировать реку и пе-

реходить на левобережье, где стоял Екатеринодар. Алексеев предложил:

– Лавр Георгиевич, последние бои дали нам много раненых бойцов. Стало больше и больных. Все они сейчас находятся в обозном лазарете.

– Знаю, Михаил Васильевич. Бросать их нам никак нельзя. И обоз тоже.

– Думаю, что на тот берег реки надо послать в первом эшелоне бригаду генерала Богаевского. К ним там присоединится конница Эрдели. А марковцы пусть пока прикрывают армейские тылы.

– Хорошо. Приказ отдам сегодня же. Красные действительно могут ударить от аула Панахес по нашему обозу. Но тогда оставлять приходится на правом берегу треть наших сил. Не много ли?

– А что делать? Не бросать же сотни раненых и больных на расправу.

– Значит, и поступим так. После переправы 2-й бригады перевозим через реку обозы и только потом марковцев...

Переправа Добровольческой армии через Кубань в Елизаветинской шла в течение трех суток, днем и ночью. Местный паром брал или около 15 конников, или 4 повозки с лошадьми, или полсотню человек с оружием. Удалось найти еще один небольшой паром, правда, с неисправным трюмом. Нашлось и десяток рыбацких лодок.

За трое суток на противоположный берег перевезли около девяти тысяч добровольцев, обозников, беженцев, до четырех тысяч лошадей и 600 повозок, артиллерийских орудий с упряжками, зарядных ящиков. Красные батареи подошедшего отряда стали обстреливать место переправы только в самый последний день, 27 марта.

В тот день командование белых вместе с кубанским правительством обсудило вопросы, связанные с занятием Екатеринодара. О том, что он будет взят, в Добровольческой армии говорили как о чем-то неизбежном и не допускающем сомнений. Кубанцы-автономисты больше слушали своих коллег, сами предлагали мало. Совещание в отсутствие Корнилова вел Алексеев:

— В Екатеринодаре нам надо не повторить ростовской ошибки. Надо временно, до упрочения военного положения, не восстанавливать пока гражданскую власть в городе.

Члены правительства Кубанского края сразу нахмурились. Быч спросил:

— А какая власть буде в Екатеринодаре вместо нас?

— Назначим в город генерал-губернатора. Предлагаю на эту должность генерал-лейтенанта Деникина Антона Ивановича. Надеюсь, возражений нет?

✓ Возражений действительно не последовало. Хотя чувствовалось, что кубанское правительство отнеслось к этой идее с осуждением. Но что было делать атаману Филимонову и местным министрам, когда они ехали в обозе Добровольческой армии? Им оставалось только надеяться на лучшие времена.

Алексеев тактично попросил у Быча и его коллег содействия в деле организации городского управления. Но те дали из «своих» людей только одного бывшего полицмейстера Екатеринодара на место начальника контрразведки у генерал-губернатора Деникина.

В тот же день был отдан первый приказ по казачьему ведомству. Правлениям окрестных станиц следовало немедленно прислать в состав Добровольческой армии определенное число вооруженных казаков, пеших и конных. Больше всего людей выставила станица Елизаветинская.

Атака Екатеринодара началась еще до окончания переправы всех армейских сил и обозов. Наступление на город повела бригада генерала Богаевского. Корниловский ударный и Партизанский полки, пластунский батальон, развернувшись в цепи, пошли вперед. Красногвардейцы стали отступать и остановились только в трех верстах от окраины Екатеринодара на линии пригородных хуторов.

Партизанские батальоны генерала Казановича, наступавшие вдоль дороги на Екатеринодар, захватили пригородный кирпичный завод. К ночи командир 2-й бригады оставил здесь только боевое охранение, а остальных людей отвел на ночлег в Елизаветинскую.

Под вечер в армейский штаб пришло донесение, что

действующие на правом крыле добровольческие батальоны взяли в жестоком бою на городской окраине кожевенный завод. В схватке отличился батальон 1-го Кубанского стрелкового полка под командованием полковника Писарева. Корнилов радостно обнял Алексеева и сказал:

— Смотрите на карту, Михаил Васильевич. Кожевенный завод расположен в черте городского управления. Это успех!

— Лавр Георгиевич, у меня самого душа ликует. Но против наших добровольцев в Екатеринодаре двадцать тысяч революционных бойцов.

— Пусть двадцать. Но каков дух у наших! В полный рост идут на пулеметы, не кланяются...

Затем начались упорные бои за одиноко стоявшую на берегу Кубани образцовую ферму екатеринодарского сельскохозяйственного общества. Ее брали ударники-корниловцы Неженцева, кубанские пластуны полковника Улагая и донские партизаны Барбовича.

Корниловский штаб незамедлительно перебрался на занятую ферму и разместился в ее единственном небольшом жилище в четыре комнаты, около небольшой рощицы безлистных тополей. От конной бригады генерала Эрдели, которая пошла в обход Екатеринодара, до сих пор не поступало никаких известий, а штурм города откладывать никак было нельзя. Упущенное время «играло» против Белой армии.

С фермы открывалась прекрасная панорама кубанской столицы. Отчетливо виднелись контуры домов предместий, кладбище и Черноморский вокзал. Все опоясывала неровная линия окопов.

2-я бригада генерала Богаевского на рассвете стала вновь выдвигаться на позиции для атаки. Стоявшие на высоте у фермы генералы Корнилов, Алексеев, Деникин и Романовский наблюдали, как недалеко от фермы, утопая в грязи, проходили роты Корниловского и Партизанского полков.

То и дело протирая очки платком, Алексеев пытался считать людей в ротах. Заметив это, Корнилов сказал:

— Неженцев докладывал вчера о больших потерях ударников. Я приказал влить в его полк две с лишним сотни мобилизованных местных казаков.

— И что сказал о них Митрофан Осипович?

— Необученные. Больше станичная молодежь, фронтовиков мало.

— Ничего, пообстреляются. Вспомните про наших новочеркасских кадетов.

— Да, под Ростовом они были просто юнцы. Теперь бьются в рядах Офицерского полка, да еще как...

Наконец от генерала Эрдели прискакал долгожданный вестник. Он возбужденно доложил о том, что белая конница захватила северное городское предместье под названием Сады, перерезала там железнодорожный путь и сейчас направляется к станции Пашковской, стоявшей на речном берегу к востоку от Екатеринодара, в десяти верстах от него. Станица была известна своим враждебным отношением к советской власти.

Начальник штаба Романовский после выслушанного донесения сказал:

— Вот бы подсобили нам пашковские казаки, поднявшись в тылу у красных. Как нам нужна сейчас их помощь...

Корнилов назначил штурм Екатеринодара на 16 часов 30 минут. Переправившейся через Кубань 1-й бригаде генерала Маркова приказывалось атаковать позиции красных у артиллерийских казарм. Богаевскому — наступать на хорошо видимый с фермы Черноморский вокзал.

Начался штурм. Белые батареи редким огнем подготовили взятие артиллерийских казарм на окраине города. Марковцы заняли их и закрепились. Но дальше для добровольцев последовали полные драматизма события.

Во время атаки Корниловского полка погиб его командир полковник Неженцев. Его сразили две пули, когда он поднимал своих бойцов в атаку. Партизанский полк Казановича ворвался в город, дошел до Сенной площади и в суматохе боя оказался в тылу у екатеринодарского гарнизона, который почти весь «сидел» в окопах. Белым пришлось с боем прорываться назад.

Четвертый день боев за столицу Кубани результата все не давал. Вечером в тесной комнатке на ферме собрался во-

енный совет. Присутствовали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Богаевский и донской атаман полковник Филимонов.

Помрачневший Корнилов предоставил слово начальнику штаба:

— Доложите военному совету о противнике.

— По данным разведки, силы большевистского командования определяются в боевой линии до 18 тысячи бойцов при 2–3 бронепоездах, 2–4 гаубицах и 8–10 легких орудиях. Отряды противника постоянно пополняются и сменяются в окопах.

— В каком состоянии на сегодняшний день находятся части нашей армии?

— Противник во много раз превосходит нас силами и обладает большими запасами снарядов и патронов. Наши войска понесли тяжелые потери, особенно в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально трехдневным боем.

— Каково на сегодня состояние отдельных полков?

— Офицерский полк еще сохранился. Кубанский стрелковый сильно потрепан. Из партизанского осталось чуть более 300 штыков. Еще меньше людей в Корниловском ударном: там наибольшие потери. Корниловцев после гибели Неженцева принял полковник Кутепов.

— Что боевой дух войск?

— Замечено редкое для добровольцев явление — утечка из боевой линии в тыл. Мобилизованные казаки расходятся по домам.

— А где генерал Эрдели?

— Его бригада сейчас занимает пригород Екатеринодара под названием Сады. Конница, по-видимому, ничего серьезного в штурме сделать не может.

— Как у нас на сегодня с боевым обеспечением?

— Снарядов нет. Патронов тоже нет. Все запасы в батареях и у бойцов.

— Благодарю вас.

В комнатке наступила тишина. Все понимали, что командующий, заставив начальников лишний раз прочувст-

зовать бедственную картину положения, тем не менее не отказался от штурма. Корнилов глухим голосом сказал:

– Положение действительно тяжелое. Но я не вижу другого выхода, как взятие города. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту. Ваше мнение, господа?

Все участники военного совета, кроме Алексеева, ответили отрицательно. Михаил Васильевич сказал:

– Город Екатеринодар является целью Кубанского похода Добровольческой армии. Если отказаться от цели, значит, признать поход боевой и моральной неудачей.

Деникин так описывает тот военный совет:

«Мы чувствовали, что первый порыв прошел, что настал предел человеческих сил и об Екатеринодар мы разобьемся: неудача штурма вызовет катастрофу; даже взятие Екатеринодара, вызвав новые большие потери, привело бы армию, еще сильную в поле, к полному распылению ее слабых частей для охраны и защиты большого города. И вместе с тем мы знали, что штурм все-таки состоится, что он решен бесповоротно.

Наступило тяжелое молчание. Его прервал Алексеев:

– Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра; за сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка; быть может, станичники еще подойдут на пополнение.

На мой взгляд, такое половинчатое решение, в сущности, прикрытое колебание, не сулило существенных выгод: сомнительный отдых в боевых цепях, трата последних патронов и возможность контратаки противника. Отдаляя решительный час, оно сглаживало лишь психологическую остроту данного момента. Корнилов сразу согласился.

– Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля.

Участники совета разошлись сумрачные. Люди, близкие к Маркову, рассказывали потом, что, вернувшись в свой штаб, он сказал:

– Наденьте чистое белье, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмем, а если и возьмем, то погибнем...»

В последующем исследователи Гражданской войны скажут, что Алексеев на том военном совете поддержал Корнилова в его стремлении продолжать бой за Екатеринодар только из-за солидарности со своим сподвижником. Но, скорее всего, он просто старался не показать себя пессимистом среди генералитета, измотанного за эти дни не менее своих подчиненных. Позднее Михаил Васильевич скажет откровенно:

– Если бы Екатеринодар и был взят, удержать его с 300 пехотинцами и 1000 конниками не удалось бы. Правда, к нам подходили казаки, но это не было войско, это было ополчение, ниже всякой критики...

Штурм города не состоялся. На рассвете 31 марта артиллерия красных обстреляла ферму, где находился штаб белых. Снаряд пробил стену в комнате, где за столом сидел Корнилов. Один из осколков поразил его в висок, второй в правое бедро. Через несколько минут военного вождя Белого дела не стало.

Тело генерала Корнилова вынесли на носилках из штабного домика. Вокруг собрались все, кто находился в эти минуты на ферме. Подъехал генерал Алексеев, который с утра был у бойцов донского Партизанского полка. Михаил Васильевич, стараясь не терять присутствия духа, обратился к помощнику погибшего командующего генерал-лейтенанту Деникину:

– Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!

Два генерала, знавшие и уважавшие друг друга, молча обменялись крепким рукопожатием.

Первым нарушил молчание Алексеев. Он обвел необычно суровым взглядом из-под очков стоявших вокруг носилок офицеров и сказал, обращаясь больше к самому себе:

– Скрыть гибель Лавра Георгиевича от бойцов армии до вечера мы не сможем. Надо готовить приказ по армии о нашей общей утрате.

Такой приказ был написан, разослан в добровольческие части и там оглашен. Он гласил:

«Параграф 1.

Неприятельским снарядам, попавшим в штаб армии, в 7 часов 30 минут 31 сего марта убит генерал Корнилов. Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине. Бегство из неприятельского плена, августовское наступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

Параграф 2.

В командование армией вступить генералу Деникину...»

В ночь на 2 апреля тела генерала Корнилова и полковника Неженцева были преданы земле на пустыре за немецкой колонией Гначбау в 50 верстах севернее Екатеринодара. На месте захоронения не поставили полагающихся по такому случаю крестов и не устроили могильных холмиков. Была составлена карта местности с координатами захоронения, которая была размножена в трех экземплярах. Карта была отдана на хранение разным лицам, которые никак не могли погибнуть все вместе.

Когда отступающие белые оставили колонию, утром следующего дня туда вступил отряд красных. Обнаружив место неизвестного захоронения (предполагая, что белые зарыли что-то ценное), красные вырыли трупы, которые были опознаны. Останки генерала Корнилова привезли в

Екатеринодар. Там над ними долго глумились, после чего труп сожгли, а прах развеяли за городом.

...Вопрос о возобновлении штурма Екатеринодара никто из генералов Добровольческой армии уже не поднимал. Об этом не говорили вслух, но каждый начальник понимал, что армия должна уйти от города. Новый командующий Деникин обсудил с Алексеевым ситуацию:

– Михаил Васильевич, нам надо уходить от Екатеринодара. Красные, по сведениям разведки, стягивают туда новые силы. У них есть то, чего нет у нас: тысячи конных, бронепоезда.

– Согласен, Антон Иванович. Каждый день промедления грозит армии гибелью. Путь отхода у нас может быть только один – на север, на Дон.

– Другого пути нет. Казачья Кубань нас не поддержала. На Дону в Сальских степях держится отряд походного атамана Попова. И успешно держится.

– У вас есть новое сообщение с Дона?

– Только поступило в штаб. Подготовка восстания в донских станицах ведется генералом Поповым успешно: большевики своими репрессиями восстановили там против себя казаков.

– Значит, будем держать путь на Егорлицкую, а оттуда на Ростов. Как быть с ранеными, у нас их в обозе больше тысячи.

– Я говорил с атаманом Филимоновым. Он со своими кубанцами обязуется разместить человек двести наиболее тяжелых по глухим станицам у надежных людей.

– Когда армии будет приказано выступить, Антон Иванович?

– Без промедления, Михаил Васильевич. С закатом солнца снимаем осаду Екатеринодара и сразу уходим от города. Пока противник не оправился от понесенных потерь и не перешел к ответным контратакующим действиям.

– Хорошо. Вы готовьте распоряжения, я поеду в полки, подбодрю людей...

От Екатеринодара Добровольческая армия совершила быстрый марш-бросок на север, к станице Старовеличков-

ской. Командование крысными войсками «прозевало» отход и потому настойчивого преследования организовать не смогло.

Была еще и другая причина. В красном лагере царила в эти дни эйфория по поводу успешной защиты Екатеринодара от «кадетов» и гибели белого вождя генерала Корнилова. В газетах печатались сообщения о «разгроме и ликвидации белогвардейских банд, рассеявшихся по всему Северному Кавказу».

В первый день отступления войсковой атаман Филимонов спросил у предводителей Добровольческой армии:

– Антон Иванович, Михаил Васильевич, министры кубанского правительства хотят знать обстановку.

Алексеев отмолчался. Но Деникин ответил атаману откровенно и прямо:

– Если доберемся до станицы Дядьковской, то я ручаюсь, дня три еще проживем.

– А если красные заставы встанут на нашем пути еще до Дядьковской?

На этот вопрос ответил уже Алексеев:

– В таком случае нам всем придется взять в руки винтовки погибших бойцов и встать в боевую линию. Или быть позорно убитыми безоружными...

Генерал-лейтенант Деникин оказался хорошим тактиком. Он старался не идти вдоль железных дорог, а быстро преодолевать их, не давая красным стянуть к месту «форсирования» железнодорожного пути бронепоезда. Противник к такой новинке оказался не готов. Красные войска и бронесилы, собранные на узловых станциях Владикавказской дороги – в Екатеринодаре и Тихорецкой – серьезно не мешали.

Всего белым войскам на пути своего отступления пришлось четыре раза пересекать линии железных дорог, две из которых шли на север от Екатеринодара. От станицы Успенской Деникин с Алексеевым повели Добровольческую армию, минуя стороной Белую Глину, к станице Егорлицкой.

Здесь в Добровольческую армию пришло известие, поразившее всех, от кадетов до заслуженных фронтовых ге-

нералов. Совет народных комиссаров РСФСР и ВЦИК утвердили подписанный в Брест-Литовске сепаратный мир с Германией и ее союзниками – Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. С большим возмущением узнали добровольцы о том, какой ценой покупался этот мир. Германии и Австро-Венгрии отдавались вся Прибалтика, большая часть украинских и белорусских земель, корабли Балтийского и Черноморского флотов.

– Отдать Ригу и днепровские берега без боя – разве это не предательство по отношению к Отечеству...

– Неужели Ленин и Троцкий надеются на то, что германцы и австрийцы не пойдут дальше линии разграничения...

– Подарить такие территории?! Слов нет. Позор, поношение русскому оружию...

– За что только бился солдат России на фронтах четыре года?

– Но мы-то Русская армия, хотя и называемся Добровольческой. Мы еще скрестим оружие с немцами...

Договор считался позорным для России еще и потому, что она выплачивала Германии, которая победительницей в войне никак не была, «скрыто» наложенную на нее контрибуцию в размере 6 миллиардов марок золотом. Выплачивалось «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором...»

В счет этой огромной суммы советское правительство успело выплатить Германии только 325 миллионов рублей золотом. Впоследствии это золото по Версальскому мирному договору перешло к бывшей российской союзнице по Антанте Франции.

Брест-Литовский сепаратный мир не остановил Берлин и Вену в их планах относительно территориальных приобретений в России. Когда Добровольческая армия вышла к станице Егорлицкой, в таком недалеком от нее городе Ростове-на-Дону уже стояли немецкие войска...

«Ледяной» поход принес Добровольческой армии славу, но не принес ей победы на кубанской земле. Он стал одной из первых страниц в истории Гражданской войны в России.

3 октября 1918 года генерал-лейтенант Деникин учредил серебряный «Знак отличия 1-го Кубанского похода». Он представлял собой меч в терновом венце. Знак носился на Георгиевской ленте.

Всего было зарегистрировано 3698 так называемых «первопроходцев». Знак за № 1 по праву принадлежал первому командующему армии белых добровольцев генералу от инфантерии Лавру Георгиевичу Корнилову. Это было данью его памяти.

Глава четырнадцатая ГЛАВА ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ НА БЕЛОМ ЮГЕ РОССИИ

Вырвавшись из Кубани на южную окраину Дона, Добровольческая армия 30 апреля стала наконец-то на отдых. Армейский штаб разместился в станице Мечетинской, конная бригада – в станице Егорлицкой... Белые на всякий случай прикрылись сильными заслонами с юга от красных и с севера... от немцев, занимавших в начале мая город Ростов и часть земель Области Войска Донского.

Однако верховный руководитель и командующий Добровольческой армией покоя не знали. Как ни парадоксально, но их в те дни больше беспокоила политическая сторона борьбы с большевиками, а не военная. И вот почему:

– Михаил Васильевич, начальник штаба ознакомил вас с последней новостью из Новочеркасска?

– Разумеется, Антон Иванович.

– И что вы думаете о союзе Дона с немцами?

– Что можно сказать? Положение донской столицы от такого союза значительно окрепло. Красных отбили, пока мы воевали с большевиками на Кубани.

– Но это же прямое предательство союзнического долга.

– Разумеется. Но донские атаманы в истории не раз выглядели сепаратистами. Так что с таким фактом надо считаться.

– Нам, как я понимаю, пора позаботиться о собственных политических мерах?

– Обязательно. Не отлагая написания политического обращения к русским людям ни на один день.

– За чьей подписью будем давать?

– Только за вашей, уважаемый Антон Иванович. Теперь вы, как командующий Добровольческой армией, военный вождь Белого дела на российском Юге...

Политическое обращение к русским людям было составлено. В нем говорилось:

«От Добровольческой армии

Полный развал армии, анархия и одичание в стране, предательство народных комиссаров, разоривших страну дотла и отдавших ее на растерзание врагам, привели Россию на край гибели.

Добровольческая армия поставила себе целью спасение России путем создания сильной, патриотической и дисциплинированной армии и беспощадной борьбы с большевизмом, опираясь на все государственно мыслящие круги населения.

Будущих форм государственного строя руководители армии (генералы Корнилов, Алексеев) не предрешили, ставя их в зависимость от воли Всероссийского Учредительного собрания, созванного по водворении в стране правового порядка.

Для выполнения этой задачи необходима была база для формирования и сосредоточения сил. В качестве таковой была избрана Донская область, а впоследствии, по мере развития сил и средств организации, предполагалась вся территория так называемого Юго-Восточного союза. Отсюда Добровольческая армия должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Дальше генерал Деникин указал на мотивы «исхода» армии белых добровольцев с Дона. Затем следовал краткий очерк 1-го «Ледяного» Кубанского похода. В конце политического обращения говорилось:

«...Предстоит и в дальнейшем тяжелая борьба. Борьба за целостность разоренной, урезанной, униженной России; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущие несметные народные богатства, за право свободно жить и дышать в стране, где народоправство должно сменить власть черни.

Борьба до смерти.

Таков взгляд и генерала Алексеева, и старших генералов Добровольческой армии (Эрдели, Романовского, Маркова и Богаевского), таков взгляд лучшей ее части. Пусть силы наши невелики, пусть вера наша кажется мечтанием, пусть на этом пути нас ждут новые тернии и разочарования, но он — единственный для всех, кто предан России.

Я призываю всех, кто связан с Добровольческой армией и работает на местах, в этот грозный час напрячь все силы, чтобы немедленно организовать кадры будущей армии и в единении со всеми государственно мыслящими русскими людьми свергнуть гибельную власть народных комиссаров.

*Командующий Добровольческой армией
Генерал-лейтенант Деникин».*

...В штабе Добровольческой армии подводили итоги. Было над чем задуматься.

И Алексева, и его сподвижников по Белому делу интересовали прежде всего потенциальные возможности их войск.

Добровольческая армия выступила в поход 9 февраля и вернулась 30 апреля 1918 года.

«Первопроходцы» прошли по основному маршруту 1050 верст труднейшего пути зимнего времени и начавшейся весенней распутицы.

За восемьдесят походных дней Добровольческая армия 44 дня вела бои с превосходящими силами противника.

Вышла армия из Ростова в составе четырех тысяч бойцов, а вернулась на донскую землю в составе пяти тысяч, пополнившись кубанцами — добровольцами и казаками.

Начался поход с несколькими сотнями снарядов, имея

по 150–200 патронов на человека. Вернулась почти с тем же: все снабжение белые добровольцы добывали ценой собственных смертей в неравных боях.

В кубанских степях Добровольческая армия лишилась своего вождя и потеряла до полутора тысяч человек. Она вывезла с собой на Дон свыше полутора тысяч раненых.

В память 1-го «Ледяного» Кубанского похода для истории и продолжателей Белого дела был установлен знак — меч в терновом венце...

На военном совете, который состоялся в станице Мечетинской, генерал Алексеев сказал присутствующим:

— Наша армия пришла с Кубани более сильной, чем ушла на нее. Даже с учетом утраты генерала Корнилова...

Закончил свое выступление Михаил Васильевич следующими словами:

— Нам надо готовиться к новому походу. Главная борьба еще впереди.

...Алексееву было горько смотреть на карту бывшей Российской империи, служению которой он посвятил почти всю свою жизнь. Германия и большевистское правительство, подписав сепаратный мир, отторгли от империи Финляндию, Украину, Крым, весь Прибалтийский край с Литвой, Польшу, Молдавию, Грузию и другие закавказские земли. Одни из этих земель получали из рук германского командования «независимость», другие оказались под оккупацией немецких, австрийских, румынских и турецких войск.

Едва ли не больше всего Алексева поражало то, что германские войска, дошедшие до Дона и Пскова, не встретили серьезного военного сопротивления. Деникин потом напишет по этому поводу, что в те дни в России «дрался только Чехословацкий корпус». Хотя дело обстояло не так.

Германскому нашествию пытались противостоять части Рабоче-крестьянской Красной армии. Однако красногвардейские отряды, которыми в подавляющем большинстве командовали офицеры старой Русской армии, смогли только приостановить движение войск Германии.

Но факт оставался фактом. Немецкие кавалеристы поили своих коней донской водой. А с рубежа Нарвы и Пскова германские войска были готовы ринуться на бывшую столицу созданной Петром Великим Российской империи.

Думало ли белое командование сразиться с немцами? Неизвестно. Во всяком случае, союзников для себя в борьбе с большевиками в немцах оно не видело. Алексеев в разговоре по такому поводу заметил:

– Мы не можем сразиться с германскими войсками по двум причинам.

– По каким?

– Во-первых, мы от них отгорожены Красной армией и Донским казачьим войском. Во-вторых, у нас в тылу и в Москве сидят большевики...

К тому времени Алексеев и Деникин уже имели достаточно ясное представление о положении на Дону. Советская власть там так и не утвердилась. Весной 1918 года на донской земле царили хаос и насилие. Под удобным лозунгом борьбы с контрреволюцией шли бесконечные расправы и сведение счетов. В итоге в умонастроении казачества произошел перелом.

В конце марта в низовьях Дона началось антибольшевистское восстание. Из Сальских степей выступил со своим отрядом походный атаман Попов, с ходу завладевший Задоньем. Разрозненные красногвардейские отряды отступали под натиском белого казачества все дальше на север.

Казалось, что у Дона мог появиться атаман, настроенный крайне непримиримо к советской власти, – боевой генерал Попов, герой Степного похода. Но принять знаки власти войскового атамана ему не пришлось.

Собравшийся 3 мая в городе Новочеркасске «Круг спасения Дона» избрал войсковым атаманом генерал-майора П. Н. Краснова, бывшего командира 3-го конного корпуса. С этим корпусом Керенский пытался вернуть в Петрограде власть Временному правительству. Общедонское восстание подняло крупнейшего военного писателя русского зарубежья и Белой эмиграции, скрывавшегося в станице Константиновской, на гребень волны российской истории.

Алексеева поразило то, что новый донской правитель принял «общее стратегическое руководство немцев» в обмен на поставки оружия и боеприпасов. Правда, Краснов нашел в том «веские» оправдания: Германия оккупировала соседние с Доном на западе земли и была готова обрушиться на территорию собственно казачьего войска.

Действительно, германское командование, не теряя в благоприятной политической ситуации времени, не скупилось на военные поставки. Благо, трофейного русского оружия и боеприпасов имелось много.

Из казаков-повстанцев атаман Краснов создал достаточно боеспособную армию и к середине лета 1918 года освободил от красных войск почти всю Область Войска Донского. После этого на Дону была создана вторая армия – запасная, получившая название «Молодой».

«Круг спасения Дона» произвел войскового атамана, минуя чин генерал-лейтенанта, сразу в генералы от кавалерии. Хотя по традиции Казачьих войск России последнего столетия командовать любым войском, даже Всевеликим Донским, мог войсковой атаман в звании только генерал-лейтенанта. Но, как говорится, своя рука владыка...

Добровольческая армия избрала своей базой Задонье. Здесь она неожиданно получила серьезное пополнение. Помощь пришла со стороны прекратившего свое существование Румынского фронта. Еще в начале своей деятельности в Новочеркасске Алексеев обращался за поддержкой к командующему этим фронтом генералу от инфантерии Д. Г. Щербачеву. Но тот не решился тогда открыто встать на сторону Белого движения, хотя войска его фронта были, по сравнению с другими фронтами, менее распропагандированными.

В конце декабря 1917 года полковник М. Г. Дроздовский стал создавать в румынском городе Яссы по собственной инициативе 1-ю отдельную бригаду русских добровольцев. Делал он это вопреки приказу штаба Румынского фронта о прекращении всех военных формирований. Дроздовский был достаточно известной фигурой – георгиевский кавалер, участник боев в Маньчжурии, командир Замоцского пехотного полка, а потом 14-й пехотной дивизи-

зии. Поэтому на его призыв откликнулись сотни добровольцев, прежде всего из офицерской среды.

Обладатель Георгия 4-й степени за личную храбрость, Дроздовский был кумиром фронтовой офицерской молодежи. Его бригада 26 февраля 1917 года выступила из Ясс на Дон для соединения с Добровольческой армией. Дроздовский провел через весь юг современной Украины отряд в 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей, чиновников и военных священников, 12 медицинских сестер.

Когда дроздовцы вышли к Дону, там уже началось общее восстание. Бригада после упорного боя 21 апреля выбила красноармейские части из Ростова и помогла восставшим казакам удержать столицу Новочеркасск.

Оттуда отряд Дроздовского численностью уже свыше двух тысяч добровольцев двинулся в задонские степи на соединение с Добровольческой армией. 27 мая 1918 года в станице Мечетинской состоялся парад дроздовцев. Его принимали верховный руководитель Белой армии Алексеев и командующий Деникин.

Позднее Алексеев скажет:

— Такие командиры, как Михаил Гордеевич, — надежда Белого дела.

И действительно, Дроздовский, ставший в Белой армии командиром 3-й пехотной дивизии, образованной из его отряда, принял самое доблестное участие во 2-м Кубанском походе, в ходе которого Кубань и весь Северный Кавказ были очищены от красных войск.

В одном из боев в конце октября 1918 года под городом Ставрополем полковник Дроздовский был ранен в ногу ружейной пулей. Уже в госпитале командующий Добровольческой армией произвел его в генерал-майоры. Скончался Дроздовский от заражения крови, был погребен в Екатеринодарском соборе. 3-я пехотная дивизия Добровольческой армии была названа именем своего первого командира. Она имела, как Алексеевская, Корниловская и Марковская, свою расцветку погон и фуражек.

При отступлении белых с Кубани гроб с прахом генерала Дроздовского, во избежание надругательства над ним,

был вывезен в Крым. Местом нового, тайного захоронения стал Севастополь. Точное место погребения знали только шесть человек дроздовцев...

Генерал Деникин, став командующим Добровольческой армией, довольно скоро стал полноправным единоначальником. Алексеев, который теперь все чаще болел, уже не был «соправителем» в белогвардейском руководстве, как это было при Корнилове. Однако личный авторитет бывшего Верховного главнокомандующего России был все так же высок.

Деникин не умалял заслуг «зачинателя» Белого дела, верховного руководителя Добровольческой армии. Но и прекрасно понимал, что стратег Мировой войны никак не подходит к роли стратега в войне Гражданской. Поэтому Деникин решил «размежеваться» с Алексеевым в руководстве, как тот это сделал с Корниловым. Разговор состоялся в станице Мечетинской:

— Михаил Васильевич, дела военные, подготовка армии к новым боям вынуждают меня отказаться от прямого участия в делах общественных.

— Антон Иванович, я вас понимаю: в армии не должно быть двоевластия. Поэтому давайте поговорим как два военных человека. Я не претендую на роль главверха, и вы это, думаю, знаете. Добровольцев должен вести за собой человек более молодой. У вас безупречная фронтовая репутация. Так что вам все карты в руки.

— Но мне хотелось бы видеть вас не только как единомышленника, но и как советчика.

— Данное мне звание верховного руководителя Добровольческой армии обязывает к этому. Другого толкования обязанностей с моей стороны не будет.

— Значит, мы будем, как прежде, рядом друг с другом?

— Вне всякого сомнения, Антон Иванович. Ведь вы теперь военный вождь Добровольческой армии.

— Благодарю, Михаил Васильевич.

— Полно. У нас, я вижу, появились трудности?

— Да. Вы о них знаете не хуже меня. У нас крайне тяжело складываются отношения с новым донским атаманом Красновым. Это не Каледин и не Попов.

– Краснов сегодня ориентируется только на Германию. Ему, конечно, трудно, – немецкие войска стоят на границах казачьих земель.

– Но это не должно мешать ему помнить о том, кто был союзником России в Мировой войне.

– Краснов, как и кубанский атаман Филимонов, стоит за казачью автономию. Но разве потерпит федерацию будущая Россия, освобожденная от власти большевиков? Разумеется, нет.

– Это пока вопрос будущего. Сегодня генерал Краснов должен быть нашим союзником в Гражданской войне.

– Союзник он сложный. Из Новочеркасска сообщают, что атаман не собирается пускать на донские земли добровольческие войска. Он видит в нас монархистов.

– Надо налаживать с главой Дона контакты. Надо пригласить атамана Краснова на переговоры. И провести их как можно более откровенно...

Такие переговоры состоялись в самое ближайшее время. В станицу Манычскую съехались генералы Деникин, Алексеев и Романовский – из Мечетинской, атаманы Краснов и Филимонов, и генерал Богаевский («первопроходец», занимавший теперь пост председателя управляющих делами Донского правительства) – из Новочеркасска.

В небольшой хате станичного атамана у разложенной карты прошла беседа, длившаяся до самых сумерек.

После обычных приветствий слово взял Деникин. Разговор он начал в довольно резкой форме, обращаясь к атаману Краснову, поскольку кубанец Филимонов и генерал Богаевский участия в беседе почти не принимали:

– Вот смотрите, Петр Николаевич, диспозиция на взятие Батайска. Здесь указано, что в правой колонне действовал германский батальон и батарея, в центре – донцы, а в левой колонне – отряд полковника Глазенапа из Добровольческой армии.

– Ну и что из этого. Батайск своими силами мы взять не могли.

– Атаман, это недопустимо, чтобы добровольцы в боях участвовали на стороне немцев. Наша Белая армия с гер-

манцами не может иметь ничего общего. У меня в строю больше двух тысяч офицеров-фронтовиков. Поймите вы это!

– Антон Иванович, в борьбе с большевиками нам надо поступиться великодержавными принципами.

– Господин войсковой атаман. Я требую уничтожения этой диспозиции.

– Как можно уничтожить диспозицию, когда она уже документ для истории. Да, донской полковник Быкадоров имел под Батайском полную победу, имея союзниками добровольцев и немцев. Подчеркиваю – полную победу. А теперь, Антон Иванович, горячиться больше не будем и перейдем к тому делу, для чего мы с вами и встретились.

– Мы приехали сюда с генералом Алексеевым и Романовским, чтобы обсудить самый важный в нашем понимании вопрос о дальнейшей борьбе с большевиками.

– Я готов от имени Войска Донского его обсудить.

– Нам надо решить, как людям военным, вопрос о командовании. Считаю крайне желательным поступление донских частей в Добровольческую армию. Ваше мнение, Петр Николаевич?

– На сегодня я против такой постановки вопроса.

– Почему вы так считаете?

– Чтобы иметь единое командование, надо иметь единый фронт против красных. А его пока не существует.

– Тогда как вы видите наше дальнейшее сотрудничество?

– Если Добровольческая армия оставила Кубань, то она теперь может выступить на Царицын. Тогда Дон поможет вашей армии.

– Чем донское казачество может поспособствовать нашему успеху на берегах Волги?

– В случае такого похода донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены лично вам, Антон Иванович.

– Но почему именно Царицын?

– Движение на Царицын влечет за собой продолжение наступления на Саратовскую губернию, где настроение ме-

стного населения меняется в лучшую для нас сторону. Среди саратовского крестьянства уже начались восстания против советской власти, что обеспечит добровольцам военный успех.

— Царицын на юге России не является важным стратегическим пунктом.

— Овладение Царицыном даст Добровольческой армии хорошую, чисто русскую людскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества военного времени, не говоря уже о деньгах. Тогда ваша армия больше не будет материально зависеть от Дона.

— Однако в случае ухода добровольцев с границ Кубанской области Белое движение на сегодня теряет одно из стратегических направлений.

— Вы, Антон Иванович, на мой взгляд, здесь ошибаетесь. Занятие Царицына сблизит вас и нас, соединив с чехословаками и атаманом Дутовым. Образуется единый фронт против красных.

— Тогда каким вы видите направление последующего наступательного удара?

— Опираясь на Войско Донское, белые армии могли бы начать совместный марш на города Самару, Пензу, Тулу, Воронеж.

Однако Деникин продемонстрировал не просто упрямство, а показал, что в Гражданской войне он имеет собственные планы. Он заявил Краснову:

— На Царицын пока я не пойду. Я обязан раньше освободить кубанцев. Это мой долг, и я его исполню. Первый поход добровольцев на Кубань будем считать разведкой боем.

Деникина поддержал до этого молчавший Алексеев. Михаил Васильевич говорил кратко, стараясь излагать собеседникам-атаманам наиболее убедительные доводы:

— Взятие Царицына, несомненно, создаст единый антибольшевистский фронт на востоке. Но вся беда в том, что кубанцы из своей области никуда не пойдут, пока там у власти красные. На Волге добровольцы силой в две с половиной тысячи активных штыков многого не сделают.

Атаман Краснов заметил:

— Штыков у вас действительно пока немного. Но Донское войско вам поможет, как помогало при атамане Каледине.

— Помощь, Петр Николаевич, нам действительно от Дона нужна. Но если сейчас белых кубанцев мы оставим одних, то скоро тылам Донской казачьей армии красные будут угрожать со стороны Кубани. А Добровольческая армия в это время будет штурмовать на Волге Царицын...

На совещании в станице Мечетинской присутствующие в итоге пришли к следующему: Добровольческая армия повторяет свой поход на Екатеринодар и совместно с казаками-повстанцами занимает его. После этого от красных войск очищаются Кубанская и Терская области, весь Северный Кавказ. Только после этого добровольцы оказывают помощь Донской казачьей армии в операциях на царицынском направлении. В перспективе виделся совместный поход на Москву.

Краснов настаивал на немедленном выступлении добровольцев в поход на Кубань. Но Деникин и Алексеев были категорически против этого:

— Бойцам нашей армии нужен хотя бы месяц отдыха. Части надо снарядить, пополнить, довооружить...

«Ледяной» поход научил многому. Чтобы укрепить боевую силу Добровольческой армии, требовалось строжайшее разделение власти над ней. Так появился своеобразный «дуализм» в лице генералов Алексеева и Деникина. В компетенции первого находились общее политическое руководство, внешняя политика и финансовая сторона. У второго оставалось верховное управление армией и непосредственное командование.

Подобных примеров «дуализма власти» история знает немало. Но в данном случае он оказался на удивление прочным. И, прежде всего, во многом благодаря такту умудренного жизненным опытом Алексеева.

Генералы стали проводить наращивание боевой силы Белой армии, стараясь закончить это дело как можно скорее. Прежде всего, они настаивали на том, чтобы Добро-

вольческая армия оказалась «вне» политических течений. Алексеев не раз повторял:

– Отношение к Добровольческой армии ухудшается в связи с увлечениями некоторых офицеров политикой, навойливой бравадой, монархическими идеями...

Решал вопрос с чиноположением. В частях сплошь и рядом наблюдалось такое, например, необычное явление: офицеры в капитанском чине служили рядовыми, а их ротой командовал пусть и боевой, но поручик. Алексеев предложил не менять начальников, а записать в положении о добровольчестве следующее:

– Добровольцы прикрепляются к армии морально, а не юридически...

Генералы торопились со скорейшим выступлением во Второй Кубанский поход. Они понимали, что долгое бездействие действует на самую дисциплинированную и боеспособную армию разлагающе. Оказавшись в тылу, не у дел, войска, еще вчера творившие на поле брани чудеса, теряют свою силу.

Об этом хорошо сказано белоэмигрантом донским атаманом Красновым в его мемуарах «Всевеликое войско Донское».

«...Обе столицы Донского войска – Ростов и Новочеркасск – стали тылом добровольческой армии. Это уж такой непреложный закон всякой армии, как бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отбор ее представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное уходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любитесь мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Неженцевы, там – красота, благородство и героизм.

Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все жаждущее не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от

этих денег, здесь продают «добычу», здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно не известные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден, – здесь сидят люди в ловко сшитых черкесах, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы, – здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет...

В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли и шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск...»

Алексеев вновь ищет средства для финансирования Добровольческой армии. Ее требовалось прокормить, обмундировать и обусть. Михаил Васильевич пишет письмо Миллюкову:

«...Если армия не добудет срочно 10 миллионов рублей, то есть почти двухмесячное ее содержание, то ее придется распустить».

Алексеев демонстрирует просто чудеса в добывании средств. После долгих мытарств, от союзной Франции были получены эти 10 миллионов рублей. Деньги передал подпольный «Национальный центр».

По-прежнему сложными оставались отношения добровольцев с Донской армией, которая продолжала «состоять на довольствии у германского командования». Ее командующий генерал-майор С. В. Денисов публично назвал Добровольческую армию «странствующими музыкантами».

Когда его слова передали Деникину, тот, не сдержавшись, сказал в присутствии подчиненных:

– Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит...

Денисов не остался в долгу:

– Если Войско Донское – проститутка, то Добровольческая армия – кот, живущий у нее...

Однако такая словесная дуэль между начальствующими чинами не мешала сотрудничеству. Атаман Краснов по-

могал Добровольческой армии многим, прежде всего тем, что донскому казачеству давали немцы. Оружие, пришедшие от германцев с Украины, через Новочеркасск на грузовых автомобилях степью, отправлялось на железнодорожную станцию Кагальницкую. Немецкое командование знало об этом, но закрывало глаза.

Известно, что за первые полтора месяца немцы передали Донской армии из своих «российских» трофеев 11 651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов (в основном системы «Максим»), 109 104 артиллерийских снаряда и 11 594 721 ружейный патрон. Это было в основном имущество русского Юго-Западного фронта. Много было передано Доном Добровольческой армии.

Алексеев не знал покоя, «обеспечивая» боеспособность белых войск в политическом, финансовом, административном, внешнеполитическом и иных отношениях. Деникин же весь ушел в дела, связанные с реорганизацией армии. Теперь она перед 2-м Кубанским походом состояла из трех пехотных дивизий, одной конной и кубанской конной бригады. Поход «прикрывался» четырьмя бронепоездами: «Офицер», «Единая Россия», «Генерал Корнилов» и «Вперед, за Россию».

Деникин писал с теплотой и признательностью:

«Щепетильность в этом отношении генерала Алексеева была удивительна – даже во внешних проявлениях. Помню, в мае в Егорлицкой, куда мы приехали оба беседовать с войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад, предоставив это мне и утверждая, что «власть и авторитет командующего не должны ничем уმაляться». Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за мной. Кажется, только один раз, после взятия Екатеринодара, я убедил его принять парад дивизии Покровского, сказав, что я уже смотрел ее.

В то же время на всех заседаниях, конференциях, совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

В начале июня, перед выступлением моим в поход (2-й Кубанский. – А. Ш.) генерал Алексеев перешел из Мечетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни Юга. Его присутствие требовалось там в интересах армии. Работая с утра до вечера, он вел сношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с Доном и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии».

Добровольческая армия выступила в свой 2-й Кубанский поход без «зачинателя» Белого дела. Он остался в столице Дона с целью организации управления освобождаемого от большевистской власти российского Юга. При генерале Алексееве создается военно-политический отдел, во главе которого был поставлен полковник Генерального штаба Лисовой.

Военно-политический отдел стал рабочим органом при верховном руководителе Добровольческой армии. Он состоял из 13 человек, в том числе семи офицеров. Алексеев имел собственные разведотделение и контрразведотделение, комендантскую часть, конвой и автомобильную команду.

Из Новочеркаска Михаил Васильевич налаживал сбор добровольцев в теперь уже деникинскую армию. Формированием пополнений занимались только те лица, которые имели собственноручные письменные полномочия Алексеева. Его все чаще на страницах печати стали называть верховным руководителем Добровольческой армии.

Политическая деятельность Алексеева нажила ему немало врагов из числа бежавших от советской власти думских политиканов и общественных деятелей правого толка. Деникин вспоминал в своих мемуарах:

«...На Дону были попытки организации государственной власти и возглавления добровольческого движения, встретившие отпор со стороны генерала Алексеева: Родзянко вместе с проживавшими в Ростове и Новочеркасске общественными деятелями усиленно проводил идею созы-

ва Верховного совета из членов всех четырех дум. Присылал гонцов и в мою ставку. Писал мне о необходимости «во что бы то ни стало осуществить (эту) идею», так как «в этом одном спасение России».

Но при этом, к моему удивлению, ставил «непременным условием, чтобы М. В. Алексеев был абсолютно устранен из игры». Я отметил, что общее политическое руководство армией находится в руках М. В., к которому и следует обратиться по этому вопросу непосредственно...

Алексеева я не посвятил в нашу переписку – и без того между ним и Родзянко существовали враждебные отношения».

Верховному руководителю Добровольческой армии начиная с лета 1918 года пришлось столкнуться с неприязненным отношением к нему монархического союза «Наша Родина». Союз стал действовать в Киеве, имея руководителем герцога Лейхтенбергского, боевого офицера Черноморского флота, отличившегося в Первой мировой войне при овладении Кавказской армией турецкого портового города Трапезунда.

Монархисты считали бывшего начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего «губителем» российской императорской династии. И пытались наставить Михаила Васильевича на «путь истинный».

«Рыцарь монархии и династии Романовых» граф Ф. А. Келлер, генерал от кавалерии, в конце Мировой войны командовавший 3-м конным корпусом (10-я кавалерийская, 1-я Донская казачья и 1-я Терская казачья дивизии) и предложивший императору Николаю II силой подавить «революционный бунт» в Петрограде, списался с Алексеевым. Келлер, будучи человеком прямым и чуждым всяких политических интриг, писал в Новочеркасск:

«Верю, что Вам, Михаил Васильевич, тяжело признаться в своем заблуждении; но для пользы и спасения родины и для того, чтобы не дать немцам разрознить последнее, что у нас еще осталось, Вы обязаны на это пойти, покаяться откровенно и открыто в своей ошибке (которую я лично все же предписываю любви Вашей к России

и отчаянию в возможности победоносно окончить войну) и объявить всенародно, что Вы идете за законного царя».

Ответы Алексеева графу Келлеру не сохранились, и в белоэмигрантской литературе о них не говорится. Но известно, что Михаил Васильевич так отзывался о нем:

– Этот генерал заслуживает всяческого доверия добровольцев. Уже одно то, что он имеет Георгиевские кресты 3-й и 4-й степеней, говорит положительно.

Когда Киев окружили войска Симона Петлюры, генерал Келлер взял на себя руководство обороной города. Но, поняв невозможность сопротивления, распустив подчинившиеся ему вооруженные отряды. После занятия города петлюровцами он был расстрелян на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому. Известие об этом сильно опечалило Алексеева:

– Ведь мы же предлагали графу вступить в ряды добровольцев. Но ему помешало то, что он свято верил в монархию...

Союз «Наша Родина» попытался расколоть на российском Юге Белое движение. К Добровольческой армии монархисты относились так, как было сказано в одном из уставочных документов союза:

«Самой армии не трогать, а при случае подхваливать, но зато всемерно, всеми способами травить и дискредитировать руководителей армии. Для России и дела ее спасения опасны не большевики, а Добровольческая армия, пока во главе ее стоит Алексеев...»

Практическими делами противников Добровольческой армии в лице Деникина и особенно Алексеева стало создание в конце 1918 года двух монархических армий общей численностью 20 тысяч человек. Это были «Особая Южная армия» (или «Южная Российская») и «Астраханская армия». Во главе первой из них был старый знакомый Алексеева генерал от артиллерии Н. И. Иванов, бывший командующий Юго-Западным фронтом.

Иванов стал в ходе Гражданской войны союзником донского атамана Краснова. Его «Особая Южная армия» в составе трех корпусов – Воронежского, Астраханского и Са-

ратовского – вела бои с красными войсками на воронежском и царицынском направлениях. (Добровольцы в это время сражались на Кубани и Северном Кавказе.) Обе армии монархистов понесли большие потери, и весной 1919 года их остатки влились в ряды деникинских войск.

Эти две армии имели отличительные от добровольцев нарукавные шевроны – императорские бело-черно-желтые. А добровольцы носили «углы» государственных цветов – бело-сине-красные.

Алексеев, узнав о начале формирования новых белых армий, был очень расстроен. Он прекрасно понимал, что это раскол военных сил Белого движения, поскольку и «Особая Южная армия», и «Астраханская армия» строились на добровольческой основе. И тысячи офицеров и других добровольцев оказались не под командованием генерала Деникина.

Больше всего Михаила Васильевича опечалило то, что ряды Добровольческой армии покинуло немало офицеров твердых монархических убеждений. Одним из них оказался «первопроходец» штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка Парфенов, первый командир Юнкерского батальона, отличившийся в боях за Ростов. Парфенов специально прибыл в Новочеркасск, чтобы представиться верховному руководителю Добровольческой армии, который хорошо знал его лично, по случаю убийства:

– Ваше превосходительство, позвольте вам представиться по случаю ухода из Добровольческой армии.

– Василий Дмитриевич, я уже знаю о вашем решении. Но ведь вы были командиром первой воинской части Белой армии, ее Сводно-офицерской роты. А потом доблестно командовали Юнкерским батальоном.

– Тогда под Ростовом и Екатеринодаром, уважаемый Михаил Васильевич, я дрался за нашу поруганную Россию. Теперь я хочу сражаться за восстановление в ней монархии.

– Вы убежденный монархист?

– Точно так. Ведь я потомственный дворянин. Офицерские погоны получил на фронте.

– Об этом я знаю. Лучшее свидетельство вашей фронтовой доблести – четыре солдатских Георгия. И куда вы теперь уходите?

– В добровольческую Астраханскую армию. Хотя она только образуется, но в ней уже много моих друзей. Особенно из полков лейб-гвардии.

– Приглашение получили, должно быть, из Киева?

– Да, от герцога Лейхтенбергского.

– Какую вам у астраханцев обещали должность?

– Пока никакой. Я готов сражаться за династию Романовых и рядовым пехотным стрелком.

– Василий Дмитриевич, мне очень жаль, что ряды Добровольческой армии покидает не просто боевой офицер, а «первопроходец».

– Но вы понимаете, ваше превосходительство, что со сторонниками республиканской России с ее Учредительным собранием мне и таким, как я, просто не по пути.

– Господин штабс-капитан. Я никоим образом не пытаюсь повлиять на ваши нравственные пути. Скажу одно: обратный путь в ряды Добровольческой армии для вас, «первопроходца» и георгиевского кавалера, не будет закрыт.

– Благодарю за эти слова, Михаил Васильевич. Разрешите попрощаться с вами. Честь имею.

Алексеев мог понять умонастроения монархистов-офицеров, таких как Парфенов. Настроение Добровольческой армии было «республиканским», и не случайно в Корниловском полку пели «свою» песню, которая называлась «Царь нам не кумир».

Гвардейский штабс-капитан Парфенов сражался в рядах белой Астраханской армии с мая 1918 года по начало 1919-го. После ее организационной ликвидации вернулся в Добровольческую армию, в Сводно-гвардейский полк. Там он вскоре, имея чин капитана, стал начальником команды конных разведчиков 3-го батальона того же полка...

2-й Кубанский поход начался для Добровольческой армии успешно. После взятия Екатеринодара, началось наступление в районе Ставрополь – Армавир – Невинномысская. Потом потери добровольческих дивизий в боях на Се-

верном Кавказе были огромны: из строя выбыло до трети личного состава.

Но одновременно начался приток в ряды Белой армии кубанского казачества. Одной из причин было то, что красные стали подвергать полному разгрому казачьи станицы. Так, чтобы наказать станицу Ново-Покровскую «за измену советской власти», по ней было выпущено до тысячи артиллерийских снарядов, причем целями избирались жилые дома...

Алексеев старался как только мог снять с командующего Добровольческой армией лишние «нагрузки». Так, он разрабатывает условия денежного довольствия и вознаграждения армейским чинам. Теперь ее чины стали получать суточные за время боевых действий: рядовые – 1 рубль, младшие офицеры – 1 рубль 50 копеек, командир роты – 2 рубля 50 копеек, командир полка – 4 рубля. Семейные офицеры дополнительно к жалованью получали в месяц сто рублей. Родителям погибшего добровольца, если они были старше 60 лет, полагалось пособие в одну тысячу рублей.

При командующем Добровольческой армией был создан правительственный орган, получивший название «Особого совещания». Так Михаил Васильевич Алексеев стал первым главой «добровольческого правительства» на Юге России. Постоянными членами Особого совещания являлись Деникин, его первый помощник Драгомиров и второй помощник Лукомский.

В число постоянных членов входили и все управляющие отделами Особого совещания. Их было при Алексееве десять: Государственного устройства, Внутренних дел, Дипломатический, Финансовый, Торговли и промышленности, Земледелия, Путей сообщения, Юстиции, Продовольствия и снабжения и Народного просвещения. Управляющие отделами Особого совещания исполняли функций отдельных министерств.

Задачами правительствующего Особого совещания стали следующие: разработка законодательных актов по восстановлению государственного управления и самоуправле-

ния в освобожденных от красных областях, работа по воссозданию великодержавной России, сношения с союзниками...

Одним из главных вопросов являлся, разумеется, финансовый. Сохранилась стенограмма выступления генерала Алексеева 10 июня 1918 года на совещании с правительством Кубанской области в городе Новочеркасске:

«Теперь у меня есть четыре с половиной миллиона рублей. Считаю поступающие от донского правительства 4 миллиона, будет восемь с половиной миллионов. Месячный расход выразится в 4 миллиона рублей. Между тем, кроме указанных источников (ожидание 10 миллионов от союзников и донская казна), денег получить неоткуда...»

За последнее время получено от частных лиц и организаций всего 55 тысяч рублей. Ростов, когда там был приставлен нож к горлу, обещал дать 2 миллиона...

Но когда немцы обеспечили жизнь богатых людей, то оказалось, что оттуда ничего не получим...

Мы уже решили в Ставропольской губернии не останавливаться перед взиманием контрибуции, но что из этого выйдет, предсказать нельзя...»

В эмиграции Деникин писал, вспоминая о том времени:

«Генерал Алексеев выбивался из сил, чтобы обеспечить материально армию, требовал, просил, грозил, изыскивал всевозможные способы, и все же существование ее висело на волоске. По-прежнему главные надежды возлагались на снабжение и вооружение средствами... большевиков.»

Михаил Васильевич питал еще большую надежду на выход наш на Волгу. «Только там могу я рассчитывать на получение средств, – писал он мне. – Обещания Парамонова... в силу своих отношений с царицынскими кругами обеспечить армию необходимыми ей денежными средствами разрешат благополучно нашу тяжкую финансовую проблему.»

В таких тяжелых условиях протекала наша борьба за существование армии. Бывали минуты, когда казалось, все рухнет, и Михаил Васильевич с горечью говорил мне:

– Ну что же, соберу все свои крохи, разделю по-братски между добровольцами и распущу армию...»

Командир Партизанской дивизии полковник А.Г. Шкуро, соединившийся с войсками генерала Деникина в июне 1918 года, счел своей обязанностью представиться Верховному руководителю. Их встреча состоялась в станице Тихорецкой.

В опубликованных в аргентинской столице Буэнос-Айресе «Записках белого партизана», который в годы эмиграции жил во Франции и работал наездником в цирке, так описывается та встреча:

«На другой день в 6 часов утра я отправился к генералу Алексееву. Не видел его с 1916 года, я поразился, как он за это время осунулся, постарел и похудел. Одетый в какой-то теплый пиджачок и без погон, он производил впечатление почтенного, доброго старичка.

Алексеев особенно интересовался настроением крестьян Ставропольской губернии и Минераловодского района. Я доложил, что, по моему мнению, население почти всюду относится отрицательно к большевизму и что поднять его нетрудно, но при непременно условии демократичности лозунгов, а также законности и отсутствии покушения на имущественные интересы крестьян; в частности, необходимо избегать бессудных расстрелов, а также не производить безвозмездных реквизиций.

Касаясь вопроса о настроении казачества, я обратил внимание генерала на прискорбные отношения, установившиеся между Радой и командованием. Алексеев возражил, что нынешний состав Рады не выражает воли населения, а роль ее важна лишь в будущем, когда будет очищена вся Кубань; теперь же Рада является лишь ненужным и бесполезным придатком к штабу армии.

Относительно демократических лозунгов и о том, что Деникин не пожелал беседовать со мной на эту тему, Алексеев отозвался довольно сдержанно: у меня создалось впечатление, что между обоими генералами произошли по этому поводу какие-то недоразумения...»

Политический вес Верховного руководителя Добро-

вольческой армии, бывшей корниловской, а теперь деникинской, был таков, что, его, например, заочно выбрали в состав белого правительства Уфимской директории.

Высказывались пожелания о том, чтобы пригласить генерала Алексеева на должность командующего армией Уфимской директории, сменив генерал-лейтенанта Болдырева, бывшего командующего 5-й армией, члена руководства «Союза возрождения России» и «Национального центра».

Однако для Михаила Васильевича это были последние дни активной деятельности. Он тяжелобольным вместе с сыном-добровольцем Николаем приехал в Екатеринодар, только что захваченный конницей генерала Эрдели. Верховный руководитель Добровольческой армии и председатель Особого совещания поселился в отведенных ему комнатах особняка местного пивовара Ирзы на Екатерининской улице.

Теперь ближайшими помощниками Алексеева в каждодневной напряженной работе становятся Драгомиров и сын Николай, доброволец-«первопроходец». Последний окончил за два года до начала Первой мировой войны Николаевское кавалерийское училище и в звании корнета попал служить в Польшу. Он «отвоевал» в рядах лейб-гвардии Уланского Его Величества полка до самого конца 1917 года. Вместе с полком участвовал в 33 боях, был награжден семью боевыми орденами. Покровительством отца, высокопоставленного генерала, стремился не пользоваться...

Очевидцы последних дней жизни Михаила Васильевича в Екатеринодаре свидетельствуют, что, несмотря на неоднократные предупреждения врачей, он продолжал трудиться.

Есть интересное свидетельство одного из «первопроходцев», командира 1-го офицерского пехотного генерала Маркова полка генерал-майора Тимановского, получившего среди добровольцев прозвище «Железный Степаныч». Он добровольцем-гимназистом прибыл на Русско-японскую войну, стал георгиевским кавалером. Командо-

вал Георгиевским батальоном в могилевской Ставке. Записался в ряды Добровольческой армии в декабре 1917 года, прибыв в Новочеркасск с группой георгиевских кавалеров.

Тимановский виделся с Алексеевым в последние месяцы его жизни. Рассказ о встрече записал один из добровольцев:

«Генерал Тимановский инстинктивно предчувствовал близкую смерть и затеял весь разговор с целью передать слова генерала Алексева кому-то другому, чтобы они не исчезли бесследно...»

На одной из днейок я по делам службы явился к генералу Тимановскому, начальнику дивизии. По окончании доклада генерал совершенно неожиданно для меня заговорил о генерале Алексееве, начальнике штаба Ставки Государя Императора.

— Вы ведь знаете, что я командовал Георгиевским батальоном при Ставке. Генерал Алексеев очень любил и ценил меня, не забывал и на Кубани. При редких встречах со мной он в откровенной беседе изливал свою наболевшую душу, — рассказывал генерал Тимановский.

Затем генерал придвинул свой стул ближе ко мне и продолжал:

— Однажды вечером генерал Алексеев и я сидели на скамейке дома, в одной из станиц на Кубани. Мы погрузились в свои думы. Генерал Алексеев поднял голову, тяжело вздохнул и промолвил: «Николай Степанович! Если бы я мог предвидеть, что революция выльется в таких формах, я бы поступил иначе».

И генерал Тимановский прибавил от себя:

— Старик не предвидел возможности гражданской войны, а теперь предчувствовал ее катастрофический исход.

В несвязном разговоре генерал Тимановский проронил слова:

— Старика мучили угрызения совести, он жалел...»

Между тем состояние здоровья Алексеева стало резко ухудшаться. После осмотра врачами генерала поместили в местный военный госпиталь. Уже будучи лежащим боль-

ным, Алексеев продолжал сохранять за собой функции Верховного руководителя Добровольческой армии и председателя Особого совещания.

Утром 25 сентября 1918 года командующий Добровольческой армией Деникин получил от своего заместителя генерала Драгомирова записку следующего содержания:

«У Михаила Васильевича началась агония. Конец может наступить ежеминутно».

К вечеру того же дня Михаил Васильевич Алексеев скончался.

В тот же день генерал-лейтенант Деникин приказом по армии принял на себя должность главнокомандующего Добровольческой армией, юридически закрепив объединение власти и управления. Рядом не было теперь человека, равного по авторитету и способностям, ушедшему из жизни бывшему Верховному главнокомандующему...

Похороны «зачинателя Белого дела» прошли в городе Екатеринодаре 27 сентября с соблюдением всех воинских почестей, которые полагались генералу от инфантерии, бывшему Верховному главнокомандующему России и георгиевскому кавалеру. Сына сверхсрочнослужащего Николаевского солдата похоронили в войсковой усыпальнице кубанского казачества — в Екатеринодарском войсковом соборе.

В связи со смертью Михаила Васильевича Алексеева выпшел «прощальный» приказ по Добровольческой армии, Верховным руководителем которой он являлся до последнего дня своей жизни. Приказ гласил:

«Приказ № 1

*Главнокомандующего Добровольческой армии
город Екатеринодар,
сентябрь 25-го дня, 1918 года.*

Сегодня окончил свою полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни — он принес в жертву служения Родине. Тяже-

лая ляжка строевого офицера, ученый труд, боевая деятельность офицера Генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну – вот его крестный путь. Путь, озаренный кристальной честностью и героической любовью к Родине – великой и растоптанной.

Когда не стало Армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верой в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой армии продолжать его жертвенный подвиг до конца пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли.

*Главнокомандующий Добровольческой армии
Генерал-лейтенант Деникин».*

Имя Алексеева осталось почитаемым в рядах белой Добровольческой армии до последних дней ее существования. Бывший Партизанский пеший полк, сформированный из донских партизан и воевавший во 2-м Кубанском походе в составе 2-й пехотной дивизии генерала Богаевского, получил именное шефство. Это было в традициях старой Русской армии. Теперь полк назывался Партизанским генерала Алексеева пехотным полком.

В ноябре 1918 года появилась первая Алексеевская артиллерийская батарея. Ею стала 2-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона.

Именем генерала стала называться одна из дивизий Добровольческой армии – Алексеевская пехотная. Отличительной чертой формы алексеевцев стали фуражки с белой тульей и черным околышем с тремя красными выпушка-

ми. Черные погоны имели красные выпушки и просветы. Весь личный состав частей имени генерала Алексеева получил шефскую литеру «А» славянской вязью.

Для награждения личного состава 1-го Конного генерала Алексеева полка был учрежден специальный знак. Он представлял собой крест с прямоугольными лучами и с возложенным на него терновым венцом, перекрещенный мечом. В центре знака – начальная буква фамилии генерала – «А». На верхнем луче креста дата – «1917».

...В начале 1920 года, во время отступления Вооруженных сил Юга России, вдова генерала Анна Николаевна, дочь Вера Михайловна и зять Михаил Константинович Борель настояли на том, чтобы прах Алексеева был перевезен в православную Сербию, тогда часть Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. Просьба была выполнена командованием Добровольческой армии.

Ныне на Новом кладбище в сербской столице стоит скромный памятник русскому полководцу Михаилу Васильевичу Алексееву, кавалеру 16 российских и 12 иностранных воинских наград. Кавалеру военного императорского ордена Святого великомученика и победоносца Георгия. Стратегу Первой мировой войны. Идеологу и зачинателю Белогр движения. Человеку, стоявшему у истоков Гражданской войны в России.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

1857, 3 ноября – родился в семье армейского офицера.

1873 – не окончив Тверскую классическую гимназию, поступил вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Ростовский полк.

1876 – закончил Московское пехотное юнкерское училище. В чине прапорщика был выпущен в 64-й пехотный Казанский полк.

1877–1878 – участвовал в Русско-турецкой войне на территории Болгарии.

1885–1887 – командовал ротой 64-го пехотного Казанского полка.

1887 – поступил в Николаевскую академию Генерального штаба.

1890 – успешно закончил академию по 1-му разряду. Служба в штабе Санкт-Петербургского военного округа. Старший адъютант 1-го Армейского корпуса.

1890–1891 – преподавал курс военной администрации в Николаевском кавалерийском училище.

1892 – в «Военных беседах» (выпуск 12-й) опубликована работа «Действия отдельного Кавказского корпуса от начала кампании 1877 г. до снятия осады Карса в июне месяце».

1894–1904 – служба в Главном штабе на должностях младшего и старшего делопроизводителя канцелярии Военно-ученого комитета (ВУК), начальника оперативного (генерал-квартирмейстерского) отделения. Прохождение цензового командования батальоном. Начало преподавательской деятельности в Николаевской академии Генерального штаба по кафедре русского военного искусства.

1903 – в Санкт-Петербурге опубликован военно-научный труд «Штурм Карса в ночь с 5 на 6 нояб. 1877».

1904 – удостоен звания заслуженного ординарного профессора Николаевской академии Генерального штаба. В том же году произведен в чин генерал-майора.

1904, 30 октября – назначен генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. Участвовал в Мукденском сражении. Награжден почетным золотым оружием «За храбрость».

1906 – назначен на должность 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

1908, 30 августа – произведен в чин генерал-лейтенанта. Назначен начальником штаба Киевского военного округа.

1908, 16 декабря – избран почетным членом конференции Николаевской Императорской военной академии.

1912, июль – назначен командиром 13-го армейского корпуса Московского военного округа.

1914, 19 августа – назначен начальником штаба армий Юго-Западного фронта (главнокомандующий генерал Н. И. Иванов).

1914, сентябрь – награжден военным орденом Святого Георгия 4-й степени.

1914, 24 сентября – произведен в чин генерала от инфантерии.

1915, 17 марта – назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта.

1915, 4 августа – назначен главнокомандующим армиями новообразованного Западного фронта.

1915, 18 августа – по личному выбору императора Николая I назначен начальником штаба Верховного главнокомандующего. Фактически возглавил стратегическое руководство действиями Русской армии в Первой мировой войне.

1916 – пожалован званием генерал-адъютанта Свиты его императорского величества.

1916, октябрь – 1917, март – находился в отпуске по болезни в городе Севастополе.

1917, февраль – один из главных участников организации отречения императора Николая II от престола.

1917, 1 апреля – Временным правительством назначен Верховным главнокомандующим.

1917, 22 мая – отстранен от верховного командования Русской армией и назначен главным военным советником при Временном правительстве.

1917, 30 августа – назначен начальником штаба нового Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенского.

1917, 11 сентября – подал в отставку, начав работать в Предпарламенте – Совете Российской республики.

1917, сентябрь – приступил к формированию в Петрограде и Москве первых добровольческих офицерских и юнкерских отрядов, создав подпольную военную организацию, получившую название Алексеевской.

1917, 2 ноября – прибытие на Дон. Начало формирования белых добровольческих частей в городе Новочеркасске, столице Области Войска Донского.

1917, декабрь – избран членом «триумvirата» «Донского гражданского совета».

1918 – участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии.

С 18 августа 1918 – Верховный руководитель Добровольческой армии.

1918, 25 сентября – умер в городе Екатеринодаре. Похоронен в 1920 в столице Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев городе Белграде (ныне столица Сербии).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Алексей Шипов. ПОСЛЕДНИЙ СТРАТЕГ	
<i>Роман</i>	9
Хронологическая таблица	522